

**В.Ф. Енгальчев,
С.С. Шипшин**

**ПРАКТИКУМ
ПО СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЕ**

КАЛУЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. К.Э. ЦИОЛКОВСКОГО

В.Ф. Енгалычев, С.С. Шипшин

ПРАКТИКУМ
ПО СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Учебно-методическое пособие для экспертов,
учебное пособие для студентов факультетов психологии
высших учебных заведений

Допущено Советом по психологии
УМО по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению и специальностям психологии

Калуга 2013

УДК 343.95
ББК 67.408
Е 61

Научные рецензенты: профессор кафедры юридической психологии
и военной психологии Южного Федерального университета,
доктор психологических наук, профессор Михайлова О.Ю.,
профессор кафедры общей и социальной психологии
Тюменского государственного университета
доктор психологических наук, профессор Алексеева Л.В.

Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Практикум по судебно-психологической экспертизе:
учебно-методическое пособие для экспертов, учебное пособие студентов факультетов
психологии высших учебных заведений. – 2-е изд., перераб. и доп. – Калуга: КГУ им. К.Э.
Циолковского, 2013. – 288 с.

ISBN 978-5-88725-313-8

© Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С.

© КГУ им. К.Э. Циолковского

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть I. Процессуальные и методические основы проведения судебно-психологической экспертизы.	
1.1. Процессуальные требования к проведению судебно- психологической экспертизы и составлению заключе- ния	7
1.2. Методы судебно-психологической экспертизы	36
Часть II. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе	
2.1. Судебно-психологическая экспертиза несовершенно- летнего обвиняемого	46
2.2. Судебно-психологическая экспертиза свидетелей и потерпевших	59
2.3. Судебно-психологическая экспертиза потерпевших по делам о сексуальных преступлениях	77
2.4. Судебно-психологическая экспертиза юридически значимых эмоциональных состояний	98
2.5. Судебно-психологическая экспертиза по фактам ава- рий на транспорте и производстве	139
2.6. Посмертная судебно-психологическая экспертиза	156
Часть III. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе	
3.1. Судебно-психологическая экспертиза сделкосо- пособности	176
3.2. Судебно-психологическая экспертиза по семейным делам	194
3.3. Судебно-психологическая экспертиза по делам о возмещении морального вреда	226
Часть IV. Технология проведения судебно-психологической экспертизы	248
Заключение	280
Список использованной литературы	281
Об авторах	284

Предисловие

Судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) является одним из наиболее разработанных и внедренных в судебную и следственную практику направлений юридической психологии. Ежегодно в стране производится несколько тысяч однородных судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз. В России сложилась система государственных судебно-экспертных учреждений (Минздрава и Минюста), в которых производится большая часть выполняемых судебно-психологических и психолого-психиатрических экспертиз. Также экспертизы выполняются психологами, назначаемыми судами и органами следствия в качестве экспертов по конкретным уголовным и гражданским делам экспертами; как показывает практика, они не являются сотрудниками государственных экспертных учреждений, а работают в ВУЗах, психологических центрах, других организациях (в том числе негосударственных).

Сложность экспертной деятельности заключается в том, что решение экспертных задач, ставящихся перед психологами работниками следствия и суда, требует не только специальных знаний в области психологии. Судебный эксперт должен хорошо знать теорию и методологию судебной экспертизы, владеть специальными экспертными методиками решения диагностических, классификационных и идентификационных задач, вытекающих из вопросов, ставящихся на разрешение эксперту. Он должен уметь проводить ситуалогический анализ, поскольку им ретроспективно (постфактум) решается проблема оценки состояния психики человека в юридически значимой ситуации (в момент совершения им или в отношении него преступления, в зависимости от его процессуальной роли). Судебный эксперт должен уметь применять в своей практической деятельности знания основ уголовного и гражданского права и процесса. Если говорить о психологических знаниях, то и здесь эксперт должен хорошо знать смежные отрасли психологии и других наук. Так, он обязан владеть глубокими познаниями в общей, дифферен-

циальной, возрастной, социальной психологии, психодиагностике, клинической и патопсихологии, психофизиологии, инженерной психологии, с одной стороны, и в психиатрии (в том числе, судебной), наркологии, лингвистике и психолингвистике, криминологии; владеть необходимыми методами математического анализа, с другой. Этот перечень открыт, поскольку нельзя раз и навсегда выделить частные экспертные задачи, возникающие в практике...

Исходя из этого, закономерно следует вывод о том, что судебным экспертом можно стать только после длительного периода обучения этому ремеслу. Как показывает практика, независимо от класса и рода судебных экспертиз, период становления эксперта составляет от 3 до 5 лет. Однако это не значит, что после пяти лет профессионального, каждодневного занятия производством экспертиз эксперт-психолог в состоянии легко решать все возникающие проблемы. Судебная и следственная действительность часто ставит перед экспертом столь трудно разрешимые задачи, что успешное их решение зависит постоянной работы над уровнем своей компетентности. Кроме того, развитие психологии, ее теории и методов, со своей стороны, заставляют эксперта постоянно повышать свой профессиональный уровень.

В связи с этим при подготовке предлагаемого вашему вниманию учебного пособия перед нами возник вопрос, как реализовать принцип практикума, т.е. учебного издания, содержащего практические занятия и упражнения для усвоения пройденного материала? Взять за основу принцип «задачника» и пойти по пути постановки задачи и предложения всех условий (в случае психологической экспертизы - это протоколы экспертного исследования, а именно – бесед, различных психодиагностических методов и т.п.)? Или закреплению материала будет служить показ логики формирования заключения и выводов эксперта на конкретных случаях из практики? В первом случае это был бы вариант практикума по психодиагностике, поскольку экспертное исследование включает в себя психодиагностическое обследование испытуемого (подэкспертного). Этот вариант, несомненно, служит задачам получения навыков проведения психодиагностического обследования (в том

числе экспертного). Но нам представляется в данном случае более правильным показать, как на основании результатов проводимого спустя значительное время после произошедших событий (как правило, недели и месяцы, а иногда и годы) исследования формируется заключение о состоянии психики человека (его способностях, возможностях, эмоциональных состояниях) в юридически значимой ситуации, т.е. в прошлом.

Для этого нами приводятся примеры психологических экспертиз различных видов, которые позволяют увидеть процесс формирования заключения эксперта. В некоторых разделах приведены задачи, которые позволят почувствовать себя экспертом и прийти к заключению и сформулировать выводы. Для того чтобы это было сделать более легко, в первой части, наряду с примерами, даются некоторые теоретические положения.

Предлагаемое учебное пособие включает в себя четыре части: процессуальные и методические основы проведения судебно-психологической экспертизы; судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе; судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе; технология проведения судебно-психологической экспертизы (этого раздела не было в предыдущем издании). Мы постарались на примере показать, что такое производство СПЭ, из каких этапов оно состоит, что каждый этап включает в себя. Мы во второй раз (первый, когда готовили первое издание практикума) побороли искушение осветить в этой книге новые направления психологической экспертизы, которые еще не оформились окончательно в виды СПЭ. Это связано с тем, что методологические и методические аспекты в этих направлениях еще не до конца решены. Поэтому мы остановились на «классическом» подходе, который разработан и развит М.М. Коченовым, Ф.С. Сафуановым, И.А. Кудрявцевым, О.Д. Ситковской, Л.П. Конышевой, Е.Г. Дозорцевой и др., дополненным разделом о психологической экспертизе в гражданском процессе.

ЧАСТЬ I. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

1.1. Процессуальные требования к проведению судебно- психологической экспертизы и составлению заключения

Из нормативно-правовых и процессуальных документов следует, что **судебная экспертиза** является процессуальным действием, состоящим из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем или прокурором, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст.9 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 г.).

Заключение судебной экспертизы имеет доказательственное значение, на что указывает ст. 74 УПК РФ (соответствующие статьи имеются в других процессуальных кодексах – гражданском, арбитражном, таможенном): доказательствами по уголовному делу, наряду с другими, могут являться **заключение** и показания эксперта (о том, что представляет собой заключение эксперта, несколько позже).

В определении судебной экспертизы мы встречаемся с понятием «**эксперт**». Как следует из Уголовно-процессуального кодекса РФ, **экспертом** является лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч.1 ст.57 УПК РФ). Сходными являются определения эксперта, содержащиеся в ГПК РФ, АПК РФ.

Как и любое другое процессуальное лицо, эксперт обладает **правами и обязанностями**. Так, он **вправе**:

- знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- участвовать с разрешения дознавателя, следователя, прокурора и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права;
- отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения.

При этом эксперт **не вправе**:

- без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;
- самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;
- проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств;
- давать заведомо ложное заключение;
- разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в установленном законом порядке.

Об **обязанностях** эксперта более подробно говорится в Гражданском процессуальном кодексе (ГПК РФ). Так, согласно ч.1 ст.85, «эксперт обязан принять к производству порученную ему судом экспертизу и провести полное исследование представленных материалов и документов; дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам и направить его в суд, назначивший экспертизу; явиться по вызову суда для личного участия в судебном заседании и ответить на вопросы, связанные с проведенным исследованием и данным им заключением. В случае если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, либо материалы и документы непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения, эксперт обязан направить в суд, назначивший экспертизу, мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение».

Как видим, существует некоторое отличие в понимании прав и обязанностей в УПК и ГПК РФ. Например, если согласно УПК РФ (а также АПК РФ – административному процессуальному кодексу), эксперт **вправе** «отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения», то по нормам ГПК РФ, при аналогичных обстоятельствах эксперт уже **обязан** «направить в суд, назначивший экспертизу, мотивированное сообщение в письменной форме о невозможности дать заключение». К **обязанностям** эксперта дача мотивированного сообщения о невозможности дать заключение отнесена и 73-ФЗ от 31.05.2001 г. При этом имеется существенное отличие нормы ГПК РФ от нормы 73-ФЗ. Если ГПК в качестве оснований для дачи сообщения о невозможности дать заключение определяет: выход поставленных вопросов за пределы специальных знаний эксперта; непригодность или недостаточность материалов и документов для исследования и дачи заключения, то 73-ФЗ указывает на очень важное условие: «и эксперту отказано в их дополнении». Это означает, что эксперт должен был использовать данные ему соответствующим процессуальным зако-

ходательством права, в том числе право на ходатайство о предоставлении дополнительных материалов и только в том случае, когда ему было в этом отказано, он обязан направить СВДЗ. В противном случае действия эксперта противоречат ст.8 73-ФЗ об объективности, всесторонности и полноте исследований.

АПК РФ в меньшей степени обязывает эксперта – ограничивается лишь тем, что «лицо, которому поручено проведение экспертизы (*эксперт – авт.*), обязано по вызову арбитражного суда явиться в суд и дать объективное заключение по поставленным вопросам» (ч.2 ст.55 АПК РФ).

В отличие от экспертов в других сферах общественной жизни (проводящих гуманитарные, социальные, социально-психологические и иные экспертизы), судебный эксперт несет **уголовную ответственность**:

- за дачу заведомо ложного заключения;
- за разглашение данных предварительного расследования.

Прежде чем рассмотреть процессуальные требования к заключению эксперта, обратимся вновь к понятию «эксперт». Экспертом является лицо, обладающее специальными знаниями. Каким образованием и какими знаниями должен обладать судебный эксперт-психолог?

Согласно ст.13 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31.05.2001 г., государственным судебным экспертом может быть «гражданин Российской Федерации, имеющий *высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности* в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти...». Какое высшее профессиональное образование будет необходимым для эксперта-психолога? Сориентироваться в этом позволяет приказ Директора РФЦСЭ при Минюсте России № 15/1 от 28 января 2011 г. «О Перечне специальностей высшего профильного образования в Системе добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы», согласно

которому эксперт-психолог должен иметь высшее образование по одной из следующих специальностей:

- направления подготовки магистров: 030300 Психология (только магистры);

- специальности подготовки дипломированных специалистов: 030301 Психология; 030302 Клиническая психология; 050703 Дошкольная педагогика и психология; 050706 Педагогика и психология; 050716 Специальная психология.

В то же время, наличие высшего образования не тождественно «специальным знаниям» Представление о содержании специальных знаний эксперта-психолога раскрывает Ф.С. Сафуанов сквозь призму компетентностного подхода, разделяя компетенции на две группы: 1) относящиеся к общим (универсальным, ключевым, надпрофессиональным); 2) обозначаемые как предметно-специализированными (профессиональными)¹. Ниже приводятся компоненты модели судебного эксперта-психолога, разработанные на кафедре клинической и судебной психологии факультета юридической психологии МГППУ.

А. Знание и понимание:²

1. Теории и методологии производства судебных экспертиз с участием психолога, специфики предметных видов судебных экспертиз в уголовном и гражданском процессах.

2. Основных методов (герменевтических, качественных и количественных) судебно-психологического экспертного исследования.

3. Организационно-правовых основ и этических принципов производства судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях и при производстве негосударственных (частных) экспертиз.

¹ Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы./ журнал «Психология и право», №2, 2011. – www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196

² См. там же

4. Отношений между теорией судебной экспертологии, научными исследованиями в общей, клинической и юридической психологии и практикой проведения судебных экспертиз с участием психолога.

5. Разделов психологии, психиатрии, права и других смежных наук, необходимых для судебно-психологической экспертной практики.

Б. Интеллектуальные навыки:

1. Владение методами (герменевтическими, качественными и количественными) судебно-психологического и клинико-психологического исследования.

2. Использование результатов научных исследований в различных областях психологии и смежных наук в судебно-психологической экспертной практике.

3. Аналитическое и критическое мышление, способность решать профессиональные задачи в разнообразных судебно-экспертных ситуациях.

4. Развитие способности к мета-анализу³ судебно-психологической экспертной практики.

5. Использование полученных психологических профессиональных знаний в различных формах в практике расследования преступлений и судопроизводства.

В. Практические навыки

1. Умение самостоятельно провести судебно-психологическое экспертное исследование и составить заключение эксперта в соответствии с нормативно-правовыми документами.

2. Умение входить в продуктивный контакт с подэкспертными, в том числе с лицами с психическими расстройствами.

³ Метаанализ (мета-анализ) представляет собой особый тип синтеза информации, применяемый в процессе оценивания. Статистика при данном способе анализа используется для общей сводки, синтеза и интегрирования полученных в ходе эмпирических исследований данных. Совмещая результаты различных исследований, мета-анализ позволяет увеличить положительный эффект от использования статистики и получить более точные результаты.

3. Умение применять различные стратегии взаимодействия и коммуникации с подэкспертными в зависимости от вида судебной экспертизы (уголовный или гражданский процесс), процессуального статуса подэкспертного (обвиняемый, потерпевший, свидетель, истец, ответчик), уровня его возрастного психического развития, пола, психического состояния и установок по отношению к экспертизе (симуляция и ее разновидности).

4. Умение строить взаимодействие с подэкспертным лицом с учетом его прав и обязанностей, базисных этических принципов судебно-экспертного исследования живых лиц.

5. Умение эффективно взаимодействовать с органом или лицом, назначающим судебную экспертизу, а также с судебными экспертами-психологами и экспертами смежных специальностей (психиатрами, сексологами, наркологами).

Г. Универсальные умения

1. Излагать свои мысли устно и письменно, аргументировано защищать свою точку зрения во взаимодействии с другими психологами-экспертами, судебно-психиатрическими экспертами, с работниками правоохранительных органов (дознавателями и следователями) и участниками суда (судьями, прокурорами и адвокатами).

2. Планировать и распределять время в зависимости от исследовательских и практических судебно-экспертных задач.

3. Работать с информацией, в том числе и с электронными базами данных, в научно-исследовательской работе и в практике производства судебных экспертиз.

4. Самостоятельность мышления, способность к выработке внутреннего убеждения на основе полного, всестороннего и научно обоснованного анализа всех имеющихся данных.

5. Чувство ответственности, умение использовать границы ответственности и компетенции, заданные законодательно и этически.

Читатель, ознакомившись с теми знаниями, навыками и умениями, которые лежат в основе профессиональной компетенции, может оценить свой уровень компетентности, после чего вновь вернуться к процессуальным основам проведения судебной экспертизы.

Мы обращали внимание на то, что доказательствами по делу являются заключение и показания эксперта. Согласно ст.80 УПК РФ, **заключением** эксперта являются «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами» (ч.1). **Показания** эксперта – это «сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 настоящего Кодекса» (ч.2).

Если обратиться к самому первому из рассматривавшихся нами понятий - судебной экспертизе, то мы помним, что судебная экспертиза включает в себя два важных процессуальных момента. Следует отметить, что «процессуальный» здесь, как ни парадоксально, имеет двоякий смысл: нормативный (с точки зрения уголовного, гражданского и иного процесса) и психологический (как процесс деятельности, в данном случае профессиональной); при этом психологический смысл заложен в процессуальном документе! Согласно уже цитировавшемуся определению, судебная экспертиза заключается (в психологическом смысле) в *проведении исследования и даче заключения*, т.е. процессуального (в юридическом смысле) документа, который может служить доказательством по делу. Что из себя представляет *заключение* эксперта?

Согласно ст. 204 УК РФ (которая по тексту наиболее полно отражает соответствующее понятие ФЗ) в *заключении эксперта* указываются:

- дата, время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;

- должностное лицо, назначившее судебную экспертизу;
- сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность;
- сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом;
- объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы;
- данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;
- выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

Следует отметить, что столь же подробно описание содержания заключения дано и в АПК РФ (ст.86), менее подробно – в ГПК РФ (ст.86).

Принципиальным, и это указано во всех процессуальных кодексах, является положение о том, что «если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении» (процитировано по ч.2 ст.204 УПК РФ).

В УПК РФ также отмечено, что «материалы, иллюстрирующие заключение эксперта (фотографии, схемы, графики и т.п.), прилагаются к заключению и являются его составной частью» (ч.3 ст.204). На этом моменте мы остановимся отдельно, когда на примере будем рассматривать структуру заключения СПЭ.

Таким образом, рассмотренные понятия, связанные с судебной экспертизой, образно говоря, отвечают на вопрос «*ЧТО*» («что такое»: экспертиза,

эксперт, права и обязанности эксперта, заключение экспертизы, показания эксперта).

Сейчас остановимся на общих понятиях, которые условно объединяет вопрос «КАК», «КАКИМ ОБРАЗОМ». Прежде всего, к ним относятся нормы, регламентирующие порядок назначения судебной экспертизы. В УПК РФ порядок назначения экспертизы рассматривается в ст.195, согласно которой следователем выносится постановление (если речь идет о предварительном следствии), в котором указываются:

- основания назначения судебной экспертизы;
- фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
- вопросы, поставленные перед экспертом;
- материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

Ст. 79 ГПК РФ предусматривает, что «каждая из сторон и другие лица, участвующие в деле, вправе представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертизы. Окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Отклонение предложенных вопросов суд обязан мотивировать». АПК РФ также регламентирует, что «круг и содержание вопросов, по которым должна быть проведена экспертиза, определяются арбитражным судом. Лица, участвующие в деле, вправе представить в арбитражный суд вопросы, которые должны быть разъяснены при проведении экспертизы. Отклонение вопросов, представленных лицами, участвующими в деле, суд обязан мотивировать. Лица, участвующие в деле, вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц или о проведении экспертизы в конкретном экспертном учреждении, заявлять отвод эксперту; ходатайствовать о внесении в определение о назначении экспертизы дополнительных вопросов, поставленных перед экспертом; давать объяснения эксперту; знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение; ходатайствовать о проведении дополнительной или повторной экспертизы» (ч. 2, ч. 3 ст. 82).

Содержание определения суда о назначении судебной экспертизы подробно излагается в ст. 80 ГПК РФ и ст. 82 АПК РФ. Так, ч. 1 ст. 80 ГПК РФ гласит, что «в определении о назначении экспертизы суд указывает наименование суда; дату назначения экспертизы и дату, не позднее которой заключение должно быть составлено и направлено экспертом в суд, назначивший экспертизу; наименования сторон по рассматриваемому делу; наименование экспертизы; факты, для подтверждения или опровержения которых назначается экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; фамилию, имя и отчество эксперта либо наименование экспертного учреждения, которому поручается проведение экспертизы; представленные эксперту материалы и документы для сравнительного исследования; особые условия обращения с ними при исследовании, если они необходимы; наименование стороны, которая производит оплату экспертизы» (в ред. Федерального закона от 28.06.2009 № 124-ФЗ). Следует отметить, что указание на то, что определение суда включает условия оплаты экспертизы, имеется только в ГПК РФ. В ст. 82 АПК РФ, которая по своему содержанию близка соответствующей статье ГПК РФ, подобной ссылки нет, однако, как и в ч.1 ст.80 ГПК РФ указывается «срок, в течение которого должна быть проведена экспертиза и должно быть представлено заключение в арбитражный суд» (ч. 4 ст. 82 АПК РФ). Обращает на себя внимание новое положение, согласно которому «эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до ее проведения. В случае отказа стороны от предварительной оплаты экспертизы эксперт или судебно-экспертное учреждение обязаны провести назначенную судом экспертизу и вместе с заявлением о возмещении понесенных расходов направить заключение эксперта в суд с документами, подтверждающими расходы на проведение экспертизы, для решения судом вопроса о возмещении этих расходов соответствующей стороной с учетом положений части первой статьи 96 и ста-

тьи 98 настоящего Кодекса» (абзац введен Федеральным законом от 28.06.2009 № 124-ФЗ).

Как мы видим, все сказанное выше относится ко всем судебным экспертизам, независимо от их класса, рода или вида (в том числе, в полной мере и к СПЭ). При этом ни в одном из процессуальных документов не конкретизируется класс (род, вид) экспертизы. В то же время, при внимательном изучении, например, УПК РФ, мы можем найти косвенное указание на необходимость использования специальных психологических знаний в определенных случаях. Речь идет о ст.196 УПК РФ, регламентирующей обязательное назначение судебной экспертизы. Согласно этой статье, назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить:

- причины смерти;
- характер и степень вреда, причиненного здоровью;
- психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;
- психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;
- возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Очевидно, что специальные психологические знания будут востребованы в случаях, указанных в ч.3 и ч.4 данной статьи. Однако в ряде случаев эксперт-психолог может принимать участие при производстве однородной/комплексной экспертизы по ч.1 ст.196 УПК РФ. Возможно участие психолога в комиссии экспертов при проведении экспертного исследования в соответствии с ч.5 рассматриваемой статьи.

Следует помнить, что при проведении СПЭ в отношении потерпевших и свидетелей, производство экспертиз и специальные условия регламентируются ч.4 ст.195 УПК РФ.

Пример 1. Учитывая процессуальные требования, предъявляемые как к судебно-экспертной деятельности, так и заключению судебной экспертизы, рассмотрим заключение СПЭ по конкретному делу – по факту изнасилования. Экспертиза проводилась в отношении жертвы сексуального насилия, несовершеннолетней М-з. Следует подчеркнуть, что в данном случае экспертиза проводилась в государственном судебно-экспертном учреждении (ГосСЭУ). При проведении экспертизы в ГосСЭУ производство экспертизы поручается конкретному эксперту руководителем учреждения, которому по закону (ФЗ, УПК РФ) «делегировано» это право. То есть, следовательно в своем постановлении указывать учреждение, которому поручается проведение экспертизы, непосредственный исполнитель (эксперт) назначается руководителем ГосСЭУ.

Заключение состоит из двух основных частей – вводной и исследовательской

А. Вводная часть содержит следующие составляющие:

- информация о том, на основании чего проводится экспертиза, кем и когда она проводится; а также – дополнительная информация – о ходатайствах, направленных в адрес инициатора экспертизы, о лицах, которые в соответствии с нормами УПК РФ присутствовали при производстве экспертизы и т.д.;
- подписка судебного эксперта;
- вопросы, поставленные на разрешение экспертизы;

Здесь же указывается использованная научная и справочная литература (если они использовались при проведении конкретного экспертного исследования).

Следует отметить, что в ряде государственных судебно-экспертных учреждений, а также у ряда негосударственных экспертов вводная часть включает в себя поручение руководителя судебно-экспертного учреждения эксперту на производство судебной экспертизы, а также - подписку эксперта.

Представляется, что с процессуальной точки зрения это – отдельный документ, который не является непосредственно составной частью заключения, поскольку как УПК РФ (ст. 204), так и 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ст. 24) не предусматривают указанных разделов в составе заключения.

ПОРУЧЕНИЕ

на производство судебной экспертизы

На основании постановления от 16 апреля 2003г. следователя прокуратуры Н-ского района Н-ской области, юриста 2-го класса Ф-а и с соблюдением требований ст.195, 199 УПК РФ производство экспертизы в отношении **М-з, 28.03.1992 года рождения**, по делу №Х поручено 30.04.2009 года государственному судебному эксперту N.

Начальник СЭУ _____ *М.*

Подписка судебного эксперта

Мне, государственному судебному эксперту N., в связи с поручением произвести экспертизу по уголовному делу № Х начальником СЭУ разъяснены права и обязанности эксперта (ст.ст.16, 17 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»)⁴, а также содержание ст.307 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения, о чем даю настоящую подписку:

_____ *N.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

судебного эксперта № Х от 9 июля 2009 года

5 июня 2009 года в ГосСЭУ при постановлении следователя прокуратуры Н-ского района Н-ской области юриста второго класса Ф-а от 30.04.2003 года поступили материалы уголовного дела № Х.

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

1. Учитывая индивидуальные и возрастные особенности М-з и конкретные условия, в которых происходило событие, могла ли она правильно воспринимать важные для дела обстоятельства?
2. Учитывая психическое состояние М-з в момент восприятия, могла ли она правильно воспринимать важные для дела обстоятельства?
3. Имеются ли у М-з признаки повышенной внушаемости?
4. Имеются ли у М-з признаки повышенной склонности к фантазированию?
5. Имеются ли у М-з индивидуально-психологические особенности (не связанные с психическим расстройством, отставание в психическом развитии, характерологические черты, свойства эмоционально-волевой сферы), которые могли бы существенно повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации?

⁴ Следует особо подчеркнуть, что если эксперт не является сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения (ГСЭУ), то его знакомят (следователь или судья) со ст.57 УПК РФ.

6. Учитывая индивидуально - психологические особенности М-з и содержание исследуемой ситуации, могла ли она понимать характер и значение совершаемых с ним действий?

7. Учитывая индивидуально - психологические особенности М-з и содержание исследуемой ситуации, могла ли она оказывать сопротивление?

Экспертиза проведена N., имеющим высшее психологическое образование, ученую степень кандидата психологических наук, квалификацию судебного эксперта-психолога, экспертную специальность 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека»⁵, экспертный стаж 28 лет.

Экспериментально-психологическое исследование в отношении М-з было проведено 6 июня 2009 года с 10.00 до 16.00 в помещении СЭУ.

Исследование начато 6 июня, окончено 6 июля 2009 года.

Н.В.! Если экспертиза проводится специалистом, не являющимся государственным экспертом и назначаемым в процессуальном качестве эксперта следователем/судом/судьей, вводная часть заключения может иметь несколько иной вид, однако перечисленные составляющие обязательно должны в ней присутствовать.

⁵ Приведена экспертная специальность по классификации МЮ РФ.

Б. Исследовательская часть также состоит из нескольких разделов, которые могут быть структурно выделены подзаголовками (как в данном случае), а могут иметь только смысловое выделение.

1. Прежде всего, это - материалы уголовного дела, которые относятся к предмету экспертного исследования. Их указание и краткое (обращаем внимание – краткое!) изложение крайне важны, поскольку позволяют следователю/суду/судье оценить, какие объективные данные (т.е. представленные инициатором экспертизы в распоряжение эксперта) и каким образом эксперт использовал при решении экспертной задачи и формулировании выводов. Краткость изложения используемых материалов, которые в дальнейшем будут проанализированы и положены в основу выводов, связано не только с тем, что нет смысла дублировать знакомые следователю/суду материалы дела, но и с тем, что эксперт указывает только на то, что относится к **предмету** экспертного исследования.

В рассматриваемом случае к предмету исследования относится информация: *во-первых*, позволяющая всесторонне оценить исследуемую юридически значимую ситуацию (поскольку перед экспертом стоит задача установления способности потерпевшей понимать значение происходящего и оказывать сопротивление), а именно – информация о том, что произошло (как со слов самой потерпевшей, так и со слов обвиняемых и свидетелей). То есть, речь идет о внешних, ситуативных факторах, которые обуславливали поведение потерпевшей. *Во-вторых*, к предмету экспертизы будет относиться информация о поведении потерпевшей на различных стадиях развития юридически значимой ситуации, которая позволит оценить как способность девушки к осознанно-волевой регуляции, так и выявить диагностические признаки возможного экстремального эмоционального состояния. *В-третьих*, в приводимых экспертом материалах дела заключена информация об индивидуально-психологических и личностных особенностях потерпевшей, что немаловажно для реконструкции ее эмоционального состояния в юридически

значимой ситуации. (По другим категориям уголовных либо гражданских дел к предмету экспертного исследования будут относиться медицинские документы, заключения других экспертиз, например, судебно-медицинских, криминалистических, автотранспортных и пр., протоколы осмотра места происшествия, протоколы проверки показаний на месте происшествия, протоколы очных ставок, аудио-видеозаписи следственных действий и т.п.).

И С С Л Е Д О В А Н И Е

Из материалов уголовного дела известно, что в ночь с 29 на 30 марта 2008 Т-н и Б-н, находясь в с. К., в автомобиле, имея умысел на изнасилование несовершеннолетней М-з, 28 марта 1992 года рождения, подавляя ее волю и сопротивление физической силой, совершили с ней насильственные половые акты в естественной форме.

Материалы уголовного дела, относящиеся к предмету экспертного исследования.

Из показаний М-з следует, что 28 марта 2009 г. у нее был день рождения. 29 марта 2009 г. она, ее двоюродный брат Х., а также трое ее однокурсников - К-ва, Гадж. и Г-н отмечали ее день рождения в кафе напротив школы в с. П-ское. В кафе пришли впятером примерно в 20 часов, заказали сок, мороженое, чипсы, жареный картофель и пиво. Примерно в 23 часа она вместе с К-вой вышла на улицу, к ним подошли двое парней, с которыми они познакомились, парней звали Т-н и Ам. Поговорив, девушки вернулись в кафе, позже парни зашли туда же. Г-н и Х. ушли домой раньше, девушки остались с Гадж., который через некоторое время, увидев своих знакомых за соседним столиком, пересел к ним. За столик к М-з и К-вой подсели уже знакомые им Т-н и Ам., и еще один парень по имени Б-н. Парни и девушки «нормально разговаривали», потом за столик вернулся Гадж.. Далее кто-то из парней спросил девушек, кем им приходится Гадж., они им ответили, что он их однокурсник. Потом парни спросили, где учится М-з, она ответила, они не поверили, тогда она показала студенческий билет, на что Ам. сказал, что часто видел ее и знает, кто она. Кто-то из парней сказал что-то Гадж. на ухо, после чего он встал и сказал, что сейчас вернется, но в кафе он больше не вернулся. Т-н достал из кармана пластиковый тюбик с порошком коричневого цвета и отдал его Ам., тот высыпал его себе в рот. М-з сделала вид, что этого не заметила. В начале первого ночи М-з и К-ва вышли из кафе, чтобы идти домой, но тут М-з вспомнила, что ее ученический билет остался у Ам., тогда же из кафе вышли Т-н, Ам. и Б-н. М-з попросила вернуть ей ее ученический билет, на что Ам. ответил ей, что сейчас не вернет, т. к. она ему понравилась, и если билет останется у него, то будет, повод еще раз с ней встретится. Разговаривали по-русски и по-армянски. М-з долго его просила, в итоге она начала просить Т-н и Б-на помочь ей. Б-н сказал Ам., чтобы он вернул билет, на что тот ответил, что вернет его, если М-з с К-вой сядут в их машину и парни подвезут их до дома. М-з не соглашалась, но Ам. сказал, что их никто не тронет. Ранее в разговоре выяснилось, что М-з знает двоюродного брата Ам.. Известно, что М-з за вечер выпила бутылку пива (0,5 л.), что, по ее словам, на ее состояние не повлияло. М-з села в машину марки «Москвич» синего цвета, за рулем был Б-н. К-ва в это время разговаривала с Т-н, как она села в машину М-з не видела. Но помнит, что когда с ней рядом сел Т-н, то К-ва начала плакать, мотивируя это тем, что Т-н ударил ее по лицу, но тот все отрицал. Когда проехали мимо дома, то К-ва спросила, почему они не остановились. Ребята сказали, что немного покатаются. После этого К-ва начала «паниковать, закатила истерику», стала кричать, что она беременна, что ее тошнит, «на самом деле она придумала все

это от страха». М-з тоже волновалась, но почему-то доверяла Ам., с которым у нее есть общий знакомый, и успокаивала К-ву. Выехав на улицу XXXX, М-з попросила остановить машину на 7-й линии, там у нее живут знакомые (хотела зайти к ним, чтобы «отделаться» от ребят). Б-н остановился, но Т-н стал ему говорить, чтобы он ехал дальше «на то место», сделав акцент на слове «то». К-ва продолжала кричать, что потеряет ребенка, что ей не простит этого ее парень. Т-н или Ам. сказали М-з, что К-ва врет, что в таком положении она бы не пила. К-ва вышла из машины, с ней вышел Т-н, он стал ее успокаивать. Ам. и М-з тоже вышли из машины, М-з стала успокаивать К-ву, говорить, что ее нужно отвезти в больницу. В тот момент М-з не убежала, потому что, по ее словам, еще не испытывала страха перед ребятами и не могла понять истинные причины истерики К-вой; она поверила в то, что К-вой плохо. Кроме того, Т-н и Ам. были рядом. Сумки девушек были в машине, поэтому все вернулись в машину, где Ам. вернул М-з ученический билет. Парни сказали, что отвезут К-ву в больницу. Потом проехали мимо больницы в с. К., доехали до школы. Въехав в школьный двор и остановившись возле котельной, все, кроме Б-н, вышли из машины, стали успокаивать К-ву. М-з стала просить Б-на отвезти их домой, по ее словам, она «стала понимать по какой причине их завезли в это место.» Предполагала, что их могут изнасиловать, оценила поведение К-вой. Б-н предложил М-з поехать на машине за врачом, а К-ва осталась возле котельной вместе с Т-нм и Ам. М-з и Б-н поехали по с. К.... минут через пять Б-н остановился на окраине села в безлюдном месте. Когда они ехали, М-з поняла, что они едут в другое место, и спросила Б-на об этом. Он ответил, что эта дорога ведет в с. Б.С.. М-з не кричала, хотя «стала бояться», попросила вернуться назад.... М-з отталкивала его от себя и пыталась удержать брюки, которые Б-н пытался стащить с нее... М-з не поняла, в какой момент Б-н разделся, но в машине «он был полностью голый». Он лег на М-з, снова стал стаскивать брюки... М-з сначала отбивалась руками, потом Б-н прижал их своим телом, она кричала, он ей сказал, что «они просто расслабятся, а потом поедут домой»... Он стал требовать, чтобы М-з сняла мешавшие ему брюки. На это она ответила ему, что не сделает этого и ему не позволит. Тогда Б-н положил ее на правый бок, лицом к двери, и совершил с ней половой акт в естественной форме в положении сзади. Половой акт он не окончил, т.к. М-з отбивалась, кричала... По словам М-з, она не стала убежать, потому что абсолютно не ориентировалась на месте, знала о том, где находится, со слов Б-на. Кругом было темно, никакого освещения и жилья рядом не было... Б-н говорил всю дорогу, о чем М-з не помнит, т.к. «была в сильном потрясении» и не смотрела в сторону Б-на. Подъехав к котельной, возле которой никого не было, Б-н сказал, что он надеется, что с ее подружкой все уже сделали. У котельной Б-н вышел и пошел за К-вой, М-з не убежала, потому что не хотела оставлять подругу одну. Из котельной вышел Т-н, а не Б-н, он сел за руль машины. На вопрос где К-ва, он ответил, что ее отвез домой человек, которого она не знает. М-з стала кричать, кто он и куда он ее мог увезти. Т-н стал ее успокаивать, пытался ее обнять, говорил, что отвезет ее домой. М-з попыталась открыть дверь, чтобы выйти из машины, но Т-н придержал дверь. При этом он говорил, что М-з «встряла». Она ответила, что он «влип», и если с ней или К-вой что-то случится, то ему будет плохо. Т-н сказал, что его не нужно пугать, у него в милиции все друзья и родственники, ему помогут. На просьбу отвезти М-з домой, Т-н ответил, что у него нет ключей от машины. Он пошел за ключами, а М-з вышла из машины. Она помнит, как увидела идущего к машине Т-н, когда очнулась, то она уже полулежала на переднем пассажирском сиденье, а над ней наклонился Т-н. Он сказал, чтобы М-з больше не теряла сознание, все равно не поможет. М-з не помнит, как потеряла сознание. Т-н сел на водительское сиденье, сказал, что М-з потеряла сознание специально. Он предложил ей вступить в половую связь. М-з отказалась. Т-н сказал, что с ним будет лучше чем с Б-ном, уговаривал он ее около получаса, также сказал, что если она откажет, то придет Ам.. М-з говорила, что их всех поймают и сделают с ними то же, что они хотят сделать с ней. Т-н пригрозил, что в случае отказа он и остальные ребята найдут ее и изнасиловуют. Т-н попытался раздеть М-з, она его отталкивала... Т-н разозлился и сказал, что если она не сделает того, что он про-

сит, то он позовет ребят, и они втроем сделают с ней все... Он лег на нее, придавил горло рукой, сказал, что теперь сделает все, что хотел... Т-н приподнял ее и совершил с ней половой акт в естественной форме, находясь в положении сзади... Т-н во время нахождения в машине говорил, что М-з будет отдуваться за подружку, потому что она больная и ненормальная. Т-н пообещал, что сейчас выйдет Б-н и отвезет М-з домой. Но из котельной вышел Ам., он сел в машину на место водителя, начал расспрашивать М-з, что случилось, и кто ее обидел. М-з ему не отвечала, тогда он сказал, что отвезет ее домой. Отъехав от котельной, внезапно Ам. остановился, сказав, что остался только один он. Он предложил М-з вступить с ним в половую связь. М-з отказалась..., сказала ему, что он «может сделать с ней все, что угодно, но это будет у него в последний раз». Он занервничал, сказал, что они едут домой. Ам. не бил и не оскорблял М-з. Он подъехал к котельной, зашел в нее, и сразу же вышел вместе с Б-ном и Т-н. М-з сказала, что ее наверно уже ищут. Въехав в с. Ч., все увидели стоящий на углу милицейский «УАЗ», Ам. сказал, что не хватало еще «сесты из-за нее». Милиция остановила машину, в которой находилась М-з, перед тем как выйти Т-н три раза повторил М-з, что они ее не трогали, а все это время искали К-ву (л.д. 45-50).

Свидетельница К-ва подтвердила показания М-з. Показала, что к ней применяли физическую силу Ам. и Т-н, они затаскивали ее в машину, последний при этом ударил ее ладонью по щеке. Также она сообщила, что в котельной Ам. пытался снять с нее кофту, она стала плакать, вырываться, но Т-н сказал, что уже ничего не поможет. В отчаянии К-ва собрала рукой с пола пыль и вымазала ей себе лицо, потом размазала ее слюнями, чтобы вызвать у ребят отвращение... К-ва прибежала к родителям М-з, рассказала о случившемся, они вызвали милицию (л.д.53-58).

М-з С. (мать потерпевшей) показала, что 30 марта 2003 г., примерно в начале первого ночи, она увидела, что во двор забежала К-ва, Оксаны с ней не было. К-ва была очень испугана, она плакала, вид у нее был взволнованный. М-з С. выбежала на улицу, на ее вопрос, где дочь, К-ва начала плакать и ответила, что трое неизвестных ребят схватили М-з, а она убежала. Вызвали милицию. Когда милиция привезла М-з, то она была вся бледная, очень испуганная, «она была как - бы в шоке, на вопросы реагировала слабо». Вещи на ней были помяты, на сапожках носки были стерты. Эти полусапожки она одела в первый раз, они были недавно куплены. М-з С. боялась вновь травмировать дочь и поэтому не расспрашивала ее о случившемся. М-з только сказала матери: «С тобой такого не было. Ты не знаешь, что я перенесла, я им никогда этого не прощу» (л.д. 59-63).

Свидетель Гадж. А.Х. показал, что в кафе после того, как к ним за стол подсели трое неизвестных ранее ему парней, они все вместе стали разговаривать на различные темы. Никаких ссор и скандалов не было. Через 20 минут Гадж. А.Х. отозвал один из ребят и сказал, что бы Гадж. ушел «по-хорошему». Угроз он в его адрес не высказывал, ни психического, ни физического воздействия он на Гадж. а не оказывал. Гадж. ему ничего не ответил. Также ребята спрашивали у него, какого «поведения» девушки, что «из себя представляют». Гадж. им ответил, что девчонки не распущенные, «хорошего поведения». Гадж. ушел из кафе около 24 часов, потому что испугался ребят, т.к. они физически были сильнее его, он не хотел с ними конфликтовать (л.д. 78-79).

Свидетель Бар. показал, что 29 марта 2003 г. он со своими друзьями находился в кафе, которое расположено около школы № 1 в с. Ч.. В этом кафе он увидел свою знакомую девушку М-з, она была с подругой К-вой...Примерно в 22 часа 30 минут в кафе зашли его знакомые ребята из с. К. - Ам., Т-н и Б-н... (л.д. 64-66).

Подозреваемый Б-н в объяснении показал, что 29 марта 2003 г. ни с кем половую связь не вступал и не предлагал никому вступить, при этом знакомства с М-з и К-вой не отрицал (л.д. 7). В дальнейшем он показал, что никакой силы не применял к девушкам и

М-з вступила с ним в половую связь добровольно, без принуждения, себя виновным не считает (л.д. 83-86).

Подозреваемый Т-н сообщил, что никакого насилия к девушкам с его стороны не было. Он предлагал вступить М-з с ним в половую связь, но она отказалась и он не настаивал, т.е. с ней в половую связь он не вступал (л.д. 9) В дальнейшем он показал, что М-з по своему желанию вступила с ним в половую связь (л.д. 96-100).

В материалах дела находится письмо директора школы. В нем говорится о том, что М-з за время обучения в школе для одаренных детей продемонстрировала большой потенциал для дальнейших профессиональных занятий музыкой (л.д. 143).

М-з по месту жительства характеризуется как человек уравновешенный, быстро уживающийся в любом коллективе. Пользуется уважением среди сельчан. Характеризуется с положительной стороны (л.д. 144). По месту учебы характеризуется как способная, перспективная студентка, успеваемость по всем предметам хорошая, принимает участие в концертной деятельности, играет в симфоническом оркестре с. П-ское, играет в ансамбле, задолженностей по предметам не имеет. Пользуется авторитетом среди друзей (л.д. 145).

2. Во-вторых, это собственно психологическое исследование, которое обязательно включает в себя:

- информацию о методах, использованных экспертом;
- изложение результатов интервью (беседы) с испытуемым (подэкспертным);
- результаты исследований по каждому методу;
- психологический анализ ситуации и состояния испытуемого (если этого требует экспертная задача, вытекающая из поставленных на разрешение экспертизы вопросов).

2.1. Изложение беседы включает два раздела: первый отражает анамнестические данные (данные о развитии испытуемого, как физическом, так и психическом, личностном и социальном), его самооценке, системе ценностей и т.д. Второй раздел отражает информацию о криминальном событии в восприятии испытуемого, о его состоянии в исследуемый период, ретроспективную оценку случившегося. При этом рекомендуется отражать только психологические составляющие, не дублировать данные, излагаемые экспертом в разделе «Материалы дела, относящиеся к предмету экспертного исследования». Здесь также необходимо указывать результаты наблюдения за испытуемым в процессе экспертного исследования - эмоциональные, поведенче-

ские реакции, особенности состояния на различных этапах исследования, отношение к процедуре экспертизы и т.п. Следует избегать ошибки, наблюдаемой в некоторых экспертных заключениях: беседа и ее результаты включаются в раздел экспериментально-психологического исследования, хотя метод беседы (интервью) является самостоятельным, отличающимся от эксперимента, методом.

Судебно-психологическое исследование.

2.1. В процессе экспериментально-психологического⁶ исследования были использованы следующие методы: наблюдение, беседа, 10 слов, пиктограмм, исключение понятий (вербальные варианты), теппинг-тест, CF-2А Кеттелла, опросник ИТО (Л. Собчик), опросник К. Леонгарда, фрустрационный тест С.Розенцвейга, МЦВ М. Люшера, сюжеты из ТАТ, пробы на внушаемость, метод опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния (ОРДПС).

В ходе экспертного обследования М-з контакту доступна, сдержанна, эмоции старается не показывать. Общий эмоциональный фон сниженный. Все задания выполняет старательно, несколько медлительна. Когда речь заходит о криминальной ситуации, эмоциональный фон настроения резко снижается, начинает плакать.

В беседе о себе рассказала, что родилась в г. Ч. Есть младший брат, 10 лет. Живет с родителями. Мать по профессии – хореограф, отец – водитель. В детстве практически не болела, в 10-11 лет было сотрясение мозга. Со слов, в настоящее время выявляет вегетососудистую дистонию, отмечаются простудные заболевания.

В школу пошла с 7 лет, закончила 9 классов. Сначала училась «на отлично», потом – «на пятерки и четверки». В настоящее время учится в училище искусств. В дальнейшем собирается поступать в консерваторию. Любит все, что связано с музыкой: много слушает, также сочиняет сама. В свободное время смотрит ТВ - сериалы. Настоящих друзей мало, знакомых – много.

Себя по характеру считает доброй, верной друзьям, близким, спокойной, необидчивой, несмелой. В людях ценит искренность.

О сексуальных взаимоотношениях узнала примерно в 13-14 лет из журналов, ТВ. Первый сексуальный контакт был в 16 лет – «получилось не по согласию, потому что выпила, себя не контролировала». Больше в половую связь ни с кем (до случившегося) не вступала.

О криминальной ситуации рассказывает очень подробно, плачет. Сообщила информацию, совпадающую с изложенной в материалах дела. Поясняет, что т.к. знала брата Ам. (с ним встречалась ее двоюродная сестра), то решила сесть в машину, поверила ему, что «не опасно, к тому же все друг друга знают, не решатся ничего делать»... «Чувство страха за себя отошло на второй план, боялась за К-ву». Когда Б-н остановил машину, поняла, что «не просто сюда приехали». В деталях рассказывает об обстоятельствах совершенных с нею половых актов.

После случившегося не хотелось жить. В настоящее время «состояние такое же». Родители, по ее словам, «не очень поддерживают». Поддерживает только одна подруга, «остальные делают вид, что сочувствуют, а сами радуются».

⁶ Следует отметить, что точнее следовало бы называть данный раздел как психодиагностическое исследование, поскольку далеко не всегда при проведении СПЭ используется метод эксперимента, однако традиционное сложилось обозначение исследования в качестве экспериментально-психологического.

2.2. Собственно экспериментально-психологическое исследование.

Несмотря на то, что не все методы, используемые при исследовании, строго говоря, относятся к экспериментальным, данный раздел традиционно обозначается именно таким образом. Как правило, этот раздел предваряется перечнем использованных методов. Нам представляется, что перечень методов должен быть представлен ранее, до изложения беседы, поскольку беседа (интервью) и наблюдение также являются используемыми при проведении экспертизы методами. Некоторые эксперты, помимо перечня, дают весьма подробное описание методов (их предназначение, краткую историю и т.д.). Не являясь принципиальными противниками подобного подхода, мы, тем не менее, считаем, что простого перечня методов достаточно. Прежде всего, уже потому, что ст. 204 УПК РФ, требуя обязательного указания в заключении эксперта на использованные методы, не предписывает их описания. При необходимости в соответствии с положениями УПК РФ эксперту могут быть заданы вопросы об использованных методах, на которые он может дать исчерпывающие ответы. Кроме того, как показывает практика, во многих заключениях, где дается подробное описание методов, встречается много неточностей; кроме того, целый ряд методов, изначально разработанных для изучения определенных особенностей психики, впоследствии используется и для исследования других особенностей. Например, метод пиктограмм предназначен для изучения особенностей мнестической деятельности, но так же и для исследования особенностей мышления. Но помимо этого, продукты психической деятельности (рисунки-пиктограммы) позволяют использовать данный метод и как проективный – для изучения психического (эмоционального) состояния испытуемого, его индивидуально-психологических и личностных особенностей, неосознаваемых проблем.

Как уже ранее отмечалось, в заключении должны быть описаны результаты исследований, проведенных экспертом. В рассматриваемом заключении приведены результаты по каждому методу. Не исключается иной ва-

риант представления результатов – они могут быть сгруппированы по «предметному» принципу: когнитивная сфера, индивидуально-типологические особенности, личностные особенности и т.д. При этом обязательны ссылки на использованные методы. Некоторыми экспертами используется табличное представление результатов. Необходимо отметить, что оно чаще всего неоправданно, поскольку адресатом заключения является не психолог (следователь/судья/защитник) и таблицы для них, как правило, неинформативны. Столь же неинформативно приведение в заключении числовых данных по тем или иным методам (например, приводится профиль СМИЛ или ранжировки МВЦ Люшера, показатели акцентуаций по опроснику К. Леонгарда или стени по 16-ти факторному опроснику Кеттелла). То, что показательно для психолога, для других специалистов не несет смысловой нагрузки, а потому не воспринимается либо воспринимается неверно, позволяет давать различные интерпретации, что недопустимо для заключения эксперта. Это же необходимо сказать и в отношении специальных психологических терминов. Их использование необходимо свести к минимуму, а по возможности исключить вообще. Как показывает экспертная и следственная практика, такие понятия, как, например, «экстрапунитивность», «интернальность», «дистимичность», «конгруэнтность» и т.п., непонятны для не психолога, хотя и придают заключению «научнообразность». Другие понятия, такие как «шизоидность», «эпилептоидность», могут неверно истолковываться, ориентируя следствие/суд на оценку нормальных психических явлений в качестве патологических.

Самостоятельными подразделами в рамках описания результатов психологического исследования являются анализ криминальной (юридически значимой) ситуации и анализ психического состояния (в тех случаях, когда этого требует экспертная задача). Чаще всего они являются обязательными составляющими заключения при экспертной диагностике экстремального эмоционального состояния (аффекта, иного непатологического психического состояния, способно существенно повлиять на сознание и поведение челове-

ка). Это связано с тем, что психическое состояние является интегративной характеристикой психической деятельности, производной от внешних (ситуативных) и внутренних (устойчивых индивидуальных) компонентов. А потому способность к тому или иному способу поведения в значительной степени определяется психическим состоянием, которое отмечалось у испытуемого в юридически значимой ситуации. В данном случае (*рассматриваемом нами примере потерпевшей М-з*), несмотря на то, что перед экспертом не был поставлен отдельный вопрос о психическом состоянии испытуемой и его влиянии на ее поведение в исследуемой ситуации, учитывая обстоятельства дела и индивидуально-психологические особенности потерпевшей, диагностика психического состояния являлось одной из центральных экспертных задач, поскольку именно специфика состояния оказала доминирующее влияние на психическую деятельность девушки. Следует отметить, что анализ ситуации не есть перечисление отдельных компонентов криминальной (юридически значимой) ситуации, как это встречается в ряде заключений. Анализ представляет собой поиск диагностически значимых факторов с точки зрения личностной значимости, аффектогенности, стрессогенности ситуации либо ее фрустрирующего характера и обоснование подобной оценки. При этом в основу анализа необходимо положить все источники информации – материалы уголовного (гражданского) дела, результаты беседы (интервью), результаты экспериментального исследования. То же относится и к анализу психического состояния, главная цель которого выявление диагностически значимых признаков аффективного (иного экстремального) состояния.

Заключительным в исследовательской части является результирующий (синтезирующий) раздел заключения. В нем, на основании анализа всей информации - относящихся к предмету экспертизы материалов дела, результатов исследований эксперт приходит к заключению относительно исследуемых обстоятельств психологического характера. Им на основе анализа юридически значимых событий и результатов экспериментального исследования реконструируется психическая деятельность испытуемого в исследуе-

мый период – устанавливается состояние, способность к осознанно-волевой регуляции поведения и т.д. В рассматриваемом примере этот раздел выделен словами: «Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению». Выразить сущность данного раздела может фраза: «На основании вышеизложенного, эксперт приходит к следующим выводам...» или подобная ей. Главной особенностью этого раздела является то, что ответ по существу заданных вопросов в нем дается развернуто, доказательно, опираясь на полученные в ходе исследования результаты в соотношении с анализируемыми обстоятельствами дела.

Результаты использованных методов показали следующее.

Когнитивная сфера.

Внимание устойчиво, распределение и переключение – без изменений. Восприятие (зрительное и слуховое) – без особенностей.

Уровень непосредственного запоминания словесного материала – в пределах нормы (динамика запоминания: 6-8-9-10), отсроченное воспроизведение – 8 слов. Опосредованное запоминание с помощью пиктограмм, отсроченно - 15 из 16 слов. Пиктограммы преимущественно атрибутивные, формальные, упорядоченно расположенные, что свидетельствует об отсутствии у испытуемой нарушений в интеллектуальной сфере. С заданием на исключение понятий М-з О. справилась успешно (14 правильных ответов из 17). По результатам решения серий графических задач нарастающей сложности (CF-2А Кэттелла), уровень интеллектуального развития средний (IQ=94).

Индивидуально-типологические и личностные особенности.

По данным теппинг-теста, у М-з «средне-слабая нервная система», тормозимый тип высшей нервной деятельности.

Испытуемой характерны такие черты, как избыточная тревожность, мнительность, боязливость, склонность к навязчивым страхам и паническим реакциям, интровертированность, чувствительность, ориентация на авторитет более сильной личности, “слабый” тип поведения, подвластность воздействию среды. М-з свойственны неуверенность в себе, избыточная ориентация на общепринятые нормы поведения, компромиссность, одновременное стремление к самоутверждению и к избеганию конфликта с референтной группой, склонность к уходу в мир идеалов, застенчивость, замкнутость, чувствительность и ранимость в отношении средовых воздействий, выраженная потребность в глубокой и постоянной привязанности и в защите со стороны более сильной личности. Поведение испытуемой направлено на избегание конфликта, поиск щадящей социальной ниши (ИТО).

По результатам опросника Леонгарда – Шмишека, для испытуемой характерны низкая контактность, пониженный фон настроения, дружелюбие, самокритичность, исполнительность, серьезность, высокая нравственность, добросовестность, справедливость, пассивность, замедленность мышления, инертность психических процессов.

По данным фрустрационного теста Розенцвейга, в конфликтных ситуациях М-з выявляет тенденцию избегания конфликта – рассчитывает на помощь извне, при этом отмечается тенденция и самостоятельного разрешения проблемы. Уровень групповой конформности в условиях конфликта (похожести на поведение большинства) невысок (G.C.R.=42,9%) (за счет низкой внешне направленной активности).

В ситуации психического давления М-з выявляет неуверенность, пассивность – не отстаивает своей позиции, уходит от конфликта, но в то же время не принимает навязыв-

ваемой позиции. Это свидетельствует об отсутствии у нее повышенной внушаемости, но низком потенциале противодействия давлению со стороны.

Рассказы, составленные по неопределенным сюжетам из ТАТ, краткие, ограничиваются описанием действия и переживаний персонажей, не выходят за рамки сюжета, что свидетельствует о бедности активного воображения испытуемой. М-з, при этом, выявляет признаки выраженного депрессивного состояния, при потребности и стремлении преодолеть это состояние. Повышенная склонность к фантазированию испытуемой не свойственна.

Ретроспективный анализ психического состояния М-з.

Ретроспективный анализ психического состояния (в динамике, на четырех стадиях ее развития, по 17 параметрам, проективно, с помощью метода опосредованной ретроспективной диагностики состояния) показал следующее.

Образ состояния М-з на стадии, когда вечером в кафе за столик подсади обвиняемые, коррелирует с переживанием внезапности (0,47), неуверенностью (0,40), но достаточно высоким уровнем готовности действовать (0,57), при отсутствии переживаний безвыходности (-0,61) и подавленности (-0,52).

На стадии, когда М-з оказалась ночью, в изолированном месте, вместе с Б-ном, образ ее состояния соотносится с переживанием внезапности (1,00) и, одновременно, готовности действовать (0,66). Это согласуется с показаниями М-з о ее активном сопротивлении посягательствам Б-на.

В период взаимодействия с Т-нм, образ состояния М-з коррелирует с неуверенностью (0,50), тревогой (0,36).

После случившегося состояние М-з коррелировало с переживанием внезапности (0,78), готовностью действовать (0,40).

Анализ криминальной ситуации и психического состояния М-з (по материалам уголовного дела и результатам беседы и экспериментально-психологического исследования) показал следующее.

На начальной стадии развития криминальной ситуации М-з не воспринимала ее как угрожающую. Во-первых, это было связано с тем, что она отмечала свой день рождения, была с друзьями, фон настроения был повышенным. Во-вторых, когда обвиняемые подсади за столик, была не одна (помимо подруги с ней находился еще один знакомый - Гадж.); кроме того, была знакома с одним из подсевших за столик, а потому не испытывала тревоги, была уверена, что ничего плохого ей не сделают. Дальнейшее развитие ситуации было «нелинейным» (предлагали подвезти домой, затем немного покататься), что «маскировало» мотивы поведения обвиняемых (учитывая слабый тип нервной системы испытуемой, присущие ей инертность мышления, стремление к избеганию конфликтных ситуаций). Когда обвиняемые не остановили машину там, где просила М-з, не отреагировали на заявления ее подруги о том, что ей плохо, привезли в изолированное место (к котельной школы), ситуация приобрела угрожающий характер, мотивы обвиняемых стали очевидными для испытуемой. Вместе с тем, готовность Б-н поехать вместе с ней за врачом снизило ситуативную тревогу. При этом свойственные испытуемой высокая нравственность, серьезность, добросовестность, развитое чувство справедливости обусловили доминирование ответственности за подругу, оказавшуюся в тяжелой ситуации. В связи с этим реальные намерения Б-н в сложившейся ситуации не были для М-з очевидными, поскольку речь шла об оказании помощи подруге. Место, куда привез ее Б-н, было ей незнакомо, изолировано, поэтому она не имела реальной возможности обратиться за помощью, убежать (несмотря на то, что, по ее словам, мысли о бегстве были). В период собственно сексуального насилия испытуемая не имела возможности оказывать действенное сопротивление Б-н (несмотря на попытки этого), как в силу состояния фрустрации – безвыходности (которое возникло у нее, учитывая ее индивидуально-психологические особенности, с одной стороны, и особенности ситуации, с другой), так и вследствие того, что обви-

няемый превосходил ее в физической силе (во-первых, являясь мужчиной, во-вторых, - спортсменом – в деле имеется информация о том, что он занимался греко-римской борьбой). Эпизоду с Т-н предшествовал факт насильственного сексуального контакта с Б-н, что однозначно оказало астенизирующее влияние на испытуемую (как в физическом, так и психологическом плане). На степень истощения может указывать тот факт, что М-з на короткое время потеряла сознание. Угрозы группового изнасилования воспринимались ею как реальные, поскольку она уже подверглась сексуальному насилию (со стороны Б-н) и, кроме того, в котельной находились другие участники криминального события. При этом помимо психологического давления, Т-н применялось к ней и грубое физическое насилие. Это обуславливало обострение фрустрирующего характера ситуации (блокировавшего потребность испытуемой к безопасности, свободе выбора, независимости), углубление состояние фрустрации (безвыходности) у испытуемой, что резко снижало способность оказывать действенное сопротивление.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. М-з выявляет средний уровень интеллектуального развития, не обнаруживает каких-либо дефектов восприятия и памяти. Это обстоятельство обуславливает способность испытуемой адекватно воспринимать и запоминать факты и события объективной реальности. В полной мере это относится и к исследуемым событиям. Уровень интеллектуального развития, осведомленность в вопросах сексуальных взаимоотношений, а также опыт сексуальных отношений позволяли М-з в исследуемой ситуации понимать характер и значение совершаемых с нею действий. В период исследуемых событий М-з находилась в состоянии фрустрации (безвыходности), возникновение которого было обусловлено, как внешними, так и внутренними факторами. К внешним относятся: ночное время суток, изолированность мест происшествия – котельная школы, 33в/отрассса, объективная невозможность обратиться к кому-либо за помощью, участие в криминальном событии троих мужчин, психологическое и физическое насилие, применявшееся к ней. К внутренним факторам, как обусловившим возникновение состояния фрустрации, так и углублявшим это состояние в процессе развития криминальной ситуации, относятся присущие М-з тормозимый тип высшей нервной деятельности, инертность психических процессов, замедленность мышления, подвластность воздействию среды, высокий уровень личностной тревожности, неуверенность в себе, застенчивость, пассивность, избыточная ориентация на общепринятые нормы поведения, компромиссность, тенденция рассчитывать на помощь извне в затруднительных ситуациях, низкий потенциал противодействия давлению извне. Описанные выше индивидуально-психологические (в частности, инертность психических процессов, замедленность мышления, подвластность воздействию среды, компромиссность, тенденция рассчитывать на помощь извне в затруднительных ситуациях, низкий потенциал противодействия давлению извне) обусловили недооценку испытуемой потенциально угрожающего характера криминальной ситуации на начальной ее стадии развития. Состояние фрустрации, в котором находилась М-з в исследуемый период, в силу негативного влияния на психическую деятельность, оказывало резко снижающее воздействие на способность испытуемой оказывать действенное сопротивление. Повышенная внушаемость и повышенная склонность к фантазированию М-з не свойственны.

Выводы выделяются отдельно и даются кратко, по существу заданных вопросов. Они должны быть однозначными. Не следует в выводах вновь повторять развернутые положения из результирующего (синтезирующего) раздела заключения. Этот раздел существует собственно для обоснования кратких и четких выводов. Если вопрос следователя/суда таков, что требует раз-

вернутого ответа по существу (как например, вопросы №№ 5 и 7 в рассматриваемом заключении), он дается по существу. Если ставится вопрос о том, какие у испытуемого индивидуально-психологические особенности (можно дискутировать по поводу правомерности и необходимости подобного вопроса), то он по существу требует едва ли полного перечисления результатов проведенного исследования. В таком случае в выводах целесообразно сослаться на то, что «индивидуально-психологические особенности испытуемого описаны в исследовательской части заключения». Необходимо обратить внимание и на точность и корректность формулировок: например, нередко в заключениях, в выводах, можно прочитать, что у испытуемого (по экспертного) «признаков повышенной склонности к фантазированию не выявлено». С одной стороны, этот вывод может свидетельствовать об отсутствии признаков повышенной склонности к фантазированию, но с другой, - о том, что признаки повышенной склонности к фантазированию существуют, но по каким-то причинам (возможно, из-за неопытности эксперта или недостаточности проведенного исследования) они не были выявлены.

В Ы В О Д Ы

- 1.– 2. М-з могла правильно воспринимать важные для дела обстоятельства.
3. Признаков повышенной внушаемости у М-з не имеется.
4. Повышенная склонность к фантазированию М-з не свойственна.
5. На поведение М-з, помимо состояния фрустрации (безвыходности), могли существенно повлиять свойственные ей тормозимый тип высшей нервной деятельности, инертность психических процессов, замедленность мышления, подвластность воздействию среды, высокий уровень личностной тревожности, неуверенность в себе, застенчивость, пассивность, избыточная ориентация на общепринятые нормы поведения, компромиссность, тенденция рассчитывать на помощь извне в затруднительных ситуациях, низкий потенциал противодействия давлению извне.
6. М-з могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий.
7. Способность М-з оказывать действенное сопротивление была резко снижена вследствие: во-первых, объективных особенностей ситуации; во-вторых, негативного влияния состояния фрустрации (безвыходности); в-третьих, присущих испытуемой индивидуально-психологических особенностей, описанных в исследовании.

Эксперт:

N.

Отдельно необходимо остановиться на приложениях к заключению СПЭ. В ряде случаев целесообразно снабжать заключение таблицами и гра-

фиками, которые наглядно иллюстрировали бы выводы эксперта (например, графическое отображение динамики состояния на различных стадиях развития криминальной ситуации по методу опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния либо сопоставление профиля испытуемого по СМИЛ и типичного профиля, например, больного шизофренией). При этом иллюстрации должны быть понятными для неспециалиста (не психолога). Что касается протоколов экспертного исследования (протоколов опросников, тестов, беседы), то они не являются иллюстрациями, а представляют собой по существу рабочие записи, черновики, на основании которых эксперт приходит к тем или иным выводам. Они не несут неспециальной, иллюстративной информации, а потому приложением не являются. Ст. 204 УПК РФ не предписывает представление в суд вместе с заключением черновых, рабочих записей, отражающих ход исследования – только заключение и, при необходимости, - иллюстрации. Это следует помнить в тех случаях, когда, например, одна из сторон требует признать заключение недействительным на том основании, что экспертом не были представлены протоколы экспертного исследования. В то же время следует помнить, что суд может запросить предоставить в его распоряжение указанные черновые записи для приобщения к материалам дела.

1.2. Методы судебно-психологической экспертизы.

Как отмечают Зинин А.М. и Майлис Н.П.⁷, методы экспертизы, основываются и формируются на: «а) соответствующих научных методах; б) характере и свойствах объекта экспертизы; в) опыте решения практических задач, в том числе на алгоритмических правилах и разработанных самим экспертом приемах изучения объекта экспертизы». То есть, методы, используемые при производстве СПЭ, должны быть научными, валидными и соответствовать объекту экспертизы.

Объект конкретного экспертного исследования, его характер и свойства определяются задачами, вытекающими из поставленных перед экспертом вопросов, что предполагает использование различных методов.

Например, при назначении судебно-психологической экспертизы в отношении несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом, предметом экспертного исследования будет являться способность несовершеннолетнего, выявляющего признаки отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и/или руководить ими.

Объектом СПЭ в данном случае будут являться: а) психическая деятельность несовершеннолетнего правонарушителя в момент совершения инкриминируемого ему деяния; особенности познавательной, эмоционально-волевой, мотивационной сфер, психическое состояние, индивидуальные особенности, отдельные свойства личности, обусловившие характер действий несовершеннолетнего в исследуемый период; б) особенности криминальной ситуации.

Именно объект (в единстве с предметом и задачами) обуславливает применение совершенно определенных методов экспертного исследования.

⁷ Зинин А.М., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. - М.: «Юрайт», «Право и закон», 2002. – с.32

Как показывает анализ экспертной практики производства СПЭ в различных экспертных учреждениях, а также специалистами, назначаемыми экспертами, несмотря на эклектичный подход к использованию различных психодиагностических методов, можно говорить о том, что сложилась «батарея» методов, которые адекватны экспертным задачам СПЭ. Существует перечень методов, которые, рекомендованы к использованию, в частности, при проведении КСПЭ⁴.

Если исходить из позиции адекватности используемого психодиагностического инструментария задачам экспертизы, необходимо иметь четкое представление не только о том, для каких целей разработан определенный метод, но и том, насколько он эффективен для решения экспертной задачи, учитывая индивидуальные особенности испытуемого, конкретные обстоятельства дела (особенности юридически значимой ситуации). Например, вряд ли целесообразно использование СМИЛ в том случае, когда перед экспертом стоят вопросы только о способности испытуемого адекватно воспринимать юридически значимые обстоятельства, запоминать их и давать о них правильные показания. В качестве дополнительного, факультативного метода использование СМИЛ не исключается (возникает, наверное, вопрос о том, использовать полный или сокращенный вариант). Если же будут стоять вопросы об индивидуально-психологических особенностях, способных повлиять, например, на поведение свидетеля в процессе предварительного расследования, о повышенной внушаемости, то в таком случае СМИЛ станет одним из обязательных методов. Но и в данном случае, необходимо будет, учитывая личность испытуемого и целый ряд иных факторов, связанных с производством экспертизы, проанализировать, нет ли других методов, решающих данную задачу, однако, более «компактных», занимающих меньше времени на их выполнение.

⁴ О должностных обязанностях и нормативах нагрузки психолога амбулаторных судебно-психиатрических экспертных комиссий и отделении стационарной судебно-психиатрической экспертизы.

Также представляется, что, вряд ли будут соответствовать задачам, например, экспертной диагностики юридически значимого эмоционального состояния человека, только лишь такие методы, как МВЦ М.Люшера, проективный метод «Нарисуй несуществующее животное» (без проведения исследования типологических и личностных особенностей с помощью опросных и экспериментальных методов, экспертного ретроспективного анализа юридически значимой, к примеру, криминальной ситуации), как это иной раз встречается в заключениях некоторых экспертов.

При определении количества методов, планируемых применить в процессе экспертного исследования, нужно исходить из принципа «разумной достаточности». Несомненно, можно использовать, к примеру, все сорок три метода, перечисленные в упомянутых должностных обязанностях психолога амбулаторных судебно-психиатрических экспертных комиссий. Можно и больше... Вопрос в том, целесообразно ли это, исходя из задач, стоящих перед экспертом при проведении конкретного экспертного исследования.

В данном случае необходимо помнить, что при исследовании определенного психического явления (процесса, свойства) нельзя использовать один-единственный метод, но обязательно несколько методов, позволяющих с разных сторон исследовать характеристики данного объекта. Если в процессе экспертизы исследуется память, то должны быть исследованы особенности динамики и объема непосредственного запоминания как визуального, так и вербального материала, особенности опосредованного запоминания, что, естественно, требует использования нескольких методов (10 слов, пиктограмм, исследования объема памяти по Джекобсу и т.д.; данный перечень может быть продолжен в зависимости от конкретных задач исследования). Если исследуются индивидуально-типологические и личностные особенности, то недостаточно использовать только, к примеру, опросник Шмишека. Целесообразно применение двух и более методов (допустим, индивидуально-типологический опросник Л.Собчик, один из вариантов СМИЛ, ТАСТ и т.д.),

которые могут взаимно дополнять полученные сведения, что повышает надежность выводов эксперта.

При анализе и интерпретации полученных данных психолог, а тем более эксперт, прежде всего, должен анализировать результаты с позиций системного подхода, рассматривая психическую деятельность, психику испытуемого в единстве и взаимообусловленности ее составляющих. Эксперт не просто считывает получаемые при обработке результаты и автоматически описывает их (это может сделать и неспециалист с помощью компьютерной программы), а рассматривает их во взаимосвязи друг с другом. Выявляемые противоречия (нередко только внешние, кажущиеся таковыми) необходимо подвергать анализу с точки зрения того, действительно ли это противоречия, не является ли противоречивость артефактом, и если нет, чем они вызваны (внешними «процедурными» факторами или существует некая внутренняя обусловленность). Возможно, внешняя противоречивость связана с эклектичностью в выборе методов. Скажем, акцентуации по-разному понимаются и описываются К.Леонгардом и П.Личко, несмотря на то, что некоторые из них носят одинаковые названия. При использовании опросников акцентуаций характера Шмишека и ИТО Л.Собчик однопорядковые психические явления могут быть описаны различными терминами, исходя из соответствующих теоретических подходов. То есть, каждый раз применяя определенный набор психодиагностических инструментов, психолог должен грамотно и корректно подходить к получаемым результатам.

Здесь следует остановиться также на том, что получаемые в экспериментально-психологическом исследовании данные важны не сами по себе, но лишь как отправная точка для анализа, теоретической реконструкции психической деятельности человека, в отношении которого проводится исследование, в юридически значимой ситуации (например, в момент совершения инкриминируемого ему деяния либо в момент, когда он стал свидетелем либо жертвой преступления; а возможно, - в период предварительного расследования или судебного разбирательства). Это связано со спецификой предмета

и объекта СПЭ (как общих, так и частных, определяемых задачами экспертизы по конкретному делу).

На основании анализа экспертной практики, мы выделили методы, применяемые при экспериментально-психологическом исследовании в процессе производства судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз. Для удобства данные представлены в табличной форме. В таблице мы указываем только экспертизы личности в уголовном процессе и ювенальной юстиции. Это не означает, что рассматриваемые методы не могут быть использованы при проведении экспертиз по гражданским делам, однако мы исходили из практики производства экспертиз по уголовным делам (поскольку она несравненно более обширная, нежели практика производства СПЭ по гражданским делам). Повторимся, выбор метода обуславливается конкретной экспертной задачей.

В графе «Вид СПЭ» мы указываем вид и род экспертизы и перечень стандартных экспертных задач, возникающих при производстве этих видов экспертизы. В графе «Психодиагностический инструментарий» дается перечень методов исследования. При этом методы подразделяются на рекомендуемые в качестве основных и в качестве дополнительных (факультативных).

Н.В.! Следует учитывать, что здесь предлагается перечень, из которого методы отбираются экспертом, исходя из задач конкретного исследования, сформулированных в вопросах следователя (суда). В то же время не следует упускать из виду, что перечень не исчерпывает всего многообразия научных методов, адекватных целям и задачам экспертного исследования.

№	Вид СПЭ	Психодиагностический инструментарий.
1.	СПЭ несовершеннолетнего обвиняемого Экспертные задачи: диагностика познавательной и эмоционально-волевой сферы; индивидуально-	Познавательная сфера: корректурная проба, «10 слов», «Пиктограммы», исключение понятий (графический и/или вербальный варианты), выделение существенных признаков понятий; классификация понятий; простые и сложные аналогии; графический тест на интеллект Кеттелла (CF-2A), тест Векслера (обязательно 1, 2, 4, 5, 6 субтесты), тест вербального

	<p>типологических и личностных особенностей с целью выявления способности к осознанно-волевой регуляции поведения в юридически значимой ситуации. Новая (перспективная) задача – оценка риска совершения повторных правонарушений.</p>	<p>интеллекта.</p> <p>Типологические и личностные свойства: основные - опросники Леонгарда-Шмишека, детский вариант индивидуально-типологического опросника Л. Собчик, 16-РР личностный опросник Кеттелла (подростковый вариант), патохарактерологический диагностический опросник П. Личко, фрустрационный тест Розенцвейга; дополнительные – шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, МВЦ Люшера, тест агрессивности Басса-Дарки, проективные методы ТАТ (САТ), «Несуществующее животное», «Нарисуй семью»; пробы на внушаемость; Цветовой тест отношений (для диагностики иерархии ценностей, системы отношений между членами группировки и т.д.); методы ретроспективной диагностики психического состояния. Структурированные методы оценки риска совершения повторных правонарушений (например, ОРВ⁸).</p>
2.	<p>СПЭ свидетелей и потерпевших (способности процессуального лица (свидетеля, потерпевшего) к адекватному восприятию юридически значимых объектов и обстоятельств, сохранению информации о них и последующему воспроизведению данной информации).</p> <p>Экспертные задачи: диагностика познавательной сферы; индивидуально-типологических и личностных особенностей; уровня развития речи; психического состоя-</p>	<p>Познавательная сфера: основные - корректурные пробы, восприятие «зашумленных» изображений; «10 слов», «Пиктограммы», исключение понятий (графический и/или вербальный варианты), выделение существенных признаков понятий; классификация понятий; простые и сложные аналогии; графический тест на интеллект Кеттелла (CF-2A), тест Векслера (обязательно 1, 2, 4, 5, 6 субтесты), тест вербального интеллекта; дополнительные – аппаратные методы психофизиологического исследования для изучения психофизиологических особенностей ощущения и восприятия (при необходимости изучения особенностей восприятия в экстремальных ситуациях – в пороговых условиях восприятия, в условиях дефицита времени, информационной перегрузки).</p> <p>Типологические и личностные свойства: основные - опросник Стреляу, опросник формально-динамических характеристик личности Русалова, индивидуально-типологический опросник Л. Собчик; пробы на внушаемость; рассказы по неопределенным сюжетам из ТАТ (САТ); ретроспективное</p>

⁸ Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего «Оценка рисков и возможностей». – М., 2010

	<p>ния в юридически значимой ситуации с целью выявления способности к адекватному восприятию, сохранению и последующему воспроизведению юридически значимой информации.</p>	<p>исследование состояния с помощью шкал САН, шкалы состояний Немчина, СУПОС-8 и др.</p>
3.	<p>СПЭ потерпевших по делам о сексуальном насилии (способности процессуального лица (преимущественно жертвы сексуального посягательства) понимать характер действий и прогнозировать поведение других лиц в юридически значимых ситуациях, а также способности оказывать противодействие им в случаях, противоречащим как ведущим, так и актуальным (ситуативным) потребностям личности).</p> <p>Экспертные задачи: диагностика познавательной сферы; индивидуально-типологических и личностных особенностей; психического состояния в юридически значимой ситуации с целью выявления способности к пониманию характера и значения сексуальных действий, прогнозированию действий обвиняемого, оказанию сопротивле-</p>	<p>Познавательная сфера: «10 слов», «Пиктограммы», исключение понятий (графический и/или вербальный варианты), выделение существенных признаков понятий; классификация понятий; простые и сложные аналогии; графический тест на интеллект Кеттелла (CF-2A), тест Векслера (обязательно 1, 2, 4, 5, 6 субтесты), тест вербального интеллекта.</p> <p>Типологические и личностные свойства: основные - опросник Стреляу, опросники Леонгарда-Шмишека, индивидуально-типологический опросник Л.Собчик, патохарактерологический диагностический опросник П.Личко, 16-PF Кеттелла, фрустрационный тест Розенцвейга; дополнительные – шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, МВЦ Люшера, шкала контроля действия Ю.Куля (НАКЕМР-90), опросник конструктивного мышления С.Эпштейна, проективные методы ТАТ (САТ), «Несуществующее животное», «Дом-дерево-человек»; пробы на внушаемость; Цветовой тест отношений (для диагностики иерархии ценностей, системы личностных смыслов и т.д.); методы ретроспективной диагностики психического состояния.</p>

	ния сексуальному посягательству.	
4.	<p>СПЭ юридически значимых эмоциональных состояний.</p> <p><i>Экспертные задачи:</i> диагностика устойчивых индивидуально-психологических особенностей личности; психического состояния в юридически значимой ситуации с целью выявления способности к осознанно-волевой регуляции поведения в условиях экстремального воздействия.</p>	<p>Познавательная сфера: «10 слов», «Пиктограммы», исключение понятий (графический и/или вербальный варианты), выделение существенных признаков понятий; классификация понятий; простые и сложные аналогии; графический тест на интеллект Кеттелла (CF-2A), тест Векслера (обязательно 1, 2, 4, 5, 6 субтесты), тест вербального интеллекта.</p> <p>Типологические и личностные свойства: основные - опросник Стреляу, опросники Леонгарда-Шмишека, индивидуально-типологический опросник Л.Собчик, СМЛ (ММРІ), 16-PF Кеттелла, ТАСТ, фрустрационный тест Розенцвейга; дополнительные – шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, МВЦ Люшера, шкала контроля действия Ю.Куля (НАКЕМР-90), опросник конструктивного мышления С.Эпштейна, опросник агрессивности Басса-Дарки; проективные методы ТАТ (САТ), «Несуществующее животное», «Дом-дерево-человек»; Цветовой тест отношений (для диагностики иерархии ценностей, системы личностных смыслов и т.д.); методы ретроспективной диагностики психического состояния (САН, шкалы состояний Немчина, СУПОС-8, ОРДПС и др.).</p>
5.	<p>СПЭ по фактам аварий на транспорте и на производстве (способности процессуального лица (участника дорожного движения, иного лица, выполняющего профессиональные функции) осуществлять адекватную юридически значимой ситуации деятельность (действия) в условиях, предъявляющих повышенные требования к его индивидуальным психологическим возможностям).</p>	<p>Познавательная сфера: основные - корректурные пробы, таблицы Шульте и Шульте-Горбова, проба Мюнстерберга, восприятие «зашумленных» изображений, объем зрительного восприятия; «10 слов», «Пиктограммы», исследование оперативной памяти, графический тест на интеллект Кеттелла (CF-2A), исследование оперативного мышления; аппаратные (в т.ч. компьютерные) методы психофизиологического исследования для изучения психофизиологических особенностей ощущения и восприятия (при необходимости изучения особенностей восприятия в экстремальных ситуациях – в пороговых условиях восприятия, в условиях дефицита времени, информационной перегрузки), особенностей реакции (простой сенсомоторной, реакции на движущийся объект, реакции в условиях выбора).</p> <p>Типологические и личностные свойства: основные - опросник Стреляу, опросник формально-дианмических характеристик личности Русалова, индивидуально-типологический опросник</p>

	<p>Экспертные задачи: диагностика профессионально значимых индивидуально-психологических особенностей личности (в том числе на психофизиологическом уровне); психического состояния в аварийной ситуации с целью выявления способности к адекватному восприятию опасности, принятия и реализации решения, адекватного требованиям ситуации.</p>	<p>Л.Собчик, ТАСТ, 16-PF Кеттелла; шкала контроля действия Ю.Куля (НАКЕМР-90), опросник конструктивного мышления С.Эпштейна; тесты мотивации достижения цели и успеха и избегания неудачи Элерса, риска Шуберта; ретроспективное исследование состояния с помощью шкал САН, шкалы состояний Немчина, СУПОС-8, ОРДПС и др.</p>
6.	<p>СПЭ по факту смерти, произошедшей в условиях неочевидности (посмертная экспертиза, экспертиза в отношении лица, окончившего жизнь самоубийством).</p> <p>Экспертные задачи: ретроспективная диагностика психического состояния человека в период, предшествовавший смерти, с целью выявления способности (возможности) к суициду.</p>	<p>Психологический анализ материалов уголовного дела, продуктов деятельности (писем, записок, рисунков и т.п.), distance profiling.</p>
7.	<p>СПЭ личности обвиняемого (может быть подвидом СПЭ способности процессуального лица, вступившего в конфликт с законом, осознавать фактический харак-</p>	<p>Познавательная сфера: корректурная проба, «10 слов», «Пиктограммы», исключение понятий (графический и/или вербальный варианты), выделение существенных признаков понятий; классификация понятий; простые и сложные аналогии; графический тест на интеллект Кеттелла (CF-2A), тест Векслера.</p> <p>Типологические и личностные свойства: основные - опросник Стреляу, опросник формально-</p>

<p>тер своих действий, их общественную опасность, и/или способности руководить ими в зависимости от психического состояния и психологических особенностей).</p> <p>Экспертные задачи: диагностика познавательной сферы; индивидуально-типологических и личностных особенностей; мотивационной сферы с целью выявления психологических мотивов совершения преступления.</p>	<p>динамических характеристик Русалова, опросники Леонгарда-Шмишека, индивидуально-типологический опросник Л.Собчик, СМИЛ (ММРІ), 16-РР личностный опросник Кеттелла, ТАСТ, фрустрационный тест Розенцвейга; <i>дополнительные</i> – шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, МВЦ Люшера, тест агрессивности Басса-Дарки, шкала контроля действия Ю.Куля (НАКЕМР-90), опросник конструктивного мышления С.Эпштейна, проективные методы ТАТ (САТ), «Несуществующее животное», «Нарисуй семью»; Цветовой тест отношений (для диагностики иерархии ценностей), шкала ценностей Рокича, определение структуры потребностей по А. Маслоу.</p>
--	---

ЧАСТЬ II. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.

2.1. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого.

Назначается при совершении несовершеннолетним общественно опасного деяния, подпадающего под требования ч.2 ст.20 УК РФ, т.е. при совершении таких деяний, как убийство (статья 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (статья 112), похищение человека (статья 126), изнасилование (статья 131), насильственные действия сексуального характера (статья 132), кражу (статья 158), грабеж (статья 161), разбой (статья 162), вымогательство (статья 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166), умышленные уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 167), террористический акт (статья 205), захват заложника (статья 206), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (статья 207), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 213), вандализм (статья 214), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267).

Заключение судебно-психологической экспертизы имеет значение для определения способности несовершеннолетнего нести ответственность, особенно в тех случаях, когда выявляются признаки отставания в психическом развитии, как связанного, так и не связанного с психическим расстройством.

Предметом СПЭ данного вида является ситуативная способность несовершеннолетнего правонарушителя осознавать фактический характер своих противоправных действий и руководить ими в юридически значимой

ситуации (обусловленная как индивидуально-психологическими особенностями несовершеннолетнего, так и особенностями исследуемой ситуации).

Объектом является психическая деятельность несовершеннолетнего в момент совершения инкриминируемого ему деяния; психическое (эмоциональное) состояние; особенности познавательных процессов, эмоционально-волевой сферы, социального интеллекта; индивидуально-типологические и личностные особенности.

Исследование носит как ретроспективный характер (установление психологических фактов, относящихся к криминальному событию), так и проспективный характер (в плане установления риска рецидива правонарушения), что является новацией, вызванной к жизни внедрением ювенальных технологий в правосудие.

Поскольку одной из главных экспертных задач является выявление признаков отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, в отношении несовершеннолетнего правонарушителя предпочтительнее назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу (КСППЭ). Это связано с тем, что сходные признаки отставания в психическом развитии могут быть обусловлены как психическим расстройством, так и нахождением ребенка в трудной жизненной ситуации и/или в социально опасной ситуации. Нередко можно встретить случаи, когда отставание в психическом развитии связано с обеими группами факторов.

На разрешение экспертизы могут быть поставлены следующие вопросы, являющиеся обязательными при назначении экспертизы данного вида, поскольку непосредственно вытекают из содержания ч.3 ст.20 УК РФ, а также ст. 421 УПК РФ. Эти вопросы могут ставиться на разрешение как однородной СПЭ, так и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ):

- Имеются ли у несовершеннолетнего правонарушителя признаки отставания в психическом развитии, не связанного с психиче-

ским расстройством? Если да, то в чем они выражаются?

- Учитывая уровень психического развития и особенности ситуации совершения правонарушения, мог ли несовершеннолетний в момент совершения инкриминируемого ему деяния в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий?
- Учитывая уровень психического развития и особенности ситуации совершения правонарушения, в какой мере мог несовершеннолетний руководить своими действиями?

Следует отметить, что, если назначается КСППЭ, то целесообразна также постановка вопроса, относящегося непосредственно к компетенции экспертов-психиатров:

- Страдал ли несовершеннолетний правонарушитель во время совершения инкриминируемого ему деяния и страдает ли в настоящее время психическим расстройством (хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики)?

Постановка подобного вопроса имеет, с одной стороны, существенное юридическое значение, поскольку позволит отграничить отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, от отставания, обусловленного психическим расстройством (что в итоге приведет к разным правовым последствиям), а с другой, предотвратит опасность выхода экспертов за пределы своей научной компетенции.

Последнее на практике выглядит следующим образом: если при наличии признаков отставания в психическом развитии (выявленных экспертами-психологами) у несовершеннолетнего диагностируется психическое расстройство (экспертами-психиатрами), вопросы, касающиеся его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность

его действий и способности в полной мере руководить ими, решаются экспертами-психиатрами (в ряде случаев возможно совместное решение этих вопросов с экспертами-психологами, например, при наличии социализированных расстройств поведения и т.п.).

Если экспертами-психиатрами в рамках КСППЭ не выявляется психического расстройства, вопросы относительно способности осознания характера действий правонарушителя и способности руководить ими решаются экспертами-психологами.

Главным критерием адекватности возрастного порога уголовной ответственности, по мнению О.Д.Ситковской, является социально ориентированная управляемость поведением в ситуации выбора, то есть способность и возможность: *во-первых*, подходить к выбору целей и способа действий, осознавая себя членом общества, то есть, учитывая их последствия для других людей; *во-вторых*, осознавать причинно-следственные зависимости соответствующего варианта поведения; *в-третьих*, осознавать рассматриваемый вариант поведения как частный случай определенного вида и класса явлений, используя социально ориентированные оценки; *в-четвертых*, использовать механизм критичности в ходе выбора варианта поведения (несмотря на то, что такая оценка носит полусознанный, свернутый характер, осуществляется через уже имеющиеся стереотипы и привычки, особенно при совершении непредумышленных преступлений); *в-пятых*, осуществлять решение о соответствующем варианте поведения, сохраняя управление им. Если же возможность осуществлять перечисленные выше действия отсутствует (при наличии способности к этому), то исключается ситуация выбора¹. Е.Г.Дозорцева, оперирует понятием «личностная зрелость», которая проявляется, *во-первых*, в формировании определенной позиции, отражающей нормы группы или общества и/или выражающей внутренние индивидуально принятые правила и ценности с осознанием себя как ее носи-

¹ Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. – М., 1998

теля; *во-вторых*, в степени сформированности сознания и самосознания как смысловых систем. При этом, *показателями личностной зрелости* могут служить: а) опосредованность, устойчивость, последовательность, гибкость, целенаправленность и самостоятельность поведения подростка; б) наличие, содержание, реалистичность и временная перспектива его целей и планов; характер и обоснованность оценок и самооценок, структурированность представлений о себе. Основными характеристиками «нормального» развития субъекта деятельности на уровне индивида являются сформированность операциональных предпосылок развития личности в виде способности к целенаправленным действиям в пределах ведущего мотива. На уровне конвенциональной личности нормальное развитие проявляется в соподчинении мотивов, определенной структуре внутренней позиции, целевой регуляции деятельности в пределах заданных программ, моральных норм и правил. На уровне рефлексивной личности нормальное развитие означает сформированность, структурированность и осознанность мотивационно-смысловой сферы и нравственных норм; социально опосредованное содержание смысловых ориентиров и нравственных норм; сформированность и позитивный характер самосознания; способность к самостоятельному осознанному и произвольному целеполаганию в соответствии со структурой и характером собственных смыслов, нравственной позицией. При этом наиболее значимыми являются именно показатели структуры смыслов, содержания и социальной значимости смысловых ориентиров, а также самосознания⁹.

Рассмотрим пример экспертизы в отношении несовершеннолетнего, совершившего несколько убийств за относительно короткий период времени.

Пример 2. Из материалов уголовного дела известно, что несовершеннолетний З., 15 лет, обвиняется в убийстве Х., совершенном с целью хищения велосипеда путем нанесения косой двух ударов в область спины; в убийстве своего отца, З.А., совершенном в ходе конфликта путем нанесения удара ножом в сердце, а также – в убийстве на почве личных неприязненных отношений Б., путем нанесения палкой нескольких ударов в теменную область, нескольких ударов ножом в область шеи и нескольких ударов вилами в область грудной клетки

⁹ Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности подростков с противоправным поведением. М., 2004

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

2. Не выявляет ли обвиняемый З. признаков отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством?
3. Мог ли обвиняемый З. осознавать фактический характер своих действий, учитывая обстоятельства дела и уровень психического развития?
5. Какие индивидуально-психологические особенности могли существенно повлиять на поведение обвиняемого З. в исследуемых ситуациях 9.06.03 г., 13.07.03 г., 13.08.03 г.?

И С С Л Е Д О В А Н И Е

1. Материалы дела, относящиеся к предмету экспертного исследования.

Несовершеннолетний З. совместно с несовершеннолетним К. совершили угон мотоцикла. Когда о совершенном угоне стало известно сотрудникам милиции, З. предложил свидетелю сбежать в соседнюю область, где он ранее работал на поле у одного предпринимателя. Не ставя в известность близких родственников, З. и К. ушли из дома. Все время они шли пешком. На следующий день, двигаясь по трассе, увидели пожилого мужчину, который косил траву на поле и собирал ее в мешки. Они попросили у мужчины воды, посидели с ним примерно полчаса. З., решив завладеть велосипедом, принадлежавшим пожилому мужчине и выбрав момент, когда на дороге не было проезжающих мимо машин, ударил мужчину поленом в область лица, от чего тот упал на землю. Затем З. взял косу и нанес мужчине удар в область спины; от удара коса сломалась. Затем З. вторично нанес удар лезвием косы в область правого бока со спины. От нанесенных ударов мужчина почти сразу же умер. Потом З. забросал труп травой. К., испугавшись, убежал, а З. забрал велосипед и поехал, догнал свидетеля и сказал ему, чтобы он запрыгивал на раму. К. запрыгнул, и они поехали дальше по дороге. Отъехав до ближайшей лесопосадки, З. остановился, чтобы переодеться, так как его шорты были в крови; одев поверх шорт черные брюки, которые были у него в ранце, З. сел на велосипеде ребята поехали дальше.

Примерно через месяц после случившегося З., работая у хозяина на поле и проживая в «балагане» совершил убийство своего отца, к которому он приехал после описанных выше событий. Первоначально, по словам З., они с отцом сидели, разговаривали, а потом «немного поссорились» из-за дома, который сгорел у них на родине. Затем З. пошел в туалет, а когда вернулся отца не было. Войдя в дом, З. спросил, не видели ли отца находившиеся там работники, на что получил отрицательный ответ. З. подумал, что его отец ушел либо в «балаган», либо домой – в другую область. Когда все приехали в балаган, то отца З. там не нашли. Спустя почти месяц он якобы случайно нашел труп отца в выгребной яме, о чем рассказал рабочим. На следующий день во время распития самогона З. решил поговорить с одним из рабочих, Б., которого он подозревал в убийстве своего отца. Отойдя от «балагана», З. спросил Б., что у них произошло с его отцом. Тот сказал, что отец З. начал много командовать, и то, что он, Б., ударил его ножом. З. спросил о ноже, и тот ответил, что это была «бабочка». З. взял бревно и ударил им Б. два раза по голове, затем достал из кармана нож и ударил им Б. несколько раз по телу и шее. Когда Б. попытался подняться, З. у «балагана» взял вилы и ударил ими 2-3 раза Б. после чего тот упал. Потом З. оттащил Б. в лесополосу, где закопал его и закидал ветками. В своих дальнейших показаниях З. признал, что, напротив, Б. практически сразу заподозрил З. в убийстве отца, о чем не раз говорил другим рабочим, в связи с чем З. и убил его.

В ходе следствия З. признался, что между ним и его отцом произошел конфликт, в результате которого З. ударил отца ножом в область сердца; затем труп вместе с Б. оттащили в яму для мусора. Месяц спустя З. убил Б. «для того, чтобы последний никому не рассказал про убийство отца З.».

Мать З., показала, что у нее двое детей. С мужем она официально развелась почти за десять лет до случившегося, т.к. он злоупотреблял спиртными напитками, часто ругался

с ней и с детьми. Как следует из показаний свидетельницы, в школе З. учился удовлетворительно, особых увлечений у него не было, любил играть в футбол, много времени находился на улице. Несколько раз участвовал в драках, но сказать, что ее сын агрессивный свидетельница не может. С декабря 2002 г. З. находился на домашнем обучении из-за травмы позвоночника, которую он получил в драке.

Свидетельница характеризует своего сына как спокойного, уравновешенного, общительного; он никогда не конфликтовал в семье, в школе участвовал в различных соревнованиях, играх; с соседями у него ссор не было.

В материалах дела имеются справки, из которых следует, что З. к врачу психиатру не обращался и на учете в наркологическом диспансере не состоит.

Согласно школьной характеристике, З. за годы учебы показал себя учеником очень низких способностей, на уроках был не собран, постоянно отвлекался, выкрикивал или разговаривал с товарищами. Из-за плохого поведения получал в основном оценки “2” или “3”. Очень общителен, может организовать и повести за собой коллектив. На субботах мог очень хорошо работать, но старался уклониться от работы. В вечернее время вел себя на улице грубо, вульгарно. Часто обижал младших по возрасту. Мать любил, однако совершенно ее не слушал.

Из бытовой характеристики на З. следует, что он «вел себя хулигански, не взирая на возраст, грубил людям. Он вместе со своими друзьями воровал у соседей, а потом сдавал все краденное в металл. На разговоры людей не реагировал, а еще и угрожал. В микросовете были жалобы, но подавать на него заявление никто не решался, боялись его».

Согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, З. в период инкриминируемых ему деяний в состоянии какого-либо временного психического расстройства не находился. Как следует из материалов дела, его действия носили последовательный, целенаправленный характер, у него не отмечалось признаков нарушения сознания и ориентировки в окружающей обстановке, бреда, галлюцинаций, амнезии и других психопатологических синдромов, он мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

2. Судебно-психологическое исследование.

В процессе обследования З. к предложенным заданиям относится формально, рассказывает о случившемся последовательно, эмоционально ровен.

О себе дает подробные анамнестические сведения. Об отношениях с родным отцом говорит, что «начал общаться с ним последние несколько лет»; «так получилось, что работал вместе с отцом», отношения поддерживал с ним «рабочие». Близким человеком его не считал, характеризует отца отрицательно: «пил, часто бил мать». Во время совместной работы часто ссорился с отцом: тот «за день 3-4 раза выхватывал от меня». Скандалили в основном из-за того, что отец вспоминал как он жил с матерью З., а также оскорблял ее. Мать была против отношений З. с отцом. Со слов испытуемого, мать была для него авторитетом, «слушал ее в чем надо, но не ей решать, что мне делать».

По характеру себя считает вспыльчивым, нервным, “нормальным, хорошим человеком”. В людях ценит отзывчивость, любовь к животным, “правильный разговор, когда не тупят” (то есть не выставляют себя лучше, чем являются на самом деле), “не выделяются”. Не нравится хитрость, жадность, “когда тупят”, выделяются, высокая самооценка. Считает, что нельзя простить обман, “подставу, потом буду с ним разговаривать, если мне не будут грубить”. Со слов имеет много друзей - “нормальные пацаны”, считает, что хороших людей “встречалось много”.

О криминальных событиях сообщил информацию, в целом соответствующую материалам уголовного дела. Относительно убийства пожилого мужчины сказал, что «когда возле лесополосы увидели сидящего на земле мужчину, рядом с ним находился велосипед и мешок со скошенной травой, сразу решил забрать у него велосипед...Когда мужчина

стал подниматься, З. ударил его коленом в лицо, мужчина упал. К велосипеду была привязана коса, З. отвязал ее, подошел к мужчине и ударил его косой в спину, в бок, 1 или 2 раза, точно не помнит. Мужчина не сопротивлялся. З. снял с велосипеда скошенную траву и закидал ею мужчину, который был уже мертв».

Со слов З., когда убил мужчину, то “ничего не чувствовал”, убил потому, что “хотел забрать велосипед, а так получилось”, “я ему говорил, что он без велосипеда останется (в этот момент З. повышает голос) - остался без ничего, вообще”. На вопрос, почему просто не забрал велосипед отвечает, что “мужик собирался уйти, что-то хотел сделать, начал вставать, а рядом деревня - могли увидеть”. По поводу содеянного говорит, “что убил, жалею, иногда”

Приблизительно через месяц после работы, в деревне, З. с отцом и другими рабочими употребляли спиртные напитки (всего выпили 2 бутылки спирта по 1,5 литра). Было приблизительно 22 часа или 22-30. Все пошли в дом, смотреть телевизор, а З. вместе со своим отцом остались на улице, “оба были пьяные”. Начали ссориться “за драку, слово за слово” (до этого около двух недель назад, между З. отцом и сыном случилась драка, “просто подрались, не сильно”, после этого отец постоянно говорил З. - “я тебя не прошу”), отец ударил или толкнул З., испытуемый точно не помнит. В ответ З. ударил отца в грудь ножом, отец упал и З. ударил его ножом “10-15 раз, толком не помню”. Потом З. выкинул тело отца в выгребную яму, залез в нее и закидал тело. Отец не дышал. Потом З. пошел в дом смотреть телевизор. Во время убийства и после него “ничего не чувствовал”. По поводу случившегося, с его слов, “сожалеет, иногда”; но также говорит, что ранее у него иногда возникало желание убить отца.

До З. с соседних балаганов стали доходить слухи о том, что он убил собственного отца. Но кто их распространяет, точно не знал, но подозревал в этом Б. Через месяц отмечали день рождения хозяина, на которого работал З.. С его слов, «пили много, вчетвером». Примерно в полдень, находясь в балагане, З. спросил Б. по поводу слухов. Тот начал “что-то плести”, на улице, когда пили чай, Б. сказал З., что тот убил своего отца. При этом Б. и еще один рабочий сидели за столом. Стоявший рядом с ними З. взял палку, длиной примерно 1 м, и ударил Б. по лицу, от чего последний упал. Потом З. достал из кармана нож и ударил им несколько раз в шею лежащему Б.. Рабочий, ставший свидетелем случившегося, стал уходить в сторону деревни, З. пошел за ним. Отойдя примерно на 25 м от тела Б., З. окликнул свидетеля и сказал ему, чтобы тот никому ничего не говорил. Когда З. повернулся назад к балагану, то увидел, что перед ним стоит Б.. З. взял вилы и ударил ими Б. в грудь, последний упал и З. еще несколько раз ударил его вилами в тело. Потом З. оттащил тело Б. к стоящему рядом балагану и закидал тело ветками и землей.

Убитого З. характеризует отрицательно, говорит, что “он - плохой человек, жадный, мутный, гнилой, плетет не понятно что”, “часто скандалил со своим братом”. По поводу убийства Б. испытуемый не жалеет, говорит, что у него «ранее возникало иногда желание убить Б.».

В процессе экспериментально-психологического исследования были использованы следующие методы: 10 слов, пиктограмм, выделение признаков понятий, исключение понятий, субтесты шкалы Векслера, свободный от влияния культуры CF-2A Кеттелла, диагностические опросники ИТО (Л.Н. Собчик), Леонгарда-Шмишека, фрустрационный тест Розенцвейга, диагностика полимотивационных тенденций в “Я-концепции” личности (С.М. Петрова), МВЦ Люшера, “Шкала контроля за действием” (Ю. Куль), опросник Басса-Дарки, проективная методика “Несуществующее животное”.

Установлено, что память испытуемого несколько снижена - об этом свидетельствует динамика непосредственного запоминания словесного материала: 6-7-8-7-6-6; отсроченное воспроизведение (спустя час) – в пределах нижней границы нормативного диапазона (5 слов). Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм, отсрочено) – также несколько снижено. Пиктограммы адекватные, атрибутивно-формальные, метафорические, неупорядоченно расположенные (что свидетельствует о низком интеллектуальном

уровне - в пределах нормы). Обнаруживаются проблемы с сознательным (рациональным) контролем действий и поведения.

Успешность выполнения заданий на выделение признаков понятий - 2 правильных ответа из 11; заданий на исключение понятий - 9 правильных ответов из 17, что свидетельствует о низком уровне развития процессов обобщения и отвлечения.

Уровень общеобразовательных знаний низкий, однако, в бытовых вопросах ориентирован достаточно (Векслер). Интеллектуальный уровень развития З. соответствует нижним значениям нормативного диапазона (IQ=84, Кеттелл).

Данные ИТО свидетельствуют о наличии у З. внутреннего конфликта, что выражается в наличии таких противоречивых черт, как, с одной стороны, настойчивость, склонность к педантизму и настороженная подозрительность; а с другой стороны - выраженная изменчивость настроения, мотивационная неустойчивость, повышенная эмотивность, черты демонстративности (личность, ищущая признания). З. присущи также эгоцентризм и склонность к стеничной (агрессивной) манере самоутверждения вопреки интересам окружающих, вплоть до явных агрессивных высказываний или действий. Ему также присуща разговорчивость и двигательная раскрепощенность, но при этом ослаблены потребность и склонность к самосовершенствованию.

Данные опросника Ленонгарда-Шмишека указывают на присущие испытуемому общительность, недисциплинированность, раздражительность, возбудимость, агрессивность, враждебность, низкий уровень контроля над своими эмоциями, антисоциальную направленность личности.

В конфликтных и затруднительных ситуациях испытуемому свойственно самому разрешать возникающие проблемы, при этом он не склонен признавать свою ответственность за их возникновение. Агрессивен, враждебность направлена вовне. Уровень социальной адаптации снижен, что свидетельствует о нарушении его приспособления к социальному окружению (GCR=42,9 %, Розенцвейг). На наличие повышенной агрессивности (преимущественно физической и косвенной) и повышенной враждебности З. указывают данные по Басс-Дарки.

У испытуемого наблюдается мотивационная неустойчивость, недостаточная сформированность морально-нравственных ценностей (Петрова).

Низкий самоконтроль З. выявляется и с помощью опросника Ю.Куля.

Проективные рисуночные методы свидетельствуют, что З. свойственна выраженная агрессивность, как вербальная, так и физическая (причем последняя направляется, как правило, в отношении людей, старших по возрасту или стоящих выше по статусу). Импульсивен. Отмечается неуверенность в себе, связанная с существующей неблагоприятной для него обстановкой и событиями, имевшими место в прошлом. Просматривается устойчивая тенденция к действию, активной реализации своих намерений - почти все что планируется, тщательно обдумывается и осуществляется до конца.

Согласно МВЦ Люшера, испытуемому свойственны нереалистичная самооценка своих возможностей, самооправдание, повышенная настороженность, легко перерастающая в подозрительность и недоверчивость. Испытуемый категорически препятствует чьему-либо влиянию на его точку зрения. Чувствует дефицит эмоционального понимания; существующие обстоятельства воспринимает неблагоприятными и чрезмерно обременительными

На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что в настоящее время З. не обнаруживает признаков отставания в психическом развитии. Уровень интеллектуального развития и познавательных процессов (восприятия, внимания, памяти, мышления) – в пределах нижних значений нормы. З. в период совершения инкриминируемых ему деяний, несмотря на то, что он находился в состоянии алкогольного опьянения, мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В состоянии аффекта в момент убийства отца З. не находился. На это указывают: во-первых, отсутствие аффектогенного характера ситуации; во-вторых, нали-

чие алкогольного опьянения; в-третьих, значительное отличие его состояния по своей динамике и внутреннему содержанию от аффекта; в-четвертых, целенаправленность и целесообразность действий и поведения З. в исследуемый период, соответствие их поведенческому стереотипу при решении проблемных ситуаций. На поведение испытуемого в исследуемых ситуациях могли повлиять такие индивидуально-психологические особенности как раздражительность, агрессивность, легко загорающаяся враждебность, недостаточность самоконтроля, низкий уровень сформированности системы морально-нравственных ценностей, антисоциальная направленность личности.

Рассматривая вопросы компетенции СПЭ несовершеннолетнего обвиняемого, нами отмечалось, что на современном этапе суды перед экспертами ставят не только ретроспективные задачи, позволяющие оценить способность несовершеннолетнего к осознанно—волевой регуляции своего поведения в момент совершения преступления, но также проспективные задачи, позволяющие оценить риск совершения повторного правонарушения несовершеннолетним, привлекаемым к уголовной ответственности¹⁰. Это помогает оценить, как раньше говорили, степень «общественной опасности» несовершеннолетнего, но, главным образом, возможность его исправления в обществе, без лишения свободы, и определить «мишени» и способы воспитательного (ресоциализирующего) воздействия.

Многочисленные исследования российских и зарубежных ученых свидетельствуют, что правонарушения несовершеннолетних значимо связаны с целым рядом факторов внешнего и внутреннего порядка. При этом внешние факторы риска совершения правонарушений по-разному влияют на вероятность деликта. Так факторы макроуровня (безработица родителей, материальные и жилищные проблемы) могут выступать неблагоприятным социальным фоном, повышающим риск правонарушений, но не находятся в непосредственной связи с преступлением. Факторы среднего уровня обнаруживают более тесную связь с правонарушением: это – школа, круг общения. Факторы микроуровня (семья) непосредственно связаны и с совершением

¹⁰ Шипшин С.С., Шипшина О.С. Структурированная оценка вероятности совершения повторных правонарушений несовершеннолетним. Технология сбора и оценки информации о несовершеннолетнем правонарушителе / Пособие специалиста по ювенальной юстиции. – М., 2009; Технология сбора и анализа юридически значимой информации о несовершеннолетнем подсудимом и судебной защите прав несовершеннолетних в соответствии с ч.4 ст.29 и ст.421 УПК РФ. Методические рекомендации. Под науч. ред. В.Н. Ткачева – Ростов-на-Дону, 2009.

правонарушений. К внутренним факторам относятся индивидуально-типологические и личностные особенности, снижающие способность к осознанно-волевой регуляции поведения, система ценностей и установок несовершеннолетнего. Перечисленные факторы в рамках СПЭ являются объектами исследования при решении вопроса о риске совершения повторного правонарушения.

Рассмотрим пример оценки риска повторного правонарушения при проведении СПЭ.

Пример 3. В., 15 лет, совершила тайное хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину при следующих обстоятельствах: находясь в кабинете тренера рядом со спортзалом, похитила оставленный тренером на столе сотовый телефон «Сони – Эриксон» стоимостью 10000 рублей, чем причинила последнему значительный имущественный ущерб. С похищенным телефоном В. скрылась с места происшествия и распорядилась им по своему усмотрению.

До совершения преступления на учёте в ПДН ОМ и в КДН и ЗП несовершеннолетняя В. не состоит и ранее не состояла. Девочка воспитывается в неполной, неблагополучной, малообеспеченной семье. В семье трое детей. Совершеннолетние дети проживают отдельно. Родители В. развелись. Отец не принимает участия в жизни дочери. Мать ведёт аморальный образ жизни, воспитанием дочери не занимается.

В. родилась здоровым ребёнком. Развивалась в соответствии с возрастом. Девочка ослаблена, страдает хроническими заболеваниями (бронхит, гайморит, ангина). На учёте в наркологическом и психоневрологическом диспансере не состоит. В школу В. пошла своевременно. Обучалась в СОШ № 21. В течение двух последних лет обучалась в государственном областном оздоровительном образовательном учреждении санаторного типа для детей, нуждающихся в длительном лечении (санаторная школа – интернат № 18 Таганрога). По месту обучения характеризуется следующим образом: учится удовлетворительно. В учебной деятельности проявляет пассивность. Школу посещает без интереса. В трудовой деятельности проявляет активность. Трудится с удовольствием. Готова всегда оказать помощь. Отношения со сверстниками в отряде непростые: дружит с курящими подростками. В последние два года стала проявлять агрессивность. За участие в драке состоит на общешкольном учёте в комиссии правопорядка. После возбуждения уголовного дела девочка категорически отказалась проживать в школе – интернате, поскольку по её словам, ей было очень стыдно, что все сверстники узнали, что она «воровка». По заявлению матери В. была возвращена в семью для проживания с матерью по месту регистрации.

Семья В. (мать и дочь) проживает в частном домовладении. В холодное время года жилое помещение не пригодно для жилья, так как отсутствует отопление, не функционируют коммуникации, требуется капитальный ремонт. Санитарное состояние помещения не соответствует санитарным нормам. Мать не занимается воспитанием дочери.

Необходимо отметить, что девочка любит мать, очень к ней привязана. Но мать не осознаёт своих ошибок в образе своей жизни, воспитании дочери.

Девочка признаёт свою вину в совершении преступления, искренне раскаивается в содеянном. Ущерб, причинённый потерпевшему, возмещён.

Результаты психологического обследования показали, что для В. свойственны невнимательность, недостаточно развитое логическое мышление (преобладает конкретность

мышления), замедленная обучаемость, интеллектуальные интересы не выражены. У В. пониженная эмоциональная устойчивость: она чувствительна, отмечаются колебания настроения, легко расстраивается, поддается чувствам. В трудных ситуациях уходит от реальности. При этом В. общительная, активная, самостоятельная, разговорчивая, энергичная, искренняя в отношениях с людьми. В отношениях с окружающими бесхитростна, искренна, откровенна, несколько наивна, многое принимает на веру. Легко загорается общими увлечениями, прямолинейна, иногда грубовата и резка. Склонна к переживанию чувства вины, ранима, впечатлительна, не очень уверена в себе. Присутствует очень высокий уровень тревожности.

При оценке факторов риска совершения повторного правонарушения с помощью метода структурированной оценки (ОРВ)¹¹ установлено, что В. выявляет низкий уровень вероятности повторного правонарушения. В то же время обнаружено, что семья В., с одной стороны, является фактором риска (несмотря на низкие показатели по основным шкалам, выявляются значительное число дополнительных «семейных» факторов), с другой стороны, семья является ресурсом, поскольку девочка очень любит мать, тянется к ней. Иных серьезных рисков дальнейшей криминализации (как из числа восьми основных групп, так и дополнительных групп факторов риска) у В. не имеется. Полученные данные, во-первых, свидетельствуют о низком уровне «общественной опасности» В., во-вторых, определяют мишени воздействия (в данном случае, это – семья). Данная оценка позволила суду, учитывая деятельное раскаяние В., возмещение материального ущерба, принять решение об освобождении В. от уголовной ответственности, поскольку исправление несовершеннолетней возможно путём применения принудительных мер воспитательного воздействия в порядке ст. 90 УК РФ. В целях надлежащего исправления и реабилитации несовершеннолетней В. Была передана под надзор законного представителя и КДН и ЗП. При этом были разработаны меры ресоциализации и определены организации и учреждения, на которые была возложена работа с В. В течение трех последующих лет В. не было совершено каких-либо правонарушений.

NB! Нередко перед экспертом следователем или судом ставится вопрос о соответствии интеллектуального и паспортного возрастов. Чаще всего этот вопрос звучит следующим образом: «Какому возрасту соответствует интеллектуальное развитие несовершеннолетнего правонарушителя?». Как правило, подобный вопрос, инициируется стороной защиты, наивно полагающей, что может быть получено заключение, согласно которому отстающий в психическом развитии подросток, перешагнувший 14-летний рубеж, по уровню развития интеллекта будет соответствовать, например, 12-летнему возрасту, а поэтому не будет являться субъектом виновной ответственности. В связи с этим необходимо отметить следующее:

а) подобный вопрос не вытекает из содержания ст.20 УК РФ и ст. 421 УПК РФ: законодатель ставит задачей установление достижения паспортного

¹¹ Метод структурированной оценки (ассессмента) «Оценка рисков и возможностей»

возраста (14 лет), выявление признаков отставания в психическом развитии и его влияния на способность к осознанно волевой, социально ориентированной способности подростка регулировать свое поведение в юридически значимой ситуации;

б) не существует точного соответствия между паспортным возрастом, т.к. нормы имеют не количественный, а качественный характер и относятся к возрастным периодам, охватывающим несколько лет (например, подростковый период – от 11-12 до 14-15 лет, юношеский – от 14-15 до 17-18 лет), а не к конкретным календарным возрастам внутри периода.¹² Это связано с тем, что физиологическое и психическое развитие в пубертатный период протекает неоднородно, «качественными скачками»;

в) методологически неверно сопоставлять уровни психического развития более старшего по возрасту «аномального» подростка и психически здорового ребенка младшего возраста, поскольку аномальное развитие протекает по иным закономерностям, обусловленным природой аномалии и никоим образом не может быть сопоставлено с нормальным течением психического развития.

¹² О применении ч.3 ст.20 УК РФ. Информационное письмо. – М.: ГНЦССП им.В.П.Сербского, 2004

2.2. Судебно-психологическая экспертиза свидетелей и потерпевших.

Основанием для назначения данного вида экспертизы является, прежде всего, противоречивость показаний свидетелей/потерпевших о юридических значимых фактах. Показания свидетелей потерпевших могут быть внутренне противоречивыми, а также находиться в противоречии с другими доказательствами по делу (в том числе и показаниями других свидетелей). Можно выделить две группы факторов, обуславливающих специфику восприятия и сохранения информации - внешние и внутренние. К внешним следует отнести условия восприятия исследуемых событий. Они могут быть усложнены скоротечностью происходящего, уровнем интенсивности воздействия, высокой личностной значимостью для свидетеля/потерпевшего и т.д. К внутренним факторам относятся: особенности анализаторных систем (органов чувств), позволяющих адекватно воспринимать отдельные предметы и их сочетания, а также внешнюю сторону событий; особенности мыслительной деятельности, памяти, жизненный опыт, личностные особенности, позволяющие правильно воспринимать и оценивать внутреннее содержание происходящих событий, т.е. понимать их значение, сохранять эту информацию; соматическое и эмоциональное состояние человека в момент восприятия.

Таким образом, к числу **задач**, решаемых экспертом в рамках данного вида СПЭ, относятся:

- *установление способности правильно воспринимать отдельные факты или внешнюю сторону событий;*
- *установление способности правильно воспринимать внутреннее содержание событий или действий, т.е. понимать их; установление влияния условий восприятия на способность правильно воспринимать важные для дела обстоятельства.*

Исходя из этого, **предметом** рассматриваемого вида СПЭ является способность субъекта адекватно воспринимать юридически значимую ин-

формацию, сохранять ее в памяти, осознавать воспринятое, а также – воспроизводить данную информацию.

Объектом СПЭ способности процессуального лица к адекватному восприятию юридически значимых объектов и обстоятельств, сохранению информации о них и последующему воспроизведению данной информации является психическое состояние субъекта (рассматриваемое как интегративная характеристика психической деятельности, обуславливаемая, с одной стороны, устойчивыми индивидуально-психологическими особенностями субъекта, а с другой, - особенностями конкретной, в данном случае, юридически значимой ситуации); особенности познавательных процессов; индивидуально-типологические и личностные особенности.

Следует подчеркнуть, что оценка достоверности свидетельских показаний не относится к компетенции эксперта-психолога, являясь прерогативой следствия/суда. В то же время эксперт может выявить психологические факты, свидетельствующие как в пользу достоверности показаний свидетеля/потерпевшего, так и против нее (как это сделано в приведенном выше заключении).

СПЭ свидетелей и потерпевших может ответить на следующие вопросы:

1. Имеются ли у свидетеля (потерпевшего) индивидуальные особенности познавательной деятельности, иные психологические особенности (например, повышенная внушаемость, склонность к фантазированию и др.), снижающие способность правильно воспринимать события или предметы (указать какие) и давать о них правильные показания?

2. Каково было психическое состояние свидетеля (потерпевшего) в момент восприятия событий или предметов (указать каких)?

3. Учитывая психологические особенности, психическое состояние свидетеля (потерпевшего) и условия, в которых воспринимались события или предметы (указать какие), мог ли испытуемый их правильно (адекватно) воспринимать и запоминать?

4. Учитывая психологические особенности свидетеля (потерпевшего), может ли он давать правильные показания о важных для дела обстоятельствах?

5. Учитывая уровень психического развития свидетеля (потерпевшего) и его психологические особенности, мог ли он понимать внутреннее содержание (какое именно) событий (указать каких)?

По поводу вопроса №4 необходимо отметить следующее. Некоторые эксперты полагают, что этот вопрос выходит за рамки их компетенции, мотивируя это тем, что оценка достоверности показаний является исключительной прерогативой суда. То, что достоверность не оценивается экспертом, это абсолютно верно. Однако в данном вопросе правильность показаний не есть тождество достоверности, правильность понимается как адекватность показаний индивидуальным особенностям когнитивной сферы свидетеля, его психическому (эмоциональному) состоянию и условиям восприятия событий, о которых он дает показания.

Пример 4. По факту убийства пенсионерки К., чей труп был обнаружен в овраге, расположенном недалеко от ее дома, спустя неделю после смерти, было возбуждено уголовное дело и назначена экспертиза в отношении ее внучки (первоначально обвиненной в убийстве, а затем признанной свидетелем по делу).

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

1. Учитывая уровень психического развития Ц. и конкретные обстоятельства дела, могла ли она правильно воспринимать интересующие следствие события, запоминать их и давать о них правильные показания?
2. Имеется ли у Ц. повышенная склонность к фантазированию?
3. Свойственна ли Ц. повышенная внушаемость?
4. Какие психологические факты могут свидетельствовать в пользу достоверности показаний Ц., а какие против?

1. Материалы, относящиеся к предмету экспертизы. Данное уголовное дело возбуждено Н-ской прокуратурой по факту убийства пенсионерки К. Труп погибшей был обнаружен спустя неделю в овраге, расположенном недалеко от ее дома.

Судебно-медицинской экспертизой установлено, что смерть К. наступила в результате открытой черепно-мозговой травмы. Обнаруженные у погибшей множественные рубленые раны головы причинены многократным (не менее 17-19 раз) воздействием лезвийной части рубящего орудия (орудий) с достаточной силой. (л.д. 121-131)

По подозрению в совершении преступления были задержаны и заключены под стражу К. и Ц.

Из постановления о назначении судебно-психологической экспертизы следует: «Каких-либо иных доказательств соучастия Ц. в убийстве, кроме показаний К., в ходе следствия не установлено. Первоначально Ц. давала иные показания об обстоятельствах

совершения убийства, в связи с чем к ней применялась мера пресечения содержание под стражей. Впоследствии уголовное преследование в отношении Ц. было прекращено, и она является свидетелем».

Из материалов уголовного дела известно следующее. Первоначально Ц. сообщила, что обнаружила труп бабушки 28 февраля 1999 года в 4 часа утра, вернувшись домой вместе с Л.. У тела находился К. с топором в руках. Под воздействием угроз со стороны К. они с Л. помогли ему перенести труп во двор, а затем к канаве. Там К. стал засыпать тело землей, а им приказал наблюдать за окружающей обстановкой. Затем все вместе они присыпали тело мусором. Вернувшись домой, сложили все постельные принадлежности со следами крови в металлическую бочку за домом, где К. позднее сжег их. К 10 часам утра они втроем полностью уничтожили в доме все следы преступления. К. сказал, что теперь они втроем «повязаны» этим преступлением, пригрозил, что если они заявят, то сядут в тюрьму на 10 лет как соучастницы, затем предложил втроем жить в бабушкином доме. Для этого Л. привезла свои вещи. Далее Ц. рассказала в подробностях о совместном проживании с К. и Л. в течение трех дней, о странностях в его поведении, демонстрации ножа, намеках и угрозах, его рассказах о других совершенных и планируемых им убийствах, о высказанном им намерении убить Л. 4 марта К. послал их продать бабушкин костюм, чтобы купить продукты. По дороге они встретили своих знакомых, которые, услышав рассказ о случившемся, подвезли их в милицию.

Допрошенная в качестве подозреваемой Ц. показала, что они с К. пили чай, потом тот вышел покурить. Вернулся с топором, она спросила, зачем топор, но он сразу ударил лежавшую на кровати бабушку лезвием по голове. Она подбежала, но он ее оттолкнул и сказал, чтобы лучше закрыла уши и глаза. Отметила, что бабушка вначале встала и позвала ее, К. ударил снова. Она заткнула уши и отвернулась. Затем К. стал ее успокаивать. Она выбежала во двор, он последовал за нею с ножом, сказал, чтобы молчала, иначе убьет. Затем К. вынес ей одежду, и они пошли в ларек, купили сигареты. Вернувшись, К. зашел в дом, а она стала кричать, плакать, он ее ударил. Как объяснил ей К., он совершил убийство из-за жилья. Угрожал убить, если она не будет говорить о происшедшем так, как хочет он. Признала, что солгала при даче показаний в качестве свидетеля, пояснив это тем, что реально боялась угроз К.. Давала аналогичные показания и после снятия с нее обвинений, при допросе в качестве свидетеля. Сообщила также, что К. предлагал ей убить Л., а Л. предлагал убить ее. Они с подругой спали по очереди, но она «нечаянно засыпала».

Из школьной характеристики следует, что в период обучения Ц. не проявила интереса и старания, успевала в основном на «3», нередко имела неудовлетворительные оценки при неплохих способностях к обучению. Пропускала уроки без уважительных причин, контакта с учащимися класса не имела. В общении резка, грубовата. Часто нарушала дисциплину. Участия в жизни класса не принимала. По натуре - лидер. Воспитывалась бабушкой. После окончания 8 класса выбыла в лицей.

Согласно справкам, Ц. на учете у психиатра и нарколога не состоит.

2. *В процессе психологического обследования* Ц. контакту доступна, на вопросы отвечает по существу, дает о себе анамнестические сведения, держится настороженно. Фон настроения ровный, при рассказе о случившемся не меняется. Эмоционально невыразительна, сдержанна, на вопросы по делу отвечает после обдумывания. Сожаления по поводу смерти бабушки не высказывает, внешне спокойна, рассказывает обо всем неохотно, кратко. Экспериментальные задания выполняет быстро, без старания, тяготится исследованием.

О себе рассказала, что окончила 9 классов общеобразовательной средней школы. Хорошо успевала по русскому, литературе, с трудом давались алгебра, геометрия, физика. По совету бабушки поступила в автодорожный техникум, но впоследствии та передумала - хотела, чтобы она получила специальность бухгалтера. Саму же испытуемую привлекает профессия юриста, планирует в будущем поступать в юридический колледж. В настоящее

время определенных занятий и интересов не имеет. Основное время проводит, со слов, дома, помогает матери по хозяйству. По характеру считает себя спокойной.

Рассказала, что с бабушкой они жили дружно, та любила ее, ругала в основном за позднее возвращение домой, случалось, не одобряла ее знакомств. Считает, что это было продиктовано заботой, потому она обычно на бабушку не обижалась, не конфликтовала с нею. Когда бабушка кричала, она молчала, переживала, та обычно сама успокаивалась. Во время крупных скандалов (например, когда бабушка не разрешала ей встречаться с парнем или общаться с какой-либо подругой) уходила к матери на несколько дней. На примирение обычно шла первой.

Пояснила, что с К. была знакома недолго, жалела его, кормила, бабушка не была против. В день убийства К. попросился на чай, бабушка разрешила, а сама легла спать. В какой-то момент К. вышел покурить, затем она увидела, что он вернулся с топором и сразу услышала звук удара. Подбежала, увидела кровь. К. оттолкнул ее. Поясняет, что ничего не могла сделать, не могла кричать, все происходило “как не по-настоящему”. Думала, что он только поранил бабушку, что та жива. У К. был нож, он угрожал, чтобы не кричала. Чувствовала себя очень плохо, “все тряслось”. Затем сидела во дворе. К. дотасил тело бабушки до оврага, пошла за ним. Избавившись от тела, К. завел ее в дом, говорил, чтобы убирала, но в итоге все убрал сам. На ее вопросы говорил, что это для него подходящее место, что они будут здесь жить. Испытуемая пояснила, что в течение нескольких дней она не могла заявить о случившемся, т.к. боялась К., даже когда выходила из дома без него. При этом в обращении с нею он не был груб. Позвала подругу, в ее присутствии было “не так тревожно”. Затем ей стало все равно, кроме того в тот день она точно знала, что К. будет находиться на даче, заявила об убийстве. Сообщить, что они вместе нашли бабушку уже мертвой предложила ей Литвинова, но затем та сама испугалась. Утверждает, что К. на нее наговаривает, он ей и ранее говорил, что сделает ее сообщницей, если она его выдст...

...Установлено, что восприятие и память испытуемой без явных дефектов. Динамика непосредственного запоминания словесного материала: (4-8-9-10). Устойчивость запоминания высокая (продуктивность отсроченного воспроизведения максимальная - 10 слов). Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм, отсроченно) - в пределах нормы. Пиктограммы преимущественно конкретно-ситуативные, формальные, адекватные, упорядоченно расположенные, что свидетельствует об отсутствии у испытуемой выраженных нарушений в интеллектуальной сфере. Следует отметить, что Ц. отказалась подобрать образ для запоминания на понятие “обман”, сославшись на затруднение. Образы на иные абстрактные понятия (такие как вражда, доброта, справедливость) выбраны адекватно.

Решение испытуемой серии графических задач нарастающей сложности (CF-2A Кэттелла) соответственно уровню интеллектуального развития в пределах нижней границы возрастной нормы. (IQ=85). Задания на выделение основных признаков понятий и исключение понятий выполнены достаточно успешно (9 из 11 и 11 из 17 верных решений соответственно)...

...Результаты опросника Леонгарда-Шмишека сомнительны вследствие высокого показателя недостоверности, неискренности ответов (показатель по шкале “лжи” равен 8), что может свидетельствовать о выраженной тенденции к искажению результатов исследования. Полученные данные указывают на стремление Ц. показать себя в качестве эмоционально восприимчивой, сострадательной, боязливой, серьезной, уравновешенной, надежной в делах и поступках, чуждой легкомыслия, поверхностных контактов, демонстративности. При этом выявляются признаки эмоциональной неустойчивости.

По данным ПДО у испытуемой диагностируется эпилептоидный тип акцентуации¹³ характера. Отмечается низкая конформность (т.е. испытуемой не свойственно менять свое

¹³ чрезмерная выраженность отдельных черт характера

мнение, поведение и установки под влиянием окружающих, характерна устойчивость к внешнему давлению, тенденция к противодействию позиции группы или авторитета, самостоятельность) и умеренная реакция эмансипации (имеется стремление высвободиться из-под опеки, контроля, покровительства старших - родных, учителей, пр., попытка самоутверждения, обретения независимости, самонадеянность). Эпилептоидные подростки не только требуют свободы, самостоятельности, но и “прав”, своей доли имущества. Собственная выгода и личный интерес вообще являются определяющими в их поведении. Характерны фиксация на препятствии к удовлетворению потребности, ригидность (тугоподвижность, вязкость) в двигательной сфере, эмоциях, мышлении, склонность к накоплению негативных эмоциональных переживаний, затаенных обид, мстительность, эмоционально-волевая неустойчивость, вспышки гнева с проявлением агрессии, конфликтность, нарушения поведения.¹⁴

...По данным фрустрационного теста Розенцвейга, у испытуемой отмечается преобладание реакций, направленных на принижение значимости ситуации, а также тенденция пускать дело “на самотек”, занимать выжидательную позицию. Уровень социальной адаптации снижен ($GCR=46,4$ по сравнению со стандартным диапазоном для данной возрастной категории $60,4 \pm 1,1$)...

Рассказы, составленные испытуемой по сюжетам из ТАТ, кратки, лаконичны, ограничены сюжетными рамками, в целом адекватны, без признаков повышенной склонности к фантазированию. Проявление агрессии на одной из картинок воспринимается испытуемой неадекватно - как удивление.

По данным Люшер-теста, испытуемой присущи ригидность установок, упорство, настойчивость, значимость социо-экономического статуса, собственного престижа, ориентация на внешнюю оценку своей личности. Подчинение для нее неприятно, напротив, свойственно стремление к лидированию или, по крайней мере, к самостоятельности. Вероятно проявление раздражительно-эксплозивного поведения. Актуальное состояние испытуемой характеризуется переживанием тревоги, чувства неуверенности. Источником этого является угроза возможности достижения цели. Стремится к избавлению от каких-либо обязанностей, способных обременить ее положение, ограничить свободу и независимость. Эмоционально устойчива. В действиях аккуратна, последовательна и самостоятельна, но при поддержке окружающих, особенно близких, чувствовала бы себя более уверенно.

ЦТО показал, что на уровне эмоциональных отношений у Ц. не обнаруживает позитивного отношения к бабушке, матери, отцу, а также к обвиняемому. Склонна идеализировать образ бабушки (0.62)¹⁵, при этом отождествляет ее характер с такими чертами, как наивность, глупость (0.67), в меньшей степени - с добротой (0.36), умом (0.29). Образ К. испытуемая наделяет такими качествами как злость (0.93), жестокость (0.60). Себя воспринимает близкой к идеалу, при этом свой интеллектуальный потенциал оценивает амбивалентно (одновременно воспринимает себя «глупой» и «умной»).

Ретроспективный анализ психического состояния Ц. в интересующий следствие период (проективно, опосредованно, с помощью метода ОРДПС и цветового теста Люшера) показал следующее.

На этапе, когда пили с К. чай, состояние испытуемой значимо коррелировало с чувством внезапности (0.88), напряженностью (0.76), тревогой (0.69), безразличием (0.69), гневом (0.36), активностью (0.33), готовностью действовать (0.33), страхом (0.31). Значения выбора цветов так же указывают на переживание испытуемой на этом этапе повышенной тревоги, дискомфорта, неуверенности, чувства зависимости от объекта привязанности и страха одиночества, напряженности, эгоцентрической сосредоточенности на своих интересах, при сдержанности, осмотрительности в поступках и высказываниях, по-

¹⁴ А.Е. Личко “Психопатии и акцентуации характера у подростков”. Медицина, 1983, с. 146-153.

¹⁵ здесь и далее в скобках указываются значения коэффициента ранговой корреляции (по Спирмену)

вышенном самоконтроле, решительности и настойчивости в достижении цели, стремлении к самостоятельности, независимости.

В момент убийства выявлялась выраженная связь состояния испытуемой со страхом (0.86), напряженностью (0.76), гневом (0.55), активностью (0.52), тревогой (0.50), при отсутствии значимой положительной связи с растерянностью (-0.50), безвыходностью (0.19), внезапностью (0.24). Отмечалось стремление оградить себя от волнений, настороженность, сдержанность, недоверие.

В последующий период (в том числе в течение нескольких дней после случившегося) состояние Ц. характеризовалось потребностью освободиться от гнетущих обстоятельств, страх перед неизвестностью при упорядоченности, последовательности, самостоятельности и осторожности в поступках. Выявляется значимая корреляция с такими переживаниями как страх (0.93), тревога (0.64), напряженность (0.50), апатия (0.29).

Ретроспективный анализ показал, что состояние Ц. в исследуемый период характеризовалось противоречивыми тенденциями - силы и слабости, страха, тревоги и гнева, активности. Несмотря на негативный эмоциональный фон и недостаточную устойчивость состояния, у испытуемой отмечались признаки мобилизации - решительность, упорство, повышение самоконтроля, сдержанность, осторожность. В целом состояние Ц. можно квалифицировать как состояние психической напряженности, которое не оказало существенного дезорганизующего воздействия на ее психическую деятельность. Данное состояние могло быть обусловлено у нее как действиями К. (при развитии событий по ее версии), так и возникнуть при иных обстоятельствах (не исключая версии обвиняемого). Обращает на себя внимание тот факт, что уже на этапе чаепития (когда Ц., по ее показаниям, еще не должна была знать о замыслах К.) ее состояние связано с напряженностью, тревогой, страхом.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. Ц. признаков отставания в психическом развитии не выявляет. Учитывая это обстоятельство, она могла правильно воспринимать интересующие следствие события, запоминать их и способна давать о них правильные показания (что не исключает возможности их сознательного искажения). Признаков повышенной склонности к фантазированию испытуемая не выявляет. Повышенная внушаемость Ц. не свойственна. В пользу достоверности показаний Ц. могут свидетельствовать такие факты как отсутствие у нее грубых нарушений в интеллектуальной сфере, явных дефектов восприятия и памяти, повышенной склонности к фантазированию; против - неискренность и стремление исказить результаты исследования; развернутое и подробное изложение заведомо искаженных фактов (в первоначальных показаниях, ложность которых признаны самой испытуемой). Отсутствие у Ц. признаков повышенной внушаемости может, с одной стороны, делать маловероятной возможность влияния на ее показания третьих лиц (что может свидетельствовать в пользу ее показаний), а с другой - ставить под сомнение факт психического воздействия на нее со стороны К. (иными словами, свидетельствовать против ее показаний, особенно относительно периода совместного проживания с К. на даче после преступления и невозможности заявить о нем).

Нередко в отношении свидетелей назначаются комплексные психолого-психиатрические экспертизы (КСППЭ), особенно в тех случаях, когда имеется информация о том, что свидетель страдает психическим расстройством либо, при отсутствии подобной информации, ведет себя не совсем адекватно в процессе расследования. Рассмотрим пример такой экспертизы.

Пример 5. Из материалов уголовного дела известно, что П-а. в пьяной ссоре ударила ножом в грудь своего сожителя М.. Признав совершение инкриминируемого ей деяния, П-а. в дальнейшем от своих показаний отказалась. В ходе следствия несовершеннолетняя обвиняемая П., показала, что вернулась с дискотеки. М. в это время бил маму костылем, затем повалил ее на кровать и стал ее душить. Мать кричала, материлась, была очень злая на М. Мать вырвалась, схватила кухонный нож с черной пластмассовой рукоятью и нанесла удар ножом сверху вниз в область груди дяди М. М. закричал от боли. Свидетельница испугалась и сразу выбежала из дома. Всю ночь просидела на лавочке напротив храма. Утром вернулась домой и увидела накрытый покрывалом труп М. Мать плакала и жалела, что убила его. Мать попросила помочь ей положить труп под кровать, но П. отказалась. Мать сама «скинула с кровати и запихнула под кровать дядю М.». Там труп пролежал до вечера 3 сентября 2001 года. Вечером вместе с неизвестным мужчиной, у которого была тачка, мать вынесла труп в мешке и положили на тачку, после чего уехали. Мама вернулась под утро. Мама просила никому о случившемся не рассказывать, боялась, что ее посадят в тюрьму...

В процессе психиатрического обследования П. было установлено, что наследственность отягощена алкоголизмом родителей. Родилась четвертой из четверых детей. Родители в разводе. Раннее развитие без особенностей. Перенесенных заболеваний не отмечает, но знает со слов матери, что в раннем детстве лечилась по поводу «какого – то заболевания сердца». В школу пошла в срок, но «учиться желания не было», часто не посещала школу, не всегда учила уроки, не усваивала программный материал. Дублировала третий класс. После четвертого класса учебу бросила. В дальнейшем нигде не училась и не работала. С пятнадцатилетнего возраста вместе с матерью работала на сезонных работах у корейцев. В течение двух последних лет мать сожительствовала с М., с которым вместе часто распивали спиртные напитки. В состоянии алкогольного опьянения ссорились, «дрались». Из представленной истории болезни следует, что испытуемая с 17.02 по 9.03 2000 года находилась на лечении в больнице по поводу аллергического дерматита, тиреотоксикоза. 25.02.00 была консультирована психиатром в связи с жалобами на раздражительность, плаксивость, обидчивость. Установлен диагноз: «педагогически запущенная личность, астено-невротический синдром». *Неврологически:* со стороны ЦНС признаков органического поражения не определяется. *Психическое состояние:* сознание ясное, правильно ориентирована в месте, времени и собственной личности. Внешне опрятна. В поведении спокойна.. Доступна контакту. На вопросы отвечает по существу. Дала сведения о себе. Жалоб не предъявляет. Общий уровень знаний и представлений ограничен. Кругозор невелик. Интеллект низкий. Мышление последовательное, конкретного типа. Суждения примитивные. Активной психотической симптоматики (бред, галлюцинаций) не выявляет. Хорошо помнит и излагает обстоятельства убийства М. Критические способности сохранены...

При проведении психологического обследования П. контактна, инертна, для ответа на вопросы ей необходимо сосредоточиться. Дала о себе подробные анамнестические сведения (не противоречащие изложенным в судебно-психиатрическом исследовании). Пояснила, что три ее старших брата «сидят в тюрьме за воровство». После случившегося с матерью живет у отца в 3-х, помогает ему по хозяйству. Отношения с отцом хорошие. В свободное время любит смотреть телевизор («Земля любви»), читать «любые» журналы.

Говоря об отношениях с М., отмечает, что он часто ссорился с матерью и самой испытуемой. Скандалы устраивал «и когда пьяный, и когда не пьяный». Когда П. стала свидетелем того, что М. ударил мать в живот костылем, «начала ругаться на него» и он попытался ударить ее по спине. Увидев, что мать ударила его ножом, испугалась и убежала.

П. полагает, что если бы мать не убила М., то он убил бы ее, хотя и отмечает, что «убивать – плохо».

...Установлено, что внимание испытуемой – относительно устойчиво, восприятие (как зрительное, так и слуховое) – без существенных изменений. Память развита доста-

точно: динамика непосредственного запоминания – 4-4-10; отсроченно – 6 слов. Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм) изучить не удалось ввиду серьезных затруднений испытуемой в процессе рисования пиктограмм.

Уровень общеобразовательных знаний низкий. Ориентация в житейских проблемах – соответственно возрасту, полученному образованию, микросоциальному окружению. Понимает переносный смысл поговорок. Пословицы не знает. Выполняет простые задания на обобщение (вербальный вариант, Векслер). Справляется с заданиями на исключение понятий (графический вариант); объяснения примитивные. Способна устанавливать связи между понятиями. Серии графических задач нарастающей сложности доступны для решения (81%).

Испытуемая составляет короткие и примитивные рассказы по неопределенным сюжетам (из ТАТ) - перечисляя персонажи, их действия. Адекватно воспринимает и описывает действия и переживания персонажей. Продуктивное воображение развито крайне недостаточно, а потому повышенной склонности к фантазированию не выявляет.

В ситуации психического давления легко «идет на поводу» у экспериментатора, теряется, не склонна отстаивать свою позицию, что свидетельствует о повышенной внушаемости.

На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что П. обнаруживает признаки умственной отсталости легкой степени. Это проявляется в инертности психических процессов (в том числе мышления), недостаточности развития процессов обобщения и отвлечения, низком уровне интеллектуального развития. В то же время восприятие (зрительное и слуховое), память развиты достаточно для адекватного восприятия событий объективной реальности, их запечатления и последующего извлечения из памяти. Словарный запас также достаточен для описания воспринимаемых событий. Исходя из этого эксперты делают вывод, что имеющееся интеллектуальное недоразвитие у П. не столь значительно, не сопровождается психотической симптоматикой, а потому не лишило ее способности правильно воспринимать события в момент убийства М.. По своему психическому состоянию она может правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Повышенная склонность к фантазированию ей не свойственна. Отмечается повышенная внушаемость.

Из этого примера видно, что наличие психического расстройства непосредственно не влечет за собой ущерба способности адекватно отражать юридически значимые события объективной реальности. Большую сложность для следствия и суда представляют случаи, когда свидетелем или потерпевшим является человек, который может быть «ненадежным» не только в силу психического расстройства, но и возраста. Это демонстрирует следующий пример.

Пример 6. Из материалов уголовного дела известно, что в хуторе В., Н-ского района, обвиняемый С. забил корову, принадлежащую А.. Главным свидетелем по делу проходил З., 8 лет.

Из показаний З. известно, что он вместе со своей малолетней сестрой пошел рвать траву для кобылы и увидел, что их сосед С. погнал их маленькую телку. В руках у С. были вилы, которыми он ударил телку в бок. З. показал: «Мы все это видели, но сидели в зарослях, т.к. боялись». Затем С. загнал их телку в яму, а сам пошел работать в огороде. З. было жалко телку, поэтому он плакал. Несколько раз они с сестрой ходили посмотреть на телку, у которой «в боку было четыре раны, из которых шла кровь». В судебном заседании З. показаний не давал: «молчал, был скован, на поставленные вопросы не реагировал».

С. свою вину полностью отрицает. Сообщил, что телка А. всегда паслась у него в огороде, он ее прогонял, что произошло и 15 мая 2001 года. Никаких повреждений телке

не наносил, т.к. не мог за ней угнаться. З. находился возле телки, но когда его видел, убегал...

В ходе судебно-психиатрического обследования было установлено, что наследственность З. психопатологически отягощена умственным недоразвитием сестры. Сведений о раннем развитии и перенесенных заболеваниях в деле нет. В школе не обучался, читать не умеет. Проживает с матерью, бабушкой, братом и племянником. Помогает по хозяйству, смотрит за животными, играет в «машинку». Неврологически: без признаков очагового поражения ЦНС. Психический статус: В контакт вступает пассивно. На вопросы отвечает односложно. Представления о внешнем мире ограничены. О себе сообщает имя и возраст. Не смог назвать времени года. Мышление носит конкретно-предметный характер, образование абстракций невозможно. Тесты на обобщение и исключения понятий недоступны. Словарный запас беден, речь олигофазична. Дает очень поверхностные, непоследовательные сведения, касающиеся обстоятельств настоящего дела. Сообщил, что он видел, как сосед С. «убил телка вилами в бок», «завалил его, а потом перетащил за сетку». Затем сказал, что ничего не видел, т.к. в это время находился дома. Не может точно указать, с кем из детей находился в момент происшедшего. Критичен к сложившейся ситуации, однако понимание обстоятельств настоящего дела отсутствует. Эмоциональные реакции бедные, однообразные. Активной психопатологической симптоматики (бреда, галлюцинаций) не выявляет.

При проведении психологического обследования выявлены истощаемость психических процессов, отвлекаемость, невнимательность к инструкциям, игнорирование вопросов эксперта. Выполнение заданий требовало постоянной направляющей поддержки эксперта.

По результатам исследования установлено, что испытуемый грубых дефектов восприятия не выявляет, обнаруживает предметы на «зашумленных» изображениях. Недостающие детали на картинках обнаруживает с трудом. Способность к произвольной концентрации внимания низкая. Зрительная память развита достаточно.

Решение серий графических задач нарастающей сложности (прогрессивные матрицы Равена) соответствуют низкому уровню интеллектуального развития (правильно выполнено менее 50%).

Испытуемый выявляет несформированность временных и цветовых (оттенках основных цветов) представлений (знает некоторые времена года; дни недели, название месяцев не знает). Ориентация в практических и бытовых вопросах недостаточна. Знает название распространенных профессий. Сформированы представления «больше», «меньше», «наибольший», «наименьший». Правильно исключает только элементарные понятия. Элементарные обобщения не доступны. Способность к самостоятельному осмыслению сюжета (по серии картинок сюжета «Умная галка») снижена, выявляет непонимание внутренних смысловых связей, что указывает на дефекты в аналитико-синтетической деятельности. Считает до 20, обратный счет от 10. Выполняет простые арифметические действия на наглядном материале. Знает отдельные буквы алфавита. Понимание переносного смысла простых пословиц недоступно. Словарный запас беден, понятийная сфера узкая. Испытывает трудности вербализации понятий. Круг интересов ограничен. В ситуации психического давления проявляет настойчивость в отстаивании своей позиции, даже в тех случаях, когда его мнение подлежит сомнению со стороны экспериментатора (Векслер, Атлас, беседа.)

Рассказы по сюжетам из САТ, составленные испытуемым посредством диалога (в связи с невозможностью развернуть монологическую речь), кратки и примитивны по своему содержанию, составлены из простых предложений, не выходят за рамки сюжетов. Данные особенности свидетельствуют об отсутствии повышенной склонности к фантазированию.

На основании проведенного исследования комиссия приходит к заключению. З. выявляет признаки умственной отсталости легкой степени со слабо выраженными нару-

шениями поведения F70.09, которые сопровождаются конкретностью мышления, примитивностью суждений, нарушением критических способностей. На первый план у З. выходят неустойчивость поведения и эмоциональных проявлений, трудности самостоятельной организации деятельности, неспособность к длительным волевым усилиям и произвольной концентрации внимания, несформированность временных представлений, дефекты аналитико-синтетической деятельности, затруднения вербализации понятий. Перечисленные особенности психической деятельности З., снижают его возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и лишают способности давать о них правильные показания. З. не выявляет признаков повышенной склонности к фантазированию и повышенной внушаемости.

Как известно, к числу так называемых «ненадежных» в качестве источника информации свидетелей (потерпевших) относят и лиц престарелого возраста. Это связано с наличием у них возрастных изменений, негативно влияющих на когнитивную сферу. Однако в каждом конкретном случае необходимо исследовать как свойства познавательных процессов, индивидуально-типологические особенности пожилого свидетеля (потерпевшего), так и особенности ситуации, в которой произошло криминальное событие.

Пример 7. Согласно материалам уголовного дела, Б. обвиняется в том, что он совершил грабеж чужого имущества, открыто похитив у Зн., 82 лет, кошелек с деньгами.

При этом Б. утверждает, что Зн. был пьян, неспровоцированно начал бить его тростью, обронив кошелек, который Б. и поднял. Зн. заявляет, что Б. накануне прижимал его к кровати и пытался отнять кошелек. Непосредственно в криминальной ситуации Б., по утверждению Зн., прижал его у двери и достал из кармана кошелек. Зн. звал на помощь хозяина квартиры, но никто не вышел.

К., хозяин квартиры, отмечает, что слышал крик: «Вова!», но, выйдя в комнату, никого не обнаружил. Свидетель П. показала, что когда Б. пытался помочь Зн. открыть дверь, последний стал беспричинно бить его палкой по голове и плечам. Она же сообщила, что Зн. неадекватен: часто обувал не свои тапки, иногда даже уходил домой босиком. Это обстоятельство, наряду с тем, что Зн. не может сказать, сколько денег у него было похищено, послужило поводом для назначения КСППЭ.

Судебно-психиатрическое обследование показало, что Зн. родился пятым по счету ребенком в семье. Закончил 7 классов общеобразовательной школы и железнодорожный техникум. Работал кочегаром, помощником машиниста, машинистом в депо. В течение трех с половиной лет служил в армии. Принимал участие в ВОВ. В конце войны, в мае 1945 года, находясь в Праге, получил контузию, по поводу которой не лечился. После возвращения домой продолжил работать машинистом в депо, вплоть до выхода на пенсию. После выхода на пенсию переехал в другой город и в течение 20 лет работал на обувной фабрике тарщиком. В первый раз женился за два года до войны. От брака имел сына. Жена с сыном пропали без вести в период ВОВ. Во второй раз женился после войны. С женой прожил несколько лет. Развелся более 30 лет назад. С тех пор живет один. Черепно-мозговых травм не имел. После контузии страдает невритом слухового нерва со снижением слуха. С 1990 года страдает «генерализованным атеросклерозом с преимущественным поражением сосудов головного мозга» (амбулаторная карта). С 1999 года страдает: «генерализованным атеросклерозом, ИБС, кардиосклерозом НК 1-2-ст, симптоматической гипертензией, дисциркуляторной энцефалопатией, пояснично-крестцовым остеохондрозом» (амбулаторная карта). Спиртные напитки употребляет с 10 лет «понемногу каждый день». На учете у врача психиатра и врача нарколога не состоит...

...Неврологически - без знаков органического поражения ЦНС. Психический статус: в собственной личности и во времени ориентирован достаточно. В месте не ориенти-

рован: «... посадили в машину и повезли, а куда не сказали». В контакт вступает легко, несмотря на некоторое затруднение, связанное со снижением слуха на оба уха. На задаваемые вопросы отвечает по существу, иногда излишне подробно. Голос достаточно громкий, хорошо модулированный. Мимика и пантомимика без особенностей. Фон настроения ровный. Эмоционально адекватен. Бреда, галлюцинаций нет. Мышление в обычном темпе, растекаемое, излишне детализированное. Память немного снижена. Интеллект соответствует возрасту, полученному образованию и социальному статусу испытуемого. Ответы на вопросы перемежаются остроумными комментариями. Не считает, что он злоупотребляет спиртными напитками: «я пью понемногу, для поддержания жизненного тонуса». Жалоб не предъявляет. Себя психически больным не считает: «у меня только радикулит и болит правая рука». По поводу случившегося рассказал, что в тот день был в гостях «у Вовки», которого знает более 50 лет, с детства. Тот живет один, недавно умерла жена. Пенсию не получает. Зн. ему немного помогает материально. Утверждает, что в тот день был трезв. Вечером собрался уходить домой. В одну из комнат «вовина дочь» пустила двоих квартирантов. При выходе они «прижали его к двери» и начали отнимать деньги. Отобрали кошелек. В кошельке было «около 50 рублей бумажками и еще какая-то мелочь. Может быть, там было и больше денег, но я перед этим не проверял. После получения пенсии покупал масло, сахар, хлеб, поэтому не могу сказать, сколько оставалось ...» После того, как они отобрали у него деньги, пришел домой. Через несколько дней написал заявление в милицию...

...В ходе психологического обследования было установлено, что восприятие, внимание и память развиты соответственно возрасту. Достаточно высоки уровень общеобразовательных знаний и ориентация в житейских проблемах. Мышление – с тенденцией к детализации и конкретизации. Процессы обобщения и отвлечения – в пределах возрастной нормы. Адекватно воспринимает и оценивает ситуации межличностного взаимодействия, в том числе внутреннее их содержание, а также невербальные компоненты. Речь грамотная, изобилует терминологией («эликсир, позволяет стабилизировать жизненную деятельность», «незаконный антагонизм»), остроумными замечаниями... На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, комиссия приходит к заключению, что Зн. каким - либо психическим расстройством не страдает и не страдал им в период исследуемых событий. Незначительное снижение памяти на текущие события за счет атеросклеротического поражения сосудов головного мозга существенным образом не повлияли на его способность правильно воспринимать события, произошедшие в тот день, осознавать их характер и значение, а также адекватно воспроизводить их на предварительном следствии и судебном заседании.

В практике встречаются случаи, когда могут подвергаться сомнению показания свидетеля, не страдающего каким-либо психическим расстройством. Это может быть связано, как с психотравмирующей ситуацией, очевидцем которой он стал, а также условиями опознания обвиняемых.

Пример 8. Уголовное дело было возбуждено по факту обнаружения трупа гражданки Л.Т. с признаками насильственной смерти. Допрошенный по делу в качестве свидетеля несовершеннолетний Л., сын погибшей Л.Т., показал, что накануне, за день до убийства, около 11-00, в дверь его квартиры позвонили ранее неизвестные ему лица. Дома он находился один. Он открыл дверь и увидел двух мужчин, одетых в камуфлированные костюмы. В течение около 10 минут он разговаривал с этими лицами, которые находились на лестничной площадке около входной двери в его квартиру. В день убийства, около 12-00, после тридцатиминутного отсутствия, он подошел к входной двери своей квартиры (когда он уходил, дома оставалась его мать). Дверь в квартиру была приоткрыта. Он заглянул в квартиру и увидел беспорядок вещей в спальне родителей. Услышал посторонний шум.

Испугался входить в квартиру и выбежал на улицу, где встретил своего знакомого П., с которым они подбежали к подъезду его (Л.) дома. Зайдя в тамбур подъезда, он услышал характерный звук закрывания входной двери в его квартиру, поэтому побоялся входить в подъезд. Услышал шаги спускающихся по лестнице людей. Испугался и вышел из подъезда, встав за «подъездную» дверь. Из дома вышли трое мужчин, одетых в камуфлированную форму. В руках у этих мужчин были пакеты. Он обернулся и увидел среди этих троих мужчин тех двух мужчин, которые приходил к нему домой накануне. П. начал преследовать этих мужчин, и они стали убегать. Не догнав их, Л. вошел в свою квартиру и обнаружил в своей комнате связанное веревками тело матери. Он срезал с тела своей матери веревки и установил, что она мертва. Вызвал работников милиции и бригаду скорой помощи. В ходе проведенного опознания (*спустя полтора года после случившегося*) несовершеннолетний свидетель Л. твердо опознал К. и Д., как тех людей, которые за день до убийства матери приходили к нему домой, а непосредственно в день убийства выходили из подъезда его дома... Следствием было установлено, что К. и Д. в тот день, когда свидетель, по его утверждению, общался с ними возле дверей своей квартиры, находились в служебной командировке, что подтверждалось соответствующими документами (билетами; подписанными ими в другом городе бумагами; свидетельскими показаниями, как тех, кто встречался с ними во время их командировки в другом городе, так и случайных попутчиков, возвращавшихся с ними в одном купе)...

...Результаты экспериментально-психологического исследования свидетельствуют, что на момент обследования (*два года спустя после случившегося*) уровень психического развития Л. соответствует средним значениям возрастного нормативного диапазона. Уровень интеллектуального развития – выше среднего. Это позволяет Л. адекватно воспринимать и запоминать явления и события объективной реальности, осознавать как внешнюю сторону, так и внутреннее, смысловое их содержание. Развитая грамотная речь позволяет правильно вербализовать мысли, образы, представления. Несмотря на то, что исследуемые события, являющиеся предметом расследования, воспринимались Л. два года назад, представленные на исследование материалы дела (в том числе видеозаписи следственных действий, показания свидетелей, характеристики с места учебы) позволяют с высокой долей вероятности предполагать, что в тот период испытуемый был также способен к адекватному восприятию, запоминанию и воспроизведению полученной информации. В исследуемой ситуации Л. находился в состоянии психической напряженности (стресса), которое непосредственно в тот момент не оказало существенного дезорганизующего влияния на его психическую деятельность (в частности, на способность адекватно воспринимать и запоминать события объективной реальности). На это, в частности, указывает поведение Л. в исследуемый период. То есть, учитывая уровень психического развития, индивидуально-психологические особенности испытуемого и его психическое состояние, в исследуемый период имела принципиальная возможность адекватного восприятия, запоминания и воспроизведения им интересующей следствие информации. Следует также учесть, что повышенная внушаемость и повышенная склонность к фантазированию Л. не свойственны. В то же время существуют факторы, снижающие вероятность правильного опознания испытуемым лиц, предъявленных для опознания. *Во-первых*, это - объективное наличие стрессогенных событий (жестокое убийство матери, столкновение с убийцами, длительность процесса дознания и расследования). То есть, Л. столкнулся с ситуацией «катастрофического» характера, включающей смерть, что способно вызвать общее негативное влияние на организм на всех уровнях (соматическом, физиологическом, психологическом, личностном) практически у любого индивидуума. Поведение Л. в исследуемой ситуации носило признаки ажитации и некоторой дезорганизованности (бегал искать мать, пытался проникнуть в квартиру, бежал вызывать милицию, но вернулся со сверстником «ловить преступников по горячим следам», звонил в другую экстренную службу – в пожарную). Стрессогенные события, носящие катастрофический характер, способны вызывать (в том числе отсроченно) психогенную амнезию, либо частичную, либо полную

в отношении важных аспектов периода воздействия стрессора; усилия по избеганию мыслей, чувств или разговоров, связанных с травмой, а также иные последствия. Это связано с тем, что стресс оказывает существенное влияние на мышление в виде дискомфортной окраски мысленных образов, представлений, намерений и т.п. То есть, амнезия либо усилия по избеганию мыслей, разговоров, связанных с травмой свидетельствуют о вытеснении как форме психологической защиты. *Во-вторых*, это - наличие военной формы у всех участников криминального события, что унифицирует внешность, «стирает» детали и различия между людьми. Наиболее характерным для восприятия в подобных случаях является гештальт (общий образ военного). *В-третьих*, это - длительность интервала отсроченного предъявления объектов к опознанию – практически полтора года. *В-четвертых*, это - собственное отношение Л. к уровню объективности опознания им обвиняемых, проявившееся в экспертном исследовании: «не уверен, что это именно они, но почти уверен; могу под присягой утверждать, я же опознал его». *В-пятых*, тот факт, что Л. является главным свидетелем и на нем лежит основная ответственность (в его представлении и представлении родственников) за опознание преступников. Это может вызвать гипермотивацию (оказать помощь следствию, не ошибиться, оправдать ожидания отца и других близких), способную оказать деструктивное влияние на психическую деятельность (в данном случае по опознанию предполагаемых преступников). *В-шестых*, это - действия оперативных работников, предшествовавшие официальной процедуре опознания (как следует из показаний Л., а также его друга П.): до опознания испытуемому показывали фотографии обвиняемых, видеозапись с изображением одного из обвиняемых, показывали этого обвиняемого из машины с тонированными стеклами, а также знакомили с документом, в котором один из обвиняемых описывал обстоятельства убийства матери Л..

Причиной «недостоверных» показаний могут быть и личностные особенности свидетеля, такие как высокий уровень демонстративности, тревожности, повышенная внушаемость.

Пример 9. На основании показаний М.Ц., 43 лет, главного свидетеля обвинения по делу об убийстве семьи в составе пяти человек (мать, отец и три дочери), было осуждено 8 человек (в том числе был вынесен приговор о высшей мере наказания в отношении одного из подсудимых). После отмены приговора дело было направлено на дополнительное расследование. В ходе следствия возникли сомнения в достоверности показаний М.Ц. и была назначена комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

Изучив многотомное дело, было установлено, что М.Ц. родилась в годы войны, в Казахстане. Отец умер в тюрьме, мать вышла замуж и воспитанием дочери не занималась. Воспитывалась с 6 лет в семье дяди. В школу пошла с 9 лет, окончила только два класса, так как все хозяйство было на ней: двое племянников, дом, коровы. Родственники часто били, если что-то не успевала сделать. Никому не жаловалась, привыкла все держать в себе. Уехав от дяди, стала жить сама, работала дояркой на ферме. В 23 года вышла замуж. Имеет троих детей от разных мужей. Воспитанием детей не занималась (до школьного возраста дети жили в детдоме, затем в интернате), объясняет это тем, что сама неграмотная, не смогла бы ничему их научить. В деле имеется информация о том, что она привлекалась к уголовной ответственности, отрицательно характеризуется по месту работы и жительства (недобросовестно относилась к работе, конфликтовала с колхозниками, злоупотребляла алкоголем, вела аморальный образ жизни). Из заключения первичной судебно-психиатрической экспертизы следовало, что каким-либо психическим расстройством она не страдает.

По делу М.Ц. проходила первоначально как подозреваемая, затем - свидетель. Осведомлена о значительном числе деталей криминального события (убийства семьи из 5 человек), признавала и собственную прикосновенность к данному преступлению.

В процессе проведения исследования было установлено, что в изложении М.Ц. история ее жизни оказалась более сложной и противоречивой. Обращало внимание стремление М.Ц. формировать явно социально желательный образ своего «Я» (рассказывала о том, что была депутатом сельсовета, что ее звали в партию, но отказалась, чтобы не было лишних разговоров и т.п.). В еще большей степени противоречивой была картина убийства, нарисованная М.Ц.: по ее словам, в убийстве принимало участие большое количество лиц, каждый из которых наносил удары ножом, еще больше было «зрителей», наблюдавших за происходящим через окно дома. Не менее противоречивой была и ситуация вовлечения самой М.Ц. в это преступление.

Исследование познавательной сферы показало, что на уровне внимания отмечались проблемы переключения внимания: это приводило к тому, что в ситуации изменения условий выполнения заданий отмечались сбои в качестве их выполнения (появлялись различного рода ошибки). Память (особенно слуховая) также снижена, что свидетельствует о том, что у нее затруднен перевод информации, полученной посредством слуха, из кратковременной в долговременную память. Снижено и опосредованное запоминание. Также были выявлены неуспешное выполнение заданий на тонкий анализ комплексных раздражителей, конкретность мышления, низкий уровень интеллектуального развития.

Изучение индивидуально-типологических и личностных особенностей показало, что М.Ц. замкнута, раздражительна, эгоистична, обидчива, выявляет трудности при выборе решений, обнаруживает тревожность, склонность к длительному переживанию отрицательных эмоций, недостаточную сформированность морально-нравственных установок, завышенный уровень самооценки. В ситуации конфликта ей свойственно проявлять словесную и косвенную агрессию в адрес окружающих.

Среди индивидуальных особенностей были изучены особенности активного воображения М.Ц. и уровень ее внушаемости. Была выявлена бедность фантазии М.Ц. – рассказы, составленные ею по неопределенным сюжетам, оказались краткими и большей частью неадекватными, многие из них носили криминальную окраску. Что касается внушаемости, то здесь была получена очень интересная и яркая картина – М.Ц. в ситуации даже незначительного психологического давления очень легко меняет свою точку зрения, чутко улавливает то, что хочет услышать эксперт и охотно развивает подсказываемые ей ходы в желаемом для эксперта направлении, дополняя их новыми деталями. Так, вспоминая многообъектную сюжетную картину, предъявлявшуюся ей накануне, и отвечая на вопросы эксперта, она вспоминала не только те объекты, которые были на картине, но еще более активно и охотно «вспоминала» то, чего не было вообще (несуществующие персонажи, предметы, детали), готова буквально на «черное» сказать «белое». Например, вспоминала отсутствующую на картине люстру, описывая ее размеры, количество ламп; описывала подробно ребенка и его одежду на руках женщины, у которой в действительности в руках ничего нет; «вспоминала» цвет обоев и рисунки на них («бежевые такие с оранжевыми цветочками») в то время как стены изображенной мастерской представляют из себя фон темного коричнево-зеленоватого цвета и т.д.

Таким образом, результаты психологического экспертного исследования показали, что М.Ц., на чьи показания опиралось обвинение, не страдая психическим расстройством, тем не менее обнаруживала серьезные проблемы с вниманием, памятью (преимущественно слуховой), выявляла низкий уровень интеллектуального развития. Уже это потенциально может снижать достоверность показаний человека, поскольку есть высокая вероятность ошибок на уровне восприятия и сохранения юридически значимой информации. Если учесть ситуацию, в которой оказалась М.Ц., а именно ее стрессогенный характер (неожиданность, динамичность, опасность, ярко выраженную негативную эмоциональную окраску происходивших событий, внутреннюю конфликтность, обусловленную борьбой между противоположными мотивами), то резко возрастала вероятность возникновения у нее ошибок восприятия, трудности перевода воспринятой информации в долговременную память, выпадения из памяти больших объемов информации в результате интерферирую-

щего воздействия выраженных негативных эмоций. Кроме того, на способность М.Ц. к адекватному восприятию и запоминанию интересовавшей следствие информации и последующему ее воспроизведению оказали влияние, прежде всего, тревожность, высокая внушаемость, демонстративные тенденции (эгоцентризм, завышенная самооценка), фиксация на негативных переживаниях. Каким образом? Во-первых, было установлено, что ее «свидетельский потенциал» вследствие особенностей познавательной сферы был весьма невысок. Прикосновенность к столь тяжкому преступлению (жестокому убийству пяти человек) вызвало у М.Ц. состояние сильного стресса, которое негативно повлияло на ее способность к восприятию, запоминанию и последующему воспроизведению информации об этом преступлении. Когда же она оказалась в числе подозреваемых и обвиняемых и испытала на себе специфику оперативной работы и следствия, указанные выше особенности (тревожность, высокая внушаемость) обусловили очень высокий уровень ее подверженности внушающему воздействию, а потому она и смогла «вспомнить все». Того же, что вспомнить не могла, учитывая ее демонстративность, М.Ц. дополняла различными деталями, впрочем, при крайне бедном воображении эти дополнения были явно нелогичными и противоречивыми.

Задача 1. Изучив ситуацию и результаты экспертного обследования Ц., ответить на следующие вопросы:

- 1. Какие индивидуальные психологические особенности могли повлиять на поведение Ц. И. В. в ситуации, составляющей содержание уголовного дела?*
- 2. Каково было психическое состояние Ц. И. В. в исследуемой ситуации? Каким образом оно могло повлиять на ее поведение?*
- 3. Имеются ли у Ц. признаки повышенной внушаемости?*

Из материалов уголовного дела известно следующее: в дневное время С-а под предлогом гадания, а затем снятия «порчи», предложила несовершеннолетней Ц. передать хранящиеся в квартире Ц. деньги, принадлежащие ее матери, в результате чего обманным путем завладела крупной суммой денег.

В показаниях Ц. указано, около 15 часов ей и ее подругам возле гостиницы встретила женщина, обратившаяся к ним с вопросом о том, как пройти к школе. Девочки ответили женщине, после чего она предложила им погадать. Ц. от гадания отказалась, а ее подруга Сун. сказала, что можно было бы и погадать. Женщина попросила Сун. снять кольцо с пальца, после чего отослала Сун. и другую девочку собирать листья. Обернувшись к Ц., женщина сказала, что на ней лежит «порча» и она может ее «снять». Для этого испытываемая должна была принести из дома зеркало, яйцо, тряпочку. По показаниям Ц., женщина сказала ей принести также и деньги. Ц. и ее подруга пошли домой, а женщина с Сун. осталась. Спустя некоторое время подруга ушла из квартиры Ц. за тетрадью и вернулась уже вместе с женщиной, которую представила матери потерпевшей как свою тетю. Мать пригласила эту женщину пройти в квартиру, после чего подруга Ц. ушла домой. По показаниям Ц. этой «тетей» оказалась женщина, остановившая их около гостиницы. Пока мать разговаривала с вошедшей, Ц. взяла хранившиеся на кухне деньги. Выйдя на улицу провожать «тетю», она отдала этой женщине пакет с деньгами, договорившись забрать их в 19 часов. При этом женщина сказала Ц., что она не должна ничего говорить до этого времени, иначе ее «хватит паралич». По словам Ц., она не знает, что происходило с ней, но противостоять словам женщины не могла. Только после 19 часов она решилась расска-

зять матери о случившемся. В судебном заседании Ц. показала, что женщина также грозила ей, что ее родители умрут, «найдет порча», говорила, что и как нужно ей делать и велела запомнить молитву. Ц. показала, что она «не контролировала себя, когда брала деньги. Верила словам С-ной, и боялась ее».

Из показаний свидетельницы, подруги Ц., следует, что на предложение погадать Ц. ответила отказом, а она и Сун. согласились. Женщина повела девочек в сквер, где показала им карточку, на которой было изображено женское лицо и точки. Женщина сказала, что на девочках лежит «порча» и она хочет им помочь - «снять» ее. Сначала девочки должны были смотреть на карточку, затем женщина велела свидетельнице и Сун. собрать по 12 листьев и выбросить их на перекрестке. Оставшись наедине с Ц., она посадила девочку возле себя и что-то говорила ей. Когда девочки вернулись, женщина показала «почерневшее» кольцо Сун., как доказательство лежащей на ней «порчи». После этого она отправила свидетельницу и Ц. домой за деньгами, сказав, что они не должны ни с кем разговаривать. Всю дорогу они молчали. Немного посидев у Ц., свидетельница пошла домой за тетрадь. На обратном пути она встретила эту женщину, которая сказала, что пойдет вместе с ней к Ц. домой, где свидетельница должна была представить ее как свою тетю. По ее словам, она сначала отказывалась от обмана, т.к. никогда никого не обманывала ранее, но потом с ней «что-то произошло», и она против своей воли согласилась. Придя в квартиру Ц., женщина посмотрела на свидетельницу, и сказала ей, чтобы та шла домой. Девочка показала, что не могла этой женщине «даже немного сопротивляться», и что женщина велела никому ничего не рассказывать, иначе с ними и их близкими случится какое-либо несчастье. По словам свидетельницы, все угрозы воспринимались как реальные. Указания сопровождались пристальным взглядом в глаза, от которого «бросило в жар, внутри все как будто задрожало».

Мать Ц. сообщила, что когда дочь пришла из школы вместе с подругой, она как-то странно себя вела, «что-то скрывала». Через некоторое время подруга сказала матери Ц., что с ней хочет поговорить ее тетя, которая ждет на лестничной площадке. Та выглянула из квартиры и пригласила войти женщину, которую ранее никогда не видела. Женщина сама своего имени не назвала, сказала, что работает уборщицей в школе и ей надо поговорить с ней. Для этого предложила пройти на балкон, где стала показывать какую-то книгу и карточку, на которой проявлялись очертания женского лица, читала молитву. Перед тем, как выйти на балкон, женщина сказала матери Ц., что на ее дочь наложена «порча» и она может помочь «снять» ее. Поверила этой женщине, когда та что-то «говорила, плевала, бормотала».

Во время проведения экспериментально-психологического исследования Ц. понимает цели и задачи экспертизы; о произошедшем рассказывает эмоционально, с трудом сдерживая слезы. Сообщила, что когда возвращалась с подругами домой, возле гостиницы их окликнула женщина, которая стояла с какой-то девушкой, и спросила, как пройти в школу. За объяснения женщина была готова отблагодарить девочек: погадать им. Ц. сразу отказалась, т.к. родители всегда говорили ей не подходить к гадалкам, но ее попутчицы согласились. Женщина повела их в сквер Мира к лавке. Там, она сказала, что на них порча, демонстрировала действие порчи на кольцо Сун., показывала карточку с лицами. По словам Ц., она ничего не видела и не замечала, из того, что видели все остальные, но не говорила об этом. Когда осталась наедине с женщиной, последняя говорила ей, что на их семье порча, могут случиться различные неприятности, все это из-за денег, есть завистники. Женщина сказала ей запомнить молитву, но Ц. не запомнила. Ц. плохо себя чувствовала, когда общалась с женщиной, выполняла все ее указания, боялась, что если что-то сделает не так, то что-нибудь случится с ее родителями, к которым она сильно привязана. Сообщила также, что никто из подруг не знал о том, что они продали квартиру и где в ее квартире находятся деньги. После случившегося долго приходила в себя, боялась быть одна дома, особенно ночью.

В процессе психологического исследования было установлено следующее.

Опросник Кеттелла показал, что подэкспертной свойственны такие индивидуально-психологические особенности, как высокая эмоциональность, восприимчивость к эмоциональным оттенкам отношений, чувствительность, мягкость, уязвимость, конформизм, она управляется внешними реальными событиями, старается избегать грубых людей и проявлений, в отношениях ищет поддержку и симпатию. Испытуемая обладает повышенной восприимчивостью к неблагоприятным факторам, имеет сниженный порог фрустрации.

По данным Люшер-теста, Ц. в необычных и затруднительных ситуациях впечатлительна, испытывает интерес к необычному и новому, стремиться действовать свободно и беспрепятственно, сохранить свою независимость.

Пробы на гипнабельность и внушаемость выявили легкую степень подверженности гипнозу и повышенную внушаемость.

Ретроспективный анализ психического на 6 этапах развития ситуации по 17 параметрам с помощью ОРДПС показал следующее.

На этапе, когда Ц. объясняла женщине, где находится школа, состояние подэкспертной было ровным, не было каких-либо выраженных негативных эмоций. Когда пошли в парк с целью погадать, Ц. чувствовала испуг (0. 98), подавленность (0. 83), радость (0. 76), страх (0. 71), волнение (0. 69), тревогу (0. 67). Оставшись наедине с этой женщиной, Ц. ощущала беспомощность (0. 76), неверие (0. 74), подавленность (0. 43). Когда подэкспертная пришла домой за деньгами, она чувствовала страх (0. 60), подавленность (0. 62), неверие (0. 60), страх за родителей (0. 55). Когда Ц. поняла, что женщина ее обманула, испытывала страх (0. 76), подавленность (0 62), волнение (0. 60).

2.3. Судебно-психологическая экспертиза потерпевших по делам о сексуальных преступлениях.

Объектом данного вида СПЭ могут быть лица женского и мужского пола, пострадавшие от сексуального насилия. Изнасилование - половое сношение, совершенное с использованием беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего). Соответственно, основной задачей здесь является установление способности потерпевшей (потерпевшего) правильно оценивать ситуацию, понимать характер и значение совершавшихся с нею действий, социальное значение происходивших с нею событий, а также способности оказывать сопротивление сексуальным посягательствам (следует отметить, что подавляющее большинство экспертиз данного вида назначается в отношении малолетних и несовершеннолетних потерпевших).

М.М. Коченов определяет способность несовершеннолетних потерпевших правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий как совокупность психологических особенностей, обеспечивающих понимание сексуальной направленности действий посягателя, возможных биологических и социальных последствий этих действий, принятых в обществе нравственно-этических оценок посягательств на половую неприкосновенность, проявляющаяся в конкретной ситуации конфликтного взаимодействия с посягателем.

Говоря о жертвах сексуального насилия, следует остановиться еще на одной проблеме, нередко встречающейся в следственной практике. Это - виктимное поведение потерпевшей. При этом, следует различать поведение личности, ставшей жертвой насилия, и собственно виктимное поведение, т.е. провоцирующее преступление против себя или создающее объективно способствующую ему ситуацию. Например, девушка легко идет на знакомство со случайными людьми, нередко значительно старше ее по возрасту; охотно принимает от них приглашения пойти в бар, ресторан либо домой к кому-либо из новых знакомых; ведет себя свободно, порой развязно; демонстриру-

ет свою “взрослость” в манерах поведения, одежде, тематике разговоров; курит и употребляет алкогольные напитки со своими случайными знакомыми; прямо или косвенно авансирует возможную близость. Вместе с тем, как показывает экспертная практика, чаще всего, мотивами такого поведения потерпевшей являлись привлечение к себе внимания, социальное одобрение, самоутверждение, но отнюдь не вступление в интимные отношения. Более того, при изменении ситуации, когда становятся очевидными намерения нового знакомого или знакомых, девушка выявляет явное нежелание к сексуальным контактам, что влечет за собой психическое давление или физическое насилие со стороны посягателя, состояние фрустрации у потерпевшей.

Основной задачей СПЭ по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности является установление с помощью специальных психологических знаний факта нахождения потерпевшей/потерпевшего по факту сексуального посягательства в состоянии беспомощности, т.е. *неспособности правильно понимать характер и значение ситуации и действий окружающих людей, а также оказывать сопротивление*. Беспомощность (или беззащитность) может быть обусловлена внутренними причинами, такими как малолетний или престарелый возраст, физические недостатки, психическое расстройство, алкогольное или наркотическое опьянение. Однако к внутренним факторам могут быть отнесены и экстремальное психическое состояние (психическая напряженность (стресс), фрустрация (безвыходность), растерянность), такие индивидуально-психологические особенности, как низкий уровень интеллектуального развития, социальная незрелость, тревожность, неуверенность, эмоциональная неустойчивость, пассивность и др. Кроме того, беспомощность может быть обусловлена и внешними факторами (внезапность посягательства, превосходство посягателя в силе, нахождение в зависимости от посягателя, изолированность места происшествия и т.д.).

Предметом данного вида СПЭ (в отношении жертв сексуального насилия) является способность понимать характер и значение действий посягателя и оказывать им осознанное сопротивление в период посягательства.

Объектом СПЭ является психическое состояние потерпевшего лица в период посягательства, особенности познавательных процессов, социальный интеллект, эмоционально-волевая сфера, индивидуально-психологические и личностные особенности; особенности юридически значимой ситуации (в которой произошло сексуальное насилие).

Основными вопросами, решаемыми данным видом СПЭ являются:

1. С учетом психического состояния, психологических особенностей потерпевшей и особенностей исследуемой ситуации, могла ли она правильно понимать характер и значение совершаемых с ним действий?
2. С учетом психического состояния, психологических особенностей потерпевшего лица и особенностей исследуемой ситуации, могла ли она оказывать осознанное сопротивление?

Остальные вопросы, которые нередко ставятся следователями перед экспертами (об эмоциональном состоянии, индивидуально-психологических особенностях, повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию), являются факультативными (дополнительными).

Н.В.! Как показывает экспертная практика, в последнее время на разрешение экспертам следователи стали ставить некорректные вопросы, причем, нередко, в одинаковых или сходных формулировках, что свидетельствует о неслучайном характере получения неточной информации о компетенции судебно-психологической экспертизы данного вида. Например:

- *В каком психологическом и психическом состоянии находилась потерпевшая в исследуемой ситуации по настоящему делу?* Данный вопрос некорректен по той причине, что в психологии не существует понятия «психологическое состояние», есть только понятие «психическое состояние». Подобная формулировка вопроса будет ориентировать следователя на получение ответа о двух состояниях, в том время как в заключении может идти речь

только о психическом состоянии, но никак не о психологическом, что может привести к проблемам в оценке заключения различными процессуальными лицами и надзорными инстанциями;

- *Имеются ли у потерпевшей индивидуально-психологические особенности, способствующие эротическим, сексуальным фантазиям?* Во-первых, не существует какой-либо прямой причинно-следственной связи между индивидуально-психологическими особенностями и эротическими и сексуальными фантазиями – такие фантазии в той или иной мере имеются у холериков и меланхоликов, у людей демонстративного склада или педантов. Поэтому этот вопрос не основан на данных науки и, соответственно, не имеет юридического значения. Во-вторых, этот вопрос еще в большей степени теряет смысл, когда он ставится в отношении ребенка до двенадцати лет по той причине, что уровень психического развития, а также развития сексуальности в этом возрасте исключает возможность сексуальных (эротических) фантазий;

- *Соответствуют ли показания потерпевшей о ее собственном поведении в исследуемой ситуации выявленным у нее психологическим особенностям?* Этот вопрос провоцирует эксперта на выход за пределы своей компетенции, поскольку ставит перед ним задачу оценки показаний (по существу их достоверности). При этом, в вопросе неверно поставлена экспертная задача: речь должна идти не о соответствии *показаний* о поведении индивидуально-психологическим особенностям, а о соответствии *поведения* потерпевшей в криминальной ситуации ее индивидуально-психологическим особенностям;

- *Учитывая ее (потерпевшей – С.Ш.) психологические особенности и содержание криминальной ситуации, находилась ли потерпевшая под воздействием психического насилия, принуждения со стороны обвиняемого?* Данный вопрос не относится к компетенции эксперта, поскольку требует установления *фактических обстоятельств* – наличия психического насилия, принуждения со стороны обвиняемого, что является прерогативой следствия;

- *Могла ли потерпевшая, с учетом ее физического и психического состояния, осознавать значение совершаемых с нею действий, выражать свою волю, оказывать сопротивление?* Данный вопрос некорректен по следующим причинам. Во-первых, установление способности к осознанию значения противоправных действий юридически значимо только в отношении обвиняемых в совершении преступления, т.к. эта способность и возможность ее реализации является одним из критериев вменяемости. Потерпевшему (свидетелю) не вменяется уголовная ответственность за то, что они стали потерпевшими или свидетелями, а потому экспертная оценка способности осознавать значение своих (противоправных?) действий, действий других лиц, а также способности руководить ими не вытекает из смысла соответствующих статей УК РФ. Речь в данном случае может идти только в отношении способности потерпевшего *понимать* характер и значение совершаемых с ним действий и *оказывать сопротивление*. Наличие указанных способностей является показателем отсутствия беспомощного состояния. Во-вторых, в УК РФ понятие воли используется только в трех статьях – ст.117 «Истязание» (в примечании), ст.139 «Нарушение неприкосновенности жилища», ст.155 «Разглашение тайны усыновления (удочерения)». Статьи, касающиеся преступлений против половой неприкосновенности и свободы личности, не оперируют понятием воли, а потому эксперту не могут быть заданы вопросы, лишенные юридической релевантности (значимости).

NB! Особо следует остановиться на вопросах о способности и возможности потерпевшей *понимать характер и значение совершавшихся с нею действий и оказывать сопротивление*, когда потерпевшая является малолетней в возрасте до 12 лет. В течение трех десятилетий в научной и методической литературе говорилось о нецелесообразности постановки таких вопросов при малолетнем возрасте потерпевших, поскольку уровень их психического развития исключает указанные способности, и рекомендовалась

постановка вопроса, характерного для судебно-психологической экспертизы свидетелей и потерпевших – о том, могло ли лицо правильно воспринимать и запоминать интересующие следствие события и давать о них правильные показания. В настоящее время Федеральным законом от 29.02.2012 №14-ФЗ введены примечания к статьям о сексуальных преступлениях, согласно которым лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста, признается заведомо находящимся в беспомощном состоянии применительно к действиям сексуальной направленности, т.е. не понимает характер и значение совершающихся с ним действий и не может оказывать сопротивления. В связи с этим при назначении судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы теряет смысл постановка данных вопросов в отношении малолетних потерпевших в возрасте до 12 лет. Постановка таких вопросов по причине того, что «вдруг» жертва более младшего возраста понимала характер и значение сексуальных действий несостоятельна. Так, установление более раннего, опережающего развития (психического и сексуального) потерпевшей (что возможно у незначительного числа детей в возрасте до 12 лет) не позволит признать данного ребенка не находившимся в беспомощном состоянии, поскольку по закону ребенок до 12 лет априори находится в беспомощном состоянии.

В данном случае уместна аналогия: у следствия не вызывает сомнений, что дети в возрасте до 14 лет не рассматриваются законом субъектами виновной ответственности, несмотря на то, что некоторые из них, имеющие опережающее психическое развитие, при совершении преступления, например, в 12 лет, могут осознавать фактический характер и общественную опасность своих противоправных действий и руководить ими. Более того, приходится сталкиваться с такими случаями, когда 12-летний ребенок является организатором и активным участником групповых противоправных действий, в которые вовлекает более старших, уже достигших минимального возраста уголовной ответственности подростков. В таких случаях, при назначении экспертизы в отношении таких «свидетелей» (процессуальный статус право-

нарушителя, не достигшего возраста уголовной ответственности – свидетель) ставятся вопросы, относящиеся к СПЭ свидетелей, но никогда «на всякий случай» не ставятся вопросы о способности к осознанно-волевой регуляции их поведения.

Рассмотрим несколько примеров СПЭ потерпевших по делам о сексуальных преступлениях. Представляется необходимым начать с экспертиз малолетних потерпевших.

Пример 10. Из материалов уголовного дела известно, что гр-н М. обвиняется в том, что он в период времени с 17 час. 00 мин. до 20 час. 00 мин. в своем гараже изнасиловал малолетнюю Ар., 8 лет, а также совершил с ней насильственные действия сексуального характера. Из показаний потерпевшей Ар. известно, что она познакомилась с дядей Игорем примерно год назад (он приносил им домой опилки). 13 октября 2003 г., вечером, когда было еще светло, к ним пришел «дядя М.» (М.) и спросил у мамы, нужны ли ей опилки. Затем он ушел, а она пошла гулять на улицу. Она гуляла с подругами. Дядя М. подошел к ней и предложил купить ей жвачку, но сказал, что деньги лежат у него в другой куртке, которая находится в гараже. Он предложил взять ту куртку и сходить в магазин, и она пошла с ним. Когда они уходили, их видели подружки, а также соседка «баба Алла». М. привел ее к гаражу с красными металлическими воротами и открыл гараж большим ключом. М. сказал ей заходить и подтолкнул ее в гараж. Когда они зашли, он запер изнутри ворота гаража на замок и на деревянную палку, затем взял ее на руки и по ступенькам занес ее в подвал в комнату. В комнате справа и слева стояли кровати, перед входом находилась кирпичная печка. М. сказал, что их здесь никто не найдет, и велел ей лечь на кровать. Она не знала, зачем ей нужно ложиться, но легла на кровать на спину. М. подошел и снял с нее кеды, трико, трусики и носки. Когда он ее раздевал, она сидела. Потом он сказал, чтобы она сняла куртку и футболку. Она не хотела, и он крикнул на нее: «Быстро снимай!». Она испугалась, а он тогда сам снял с нее майку и куртку и сказал: «Ложись!». Она сказала, что не хочет ложиться, что хочет домой, что ее, наверное, ищет мама. Но он снова крикнул: «Быстро ложись!». Она легла на спину, но М. сказал, чтобы она легла на живот, и она легла на живот. М. разделся, подошел к ней и в течение длительного времени совершал с нею действия сексуального характера. Она все время кричала, плакала, закрывалась руками, отбивалась от него ногами. Тогда он больно ударил ее кулаком в правое плечо. Когда они вышли из гаража, на улице было уже темно. М. повел ее домой и сказал, чтобы она никому ничего не рассказывала, и не показывала, где гараж, иначе он ее убьет.

...Согласно педагогической характеристике, Ар. честна, трудолюбива, отзывчива, застенчива, неуверенна в себе, недостаточно активна и самостоятельна. Она охотно ходит в школу, старается учиться лучше, но на уроках невнимательна, легко отвлекается, что препятствует усвоению знаний... На учете у психиатра, нарколога и невропатолога Ар. не состоит.

...В процессе экспертного исследования Ар. контактна, дает о себе необходимые сведения. Поначалу стесняется, но постепенно начинает вести себя довольно раскованно. Речь развита достаточно, словарный запас соответствует возрасту и микросоциальному окружению... В ходе беседы сообщила, что живет с мамой, бабушкой, двумя тетями (мамиными сестрами) и братом 3-х лет. Родители развелись, когда ей было примерно 2 года; папа иногда приходит к ней в гости. Мама работает санитаркой... В настоящее время хо-

дит во 2 класс. Успеваает «средне», так как учиться скучно, не любит учиться. Никакие школьные предметы не нравятся. В свободное время любит смотреть телевизор, гулять с ребятами, играть в футбол, прятки, догонялки, бадминтон, «резинки». Имеет много друзей. По характеру считает себя «вредной», непослушной, «нехочухой», обидчивой, упрямой, смелой.

При выяснении непосредственно обстоятельств дела замыкается, фон настроения снижается. На вопросы отвечает неохотно. О случившемся сообщила информацию, в целом совпадающую с показаниями, данными ей в ходе следствия. На уточняющие вопросы экспертов пояснила, что, когда М. совершал с ней «все эти действия», ей было неприятно, больно. Она кричала, плакала, пыталась вырываться, била, отталкивала его. Когда она пыталась вырываться, он держал ее. Для чего М. с ней все это делал, не знает; предполагает, что «фильмов насмотрелся». Сама она испытать подобное никогда не хотела. Считает, что М. поступил плохо и его нужно наказать, но почему так поступать плохо, объяснить не может. При целенаправленной беседе выявлена недостаточная осведомленность испытуемой в сфере сексуальных взаимоотношений, в т.ч. отсутствие понимания их биологической роли и социального значения, знаний о формах их проявления и принятых в обществе моральных нормах, регулирующих эти отношения...

...В ходе психологического обследования установлено, что явных дефектов внимания, восприятия, памяти и мышления испытуемая не обнаруживает. Задания-тесты из «Альбома нейропсихологической диагностики детей» Цветковой Л.С., направленные на исследование зрительного и акустического восприятия, восприятия и оценки эмоционального состояния человека, произвольного внимания, наглядно-образного и вербально-логического мышления, речи, в целом выполнены успешно. Динамика непосредственного запоминания словесного материала (2-4-8-8-10) и результат отсроченного воспроизведения (8 слов) в тесте 10 слов свидетельствуют о соответствующих нормативным показателям уровне развития кратковременной памяти и способности перевода материала из кратковременной памяти в долговременную. Результаты теста Равена также свидетельствуют о соответствующем возрастной норме уровне интеллектуального развития Ар...

...Рассказы, составленные испытуемой по неопределенным сюжетам САТ, кратки, примитивны, по-детски наивны, что указывает на отсутствие у Ар. повышенной склонности к фантазированию.

В ситуации внушающего воздействия и неопределенности испытуемая легко принимает навязываемую ей точку зрения, «идет на поводу» у экспериментатора, что свидетельствует о присущей ей повышенной внушаемости.

Проведенное исследование позволяет прийти к заключению, что Ар. признаков отставания в психическом развитии не выявляет. Уровень интеллектуального развития Ар., отсутствие у нее явных дефектов внимания и памяти, достаточное развитие речи позволяли ей правильно воспринимать интересующие следствие события, запоминать их и давать о них адекватные показания. Вместе с тем, в силу возраста Ар. в период исследуемых событий (8 лет), ее недостаточной осведомленности в вопросах сексуальных взаимоотношений, особенностей ситуации (изолированное место с заблокированным выходом; взрослый возраст и физическое превосходство обвиняемого; то обстоятельство, что обвиняемый был ей знаком, часто приходил к ним в гости, давал ей деньги и сладости, играл с ней), оказываемого на нее физического и психического воздействия (удерживание; удар кулаком в плечо; повышение голоса; внушающее воздействие (сказал, что здесь их никто не найдет)), Ар. не могла понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать им осознанное сопротивление... Явных признаков повышенной склонности к фантазированию у Ар. не имеется. Ар. свойственна повышенная внушаемость. Повышенная внушаемость принципиально может способствовать искажению информации об исследуемых событиях под влиянием различных лиц, соответственно снижая достоверность показаний. Вместе с тем, информация, сообщаемая Ар. в ходе следствия и в процессе экспертного исследования, внутренне не противоречива и не вступает в противоречие с пока-

заниями свидетелей и обвиняемого, актом освидетельствования, заключениями судебно-биологической и судебно-криминалистической экспертиз. Кроме того, сообщаемая Ар. информация о ее собственном поведении в исследуемой ситуации не противоречит присущим ей индивидуально-психологическим особенностям. Все это позволяет сделать вывод, что повышенная внушаемость, отмечаемая у Ар., не оказала какого-либо существенного влияния на ее показания.

На практике нередки случаи расследования инцеста. Подобные экспертизы достаточно сложны, поскольку, как правило, сексуальное насилие в таких случаях длится многие месяцы и годы, а поэтому трудно выявить, была ли потерпевшая способна адекватно воспринимать обстоятельства дела и запоминать их, а также понимать характер и значение действий насильника и оказывать сопротивление, например, несколькими годами ранее (особенно учитывая динамизм психического развития в детском и подростковом возрасте).

Пример 11. Из материалов уголовного дела следует, что К., находясь в квартире по месту жительства, совершил насильственные действия сексуального характера в отношении своей дочери, несовершеннолетней К-ой, 11 лет... В ходе следствия потерпевшая К. рассказала, что 3 марта, примерно в 10 часов, она вернулась домой с зарядки и, раздевшись по пояс в своей комнате, стала обтираться холодной водой. Вошел отец и стал водить полотенцем вокруг ее груди. Затем велел ей делать уроки в кухне. Вскоре сам пришел туда. Пальцы его правой руки были в креме, и она поняла, что отец будет заниматься с ней «теми же мерзостями, которыми он занимался два года назад, т.к. тогда он тоже мазал руки кремом». Она стала плакать, отбежала к окну и, схватив нож, пригрозила отцу, чтобы не подходил. Однако это его не испугало, и он приблизился... Она вырвалась, стала кричать, изображая «припадочную», для того, чтобы отец «отцепился»... Несмотря на просьбы и слезы, он втащил ее в комнату и стал совершать действия сексуального характера. Это продолжалось около 30 минут. Затем ей удалось вырваться и выскочить в тамбур, кричала «помогите, насилуют», но никто не вышел. Отец схватил ее, вывернул руку и затащил обратно в квартиру, где продолжил свои действия... Говорит, что боялась отца и теперь боится оставаться с ним дома одна... Мать подтвердила показания К., сообщила, что дочь в тот же день рассказала ей о случившемся, и они ушли из дома, опасаясь за ее здоровье... Помимо изложенных событий в ходе следствия стало известно, что К.В. совершал в отношении дочери аналогичные действия в течение 6 лет. За два года до случившегося по факту совершения им насильственных действий сексуального характера было возбуждено уголовное дело. Однако затем уголовное преследование было прекращено в связи с тем, что потерпевшая изменила показания... В ходе расследования данного факта потерпевшая пояснила, что два года назад первоначально она давала правдивые показания, но следователь говорил, что отцу «за это ничего не будет, что этим заинтересуется пресса». Она стыдилась случившегося, к тому же отец просил у нее прощения, обещал больше не трогать. Посоветовавшись с мамой, она заявила, что дала ложные показания... Из показаний матери потерпевшей, данных двумя годами ранее, следует, что дочь стала нервной, боялась оставаться с отцом наедине, просила брать ее с собой на работу. На расспросы ничего определенного не отвечала. Была заметна перемена и в отношении мужа к дочери, тот стал на нее кричать, бить. В конце февраля, выписавшись из больни-

цы, обратила внимание, что дочь стала замкнутой, говорила о суициде, просила развестись с отцом, рассказала, что тот «пытался ее изнасиловать». Совершал подобные действия и еще шесть лет назад. Они обратились в милицию. Однако позже ей стало жалко мужа, и дочь отказалась давать показания в суде по поводу происшедшего с ней...

...В процессе исследования К. контактна, дает о себе последовательные анамнестические сведения. При беседе о криминальной ситуации фон ее настроения заметно снижается, испытываемая плачет. Предложенные задания выполняет старательно, в умеренном темпе, инструкции усваивает легко...В школу пошла в 7 лет. Сейчас обучается в 5 классе. Учится, со слов, хорошо. Труднее остальных предметов дается математика. В школе конфликтов нет, отношения с одноклассниками хорошие. Имеет много друзей, в основном ее ровесники. Ранее посещала секцию баскетбола. Свободное время проводит с подругами, любит подвижные игры, помогает дома в уборке и приготовлении еды. Увлечена поэзией Пушкина, знакома с творчеством в пределах школьной программы. Считает себя доброй, особенно к детям, немного упряма, «вредная».

Сообщила, что ранее отношения с отцом были хорошие, тот ее «любил, всегда все покупал». Затем изменился, стал придирчиво относиться к ее успехам в учебе, ругать за «некрасивый почерк», мог дать подзатыльник. Но она на него не обижалась. Говорит, что по-настоящему обиделась на отца, когда тот совершил с нею насильственные действия. Правдиво рассказала об этом на следствии. Но затем под давлением отца, который «ползал на коленях, говорил, что такого больше не повторится, и они будут жить как прежде дружной семьей», она изменила показания. Однако доверие к отцу не вернулось, была сильно обижена, не хотела его видеть, испытывала напряженность в его присутствии, боялась оставаться с ним наедине, особенно когда тот был пьян. Старалась в таких случаях уходить к матери на работу. Когда отец не пил, дома было все хорошо. Выпивший, он устраивал скандалы, поднимал на мать руку. Та оформила развод, но отец продолжал жить с ними...

Первое воспоминание о насильственных действиях отца относится ко времени, когда ей было 5 лет, но тогда значений этих действий не понимала, забыла о них. Вспомнила, когда отец совершил подобное два года назад. Говорит, что тогда уже понимала, что отец поступает недозволенно, что его действия имеют отношения к сексуальной сфере. Говорит, что к тому времени была осведомлена в вопросах взаимоотношения полов, имела беседы на эту тему с мамой, получала информацию из книг. В настоящее время оценивает действия отца как преступные, считает, что тот опозорил ее. Намерена «довести дело до конца» и отстоять справедливость...

...По результатам психологического обследования установлено: память испытуемой без явных дефектов, о чем свидетельствуют динамика непосредственного запоминания словесного материала (4-6-8-10) и продуктивность отсроченного (спустя час) воспроизведения (7 слов). Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм, отсроченно) – так же в пределах нормы. Пиктограммы адекватные, конкретно-атрибутивные, формальные, упорядоченно расположенные, что указывает на отсутствие у испытуемой грубых нарушений в интеллектуальной сфере.

Уровень общеобразовательных знаний, общая осведомленность испытуемой соответственно ее возрасту, полученному образованию и микросоциальному окружению. Круг интересов обширен. Ориентация в несложных житейских ситуациях также соответственно возрасту. Речь хорошо развита, словарный запас достаточен. Успешно справляется с заданиями на определения сходства (подобия) понятий, обобщает по главным признакам. Понимание переносного смысла пословиц и поговорок доступно, выявляется достаточная способность к абстрагированию (Векслер).

Успешно выполняет задания на исключение вербальных понятий и выделение основных признаков понятий (соответственно 12 из 17 и 10 из 11 верных решений).

По данным опросника Айзенка, для испытуемой характерны высокий уровень психической активности, энергичность, богатство и выразительность эмоциональных прояв-

лений, гибкость эмоционального реагирования, поведения и мышления, общительность, социальная приспособленность. В неблагоприятных, эмоциогенных условиях высока вероятность эмоциональных срывов.

Согласно результатам Леонгарда, испытуемой свойственна повышенная эмоциональная чувствительность к широкому спектру внешних воздействий, особенно к неприятностям и конфликтам с близкими, грубости, давлению, угрозе, несправедливости. Характерны впечатлительность, выразительность эмоциональных проявлений, мягкосердечность, сострадательность. В конфликтах, как правило, пассивна, не склонна выступать их инициатором. В неблагоприятных ситуациях легко возникают тревога, беспокойство, неуверенность.

По данным личностного опросника Кэттелла (CPQ), испытуемой свойственны умеренная активность, достаточная уравновешенность, восприимчивость к внешним воздействиям, мягкость, доверчивость, эмоциональная зависимость от близких. Социально адаптирована, умеет соотносить свое поведение с требуемыми общественными нормами.

Рассказы, составленные испытуемой по неопределенным сюжетам из ТАТ, адекватны, ограничены перечислением изображенных персонажей, элементов их одежды, окружающих предметов. Повествование не выходит за рамки сюжета. В части рассказов подмечено эмоциональное состояние героев, проявлена эмпатийная способность. Без признаков повышенной склонности к фантазированию.

В экспериментально созданной ситуации психического давления К. проявила настойчивость в отстаивании своей позиции, не обнаружила легкой податливости воздействию и склонности принимать навязываемое ей провокационное суждение, что позволяет говорить об отсутствии у нее признаков повышенной внушаемости.

Ретроспективный анализ психического состояния К. в исследуемый период (при совершении сексуальных действий со стороны отца), с помощью цветового теста Люшера показал, что возникшая ситуация и действия отца воспринимались испытуемой как крайне неприятные и нежелательные для нее. Кроме того значение цветовых выборов указывает на то, что ситуация насилия переживалась потерпевшей как безвыходная, а собственное положение как беспомощное. Реакция протеста против происходящего и чувство гнева сочетались у нее со страхом, тревогой и ощущением бессилия перед лицом трудностей, превышающих ее возможности. Сравнение с цветоассоциативными эталонами так же указывает на связь состояния К. со страхом, фрустрацией (безвыходностью), чувством обиды и уязвленности, ненавистью, подавленностью.

На уровне эмоциональных отношений отец воспринимается испытуемой негативно, отвергается ею (-0.73), что является показателем конфликта (ЦТО)...

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. К. признаков отставания в психическом развитии не выявляет. Испытуемая осведомлена в вопросах взаимоотношения полов в достаточной степени, обнаруживает понимание их внутреннего содержания и социального значения. Выявляет понимание значения совершенных в ее отношении отцом противоправных действий на уровне личностного смысла. Эти факты свидетельствуют о том, что при событиях, имевших место в этом году, К. могла понимать характер и значение действий отца в полной мере. Она могла правильно воспринимать обстоятельства случившегося и способна давать о них правильные показания. Признаков повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию К. не выявляет.

Учитывая неравномерность формирования структуры личности в подростковом возрасте (особенно познавательной и эмоционально-волевой сфер), однозначно установить, могла ли К. понимать характер и значение действий отца, совершенных тем два года назад, не представляется возможным, при этом вероятность того, что она не могла понимать их в полной мере, значительна. Так же не имеется возможности точно установить способность потерпевшей понимать характер и значение развратных действий отца, имеющих еще большую давность (шесть лет назад). Вместе с тем, уровень психического

развития детей до 8 лет не позволяет им в полной мере понимать характер и значение указанных действий.

Несмотря на то, что К. проявляла отдельные попытки сопротивления действиям отца (плакала, кричала, просила отпустить, вырывалась, угрожала ножом, звала на помощь), она была лишена возможности оказания достаточного сопротивления в силу ряда факторов. Во-первых, ситуация являлась для нее объективно безвыходной, место происшествия было изолированным, она находилась с отцом в квартире наедине, отец имел над нею физическое превосходство, а также психологическое влияние и силу авторитета родителя. Во-вторых, обвиняемый вел себя грубо, применял к дочери физическую силу (хватал, удерживал, толкал и т.п.), не реагировал на ее просьбы и плачь, оказывал на нее психическое воздействие (говорил приказным тоном, запугивал). Здесь следует отметить, что поскольку дети не только социально, но и психологически зависимы от родителей и нуждаются в их защите, насилие, совершаемое родителем, является значительным психотравмирующим, фрустрирующим фактором, восприимчивость к нему ребенка значительно выше, чем к воздействиям со стороны посторонних людей. В-третьих, испытуемой присуща повышенная эмоциональная восприимчивость к внешним воздействиям, особенно ситуациям опасности, угрозы, грубости, давления. В неблагоприятных условиях у нее быстро развиваются тревога, беспокойство, неуверенность. Эти особенности снижают способность активно защищаться в трудных ситуациях. В-четвертых, по данным экспериментально-психологического исследования, в сложившейся ситуации потерпевшая обнаруживала признаки состояния фрустрации (безвыходности), возникшее у нее в связи с действиями отца и дезорганизовавшее ее психическую деятельность, лишив возможности результативно сопротивляться.

В ряде случаев СПЭ проводится и в отношении совершеннолетних потерпевших, когда особенности ситуации, в которой было совершено преступление, могли негативно повлиять на психическую деятельность потерпевшей (несмотря на то, что та понимала характер и значение действий насильника).

Пример 12. Из материалов уголовного дела известно, что по пути следования в город N., в поезде, сотрудниками милиции из наряда сопровождения была изнасилована пассажирка П. В своих показаниях, данных на предварительном следствии (в том числе и на очных ставках с обвиняемыми) П. сообщила, что была разбужена сотрудником милиции, который потребовал документы. Обнаружив, что в паспорте П. отсутствуют данные о прописке, он пригласил ее пройти в служебное купе для составления протокола. В это время подошел другой работник милиции. Затем молодой сотрудник закрыл дверь в купе и начал говорить, что за нарушение паспортного режима ее снимут с поезда, заберут в милицию, где продержат несколько дней; при этом, она будет лишена возможности позвонить родным. Потом он сказал, что есть разные варианты решить возникшую проблему. Отвергнув предположения П., что ему нужны деньги или вещи, он сказал, что является мужчиной. Потерпевшая отказалась вступать в половую связь, мотивируя это венерическим заболеванием, однако сотрудник милиции предложил ей орально-генитальный контакт (фелляцию). Была вынуждена согласиться. После завершения полового акта сотрудник милиции предложил повторно совершить половой акт, но П. отказалась, т.к. ей было плохо. Вернув паспорт, сотрудник милиции сказал, что больше ее никто трогать не будет. Однако спустя непродолжительное время этот же сотрудник милиции вернулся вместе с другим, постарше. Второй работник милиции потребовал пройти с ними для составления протокола, объяснения П. не слушал и выхватил у нее выглядывавший из кармана джин-

сов паспорт. После этого сотрудники милиции повели ее в другой вагон, где в купе проводников вновь начали угрожать высадить ее из поезда. Когда молодой работник милиции вышел из купе, второй начал говорить, что в милиции ее продержат 10 суток до выяснения личности и ей никто не сможет помочь. Затем он начал требовать близости. П. отказывалась, просила отпустить ее, но тот принудил ее к совершению фелляции. После этого он отдал ей паспорт. Прибыв на станцию, П. обо всем сообщила встречавшему ее отцу... В ходе экспертного исследования П. сообщила, что возвращалась в Н. поездом. Была «рассеянна, раздражена, потерянна» в связи с тем, что у нее не сложилась семейная жизнь (после месяца совместной жизни была вынуждена расстаться с любимым человеком)... Примерно за два часа до прибытия в Н. собрала вещи, оделась и в ожидании приезда заснула. Непосредственно об обстоятельствах изнасилования дает информацию, в целом, соответствующую материалам уголовного дела. Поясняет, что когда сотрудники милиции угрожали высадить ее из поезда, посадить в «клетку с барыгами», «очень испугалась, взволновалась, была растеряна», пыталась все объяснить. Когда работник милиции предложил ей совершить половой акт в иной форме (фелляцию), ее «парализовало страхом». После случившегося «трясло, слезы подходили к горлу, но не выходили, не могла свободно дышать». Он предложил еще раз совершить половой акт, но испытуемая стала «умолять» отдать паспорт. После случившегося примерно через 10-15 минут к ней вновь подошли те же работники милиции и старший по возрасту опять потребовал у нее паспорт. Не хотела давать ему паспорт, но в тот момент, когда поднялась с места, работник милиции вытащил у нее паспорт из заднего кармана джинсов. Начались «те же разговоры» и испытуемую «как под конвоем» повели в первый вагон в купе проводников. П. испытывала «полную безысходность, подавленность», «ушла в себя»... Плакала, чувствовала, что у нее «пошел нервный срыв», умоляла, спрашивала, есть ли у него семья и тот ответил, что у нее есть ребенок. Однако это не помогло и сотрудник милиции потребовал, чтобы она также совершила фелляцию. П. испытывала «страх, отвращение, безвыходность и безысходность», чувствовала себя «маленькой букашкой, которую прихлопнут». После полового акта была «душевная боль», плакала; было одно желание – «увидеть папу, чтобы чуть-чуть почувствовать себя в безопасности»...

...Результаты исследования с помощью личностных опросников показали, что П. свойственны инертность мыслительных процессов, трудности в принятии решений в экстремальных ситуациях, склонность к фиксации на проблемах и трудностях, длительность в переживании отрицательных эмоций, а также - дисфоричность (подверженность мрачно окрашенным состояниям в проблемных ситуациях); отмечается высокий уровень эмоциональной чувствительности (особенно к грубости, несправедливым обвинениям, угрозам), высокая личностная тревожность...

...В конфликтных и затруднительных ситуациях испытуемая обнаруживает тенденцию к уходу от проблемы, а также сниженный уровень внешне направленной активности (Розенцвейг)...

...Результаты метода Гилфорда-Салливена свидетельствуют, что у П. высоко развита способность прогнозировать поведение людей на основе понимания их чувств, мыслей, намерений, а также выстраивать собственную адекватную линию поведения. В то же время, в тех случаях, когда люди ведут себя нетипично, неожиданно, прогноз может быть ошибочным. Способность распознавать намерения людей, оценивать их состояние по невербальным компонентам поведения (мимика, пантомимика, жесты и поза), а также - по их высказываниям в контексте определенных ситуаций развита невысоко. Что касается умения распознавания динамики развития межличностных ситуаций, их логики, а также их прогнозирования в условиях дефицита информации, неопределенности, то П. выявляет низкий уровень развития этой способности...

...Ретроспективный анализ психического состояния П. в криминальной ситуации показал, что в период, когда работники милиции угрожали П. высадить из поезда, сдать в милицию, а также, когда «молодой сотрудник» предлагал ей совершить половой акт, пси-

хическое состояние испытуемой коррелировало с острым переживанием опасности (1.00), слабостью (0.40) и беспомощностью (0.31). Уровень психической активации был резко снижен (-0.64). При этом чувствовала враждебность ситуации и окружающих, а также собственную неспособность оказать какое-либо влияние на ход событий. Испытывала сильную тревогу.

В период совершения полового акта у испытуемой отмечались тревога (0.90), безвыходность (0.87), страх (0.71), отвращение (0.71), отчаяние (0.55), переживание потрясения (0.55). Ситуацию воспринимала безнадежной, что усиливало тревогу, чувство опасности и ощущение бессмысленности дальнейших усилий, а также потребность замкнуться в себе в целях самозащиты.

После случившегося психическое состояние П. обнаруживало тесную связь с напряженностью, страхом и отвращением (по 0.55), а также отчаянием (0.50). Чувствовала обиду, беспомощность, собственную неполноценность; испытывала потребность в безопасной, спокойной обстановке, в защите от враждебности ситуации.

Когда у П. вновь забрали паспорт и повели в другой вагон, у нее отмечалась напряженность (0.45). Ситуация воспринималась безнадежной, враждебной, предъявлявшей к ней завышенные требования. П. испытывала потребность в оказании сопротивления давлению ситуации, однако тревога и опасения оказались неспособной справиться с этим вызывали нерешительность и уход от активных действий.

В период, когда ей опять угрожали высадить из поезда, «поместить в обезьянник», психическое состояние коррелировало с переживанием опасности (0.79) и, в то же время, с апатией (0.52). Чувствовала, что попала в бедственное положение, пыталась найти выход, повлиять на ситуацию, прийти к взаимопониманию, обрести поддержку, однако разочарование и нерешительность обусловили пассивность.

На этапе совершения полового акта с другим сотрудником милиции, у П. отмечались переживание опасности (1.00), апатичность (0.60), слабость (0.40), беспомощность (0.31).

После этого психическое состояние испытуемой коррелировало с переживанием безвыходности (0.99), тревогой (0.98), страхом и отвращением (по 0.88), отчаянием, унижением и переживанием ужаса (по 0.76). Выявляла бурную негативную реакцию, однако пыталась подавить ее внешние проявления из соображений самозащиты. Свое положение оценивала как бедственное...

...Анализ криминальной ситуации (по материалам уголовного дела и результатам экспертного исследования) показал, что данная ситуация носит признаки фрустрирующей по следующим причинам. *Первое.* Наличествуют острый конфликт между ее участниками, при этом, конфликтующие стороны находились в неравном положении - во-первых, по численному составу - одной испытуемой противостояли двое человек; во-вторых, по половому и возрастному составу - молодой женщине противостояли двое мужчин старше нее по возрасту; в-третьих, по социальному статусу - рядовому пассажиру противостояли сотрудники милиции, облеченные властью; в-четвертых, испытуемая действительно не имела прописки, что изначально в исследуемой ситуации делало ее позицию уязвимой, ставя в зависимость от представителей власти. *Второе.* Исходя из социального статуса, должностного положения и властных полномочий работников милиции, отсутствия у испытуемой прописки, а также недостаточного уровня правового образования и культуры и в силу существующего в обществе негативного стереотипа в отношении работников милиции, П. имела основания полагать, что указанные работники милиции действительно могли реализовать свои угрозы в отношении нее. *Третье.* Работниками милиции в отношении П. была использована тактика мощного психического давления, что привело к информационно-перегрузке вследствие высокой эмоциональной значимости, избыточности (как по объему и по существу) информации о негативных последствиях отсутствия у испытуемой прописки, а также дефицита времени. *Четвертое.* П. к моменту исследуемых событий находилась в состоянии сильной психической напряженности (стресса) вследст-

вие разрыва с любимым человеком, с которым у нее не сложилась семейная жизнь в другом городе. Стрессовое состояние вызывает существенные изменения в психической деятельности человека и в данном случае являлось неблагоприятным фактором, снижавшим адаптивные возможности испытуемой. *Пятое.* Учитывая раннее время суток, а также тот факт, что П. перед проверкой документов спала, не исключено, что на начальных этапах развития ситуации она могла находиться в состоянии, близком к просоночному, т.е. в состоянии выхода из сна. Для него может быть характерна заторможенность сознания вследствие неравномерности перехода к бодрствованию отдельных систем мозга. При этом моторная активность (особенно простые движения) для стороннего наблюдателя могут создавать впечатление о полном выходе человека из сна. *Шестое.* Если рассматривать развитие ситуации после первого полового акта, носившего с точки зрения испытуемой насильственный характер, то данное обстоятельство усиливало состояние психической напряженности (стресса) у П.и, как следствие, приводило к нарастанию дезадаптации, нервно-психическому истощению, восприятию ситуации как безвыходной. Учитывая вышеизложенное, следует квалифицировать ситуацию как фрустрирующую, т.е. блокирующую потребность испытуемой к свободным волеизъявлению, выбору линии поведения и его реализации...

... Анализ психического состояния П. в криминальной ситуации (по материалам дела, данным самоотчета испытуемой, а также по результатам экспериментально-психологического исследования) показал, что состояние испытуемой в исследуемый период существенно отличалось от обычного: во-первых, в нем преобладало острое переживание отрицательных эмоций (в том числе, астенизирующих), таких как страх, отчаяние, чувство опасности, потрясение; во-вторых, был резко снижен уровень психической активности, готовности действовать; в-третьих, была снижена способность испытуемой объективно оценивать ситуацию; в-четвертых, сознание испытуемой было фиксировано на психотравмирующем характере ситуации и действий обвиняемых; в-пятых, поведение испытуемой обнаруживало признаки "полевого", т.е. предельно ситуационно обусловленного, с выраженным снижением способности противостоять влиянию извне, проводить независимую линию поведения. Необходимо также отметить, что поведение П. нехарактерно для нее, учитывая ее индивидуально-психологические особенности (в частности, такие как активность, целеустремленность, энергичность, упорство, уверенность в себе, ориентация на достижение успеха, высокий уровень самооценки и т.д.). Это свидетельствует о том, что в исследуемой ситуации П. находилась в состоянии фрустрации (безвыходности). Это подтверждается и анализом специальной литературы, согласно которой состояние фрустрации возникает в ситуациях, являющихся безвыходными или воспринимаемыми в качестве таковых, а также при блокировке реализации ведущих потребностей человека. При этом, человек испытывает отрицательные эмоции, такие как отвращение, раздражение, безысходность и т.п. Состояние фрустрации вызывает и существенную дезорганизацию психической деятельности в виде фиксации сознания на препятствии, ошибок восприятия (как правило, в сторону переоценки угрозы извне), выраженного нарушения баланса в сознании с преобладанием эмоциональных компонентов над рациональными, снижения контроля над эмоционально-волевой сферой и т.д. При этом, испытывается потребность в устранении препятствий, однако, на поведенческом уровне возможна вариативность - от агрессии и деструкции до апатии, примитивизации и распада структуры деятельности...

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. В период, соответствующий, по заявлению П., совершению в отношении нее половых актов, она находилась в состоянии острой фрустрации (безвыходности). На это указывают: во-первых, выраженный фрустрирующий (т.е. блокирующий реализацию ведущих мотивов поведения) характер исследуемой ситуации; во-вторых, признаки, свойственные для фрустрации, а именно - яркое переживание отрицательных эмоций (в том числе, астенических), фиксация на психотравмирующем характере ситуации и действий обвиняемых, усиление субъективизации при восприятии и оценке ситуации, резкое сниже-

ние уровня активации, примитивизация деятельности (выразившаяся, в частности, в несоответствии поведения и действий индивидуально-психологическим особенностям П.), а также “полевой” характер поведения. При этом, следует отметить, что некоторые личностные особенности П. могли повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации. Это - повышенная личностная тревожность, обуславливающая переоценку угрозы извне и неадекватную (в том числе, сниженную) активность в неопределенных и угрожающих ситуациях; подверженность фиксации на неприятностях и затруднениях и длительному переживанию отрицательных эмоций в связи с этим; высокий уровень эмоциональной чувствительности (особенно к грубости, несправедливым обвинениям, угрозам); низкий уровень умения распознавать и прогнозировать динамику развития межличностных ситуаций, понимать их логику в условиях неопределенности. Эти особенности испытуемой в сложившейся ситуации могли облегчить возникновение состояния фрустрации и обострить ее негативное влияние на психическую деятельность. Учитывая вышеизложенное, следует, что П. не могла оказывать активного сопротивления сексуальным посягательствам в период, интересующий следствие. “Фоновое” состояние психической напряженности (стресса), возникшее у испытуемой вследствие разрыва отношений с любимым человеком, в сложившейся ситуации могло облегчить возникновение состояния фрустрации со всеми вытекающими последствиями (о чем сказано выше) и, тем самым, опосредованно негативно повлиять на оценку ситуации и на способность оказывать активное сопротивление сексуальным посягательствам.

В ряде случаев на способность потерпевшей понимать характер и значение действий насильника, а также оказывать сопротивление, помимо ситуативных факторов (ночное время суток, изолированное место происшествия, групповое изнасилование), может повлиять состояние потерпевшей, вызванное не только указанными факторами, но и употреблением алкоголя, иных психически активных веществ (которые могут быть помешаны в алкоголь). Ниже приведена задача, в основу которой легла экспертиза в отношении потерпевшей, находившейся в момент совершения с нею действий сексуального характера в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Задача 2. Из материалов уголовного дела известно, что в ночное время, после дискотеки, К., А., Г., Н. и З. совершили насильственные действия сексуального характера с М., 17 лет.

На разрешение экспертам поставлены следующие вопросы:

1. Имеются ли у испытуемой индивидуально – психологические особенности, характерологические черты, свойства эмоционально – волевой сферы, которые могли существенно повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации?

2. Каково было психическое состояние потерпевшей в ситуации, составляющей содержание уголовного дела?

3. Учитывая индивидуально – психологические особенности испытуемой и содержание исследуемой ситуации, была ли испытуемая в состоянии понимать характер и значение совершаемых с ней действий и оказывать сопротивление?

Из объяснения М. известно, что она с мамой приехала в деревню Н. к бабушке. Вечером этого же дня со своей двоюродной сестрой З-вой пошли на дискотеку. На дискотеке к ним подошел Н. и предложил выпить спиртного за клубом, на что они согласились. Выпив, они вновь вернулись в клуб. Сколько выпила, М. не помнит. Позже она вместе с Н. и К. вернулись за клуб и продолжили распитие спиртного. Что было дальше, М. не помнит, в сознание пришла в тот момент, когда И. взяла ее под руки и повела к дому местного жи-

теля. Там ее облили водой и двое незнакомых парней довели до дома бабушки. Утром следующего дня М. поняла, что ее изнасиловали, т.к. испытывала сильную боль в нижней части живота, на теле не было трусиков и пропал слуховой аппарат (М. – инвалид III группы с детства). В ходе допроса М. дополнила ранее данные показания, добавив, употребляя спиртное с обвиняемыми, она заметила, что «ребята на нее как-то странно смотрят, как будто ждут какой-то реакции». М. решила, что ей подсыпали лекарство, после чего она и «отключилась». Позже потерпевшая на несколько секунд «пришла в сознание» и увидела, что лежит на кровати, в комнате, на ней лежит Н., который совершал с ней половой акт. При этом рядом стояли ребята, кто именно она не рассмотрела. От увиденного М. сильно испугалась, и опять потеряла сознание. В следующий раз она пришла в сознание, услышав голос И., которая звала ее домой. М. ее не видела, т.к. была в «полусознательном состоянии». Дома, ложась спать, она обнаружила, что на ней не было трусов и «поняла, что ее изнасиловали», от чего «пришла в ужас, сильно испугалась, переживала». Проснувшись утром, она почувствовала сильную боль в области половых органов, долго не могла встать, т.к. «не было сил, кружилась голова, плохо себя чувствовала» (отметила, что раньше у нее было несколько половых контактов с парнем, но таких болей не испытывала). Целый день провела дома, около 21.00 легла спать. Ночью с 6 на 7 октября ее разбудила З-ва и попросила выйти на улицу, где М. увидела около 20 человек. Находящиеся среди них Г., К., З. и А. встали на колени и извинились. Вернувшись в дом, она рассказала матери и З-вой Е., что ее изнасиловали, а на следующий день написала заявление в милицию. М. отметила, что «если бы она находилась в сознании, то никогда не стала бы совершать половой акт ни с кем из этих ребят, в данном случае ее согласия никто не спрашивал».

Обвиняемые показали, что в половую связь М. «трезвая не вступит», поэтому напоили ее крепкими спиртными напитками.

Из объяснения И. следует, что после дискотеки она пошла в дом З-вых, где встретила З., Г., К., А. и М., которая находилась в состоянии сильного алкогольного опьянения. И. предложила М. отвести ее домой, на что та не отреагировала. Тогда И. взяла М. под руки и повела ее в сторону дома местного жителя, где умыла ее холодной водой. В это время подошли П-ков и С-в Н, которые отвели М. домой.

Во ходе психологического исследования поведение подэкспертной адекватно ситуации обследования: дисциплинирована, контактна, общительна. Анамнестические данные и ответы на поставленные вопросы дает охотно. Сообщая о событиях, составляющих существо уголовного дела, показывает высокую тревожность, болезненно реагирует.

О себе в процессе беседы сообщила следующее: ей 17 лет. Имеет хроническое заболевание слуха. Проживает вместе с отцом. Мать больше года в семье не живет, проживает с сожителем. Испытуемая сообщила, что мать злоупотребляет спиртными напитками около 2 лет, отец «пить бросил, когда прошел кодирование». М. поведение матери осуждает. Учится испытуемая в школе – интернате, в двенадцатом классе на «отлично». Учиться ей нравится. Из предпочитаемых предметов в школе: алгебра, геометрия, биология. Имеет много друзей в школе, в основном дружит с ровесниками. Друзей по месту жительства «почти не имеет». В дальнейшем собирается получить профессию, связанную с экономикой.

Спиртные напитки употребляет с 15 лет «по праздникам». Субъективно оцениваемая дозировка алкоголя, способная дезорганизовать ее сознание и деятельность, соответствует 100-150 грамм водки. В состоянии алкогольного опьянения испытуемой свойственно сонливость, бесконфликтная модель поведения. В процессе беседы испытуемая показала полную осведомленность и информированность касающиеся биологической (физиологической), моральной, правовой и социальной составляющей стороны взаимоотношения полов, при содержательном отражении в сознании. Начала жить половой жизнью с 16 лет, до настоящего времени имела трех сексуальных партнеров.

При переходе беседы к криминальной ситуации испытуемая обнаруживает высокую тревожность, робость, беспокойство. По существу дела подтвердила ранее даваемую информацию (материалы уголовного дела), пояснив, что в общей сложности употребила около 300 грамм самогона. После того как испытуемая выпила последние 20 грамм самогона, принесенного Г. и А., она ничего не помнит. Позже, придя на некоторое время в сознание, М. поняла, что с ней «совершают половой акт». Она испытывала ужас, неожиданность, физическую боль, хотела оказать сопротивление, но не смогла, так как была сильно напугана и чувствовала себя «пьяной». Дальнейшие события не помнит, так как потеряла сознание: «упала в обморок от страха».

При проведении психодиагностического исследования были получены следующие результаты. По данным методики «10 слов» продуктивность непосредственного запоминания подэкспертной соответствует высоким значениям возрастной нормы: 5-8-7-7-7. Показатель отсроченного воспроизведения (через 1 час) так же соответствует высоким показателям возрастной нормы – 8, что свидетельствует о достаточном объеме кратковременной и долговременной памяти.

Результаты методики «Пиктограммы» показали, что продуктивность опосредованного запоминания соответствует высоким показателям (11 из 11 верно). Анализ изображений (пиктограммы адекватны, конкретны, формальны), пространственного расположения рисунков показал отсутствие дефектов в интеллектуальной сфере. Подэкспертной свойственно конкретно-действенное мышление, которое подразумевает оперирование непосредственно воспринимаемыми объектами и связями, направлено на разрешение частных конкретных задач в практической деятельности.

С помощью методики исследования интеллекта Д. Векслера (1,2,4 субтесты) установлено, что показатели культурного развития, объема относительно простых знаний и сведений, развития основных интеллектуальных функций (памяти и мышления) у испытуемой соответствуют высоким значениям возрастной нормы. Подэкспертной характерна готовность к умственной деятельности, самостоятельность, социальная зрелость суждений и способность к логическому обобщению.

Результаты характерологического опросника Леонгарда позволили выявить такие личностные особенности испытуемой, средний уровень контактности, крайняя чувствительность, подозрительность, предпочтение узкого круга друзей и близких, предъявление высоких требований к себе, обидчивость, легкая уязвимость.

Методика диагностики уровня тревожности Спилбергера - Ханина выявила у испытуемой низкую ситуативную тревожность и высокую личностную тревожность. Испытуемой свойственно воспринимать достаточно большой круг ситуаций как угрожающих, критических, реагировать на них состоянием тревожности.

По результатам методики изучения фрустрационных реакций Розенцвейга подэкспертной в критических ситуациях характерен доминантный тип реагирования с импунитивной направленностью. Безвыходные ситуации испытуемой рассматриваются как нечто незначительное и неизбежное, преодолимое с течением времени. Также для испытуемой характерна либеральная тенденция в поведении, выжидательная тактика, избегание конфликтов, высокий уровень фрустрации.

По данным теста Люшера подэкспертная в ситуации экспериментально – психологического исследования показала яркость эмоциональных реакций, общительность, стремление к контактам, увлеченность, неустойчивое эмоциональное состояние. Испытуемая характеризуется склонностью к фантазированию.

По данным проективной методики «Рисунок несуществующего животного» испытуемой свойственны замкнутость, адекватная самооценка, бескомпромиссность как реакция на внутреннюю незащищенность личности, легкость возникновения страхов и опасений, недоверия, защитная вербальная агрессия, конформность суждений и установок,

проблемы в коммуникативной сфере, инфантилизм, эмоциональная незрелость, тревожность.

Пробы на внушаемость выявила у испытуемой признаки повышенной внушаемости, ведомости.

Ретроспективный анализ психического состояния в исследуемой ситуации в динамике развития по 4 этапам криминальной ситуации и 19 параметрам проективно показал проявление следующих психических состояний (примечание: в скобках указаны коэффициенты корреляции):

1. На этапе, когда М. «пришла в сознание» и поняла, что с ней «совершают половой акт» ее состояние коррелировало с переживанием внезапности (0.45), напряженности (0.40), безвыходности (0.38).

2. На этапе, когда И. повела М. к дому местного жителя, испытуемая переживала такие эмоции, как страх (0.79), утомление (0.48), отвращение (0.48), тревогу (0.38).

3. На этапе, когда испытуемая, находясь дома, поняла, что ее изнасиловали, ей соответствовали такие эмоции, как отчаяние (0.64), напряженность (0.60) ненависть (0.52), тревога (0.38), отвращение (0.36).

Выше приводился пример экспертизы в отношении жертвы incesta. Чаще всего на экспертизу поступают дела, когда насильником является отец, отчим, сожитель матери (сестры). Реже в экспертной практике бывают случаи, когда действия сексуального характера совершает родной брат потерпевшей. Предлагается решить задачу, основанную на таком случае. **Н.В.!** При определении экспертных задач, вытекающих из вопросов следователя, следует обратить внимание: *какие из вопросов не относятся к компетенции психолога, какие не являются «экспертными», а должны быть адресованы специалисту (в процессуальном смысле), а какие не должны ставиться, учитывая возраст потерпевшей.*

Задача 3. Из материалов уголовного дела известно, что несовершеннолетний Г.А., 16 лет, в течение полугода неоднократно совершил насильственные действия сексуального характера в отношении своей малолетней сестры Г.Н., 6 лет.

На разрешение экспертизы поставлены следующие вопросы:

1. Имеются ли у малолетней потерпевшей Г.Н. индивидуально-психологические особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой сферы, характера, которые могли существенно повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации? Имеет ли место отставание потерпевшей в психическом развитии, если да, то в чем это выражается?
2. Учитывая психологические особенности малолетней потерпевшей Г.Н. и содержание исследуемой ситуации, находилась ли потерпевшая под воздействием психического насилия, принуждения со стороны обвиняемого, могла ли она оказывать сопротивление?
3. Учитывая возрастные и индивидуально-психологические особенности, психическое состояние малолетней потерпевшей Г.Н., а также конкретные обстоятельства иссле-

дуемой ситуации, могла ли потерпевшая правильно воспринимать происходящие события, совершаемые с ней действия, осознавать их характер и значение, сохранять их в памяти и давать о них адекватные показания?

4. Обладает ли малолетняя потерпевшая Г.Н. повышенной внушаемостью и повышенной склонностью к фантазированию, если да, то какое влияние это могло оказать на ее показания?
5. Имеются ли у малолетней потерпевшей Г.Н. индивидуально-психологические особенности, способствующие эротическим, сексуальным фантазиям?
6. Соответствуют ли показания малолетней потерпевшей Г.Н. о ее собственном поведении в исследуемой ситуации выявленным у нее психологическим особенностям?
7. Учитывая особенности эмоциональной сферы малолетней потерпевшей Г.Н., может ли проведение очной ставки между ней и обвиняемым Г.А. привести к острой эмоциональной реакции, существенно затрудняющей ее способность давать показания?

Будучи допрошенной в качестве потерпевшей, Г.Н., в частности, показала, что Г.А. в течение полугода неоднократно раздевал ее и вводил половой член ей во влагалище, в задний проход и в рот, а также вводил палец ей во влагалище, делал это с ней очень много раз. Она не хотела это делать, но боялась Г.А.. Он всегда говорил, чтобы она никому об этом не рассказывала, иначе он ее убьет, а также говорил, что если родители узнают об этом, то убьют их. Она боялась, поэтому ничего не говорила родителям. Она и сейчас его боится и не хочет, чтобы он жил с ними.

Родители Г.Н. характеризуют дочь как послушную, исполнительную девочку; проблем с ее воспитанием у них не возникает. Склонности к фантазированию, придумыванию чего-то несуществующего у Г.Н. не замечали: иногда, как любой ребенок, она может приукрасить что-нибудь несущественное, но такого, чтобы она обманывала или выдумывала что-то, не было.

Согласно бытовой характеристике, Г.Н. очень развита, послушна, общительна, обидчива. Ходит в детский сад, любит рисовать, любит животных, имеет много друзей и подруг среди ровесников. Из психолого-педагогической характеристики из детского сада известно, что Г.Н. очень трудолюбива, ответственна, дисциплинирована, несмотря на естественную детскую подвижность. Ее добродушие и благожелательность привлекают детей. На занятиях Г.Н. проявляет себя недостаточно активной, хотя имеет неплохие знания. Любит лепить, рисовать, танцевать, слушать, когда читают художественную литературу. Родители интересуются вопросами воспитания своего ребенка, следуют педагогическим советам.

В процессе экспертного исследования Г.Н. контактна, дает о себе необходимые сведения. Речь развита достаточно, словарный запас соответствует возрасту и микросоциальному окружению.

В ходе беседы сообщила, что ей 6 лет. Она живет с мамой и папой. Мама работает бухгалтером, папа – пожарный. Еще у нее есть брат Саша 16 лет. Мама и папа – строгие, наказывают ее, когда она не слушается. Бывает, шлепают (папа чаще, мама – изредка). Тем не менее, отношения с родителями хорошие. Она ходит в детский сад, имеет много друзей. Любит рисовать, лепить, смотреть телевизор (мультфильмы и «страшное кино»; любимый мультфильм – «Том и Джерри»), кататься на велосипеде, играть с куклами в детский садик. По характеру считает себя «плохой», потому что часто балуется. Кроме того, считает себя обидчивой, несмелой (боится темноты, пауков, крови, врачей и пр.).

При выяснении непосредственно обстоятельств дела замыкается, фон настроения резко снижается. Сообщила, что ее брат Саша – плохой, он много раз обижал ее очень сильно, сделал с ней «очень плохое», она никак не может это забыть. Сашу нужно наказывать. Как именно обижал ее Саша, говорить отказывается. При попытках выяснить подробности случившегося плачет.

Психодиагностическое исследование показало, что явных дефектов внимания, восприятия, памяти и мышления испытуемая не обнаруживает. Задания-тесты из «Альбома

нейропсихологической диагностики детей» Цветковой Л.С., направленные на исследование зрительного и акустического восприятия, восприятия и оценки эмоционального состояния человека, произвольного внимания, памяти, наглядно-образного и вербально-логического мышления, речи, объема и уровня знаний об окружающей действительности, в целом выполнены успешно.

Девочка знает многие буквы, цифры, свободно считает до 10 (в прямом и обратном порядке), с помощью взрослого считает до 100, может решать простейшие арифметические задачи («Альбом», беседа).

Результаты теста Равена (9 правильно решенных матричных задач из 12) также свидетельствуют о соответствующем возрастной норме уровне интеллектуального развития Г.Н..

Результаты методики «Тематическая пиктограмма» говорят об общительности Г.Н., ее эмоциональной неустойчивости, испытываемых ей в настоящее время чувствах тревоги и незащищенности, ощущении нестабильности своего положения, а также о ее привязанности к матери. Цветовой тест Люшера также выявляет эмоциональную неустойчивость Г.Н..

По данным теста «Несуществующее животное», Г.Н. присущи некоторая нерешительность, боязливость, а также некоторая импульсивность и легкомысленность.

Результаты «Теста детской тревожности» указывают на средний уровень тревожности испытуемой (ИТ=21.4).

Фрустрационный тест Розенцвейга выявляет недостаточную способность Г.Н. к конструктивному разрешению затруднительных и конфликтных ситуаций, ее склонность к внешнеобвиняющим формам реагирования в подобных ситуациях (реакциям враждебности, порицания, направленным на окружающих).

Рассказы, составленные испытуемой по неопределенным сюжетам САТ, кратки, примитивны, по-детски наивны, что указывает на отсутствие у Г.Н. повышенной склонности к фантазированию. Картинку, предполагающую ориентацию в сфере половых отношений, испытуемая восприняла нейтрально.

В ситуации психического давления и неопределенности испытуемая легко принимает навязываемую ей точку зрения, «идет на поводу» у экспериментатора, что свидетельствует о присущей ей податливости внешнему давлению (особенно со стороны взрослого человека) и повышенной внушаемости.

Анализ ответов испытуемой по методике «Завершение предложения» выявляет ее амбивалентное (двойственное, одновременно положительное и негативное) отношение к своему брату, чувство обиды на него.

По данным ретроспективного анализа с помощью сокращенного варианта ОРДПС, состояние Г.Н. в моменты, когда брат делал с ней «очень плохое», обнаруживало сходство, прежде всего, с состояниями растерянности, неуверенности, слабости, утомления, апатии, а также с состоянием отчаяния.

2.4. Судебно-психологическая экспертиза юридически значимых эмоциональных состояний.

Предметом СПЭ данного вида является способность субъекта, с учетом его психического (эмоционального) состояния, к осознанно-волевой регуляции своих действия и поведения в юридически значимой ситуации.

Объектом СПЭ является собственно психическое состояние субъекта в юридически значимой ситуации; комплекс устойчивых индивидуально-психологических особенностей, особенности криминальной ситуации (с точки зрения ее экстремальности и аффектогенности).

Аффект - это сильное и относительно кратковременное эмоциональное состояние, имеющее “взрывной” характер, сопровождаемое резко выраженными двигательными и вегетативными проявлениями. Как правило, аффект дает неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии. Он возникает в тех случаях, когда имеется преднамеренная угроза ведущим жизненным ценностям человека. По мнению законодателя (ст.107 УК РФ), основанием считать убийство, совершенным в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), будут такие обстоятельства, как *«насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего либо иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего, а равно длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего»*. Иными словами, законодатель определил юридические признаки аффектогенной ситуации.

Из этого, говоря психологическим языком, вытекает, что *первым признаком* аффектогенной ситуации является ее *конфликтность*. Конфликтность может порождаться, прежде всего, высокой личностной значимостью психотравмирующего воздействия со стороны потерпевшего (что четко отражено в приведенных выше законных основаниях, предшествующих возникновению аффекта). Кроме того, конфликтность может обуславливаться недостатком информации о ситуации и способах ее разрешения. Конфликтность ситуации может быть вызвана противоречиями в отношениях с окружающими (в частности, с потерпевшим), но также и внутриличностными противоречиями (в тех случаях, когда у человека сталкиваются разнонаправленные мотивы и побуждения). Например, человеку приходится выбирать между двумя привлекательными решениями, требующими противоположных действий, или когда цель представляется привлекательной и, в то же время, непривлекательной; возможен также выбор между двумя в равной степени

непривлекательными решениями. Нередко в жизни межличностные и внутриличностные конфликты сочетаются. *Вторым признаком* аффектогенной ситуации является ее *внезапность*. То есть ситуация обладает новизной, динамизмом, требует быстроты разрешения, однако человек не готов к этому, не имеет адекватных, подходящих способов действия. Следует отметить, что в УК РФ этот признак связан с ситуациями, когда со стороны потерпевшего отмечаются «насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего либо иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего». В то же время, в случаях, если аффектогенная ситуация может быть лишена признака внезапности, когда речь идет о «длительной психотравмирующей ситуации, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего». В таком случае признаком аффектогенности ситуации будет *очередное психотравмирующее воздействие* со стороны потерпевшего.

Третий признак – экстремальность аффектогенной ситуации. Это может быть обусловлено тем, что человек не имеет достаточной информации о ситуации, не имеет опыта решения возникающих необычных, новых для него проблем. Кроме того, как показывает практика, аффектогенным ситуациям свойственны быстротечность, наличие значительного количества помех, что влечет за собой дефицит времени для принятия решения и его реализации. При наличии длительной психотравмирующей ситуации экстремальность может быть обусловлена истощением совладающего потенциала. Об экстремальности ситуации также может свидетельствовать сдвиг в диапазоне эмоциональных переживаний к самому краю отрицательных эмоций (страх, ужас, отчаяние, безвыходность).

Четвертый признак – ситуация должна быть реальной, а не воображаемой. При этом М.М. Коченов считает, что необходимо проявлять взвешенность и осторожность при оценке реальности, поскольку поведение потерпевшего может по-разному быть воспринято конкретным человеком в зависимости от его системы ценностей, функционального состояния в момент происшествия, настроения, предшествующих переживаний и т.д.

Учитывая вышеизложенное, необходимо проанализировать несколько случаев из практики с точки зрения наличия или отсутствия в них признаков аффектогенности.

Пример 13. Щ., 32 лет, мастер по ремонту телерадиоаппаратуры, в течение 5 лет был женат, но детей в семье не было. Медицинское обследование показало, что зачатию препятствовали аномалии репродуктивных систем у обоих супругов (в наибольшей степени у жены). Однако они не оставляли надежды иметь детей и жена Щ. постоянно лечилась в соответствующих медицинских учреждениях. Примерно за год до случившегося на ра-

боте у Щ. появился молодой стажер С., с которым у него сложились приятельские отношения. С. стал иногда бывать в доме Щ., они обменивались видеокассетами, дисками, телерадиодетальями. Несколько раз С. заходил домой к Щ., когда тот бывал в командировках. Когда жена сообщила Щ. о своей беременности, он был обрадован, но затем его стали одолевать сомнения, его ли это ребенок. Эти подозрения возникли из-за того, что жена стала в отношении него несколько более холодной и агрессивной, избегала сексуальных контактов, но в то же время в редкие периоды близости была более раскрепощенной, чем ранее. Щ. пытался уличить жену в неверности, застать ее вдвоем с С., однако ему ни разу не удалось это сделать. Поскольку время родов приближалось, а ясности в мучившем Щ. вопросе не было, он решил, по его словам, «спровоцировать ситуацию и оставить их вдвоем». В день, когда ему нужно было отвезить жену в роддом (за 3 дня до предполагаемого времени родов) Щ. обманным путем завлек С. к себе домой (сказав, что привез ему давно обещанный японский телевизор, хотя аппарат находился на работе) и под предлогом доставки телевизора, который, якобы стоял у соседа, ушел из дома. Выждав примерно 30 минут, Щ. подкрался к своему дому и, как он утверждает, через окно, завешенное полиэтиленовой пленкой и занавеской, увидел, что его жена и С. совершали половой акт. После этого он взял топор, обернутый полиэтиленовым пакетом, и ударил им С. по голове. Затем он начал душить жену, которая просила отпустить ее, сопротивлялась, царапалась. Когда ей удалось вырваться, Щ. догнал ее, ударил головой о стену и задушил. После этого вытащил тела своих жертв на веранду, где топором ударил пришедшую в себя жену, подготовил взрывное устройство и из дальней комнаты подорвал трупы.

Если проанализировать данную ситуацию, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, она была следствием глубокого внутреннего конфликта у Щ., вызванного подозрениями о неверности жены. Во-вторых, если Щ. действительно, как он утверждает, стал свидетелем близости его жены и С. (что, по материалам дела не было очевидным), в таком случае ситуация носила остроконфликтный, психотравмирующий для Щ. характер, поскольку действия потерпевших затрагивали такие личностно значимые для него ценности, как честь и достоинство, отношение к жене, семье, перспективам благополучной семейной жизни, здоровье будущего ребенка. То есть, все это могло бы свидетельствовать об аффектогенном характере сложившейся ситуации. Однако, то обстоятельство, что Щ. сам спланировал и смоделировал указанную ситуацию, спровоцировав тем самым потерпевших на интимную близость, ожидал (или допускал) подобный поворот событий, свидетельствует, что ситуация, по сути, не была для Щ. неожиданной, внезапной, резко ограничивавшей свободу в выборе адекватных способов действия и поведения. То есть, отсутствовал один из важных признаков аффектогенности - внезапность возникновения ситуации. Кроме того, поскольку сексуальный контакт между потерпевшими не был очевидным (сомнителен интравагинальный контакт за три дня до предполагаемых родов с женщиной, пять лет лечившейся от бесплодия; отсутствие признаков полового акта по заключению судебно-медицинской экспертизы; подтвержденная в ходе следственного эксперимента практически нулевая видимость через плотно занавешенное окно, к тому же для утепления затянутое плотной полиэтиленовой пленкой), реальность как признак аффектогенной ситуации также под вопросом. Таким образом, отсутствуют необходимые признаки аффектогенной ситуации (даже если допустить факт сексуального контакта между потерпевшими).

Пример 14. К-в, 50 лет, в ходе конфликта с женой облил ее бензином и поджег. Установлено, что конфликт с женой начался после того, как он увидел в ее сумке косметичку и спросил ее, зачем она берет ее на работу. Жена вспыхнула, на что К-в сказал, что раньше не видел, чтобы она брала ее на работу, красилась только дома. После этого жена не вышла к столу, объяснила, что обиделась на него. Примерно в половине девятого, поставив машину в гараж, вернулся в дом, стал разговаривать с женой, не помнит на какую тему. Она стала все больше «заводиться» (все продолжалось по поводу косметички), стала кричать на него. К-в пытался ее успокоить, но у него это не получилось. В свою очередь он тоже стал «заводиться». Слова жены о том, что она уходит от него к матери и больше не вернется, «взбесили» его, он резко выскочил из дома, побежал в гараж, где открыл багажник машины, достал оттуда две пластиковые бутылки, в которых находился бензин. Взяв эти бутылки, забежал в дом, чтобы напугать жену. Когда забежал в дом, закрыл дверь на замок, чтобы жена никуда не выбежала. Жена спросила его, увидев бутылки, что он делает. К-в открыл бутылки и облил жену бензином одновременно из двух бутылок. Она побежала в другую комнату. К-в с бутылками в руках побежал за ней. Жена подбежала к окну, чтобы выскочить из дома, стала кричать и звать на помощь. Выкинув бутылки, К-в оттащил ее от окна. Она побежала к выходу из дома, не обращая на крики К-ва: «стой, стой!». Тогда он достал из кармана зажигалку, поднес ее к жене и она резко воспламенилась. Сразу понял, что наделал, подбежал и стал руками тушить огонь, но это не помогало. Взял ведро с водой и облил жену. Из показаний свидетелей известно, что на протяжении последних 6-7 лет в семье К-вых стали происходить ссоры, инициатором которых был К-в. Он стал очень сильно ревновать свою супругу ко всем своим знакомым и к родственникам. К-в всегда был инициатором ссор, но его жена также никогда ему не уступала, отвечала на его слова, кричала и провоцировала. К-в боялся отпускать жену на работу из-за ревности. У него к жене была очень сильная любовь и такая же ревность.

Со слов К-ва, вместе с женой прожили 25 лет. От брака есть четверо детей. Семейная жизнь складывалась «прекрасно». Однако последние «лет восемь» появились подозрения в неверности жены. На это, по его мнению, указывало то, что «она стала нервная, постоянно срывалась на крик, стала отказывать в супружеской близости, уходила к маме, упрекала, что не работаю, не зарабатываю денег, отказывалась сесть и поговорить со мной...». Часто жена кричала на него, он также «заводился». Связывает это с тем, что в последнее время у него были проблемы с работой, какое-то время не работал вообще. В связи с этим уезжал на заработки в Ростов, но это не улучшило отношения, напротив, ухудшило. Позже пришла мысль, как озарило, что у неё кто-то есть. Эта мысль не покидала, возникала помимо воли, не мог избавиться от неё, работать. Как только появлялась эта мысль, охватывало всего беспокойство, дискомфорт. Несколько раз бросал работу и ехал домой, «увиджу её, что она одна, работает и становилось спокойнее». «Была думка не о работе, а о ней только». Стал чаще выпивать, но только после работы. За здоровьем не следил, «бывало в голову ударит, полежу, пока не пройдет, но к врачу не шел». Ездили с женой по бабкам, чтобы улучшить сложившуюся ситуацию («они говорили, что все сделано на развод, на разорение»). Потом жена перестала с ним ездить, продолжал ездить сам. В последнее время предлагал разойтись, «если чего-то не сходится». Допускает, что «может, сам переменялся», «потеряли друг друга». Об изменениях в себе говорит, что в последние 6-8 лет стал меньше бывать в компаниях, стал «замкнутым в общении». «Раньше и дома все крутилось, все строил. И во дворе ничего не стало, и делать неохота. Желания нет. Раньше все было в порядке в сарае – все развешено, а теперь все на самотек. Работал без души. Раньше с машиной целыми днями копался, а потом почти не подходил». Настроение «убитое какое-то», сам «как убитый». Следил за супругой - «приезжал с работы внезапно, рассматривал следы от машин», которые, как он думал, останавливались около их дома, специально сигналили жене, заезжали во двор. «Знаю точно, что по ночам приезжали машины, остановятся, пикнет и уедет, для кого это?...». Делился своими пере-

живаниями «по поводу её измен» с другом, родителями, но никто не верил «меня переубеждали, вроде успокаивался, потом опять повод и снова...». Перед самой трагедией она стала пользоваться косметикой, что еще больше убедило его в своей правоте.

Анализ ситуации показывает, что, как и в первом случае, выявляется наличие у К-ва длительного и глубокого конфликта в связи с ухудшением отношений с женой, причину которого он видел в неверности жены. Показателями этого, по его мнению, являлись охлаждение жены к нему, ее раздражение, вспыльчивость. В течение длительного времени он, с одной стороны, пытался изобличить жену, а с другой, предпринимал попытки совладания с ситуацией, прибегая к помощи «знахарок». Примерно за год до случившегося отмечается первый случай насилия (избил жену после очередной вспышки ревности). Непосредственно в криминальной ситуации источником конфликта явилось обнаружение К-вым в сумке жены косметички как «улики» ее неверности. Таким образом, отсутствуют, как реальность ситуации (измены), так и действия со стороны жены, которые могли бы квалифицироваться как «насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего либо иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего, а равно длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего» и, следовательно, ситуация не может быть признана аффектогенной.

Пример 15. Ч-в, 23 лет, обвинялся в том, что совместно с двумя своими товарищами с целью завладения автомобилем «Хонда», согласно заранее разработанному плану, обманным путем (представившись владельцем новой квартиры, ищущим штукатура) завлек потерпевшего в квартиру. Когда вместе с потерпевшим вошли в квартиру, он взял заранее подготовленную монтировку и ударил ею потерпевшего по голове, однако тот начал сопротивляться и Ч-в ударил его по голове еще «раза три». От этого потерпевший потерял сознание. Поскольку потерпевший начал приходить в себя, двое других соучастника стали душить его шнуром от утюга. При этом Ч-в держал потерпевшего за руки. Примерно через 3 дня вывезли тело машиной погибшего; управлял автомобилем Ч-в. Поскольку все происходило в холодное время года, оставили машину на стоянке в центре города. Спустя 3-4 дня вывезли труп в район старого города, где сбросили его в заброшенный колодец.

Следует обратить особое внимание, что следствием при назначении экспертизы допущена серьезная ошибка: *во-первых*, сам характер деяния (умышленное, заранее спланированное групповое преступление, с распределением ролей в группе) не давал оснований для предположения относительно состояния аффекта у Ч-ва. *Во-вторых*, потерпевший не совершал в отношении Ч-ва каких-либо действий, которые четко обозначены в predispositions ст.ст. 107, 113 УК РФ, а потому, даже если бы у Ч-ва были выявлены признаки аффективного состояния, это не являлось бы юридически значимым. *В-третьих*, в ходе допросов Ч-в не сообщал о том, что в период совершения инкриминируемого ему деяния он пережил некое состояние, похожее на аффект, в связи с действиями потерпевшего. Необходимо отметить, что еще до

назначения экспертизы, он неоднократно заявлял, что удары потерпевшему наносились не им, а другим участником нападения.

Таким образом, в данном случае аффектогенной ситуации не могло быть, поскольку потерпевший не предпринимал никаких действий, предусмотренных ст.107 УК РФ, в отношении Ч-ва.

Пример 16. Д., 36 лет, ночью, примерно в 00 часов 15 минут, в своей квартире на почве ревности, кухонным ножом нанес ножевые ранения в области тела и шеи находящимся в данной квартире своей жене Д., а также Ф. и К., которые от полученных ранений скончались на месте. В ходе расследования было установлено, Д., Ф. и К. в течение длительного времени поддерживали дружеские отношения. Днем, в компании вместе со своими женами они отдыхали на природе, где собирали грибы, жарили шашлыки. Еще до возвращения в город, Д., Ф. и К. договорились, что вечером оставят дома своих жен и дальше поедут отдыхать без них. Своей жене Д. сказал, что ему нужно уйти из дома, чтобы помочь Ф. починить его автомобиль. Выйдя из дома, он позвонил Ф. и сказал, что будет ждать его и К. возле кафе. Подойдя к кафе, он прождал Ф. и К. примерно час, но они так и не приехали. Д. неоднократно звонил Ф. на мобильный телефон, но тот не отвечал, также позвонил к себе домой на домашний телефон, трубку никто не поднял. Подумав, что жена уехала к своим родителям, он направился к себе домой. Открыв входную дверь своей квартиры, он зашел, разулся. В квартире везде горел свет и слышался запах сигаретного дыма. В коридоре он увидел К., который был полностью обнажен. Д. спросил у него, что он делает в его квартире в таком виде, после чего у них произошла словесная перебранка и они начали драться. К. от удара Д. упал. Увидев, что в кухне закрыта дверь и оттуда слышался женский стон, Д. зашел в кухню, где увидел обнаженных Ф. и свою жену, занимавшихся сексом. В кухне он стал драться с Ф.. В ходе драки Ф. схватил нож с кухонного стола и замахнулся на Д. Тому удалось, схватившись рукой за лезвие, вырвать нож, после чего он стал наносить им беспорядочные удары Ф.; сколько ударов и куда их нанес, сказать не может. Во время драки на него сзади набросился К., которому он также стал наносить удары ножом. Помнит, что жена пыталась разнимать их, также наносил ей удары. Количество, локализацию ударов, наносившихся К. и жене, не помнит. Придя в себя, увидел, что мертвая жена лежала в спальне, К. – в коридоре, стал звонить в «скорую помощь».

В данном случае исследуемая ситуация являлась для Д. внезапной, остро конфликтной, затрагивала ведущие личностно значимые ценности (собственные честь и достоинство, честь семьи, любовь к жене, мужская дружба), была экстремальной - динамичной, имела тенденцию к стремительному обострению, обуславливала сдвиг в эмоциональном реагировании к крайнему отрицательному полюсу по шкале состояний, в силу своей остроты требовала отреагирования; кроме того, она была реальной. Это свидетельствует, что ситуация, в которой оказался Д., являлась аффектогенной, что является необходимым условием для возникновения аффекта.

По мнению М.М. Коченова, существует несколько механизмов возникновения аффекта. *Первый* - это реакция на одноразовое действие очень сильного раздражителя (оскорбления, угрозы, насилия) (т.е. то, о чем говорит законодатель – «насилие, издевательство или тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего либо иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего ...»). *Второй* связан с тем, что аффект возникает вследствие накопления (аккумуляции) у человека отрицательных эмоциональных переживаний («...а равно длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего»). В таком случае «пусковым механизмом» для развития аффективного состояния может стать незначительное отрицательное воздействие, ставшее, образно говоря, «последней каплей». М.М.Коченов говорил, что возможен еще один механизм, связанный с оживлением ранее обрзовавшихся следов возбуждения, когда повторное действие раздражителя, вызывающего аффект, было, как бы отсрочено на время от нескольких минут до нескольких лет (!). Однако, по-нашему мнению, нужно быть предельно осторожными в отношении третьего варианта развития аффекта (особенно, если речь идет о слишком «запоздалой» реакции). За тридцать лет практической работы в судебной экспертизе авторам ни разу не встретился подобный случай. Вероятнее, когда речь идет об «отставленном» аффекте, следует рассматривать его как частный случай кумулятивного аффекта.

Необходимо остановиться на диагностических признаках аффекта¹⁶. Как известно, аффект включает в себя три фазы развития. Каждая из этих фаз характеризуется рядом признаков – обязательных и дополнительных (факкультативных). Следует помнить, что при оценке ориентироваться необходимо, прежде всего, на обязательные, по существу необходимые признаки. Дополнительные признаки при аффекте могут отмечаться, а могут и отсутствовать. Ниже приводятся признаки «классического» физиологического аф-

¹⁶ Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого. – М., ГНЦСиСП им.В.П.Сербского, РФЦСЭ при МЮ РФ, 2007

фекта, вызванного единичным психотравмирующим воздействием поведения потерпевшего.

На первой («доаффективной») фазе, когда стремительно нарастает возбуждение, к *обязательным признакам* относятся:

- 1.1. Субъективная неожиданность психотравмирующего воздействия.
- 1.2. Субъективная внезапность возникновения аффективного взрыва.

Дополнительные (факультативные) признаки:

- 1.3. Ощущение субъективной безвыходности из сложившейся ситуации.
- 1.4. Неблагоприятное психофизиологическое состояние (переутомление, недосыпание, соматическое заболевание и пр.)

2. Вторая фаза – аффективного взрыва

Обязательные признаки:

- 2.1. Взрывной характер эмоциональной реакции.
- 2.2. Частичное сужение сознания.
 - 2.2.1. Фрагментарность и неполнота восприятия (симультанная и сукцессивная)¹⁷.
- 2.3. Нарушения произвольной регуляции деятельности.
 - 2.3.1. Расстройство опосредованности действий.
 - 2.3.2. Расстройство контроля действий.
 - 2.3.3. Снижение способности к прогнозу результатов действий.
 - 2.3.4. Отсутствие прогноза отдаленных последствий действий.

Дополнительные признаки:

- 2.2. Относящиеся к частичному сужению сознания.
 - 2.2.2. Заполненность сознания переживаниями, связанными с психотравмирующим воздействием.
 - 2.2.3. Элементы искаженного (иллюзорного) восприятия.
 - 2.2.4. Элементы утраты чувства реальности окружающего.
 - 2.2.5. Элементы ощущения отчуждения своих действий.
- 2.3. Относящиеся к нарушениям произвольной регуляции деятельности.

¹⁷ Фрагментарность симультанного восприятия – неполное восприятие ситуации в отдельный момент времени. Фрагментарность сукцессивного восприятия – неполное восприятие окружающей действительности и своих действий во времени.

- 2.3.5. Двигательные автоматизмы (стереотипии).
 - 2.3.6. Нарушения речевой деятельности.
 - 2.3.7. Несоответствие агрессивных действий обвиняемого его ценностно-смысловой сфере, направленности личности или типичным для него способам реагирования.
- 2.4. Резкое изменение вазомоторных и иных вегетативных проявлений.
3. Третья фаза – постаффективная
- Обязательные признаки:*
- 3.1. Физическая астения (истощение).
 - 3.2. Психическая астения (истощение).
- Дополнительные признаки:*
- 3.3. Дезорганизация психической деятельности.
 - 3.4. Неполное осознание (недопонимание) случившегося.

Пример 17. Так, при расследовании дела об убийстве К. своей жены и причинении тяжких телесных повреждений ее любовнику, свидетельница, видевшая обвиняемого сразу после выстрелов, отметила «смертельную бледность, до синевы» лица К., его расширенные зрачки, неподвижный взгляд, «автоматическую, как у робота, походку».

Следует отметить о таких характерных для аффекта явлениях, как *частичная амнезия* на детали криминального события и *астенический синдром*. Человек, совершивший преступление в состоянии аффекта, не может сказать, сколько ударов нанес потерпевшему (как правило, помнятся первые один-два удара), куда наносил удары, а также чем наносил. Очень часто обвиняемые не могут сказать, где и каким образом брали оружие преступления. Не помнит, как развивались события и т.д. Это является следствием дезорганизации психических процессов, в том числе памяти, вызываемой аффективным состоянием.

Что касается астенического синдрома, то здесь следует отметить, что заключительной стадией аффекта является спад, который проявляется также в протекании всех психических функций. Человек в посткриминальной ситуации, как правило, выявляет заторможенность, безразличие, подавленность, слабость, упадок сил (в крайних проявлениях астенический синдром может проявляться в рвоте, сне). На этом этапе может наблюдаться и снижение адекватности поведения (например, женщина, совершившая убийство мужа, убегает с места происшествия, оставляя в квартире вместе с трупом свою полторагодовалую дочь и т.д.).

Пример 18. О. обвинялся в том, что причинил Х. тяжкие телесные повреждения, нанеся ему удар ножом в живот, при следующих обстоятельствах. Вместе с Х. обвиняемый учился в одном СПТУ. Во время прохождения практики в колхозе Х. во главе компании подростков принуждал О. к гомосексуальному контакту. После случившегося учащиеся стали бойкотировать О. в результате чего тот был вынужден оставить учебу и пошел работать. Спустя три года на призывном пункте О. и Х. попали в одну команду. Увидев О., Х. начал требовать у него деньги, но получив отказ, пригрозил “напомнить старые грешки”. Это вызвало у обвиняемого “тревогу, сильное беспокойство, т.к. вспомнил прежние конфликты и бойкот со стороны сверстников”. Спустя несколько дней, находясь в пути к месту службы, О. был избит сопровождавшим новобранцев военным служащим, потребовавшим от него доказать свою непричастность к гомосексуализму. Попытки объяснить, что все это неправда успеха не имели и вызвали насмешки как со стороны военнослужащего, так и со стороны ряда новобранцев, бывших свидетелями этой сцены. После этого Х. находился в подавленном состоянии, испытывал к себе жалость, решил покончить с собой. Увидев в купе нож, понял, что “сможет себя им убить”. Выйдя в тамбур, раскрыл нож, приставил его рукояткой к двери лезвием к себе и хотел наскочить на него. В этот момент в тамбур кто-то вышел. Испугавшись, что ему помешают реализовать свой замысел, О. пошел в следующий вагон и в переходе между вагонами встретил Х. Тот потребовал, чтобы О. следовал за ним. О. испытывал, по его словам, безразличие, шел “как на поводке”, нож продолжал держать в руке. В следующем вагоне Х. начал заставлять О. убирать мусор за собой и еще одним призывником. Когда Х. пошел за веником, О., понял, что не сможет убить себя, зашел в купе и спрятал нож в карман. Отчетливо помнит, что нож не закрывал, но почему, объяснить не может. В это время подошли Х. и проводник вагона, они разговаривали и смеялись, глядя на О. Последний помнит, что он не мог понять, о чем идет разговор, видел только смеющегося Х. в расстегнутой рубашке. Внезапно О., по его словам, “ всего забило, затрясло”. В памяти остались слова Х.: “Чего тебя трясет?” В себя пришел, когда увидел, что нож был в теле Х., который кричал, пытался ударить его. О. отвернулся к окну, а когда повернулся, Х. в купе не было, но к нему приближались какие-то парни и он закричал, чтобы никто не подходил. Нож бросил по требованию военнослужащего. О чем его расспрашивали, что происходило дальше, помнит плохо. Отмечает, что трясти его перестало, но испытывал безразличие, головокружение, тошноту, слабость в ногах. В голове была только одна мысль, что ему - “вышка”. Как показали сам потерпевший и проводник, когда они разговаривали и посмеивались над О., того начало сильно трясти, он стал бледным. Свидетели, прибежавшие на место происшествия после криков Х., отметили, что О. был крайне возбужден, бледен, выглядел затравленным, бессвязно отвечал на вопросы.

Как видно из этого примера, во-первых, ситуация носила выраженный аффектогенный характер. При этом у О. отмечалось нарастание психической напряженности, ее перерастание к моменту исследуемых событий в состояние фрустрации. Об этом свидетельствуют восприятие ситуации в качестве безвыходной, дезадаптация О., выразившаяся в суицидальной попытке. Во-вторых, в состоянии О. в момент совершения инкриминированного ему деяния проявились практически все диагностические признаки аффекта: внезапность возникновения состояния, его интенсивность и кратковременность, искажение восприятия, сужение сознания, возбуждение, стереотипная моторная активность (множественность ударов ножом, наносившихся снизу вверх), вегетативный сдвиг, частичная амнезия, астенический синдром.

Пример 19. Из материалов уголовного дела известно, что в вечернее время, находясь в своей квартире, в ходе ссоры Б. кухонным ножом нанесла удар в спину своему мужу, Б.С. От полученных повреждений потерпевший скончался на месте происшествия.

В ходе предварительного следствия Б. подробно рассказала о происшедшем. Пояснила, что, придя домой, застала мужа в нетрезвом состоянии, из-за чего произошла ссора. Когда из школы вернулся сын, муж подсудимой попытался уйти из дома, но Б. не отпустила его, т.к. полагала, что он продолжит пить. Однако муж все-таки ушел. Не вернулся он домой и после того, как за ним ходил сын. Он пришел в то время, когда у них гостила сестра подсудимой. Спустя некоторое время муж начал требовать у сына показать ему, как он сделал уроки. Поскольку тот еще не готовил домашнее задание, Б. стала защищать сына. Это вызвало со стороны мужа угрозы избить сына. Конфликт разгорался постепенно: вначале Б. вытолкала мужа в другую комнату; затем он начал рваться в детскую комнату, а когда подсудимой не удалось его остановить (от ее оттолкнул, и она упала на пол), схватила нож и ударила им мужа в спину. Когда увидела кровь у него на спине, выскочила из квартиры.

Несовершеннолетний сын испытуемой утверждает, что придя из школы, он увидел пьяного отца, который ссорился с мамой, т.к. та не отпускала его из дома. Когда пришла «тетя Света», отец ушел. По просьбе матери свидетель искал отца, уговаривал его вернуться домой, но тот не пришел. Когда же отец вернулся, то был еще более пьян, начал требовать у свидетеля тетради с домашними заданиями, угрожая в противном случае побить. Когда мать пыталась защитить его, свидетель услышал ее крик: «Я его убила».

В-к показала, что в семье Б. были частые ссоры и скандалы из-за пьянства потерпевшего, во время которых он избивал жену и детей. В день убийства свидетель услышала крики и пришла в квартиру Б., т.к. ранее неоднократно разнимала ссорившихся. Там она застала Б. «в истерике», а также увидела потерпевшего, лежавшим в луже крови.

По месту жительства Б. характеризуется как вежливая, приветливая, не навлекавшая на себя каких-либо замечаний. По месту работы проявила себе как добросовестная, активная работница.

Потерпевший Б.С., напротив, по работе и в быту зарекомендовал себя отрицательно...

...В процессе экспертного исследования Б. оценивает себя как замкнутого, необщительного, обидчивого человека, пасующего перед трудностями; в последнее время стала вспыльчивой.

О своей семейной жизни сообщила, что первые годы жили хорошо («была счастлива, все завидовали»). Затем муж стал выпивать, но испытуемая особого внимания на это не обращала. Однако, когда он стал пить чаще и больше, начались размолвки, ссоры, переходившие в побои. К детям муж относился строго, «но без дела не ругал»; когда же был пьян, переставал контролировать себя и мог побить детей. С работы его постоянно выгоняли, и поэтому Б. пришлось выходить на работу самой.

О криминальной ситуации Б. сообщила, что была трезвой, т.к. вообще не употребляет спиртные напитки. Вернувшись с работы, увидела, что муж пьян и собирается уходить из дома. Не пускала его и «даже спрятала его туфли», но он все же ушел. Послала пришедшего из школы сына найти отца, но тот вернулся расстроенным, т.к. отец отругал его и отказался идти домой. Б. сидела на кухне со своей сестрой и жаловалась ей на мужа, плакала. Вскоре пришел муж, начал требовать, чтобы сын показал ему тетради с уроками, угрожая избить, если тот не принесет их. Испытуемая пыталась отправить мужа спать, отеснив его от детской комнаты. Однако он вновь начал кричать сыну, чтобы тот нес тетради. Поднявшись с кровати, потерпевший вновь направился в детскую комнату, намотав на руку ремень. Б. испугалась, что муж «убьет сына» и попыталась остановить его, и, отобрав ремень, выкинула его в сторону. Муж заломил испытуемой руку за спину и швырнул Б. на пол. Увидев, что муж вновь направился к детям, испытуемая, поднимаясь, схватила со стола какой-то предмет (что именно, не помнит) и ударила им мужа по спине. Когда

муж остановился и посмотрел на нее, увидела у него на спине кровь и нож у себя в руке. Потерпевший направился к Б. и она выскочила из квартиры. После случившегося испытуемую «трясло, ноги были как ватные».

Б. считает, что виновата в смерти мужа и в том, что «все терпела и не разошлись раньше». Убивать мужа не хотела, считает, что «лучше было бы, если бы он убил» ее...

...Изучение типологических свойств нервной системы Б. показало, что ей присущи слабость нервных процессов по возбуждению и их сила по торможению, выраженная неуравновешенность нервных процессов в сторону торможения ($R=0,7$). Это обуславливает «тормозный» тип нервной системы, что в сложных ситуациях может приводить к быстрому истощению возбуждения, нарастанию торможения, а на поведенческом уровне - к легкости отказа от активности, нарастанию пассивности, неуверенности, возможно, росту тревоги. Б. выявляет высокий уровень эмоциональной чувствительности к широкому спектру внешних воздействий (особенно к обидам, грубости, несправедливым обвинениям, неприятностям с близкими людьми), уязвимость, впечатлительность, инертность мышления, замкнутость, высокий уровень личностной тревожности, подверженность расстройности (Стреляу, Леонгард-Шмишек).

В конфликтных и затруднительных ситуациях Б. обнаруживает выраженную подверженность состояниям фрустрации (безвыходности) в связи с возникающими проблемами. При этом уровень активности в преодолении препятствий крайне низкий. Обнаруживает тенденцию к уходу от проблем, к расчету на то, что все образуется само собой с течением времени (Розенцвейг). Уровень агрессивности - в пределах средних значений. В конфликте вероятны косвенная и словесная агрессия (физическая не характерна). Испытуемая обидчива, однако легко загорающаяся враждебность ей не свойственна (Басс-Дарки).

...Ретроспективный анализ психического состояния Б. в криминальной ситуации (в динамике, на 8 этапах ее развития, проективно, с помощью Люшер-теста) показал следующее.

В течение дня Б. испытывала настоятельную потребность в спокойной, бесконфликтной обстановке для того, чтобы расслабиться и набраться сил, т.к. длительная психотравмирующая ситуация привела к истощению.

В процессе развития конфликта с потерпевшим и в момент нанесения ему ножевого ранения испытуемая воспринимала ситуацию как крайне неприятную, предъявлявшую к ней предельно завышенные требования, однако безуспешно пыталась отстоять свою позицию. Это привело к возбуждению, тревоге, ощущению бессмысленности дальнейших усилий, восприятию себя в качестве жертвы, доверием которой злоупотребили, что обусловило резкий рост импульсивных тенденций, вызывающее и своевольное поведение...

...Анализ криминальной ситуации показал, что:

- на протяжении многих лет совместной жизни между супругами Б. происходили ссоры, инициатором которых был потерпевший;
- неоднократно, будучи в нетрезвом состоянии, Б. избивал своих жену и детей;
- непосредственно в криминальной ситуации потерпевший угрожал расправой сыну, избил Б..

Таким образом, исследуемая ситуация носила остроконфликтный характер, была относительно протяженной во времени, имела тенденцию к неуклонному обострению (особенно на последних этапах своего развития). Действия потерпевшего являлись психотравмирующими для Б., поскольку затрагивали такие личностно значимые ценности, как безопасность детей и ее самой, здоровье, семейное благополучие, чувство собственного достоинства. Следует отметить, что постоянные конфликты с мужем, его отношение к семье, а также поведение (агрессия, в том числе и физическое насилие) могли способствовать возникновению у Б. и постоянному углублению состояния хронической психической напряженности (стресса). Все это позволяет квалифицировать ситуацию как аффектогенную.

...Анализ психического состояния, действий и поведения Б. в период нанесения ножевого ранения свидетельствует, что:

- к моменту исследуемых событий Б. находилась в состоянии хронической психической напряженности;
- ею остро переживались отрицательные эмоции, имеющие высокий энергетический потенциал, такие как страх, гнев, чувство опасности, унижение, раздражение;
- у испытуемой отмечался высокий уровень активации, возбуждение (в том числе двигательное);
- Б. выявляла признаки сужения сознания до пределов психотравмирующей ситуации с осознанием ближайших целей деятельности (защита сына любой ценой);
- в сознании у нее также обнаруживалось нарушение баланса между рациональными и эмоциональными компонентами с выраженным преобладанием последних;
- действия Б. не теряли целенаправленности и целесообразности, однако в них явно преобладали импульсивные тенденции;
- уровень волевого контроля над своими действиями и поведением у испытуемой был существенно снижен;
- поведение испытуемой носило ярко выраженный характер физической агрессии;
- состояние Б. в момент совершения инкриминируемого ей деяния характеризовалось высоким уровнем энергетики, кратковременностью, «взрывной» динамикой;
- в исследуемый период у Б. отмечались признаки вегетативного сдвига (в частности, сильный тремор);
- у испытуемой отмечались также признаки частичной амнезии на детали криминальной ситуации;
- в посткриминальный период Б. выявляла признаки астенического синдрома (слабость, разбитость).

Таким образом, в период совершения инкриминируемого ей деяния Б. выявляла признаки экстремального психического состояния.

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующему заключению. В момент совершения инкриминируемого ей деяния Б. находилась в состоянии аффекта. Об этом свидетельствуют: а) наличие аффектогенной ситуации (и прежде всего психотравмирующего характера действий потерпевшего; б) совпадение динамики и содержания состояния испытуемой в исследуемый период с диагностическими признаками аффекта, а именно: отмечались кратковременность и «взрывной» характер состояния; выраженная дезорганизация психической деятельности Б. в виде возбуждения (в том числе моторного), сужения сознания, значительного снижения волевого контроля над своими действиями и поведением, импульсивности действий, выраженного агрессивного характера поведения (физическая агрессия), проявлений вегетативного сдвига, явлений частичной амнезии и последующего астенического синдрома. На наличие у Б. аффекта указывает и тот факт, что ее поведение в исследуемый период противоречило базовым индивидуально-психологическим особенностям испытуемой, таким как «тормозимый» тип нервной системы, пассивность в конфликте, впечатлительность, подверженность растерянности в сложных ситуациях, инертность мышления. На поведение Б. в исследуемой ситуации также могли существенно повлиять свойственные ей высокий уровень эмоциональной чувствительности к неприятностям с близкими людьми, несправедливым обвинениям и грубости, уязвимость, обидчивость, раздражительность, подверженность фиксации на неприятностях и длительному переживанию отрицательных эмоций в связи с этим.

Сильные эмоциональные состояния, способные оказывать дезорганизующее влияние на психическую деятельность человека и, прежде всего, его способность к осознанно-волевой регуляции в юридически значимой ситуа-

ции, по своей динамике и содержанию могут отличаться от физиологического либо кумулятивного аффекта. Вместе с тем они могут обусловить ту степень дезорганизации психической деятельности, которая наблюдается в состоянии аффекта. Наиболее ярко это может проявиться в тех ситуациях, когда их требования находятся на грани психологических и психофизиологических возможностей человека. Чаще всего это – ситуации, возникающие при работе в экстремальных условиях (в том числе в вооруженных силах). Предлагаемый пример демонстрирует такое состояние.

Пример 20. Из материалов уголовного дела известно, что во время выполнения поставленной задачи возникло противостояние между подразделением старшего лейтенанта С. и агрессивно настроенными местными жителями. В результате попытки местных жителей, руководимых представителем местной администрации и работниками милиции, разоружить пограничников, погиб старший прапорщик Р.. После этого старший лейтенант С. открыл огонь из автоматического оружия в направлении толпы. В результате этого были ранены трое пограничников и трое местных жителей. В процессе предварительного следствия была проведена судебно-психологическая экспертиза, согласно заключению которой С. находился в состоянии физиологического аффекта. Суд не согласился с подобной оценкой и назначил новую экспертизу в суде.

В ходе предварительного следствия и в суде С. пояснил, что накануне случившегося, прибыв на место, он был предупрежден подъехавшими главой администрации поселения и двумя сотрудниками милиции, чтобы пограничники никаких действий без их разрешения не предпринимали. Если будут «вести себя хорошо, то уедут с икрой и рыбой, а если плохо, то это - вотчина, вернее территория мэра крупного города». Примерно в 21 час вновь приехал глава администрации с предложением поужинать и выпить спиртного, но С. отказался. На следующий день утром С. начал проверку плавсредств. Обнаружив незарегистрированные лодки, принял решение снять с обеих лодок двигатели. Подошли трое мужчин и начали нецензурно выражаться в его адрес. Объяснил, что проверяет наличие регистрационных документов и если они есть в наличии, то тогда никаких вопросов к ним не будет. Узнав, что это лодки соседей, попросил их направить к нему. Один из местных жителей был сильно возбужден, начал нецензурно выражаться, схватил С. «за грудки». Освободился от его рук, пытаясь провести подсечку. На помощь С. подоспел К. и местные жители отошли, продолжая ругаться, угрожая расстрелять и т.д. С. повернулся в сторону моря, дослал патрон в патронник и произвел выстрел короткой очередью в сторону байды. Они, уходя, сказали, что он пожалеет, что связался с ними. Минуты через три подошел мужчина, представившийся исполняющим обязанности главы администрации. Он сразу стал угрожать, говорил, что на каждый автомат пограничников у них есть четыре, что он соберет народ в поселке и их скинут в море. С. говорил ему, чтобы он лучше собрал людей для проверки документов. Но тот не слушал и стал призывать собравшихся людей напасть на пограничников и отнять оружие. К этому времени у причала собралось уже 50 человек. Глава администрации призывал жителей напасть на пограничников, отнять оружие, расстрелять из гранатометов. В толпе замелькали лица в милицейской форме, прозвучали фразы, что пограничники пьяные. С. попытался «утихомирить народ и объяснить им». В этот момент приказал прапорщику М. вызвать вторую группу на помощь. Толпа немного успокоилась и двое представили документы. Вместе с ними отошел от толпы для проверки документов на плавсредства. Во время проверки документов С. услышал сначала одиночный выстрел, а затем короткие очереди по 3-4 патрона из автомата

как показалось калибром 5.45. Даже подумал, что «это стреляют мои ребята выстрелили в воздух, чтобы толпа не напирала на них». В это время подбежал прапорщик М. и крикнул, что Р. убили. Подбежав к нему, С. увидел, что Р. лежал на земле, лицо было в крови, изо рта шла кровь. Тут же увидел, что в сторону поселка бежал милиционер с автоматом в руках. Громко крикнул: «Всем лежать!» и произвел очередь из автомата в воздух. По его словам, С. хотел остановить их и разобраться в том, кто убил его сотрудника. Однако работники милиции не останавливались и скрылись за ближайшим домом. Преследовать их не стал, т.к. не знал, сколько человек там скрывается. Приказал выставить боевое охранение...

...Анализ ситуации свидетельствует, что ее условно можно подразделить на три взаимосвязанных и взаимообуславливающих этапа...

...Второй этап ситуации относится к началу выполнения операции. Следует отметить, что с самого начала ситуация носила стрессогенный характер. *Во-первых*, из 16 человек в подразделении С. только двое ранее участвовали с ним в совместных операциях. В подгруппе С. ни один военнослужащий вместе с ним не выходил в рейды. Кроме того, практически никто из бойцов отряда не владел навыками проверки маломерных судов и оформления документов. *Во-вторых*, отрядом не был получен сухой паек ввиду неприбытия транспорта в установленное место в установленный срок. В результате отряд был вынужден выдвигаться на о.Ч. без запаса продуктов. *В-третьих*, при постановке перед отрядом конкретных задач не были предусмотрены согласованность действий отряда с другими подразделениями, принимающими участие в операции и поэтому изначально отряд был лишен оперативной связи с судами, находившимися неподалеку от острова, и имел выход только на Н-скую погранзаставу. *В-четвертых*, отряд не смог оперативно высадиться на остров ввиду мелководья и открытого игнорирования местным населением сигналов о прибытии пограничников для последующей эвакуации их с судов на остров. *В-пятых*, при проведении объезда острова и бесед с некоторыми из местных жителей (со слов С.) было выяснено, что никто не желает идти на сотрудничество с пограничниками. Кроме того, С. и несколько его подчиненных (Р., К., В.) стали свидетелями перегрузки пойманной местными жителями рыбы на мотоцикл. *В-шестых*, в период обустройства лагеря к С. прибыли представитель местной администрации и двое сотрудников милиции, находившиеся в нетрезвом состоянии, которые ясно дали понять, что пограничники без их ведома ничего не должны предпринимать. При этом они сослались на имя авторитетного человека (мэра крупного города), а также посулили пограничникам «вознаграждение» за сотрудничество. В противном случае, по словам приехавших к лагерю, в поселке достаточно оружия, чтобы справиться с пограничниками.

Указанные обстоятельства обуславливали возникновение у С. (как командира, ответственного за выполнение поставленной задачи, а также – за безопасность личного состава) и у членов его отряда состояния высокой психической напряженности (стресса), восприятия и оценки ими местного населения как враждебно настроенного, а самой ситуации – как предъявляющей повышенные требования к каждому из пограничников.

Третий этап криминальной ситуации ввиду длительности, неравномерной динамики и личностной значимости для испытуемого с целью анализа условно подразделен на ряд стадий (некоторые стадии выделены по показаниям С. и членов его подгруппы).

1. Начало третьего этапа в развитии криминальной ситуации связано с получением известия о гибели пограничника Н-ской погранзаставы. То обстоятельство, что в зоне данной погранзаставы сосредоточено несколько населенных пунктов, жители которых занимались браконьерством, а также ситуация, сложившаяся к этому времени в месте подразделения, обусловили восприятие С. этого события (гибель пограничника) в условиях дефицита информации как прямое следствие действий браконьеров. О том, что гибель пограничника (которого испытуемый знал лично) произвела на С. сильное впечатление, свидетельствует тот факт, что он незамедлительно довел эту информацию до сведения лично-

го состава, призвал к ужесточению борьбы с браконьерами, а также принял решение на немедленное проведение рейда (который ранее планировался на более позднее время). В этот период у С. отмечается нарастание психической напряженности (стресса), на что указывает и тот факт, что полученная позднее информация о случайном характере гибели пограничника на заставе не оказала влияния на оценку ситуации испытуемым и на его решение о проведении рейда. Ситуация в его восприятии к тому моменту приняла характер потенциально опасной, требующей безотлагательных ответных превентивных мер. При этом, С., будучи требовательным к подчиненным в мелочах, не обращает внимания на ненадлежащую экипировку членов своей подгруппы, а также свою собственную (кроссовки, отсутствие знаков отличия и т.д.). В действиях С. проявляются и признаки импульсивности (в частности, не дожидаясь владельцев судов и проверки документов, он вместе с подчиненными снимает крышки с двигателей).

2. Ситуация продолжила обостряться с появлением на берегу троих местных жителей, которые, будучи недовольными действиями подгруппы С., начали нецензурно оскорблять пограничников, высказывать угрозы, а также провоцировать рукоприкладство. Учитывая тот факт, что указанные местные жители, по сути, пытались воспрепятствовать проверке пограничниками судов, а также присущие С. индивидуально-психологические особенности (обостренная чувствительность к грубости, оскорблениям, неприятностям с близкими людьми; честолюбие, ориентация на выполнение дела, иерархию ценностей) и состояние, в котором он находился к данному моменту (выраженная психическая напряженность), ситуация приобрела характер открытого конфликта с местным населением, что резко повысило ее стрессогенность. Это обусловило ярко выраженное обострение состояния психической напряженности (стресса) у С., на что, в частности, указывает и нарастание дезорганизации психической деятельности испытуемого, а именно: а) стремительно нарастает субъективизация восприятия и оценки ситуации (ситуация становится для него в высшей степени значимой; оскорбления и угрозы воспринимаются исключительно как личные); б) в действиях и поведении С. начинают преобладать импульсивные тенденции: он бросается драться, стреляет из автомата (в сторону байд, а также, по показаниям ряда свидетелей, - под ноги обидчикам); в) это, в свою очередь свидетельствует о нарушении баланса в сознании между рациональными и эмоциональными компонентами в сторону преобладания эмоциональных, об утрате гибкости поведения, снижении полнезависимости, сознательного контроля над эмоционально-волевой сферой; г) отмечаются элементы определенной «суженности» сознания: его фиксация на местных жителях как на источнике психотравмирующего воздействия; осознание ближайших целей деятельности (немедленно «наказать» обидчиков) при отсутствии предвидения негативных последствий данных действий (с учетом сложившейся к тому времени обстановки и предшествующего опыта конфликтного взаимодействия с местными жителями) как в отношении выполнения поставленных перед отрядом задач, так и в плане обеспечения безопасности личного состава.

3. Дальнейшее развитие ситуации (появление на берегу нескольких десятков местных жителей – от 35 до 60 человек, их агрессивный настрой в отношении пограничников, подстрекательские действия представителей местных властей, угрозы в адрес пограничников) обусловило ее качественное изменение, перерастание из стрессогенной в фрустрирующую, т.е. блокирующую реализации ведущих потребностей и мотивов деятельности С. и членов его подгруппы. Ситуация приобрела характер реально опасной для пограничников, находилась на грани выхода из-под контроля, поскольку действия толпы обусловливаются иными психологическими закономерностями (эмоциональное заражение, снижение критичности, полнезависимость, высокую подверженность манипулятивному воздействию), нежели формальной малой группы, иерархически организованной и управляемой на основе жесткой регламентации (каковой являлась подгруппа С.). Подобное изменение ситуации влечет за собой и изменение психического состояния человека. Так, в

состоянии фрустрации наблюдается: а) восприятие и оценка ситуации в качестве безвыходной (независимо от того, является ли она объективно безвыходной или субъективно воспринимается в качестве таковой); б) нарушение мотиво- и целесообразности действий и поведения¹; в) сужение круга альтернативных способов решения возникающих проблем; г) выраженная утрата гибкости поведения, приобретение им деструктивного (агрессивного) характера по отношению к источнику фрустрирующего воздействия, а также – его примитивизация. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на фрустрирующий характер ситуации, С. удалось в определенной степени взять ее под контроль, вновь объяснив прибывшим о целях и задачах пограничников и призвав местных жителей к сотрудничеству с ними. То–есть, поведение и действия С. не свидетельствуют о том, что его состояние приобрело деструктивный характер. Напротив, изменение ситуации, ее обострение оказало определенное адаптивное (мобилизующее) влияние на С. (по сравнению с предшествовавшей стадией), что позволило оказать определенное позитивное влияние на толпу, а также вызвать помощь. В то же время нельзя не отметить, что, несмотря на адекватное и конструктивное поведение С. в этот момент, длительное нахождение испытуемого в состоянии сильной психической напряженности (стресса) негативно сказалось на его прогностических способностях (в частности, им не была в полном объеме оценена ситуация, а именно, недооценен тот факт, что не был нейтрализован источник манипулятивного воздействия на толпу и то, что с уходом испытуемого ситуация вновь выйдет из-под относительного контроля). Кроме того, эмоциональный фон состояния испытуемого продолжал оставаться негативно эмоционально окрашенным.

4. После ухода С. вместе с двумя местными жителями в сторону причала ситуация вышла из-под контроля: под влиянием представителей местных властей пограничники были оттеснены друг от друга, их попытались разоружить, а в отношении К. была принята грубая физическая агрессия со стороны работника милиции. В результате резкого обострения ситуации при неустановленных обстоятельствах погиб прапорщик Р.. Независимо от того, кто его убил (К., по версии местных жителей, или работник милиции, по версии С. и членов его подгруппы), смерть Р. вновь качественно изменила ситуацию: она стала *крайне опасной (смертельно опасной)* для С. и членов его подгруппы, поставила под угрозу не столько выполнение поставленной перед пограничниками задачи, сколько их жизнь. Качественное своеобразие ситуации для С. (и в отличие от других пограничников) заключалось в том, что, помимо *реальной опасности*, она являлась для испытуемого *неожиданной* (поскольку он не был свидетелем ее обострения после относительной ее стабилизации и его ухода на берег моря); была *противоречивой в плане информационной достаточности*: с одной стороны, отмечался дефицит информации об обстоятельствах происшедшего, а с другой, - “информационная перегрузка” с точки зрения личностной значимости случившегося. Случившееся угрожало таким личностно значимым для С. ценностям, как жизнь, отношение к подчиненным, к службе, ответственность, справедливость (как одним из ведущих в иерархии ценностей). Это свидетельствует, что ситуация в очередной раз приобрела новое качество, став *аффектогенной*...

...Анализ психического состояния, действий и поведения С. в момент совершения инкриминируемого ему деяния показал следующее.

Как следует из проведенного выше анализа исследуемой ситуации, соответственно ее динамике и степени стрессогенности (стрессогенная → фрустрирующая → аффектогенная) изменялось и психическое состояние С. – психическая напряженность нарастала (особенно стремительно после получения информации о гибели пограничника на Н-ской

¹ Это означает, что человеком утрачивается ориентация на исходную, блокированную цель, но при этом внешне действия и поведение кажутся целесообразными. Но эта видимая целесообразность лишена смысла относительно исходной цели или мотива данной ситуации. В таком случае человек лишается сознательного контроля над связью своего поведения с исходным мотивом и он действует не “ради чего-то”, а “вследствие чего-то”.

погранзаставе), достигнув высшей точки своего развития в момент конфликта с тремя местными жителями (острая психическая напряженность с выраженной дезорганизацией психической деятельности, описанной выше). По степени дезорганизации психической деятельности состояние острой психической напряженности у С. приблизилось к аффективной. Поскольку аффективный всплеск является кратковременным психологическим феноменом, за ним следует период снижения возбуждения, активности, качества выполняемой деятельности. Изменение ситуации (появление большого числа агрессивно настроенных жителей, необходимость контроля ситуации) обусловили адекватный уровень психической напряженности у С., что обеспечило внешне конструктивный характер действий испытуемого. Вместе с тем, уровень активности С. в данной ситуации был явно снижен (исходя как из требований ситуации, так и из индивидуально-психологических особенностей испытуемого), ответственность за контроль над ситуацией, по сути, была им переложена на неопытных подчиненных, в то время как сам испытуемый занялся в тот момент важной, но в данной взрывоопасной конфликтной ситуации технической (а потому второстепенной) деятельностью, поскольку для выполнения возложенной на его подразделение задачи, а также для обеспечения безопасности личного состава в сложившейся ситуации адекватной была бы организационная деятельность, что позволило бы удержать ситуацию под контролем. Это противоречило индивидуальному когнитивному стилю С., таким его особенностям, как тенденция к лидерству, независимости, ориентация на преодоление трудностей и на достижение успеха, высокий уровень притязаний, и могло быть следствием снижения общего уровня активации, нарастания тормозных тенденций (соответственно стадии истощения в динамике стресса) в период после сильного перевозбуждения во время конфликта с местными жителями. Таким образом, *несмотря на внешне целенаправленный и целесообразный характер, действия С. на данной стадии развития криминальной ситуации не являлись в достаточной степени мотивосообразными (т.е. их реализация не вела к достижению исходной цели - выполнению возложенных на его подразделение задач, а также не способствовали обеспечению безопасности личного состава).*

Гибель Р. привела к изменению характера ситуации - для С. она стала аффектогенной. Наличие аффектогенности ситуации является необходимым, но не достаточным условием для возникновения состояния физиологического аффекта. Состояние аффекта по своим динамике и содержанию должно включать ряд необходимых параметров (внезапность возникновения, кратковременность, «взрывной» характер, сужение сознания, явления моторного автоматизма, частичная амнезия, выраженная фаза истощения в посткриминальный период). Как показывает анализ материалов дела, показаний С. и свидетелей, данных ими на предварительном следствии и в суде, результаты беседы и экспериментально-психологического исследования, его психическое состояние характеризовалось следующими признаками:

- внезапность возникновения (изменение состояния С. произошло исключительно под влиянием внешних факторов, было произвольным);
- состояние испытуемого было более протяженным во времени по сравнению с «классическим» аффектом (явно превышало диапазон от нескольких до десятков секунд);
- испытуемым переживались ярко выраженные негативные эмоции, имеющие высокий энергетический потенциал, такие как ненависть, гнев, страх, безвыходность, чувство опасности;
- у него отмечается резкий рост активации, возбуждение;
- он не выявляет выраженных признаков сужения объема восприятия (перцептивная деятельность носила целенаправленный характер, целью являлся поиск убийцы, что привело, по утверждению С. к обнаружению в перцептивном поле работника милиции, вооруженного автоматом);

- в то же время сознание испытуемого было фиксировано на психотравмирующем характере ситуации, обнаруживало нарушение баланса между рациональными и эмоциональными компонентами в сторону эмоциональных;

- в известной степени можно говорить о некоторой «суженности» сознания, поскольку была нарушена мотивосообразность действий С. (осознавалась ближайшая цель: «найти убийцу любой ценой, здесь и теперь» и вся деятельность и действия были подчинены этой цели, однако из сферы осознания выпали проблемы: обеспечения руководства подгруппой, другими подразделениями, прибывшими на место происшествия; обеспечения безопасности личного состава, местного населения). Это, в определенной степени, привело к беспорядочной стрельбе со стороны других пограничников, а также ранениям как местных жителей, так и самих пограничников;

- в то же время действия С. были развернуты во времени и в пространстве, в известной степени сознательно контролировались соответственно изменению обстановки;

- у испытуемого проявились импульсивные тенденции в действиях и поведении, что свидетельствует о выраженном снижении сознательного контроля над эмоционально-волевой сферой;

- поведение С. являлось выражено деструктивным (в виде физической и вербальной агрессии), утратило гибкость, приобрело «полевой» характер (т.е. стало предельно ситуационно обусловленным, утратилась способность управлять им на основе внутренних схем, независимо от воздействий среды);

- в известной степени можно говорить и о моторном автоматизме в действиях испытуемого, поскольку С. имеет достаточно большой опыт стрельбы из автоматического оружия;

- испытуемый не обнаруживает признаков частичной амнезии на детали криминальной ситуации;

- в посткриминальный период у него отмечаются нерезко выраженные признаки астенического синдрома.

Таким образом, в момент совершения стрельбы в направлении толпы С. обнаруживал признаки ярко выраженного экстремального психического состояния, обусловившего существенную дезорганизацию сознания и психической деятельности.

На основании вышеизложенного эксперт приходит к следующему заключению. В момент совершения инкриминируемого ему деяния С. находился в экстремальном эмоциональном состоянии, отличавшимся по своим динамическим и содержательным характеристикам от физиологического аффекта (по длительности, степени суженности сознания, степени сохранности сознательного контроля, выраженности амнестических и астенических явлений). Описанные в исследовательской части признаки дезорганизации психической деятельности С., а именно: внезапность возникновения состояния, возбуждение, преобладание эмоциональных компонентов в сознании, нарушение мотивосообразности действий и поведения в целом, импульсивность действий, деструктивный характер поведения, утрата гибкости и полнезависимости поведения, выраженное снижение сознательного контроля над эмоционально-волевой сферой, свидетельствуют о том, что в исследуемый период испытуемый находился в состоянии острой фрустрации, обусловленной действиями агрессивно настроенной толпы. Следует отметить, что фактором, обусловившим возникновение у С. данного состояния, явилась длительно развивавшаяся психотравмирующая ситуация, имевшая нелинейную динамику, однако постоянно обострявшаяся, особенно на последних стадиях своего развития. Психотравмирующий характер указанной ситуации в значительной степени был обусловлен противоправными действиями местных жителей (ведение браконьерского промысла, нарушение режима регистра-

ции, противодействие пограничникам). Об этом свидетельствуют попытки оказать на пограничников с момента их высадки психологическое давление (угрозы, подкуп); воспрепятствование местными жителями выполнению членами подгруппы С. предписанной задачи (что привело к стрельбе из автомата); наконец, открытое столкновение с агрессивно настроенной толпой, руководимой представителями местной администрации и работниками милиции. *Это обуславливало изначальное формирование и упрочение негативной установки у пограничников на местных жителей как на потенциальных нарушителей закона и браконьеров, не просто враждебно настроенных против пограничников, но и готовых на крайние меры (вплоть до применения оружия).* Тем более, что подобная установка у С. и других пограничников к моменту прибытия на место уже была сформирована как оперативной информацией, так и личным опытом противостояния с браконьерами. Психотравмирующий характер ситуации, сформировавшаяся негативная установка в отношении местных жителей предопределили возникновение у пограничников (прежде всего С. как ответственного за успешное выполнения задания и безопасность подчиненных) возникновение длительно развивавшегося состояния психической напряженности (стресса), углублявшегося по мере обострения ситуации и сопровождавшегося отрицательными эмоциональными переживаниями (тревога, страх, гнев, безвыходность и т.д.). Нарастающая и обостряющаяся психическая напряженность приводит к дезорганизации психической деятельности человека (вплоть до ее распада). Если проанализировать деятельность С. на протяжении всей исследуемой ситуации в течение двух дней, то в известной степени можно говорить о распаде структуры деятельности испытуемого как командира подразделения - отмечалось поэтапное ухудшения качества профессиональной деятельности, начиная с утра второго дня: признаки импульсивности в принятии решения на проведение осмотра плавсредств → вовлечение себя в личный конфликт с местными жителями и открытие стрельбы по байдам → снижение уровня руководства подгруппой и, по сути, устранение от контроля над ситуацией в период противостояния с большой группой агрессивно настроенных местных жителей → полное устранение от руководства подразделением после резкого обострения ситуации (после гибели Р.), индивидуальная, не согласованная с подчиненными линия поведения в период совершения стрельбы в направлении толпы, полное отсутствие контроля действий подчиненных, т.е. отмечается примитивизация деятельности, ее регресс. Если соотнести деятельность С. в исследуемый период (ее качество и адекватность ситуации) с индивидуальными особенностями испытуемого, то следует признать явное их несоответствие. Тот факт, что подобная деятельность противоречит индивидуально-типологическим особенностям С., таким как активность и наступательность позиции, стремление к лидированию, самоуверенность, тенденция к самоутверждению, потребность в борьбе, эвристический когнитивный стиль, полнезависимость, способность к предвосхищению в условиях дефицита информации, ролевая пластичность, отсутствие повышенной тревожности, развитый субъективный контроль, устойчивость к фрустрирующим воздействиям, приоритет общественных ценностей (в том числе такой, как отношения с подчиненными), свидетельствует, что дезорганизация психической деятельности С. обусловлена мощным фактором, привнесенным извне. В данном случае этим фактором явилась аффектогенная ситуация, вызвавшая состояние острой фрустрации у испытуемого. В определенной степени на поведение С. в исследуемых обстоятельствах (в частности облегчить возникновение состояния острой фрустрации) могли и некоторые его индивидуально-психологические особенности (которые достаточно успешно контролируются им в обычных условиях). К ним относятся спонтанность (снижающая устойчивость к стрессам), агрессивные тенденции, склонность к фиксации на проблемах и трудностях, некоторая инертность при выборе решения, повышенная чувствительность к грубости, оскорблениям, унижениям, попыткам навязывать ему чужую волю. Необходимо подчеркнуть, что состояние острой фрустрации, равно как и физиологический аффект, будучи непатологическими эмоциональными состояниями, несмотря на выраженность дезорганизации психической деятельности, не исключают возможности вменения ответст-

венности. Вместе с тем, учитывая особенности исследуемой ситуации, состояние острой фрустрации, в которой находился С., степень дезорганизации психической деятельности испытуемого, вызванную данным состоянием, следует признать, что он не мог точно соотносить свои действия по руководству подразделением и при производстве стрельбы по толпе объективным требованиям ситуации.

Заключение психологической экспертизы было положено в основу решения суда: несмотря на то, что С. в момент совершения инкриминируемого ему деяния в состоянии физиологического аффекта не находился, учитывая степень дезорганизации психической деятельности вследствие описанного выше эмоционального состояния, суд признал состояние С. внезапно возникшим сильным душевным волнением.

Другой пример, напротив, показывает отсутствие юридически значимого состояния у испытуемого, несмотря на непростую ситуацию, в которой он оказался. Здесь следует обратить внимание на то, что экспертное исследование может выявить психологические механизмы происходящего и в отсутствие юридически значимого состояния, что также немаловажно для суда при принятии решения.

Пример 21. Предварительным следствием установлено, что П., выполняя поставленную задачу по блокированию населенного пункта в качестве старшего разведгруппы, распорядился своим подчиненным отвести задержанного им гражданина в овраг для допроса. В овраге задержанный оттолкнул военнослужащего и стал убегать. П. выстрелил в него из пистолета, попав в правый висок, после чего убежавший упал. После этого П. еще несколько раз выстрелил в задержанного, а затем дважды ударил ножом...

В процессе исследования установлено, что при рождении получил травму, находился на учете у невропатолога и педиатра детской консультации с диагнозом: «Перинатальное поражение ЦНС, гипертензионно-гидроцефальный синдром. Родовая кефалогематома. Травма получена вследствие затяжного второго периода родов», получал лечение (противосудорожное, ноотропил, поливитамины, охранительный режим, адаптогены). До 4-х летнего возраста болел ОРВИ, острым бронхитом, острым гнойным отитом, отмечалась пищевая аллергическая реакция. В дошкольном возрасте перенес ветряную оспу, вирусный гепатит типа А, по поводу чего находился на лечении в инфекционном отделении. В раннем подростковом возрасте болел гриппом, острым трахеобронхитом, хроническим тонзиллитом, лечился амбулаторно. В школу пошел с 7-ми лет, учился на «хорошо» и «отлично». По характеру рос спокойным, уравновешенным, открытым, общительным, в компании сверстников занимал лидирующие позиции. По показаниям матери «.. иногда бывал замкнутым, обидчивым, раздражительным, вспыльчивым,.. Натворив что-либо в школе, убегал из дома». С 13-ти лет состоял на диспансерном учете по поводу вегетососудистой дистонии по гипотоническому типу. В 14 лет был освидетельствован врачебной комиссией с итоговой оценкой «здоров». Окончил 11 классов общеобразовательной школы без троек и курсы водителей. На медицинском осмотре в предпризывном возрасте признавался годным к военной службе. Согласно записи психиатра устанавливался диаг-

ноз: «эмоционально-волевая неустойчивость», был признан годным с незначительными ограничениями. В возрасте 17 лет за драку в общественном месте был привлечен к уголовной ответственности по ст. 15-145 ч.2 УК РСФСР и осужден на 3 года л/с условно с испытательным сроком 1 год, в связи с чем получил отсрочку от призыва в армию. После окончания школы работал водителем в совхозе. По месту жительства характеризуется положительно, «жалоб не поступало,.. по характеру спокоен, общителен, уравновешен». Ранее в психиатрических больницах не лечился, на учете у нарколога, психиатра не состоял. После погашения судимости врачебной комиссией (с участием психиатра) был признан годным к службе в армии и призван в ряды ВС... Проходил психологическое тестирование. После демобилизации вернулся домой, сразу начал оформлять документы в армию для продолжения военной службы по контракту, о чем написал заявление (л.д. №59, т.1). Был освидетельствован военно-врачебной комиссией с итоговой оценкой «здоров» и признан годным к военной службе. В этот же период испытуемый был подвергнут социально-психологическому, психологическому и физиологическому обследованию. Характеризовался как дисциплинированный, выдержанный, трудолюбивый, уровень познавательных способностей оценивался в 9 баллов по 10-ти бальной системе, уровень адаптивных способностей в 7 баллов. После заключения контракта на три года поступил на контрактную службу, которую проходил в должности зам.командира взвода разведывательной роты мотострелкового полка... За время прохождения контрактной службы зарекомендовал себя с положительной стороны, «аккуратен,.. подтянут, хорошо знает и умело применяет вооружение и военную технику,.. в полной мере освоил специальность разведчика,.. тактику ведения боя в горах и горную подготовку,.. в совершенстве стреляет из всех видов оружия,.. владеет приемами рукопашного боя, ... проявил себя с высокопрофессиональной стороны,.. с командирами и товарищами по службе уважителен,.. по характеру спокоен, выдержан, уравновешен, общителен...». Со слов испытуемого служба протекала нормально. Адаптировался к боевым условиям быстро. Согласно мед.характеристики за период службы за медицинской помощью не обращался... Из показаний матери испытуемого, «в отпуске не узнала своего сына, он стал очень замкнутым. О службе отвечал резко и нервничал. У него дрожали руки. Ночью плохо спал, кричал, разговаривал во сне. После совместного распития с соседом спиртных напитков суррогатного производства (самогона) подрался с ним, утром ничего не помнил... Был в недоумении, несколько раз переспрашивал о случившемся,.. через несколько дней уговорила его пойти к психиатру...». Согласно записи в амбулаторной карте, психическое состояние оценивалось ясностью сознания, доступностью контакта, правильной ориентировкой во всех сферах, эмоциональной неустойчивостью, пониженным настроением. На вопросы отвечал избирательно, о своих переживаниях не рассказывал. Галлюцинаторно-бредовых расстройств, нарушений памяти выявлено не было. Был установлен диагноз: «Астено-невротический синдром», рекомендовано медикаментозное лечение... После возвращения в часть продолжал служить, с возлагаемыми обязанностями справлялся, замечаний по службе не имел. Был награжден медалью «За воинскую доблесть» II степени и ему было присвоено звание младшего сержанта...

...На основании проведенного исследования эксперты пришли к заключению, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния П. в состоянии физиологического аффекта не находился, на что указывает отсутствие аффектогенного характера ситуации, динамика и содержание психического состояния испытуемого, его действия и поведение в целом в исследуемый период. П. выявлял признаки состояния психической напряженности (стресса), возникшего в связи с выходом ситуации из-под его контроля (попытка задержанного бежать) и на фоне «боевой усталости», имевшей место у испытуемого к моменту рассматриваемых событий. На наличие боевой усталости указывают явления астено-невротического синдрома в указанный период, а также снижение качества выполнения обязанностей старшего разведгруппы после задержания потерпевшего. Состояние психической напряженности (стресса), которое возникло у П. после попытки задержанного бе-

жать, обусловило нарушение баланса в сознании между рациональными и эмоциональными компонентами в сторону последних, импульсивность действий. Этому также способствовали присущие П. возбудимость, легко загорающаяся враждебность, агрессивность, подверженность колебаниям настроения, когнитивный тип (целостность восприятия при пренебрежении детальной проработкой информации). Следует обратить внимание и на высокую вероятность формирования у П. в период длительного пребывания в зоне боевых действий комбатантной акцентуации, для которой характерна определенная унификация личностных черт с выраженными проявлениями эмоциональной неустойчивости, вспыльчивости, раздражительности, вплоть до бурных агрессивных вспышек, тревожности и настороженности, повышенной ранимости, избирательности и сложности в установлении межличностных контактов, максимализма в суждениях и поступках. Также характерны чуткость к внешней опасности, недоверие к внешнему спокойствию окружающей обстановки, постоянная готовность к немедленному действию, некоторая замкнутость, стереотипы агрессивного (в том числе упреждающего) реагирования на любую внешнюю угрозу. Наличие у П. устойчивых индивидуально-психологических особенностей, описанных в исследовании, на базе которых в рассматриваемый период формировалась комбатантная акцентуация, с одной стороны, боевой усталости, с другой, в сложившейся ситуации могли привести к негативной установке в отношении задержанного, восприятию его как наблюдателя, а не мирного жителя, и обусловить своеобразие мотивации поведения испытуемого, снижение качества выполнения обязанностей старшего разведгруппы. В то же время это не лишало П. способности адекватно воспринимать и оценивать ситуацию в исследуемый период, принимать адекватные ей решения и реализовывать их. Действия П. после того, как выстрелом из пистолета он поразил убежавшего задержанного, не теряли целенаправленности и целесообразности, являясь одним из адекватных изменившейся ситуации и индивидуально-психологическим особенностям испытуемого вариантов поведения.

Одним из направлений СПЭ юридически значимых состояний является изучение психической деятельности женщины, совершившей или покушавшейся на убийство своего новорожденного ребенка. Данные исследования должны проводиться в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы, поскольку существует вероятность психического расстройства у женщины, перенесший родовой стресс.

Пример 22. Из материалов уголовного дела известно, что С-ко оставила своего новорожденного ребенка в пустующем открытом и заброшенном здании в обнаженном виде при температуре воздуха 2 °С.

С-ко проживает вместе с матерью, отцом и братом. Незадолго до родов поняла, что беременна - ребенок бился в животе. Дома родителям она ничего не говорила, т.к. боялась, что они будут ругать. В исследуемый период С-ко ехала домой на выходные из города, где училась. В автобусе ей стало плохо, сильно болел живот. Когда она приехала к реке, ей становилось все хуже и хуже. С-ко на катере переправилась через реку и пошла к центру села. Дойдя до детского сада, она поняла, что дальше идти не может. С-ко увидела разрушенное здание и зашла в него. Как только зашла, то почувствовала, что стала рожать. Разделась, начала принимать у себя роды. Когда ребенок родился, она положила его на свои штаны, переоделась, собрала свои вещи в сумку и пошла в сторону дома. Ребенка оставила в разрушенном здании, т.к. сильно перепугалась. Сколько времени была беременна, С-ко не знает, заметила за полмесяца до родов. Каких-либо изменений в своем организме С-ко не чувствовала: все было как обычно, только немного располнела в области

бедер и живота, что не связывала с беременностью. Она хотела скрыть от родителей факт рождения своего ребенка... Впоследствии утверждала, что после того, как спустилась с катера, то поняла, что хочет в туалет. Что было дальше, она не помнит, пришла в себя в обед только на следующий день и увидела, что лежит в больнице...

...В процессе психиатрического исследования: Сознание ясное. Правильно ориентирована в месте, времени и собственной личности. Вопросы осмысливает правильно, отвечает по существу. Жалуется на сниженное, подавленное настроение, чувство вины перед родителями, старается не выходить из дома, так как стыдится осуждения со стороны окружающих, прекратила занятия в техникуме, не может сосредоточиться, не справляется с повседневной работой, часто плачет. Говорит, что о наступившей беременности не знала, была уверена, что беременности не могло быть, потому что регулярно шли месячные. Наступление родов было для неё неожиданным явлением, очень испугалась последствий, не знала, что делать, плохо себя чувствовала. Рассказала, что находилась на занятиях, когда у неё заболел живот. Отпросилась с занятий и поехала домой. В автобусе стала терять сознание. Что было дальше, не помнит, пришла в себя в больнице. При рассказе о происшедшем с ней плачет, волнуется, становятся заметными вегетативные кожные проявления в виде покраснения. Старается уходить от ответа на уточняющие острые вопросы, замыкается, молчит. Мышление в обычном темпе, без структурных и смысловых нарушений. Обманов в сфере чувственного познания не выявлено. Эмоционально лабильна, депримирована. Строит реальные планы на будущее, планирует воспитывать ребенка, продолжить обучение в техникуме по заочной форме. Интеллектуально-мнестически сохранна...

...При беседе с психологами показала, что первый половой контакт у С-ко был в 17 лет с парнем, с которым встречалась уже полгода. Месячные начались в 14 лет; в это же время узнала, откуда берутся дети. Мать рассказывала С-ко, что бывает при беременности. Утверждает, что не знала, что беременна. Месячные шли, задержек не было. То, что поправилась, объяснила тем, что становится такой же полной, как и мать. Шевеления плода С-ко не чувствовала, изменений груди не замечала, никаких выделений не было. Каких-либо других признаков беременности, как непереносимость запахов, продуктов, изменений в характере, перепадов в настроении не было. Чувствовала себя хорошо. Никто С-ко о беременности не спрашивал...

...О разнице в показаниях С-ко говорит, что не помнит, чтобы ее опрашивали, не знает, было это или нет. Говорит, что не помнит даже о том, как попала в заброшенное здание. Помнит, что сильно болел живот, но характер боли вспомнить не может...

...С-ко говорит, что если все можно было бы вернуть, то она забрала бы ребенка, родителям все объяснила. В настоящее время ребенок находится в больнице. «Материнство» С-ко восстановили. Со слов, к ребенку есть чувства. Отец С-ко рад тому, что родился внук...

...В ходе исследования было установлено, что память у испытуемой С-ко развита достаточно. Динамика непосредственного запоминания словесного материала: 4-8-9-9-9, отсроченное воспроизведение – 7 слов. Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм, отсрочено) – ниже нормы, 4 из 12. Пиктограммы упорядоченно расположенные, адекватные, конкретные. Рисунки инфантильные, упрощенные.

Уровень интеллектуального развития С-ко Е.А. средний (IQ=95). Задания на исключение понятий и выделение признаков понятий вызвали у С-ко достаточно большие затруднения. Успешность выполнения этих заданий низкая: 4 из 17 и 4 из 9 соответственно.

В ходе исследования С-ко пытается показать себя с как можно лучшей стороны. По данным ИТО, испытуемой свойственны тревожность, мнительность, боязливость, осторожность в принятии решений. Также ей характерны достаточно уверенная тенденция самоутверждения, отстаивание своих интересов, изменчивость настроения, мотивационная неустойчивость, эмотивность...

...Ретроспективный анализ психического состояния С-ко (по данным ОРДПС) свидетельствует, что когда С-ко ехала домой в автобусе, она испытывала чувство стыда (0,9), утомление (0,73), растерянность (0,73), при этом у нее не наблюдалось чувства сожаления (-0,57), слабости (-0,45), желания устранить препятствие (-0,42). В больнице С-ко чувствовала слабость (0,59), безвыходность (0,57), напряжение (0,50), подавленность (0,45), безнадежность (0,45), но у нее не было переживаний страха (-0,64), стыда (-0,61), растерянности (-0,40).

Анализ ситуации свидетельствует, что из показаний, которые были даны С-ко первоначально, известно, что незадолго до родов она поняла, что ждет ребенка. Рассказать родителям об этом она побоялась, потому что считала, что они ее будут ругать, поскольку, с ее слов, они запрещали ей встречаться с парнем, от которого она ждала ребенка. При таком развитии ситуации, учитывая индивидуально-психологические особенности испытуемой (в частности, ее замкнутость, тревожность, мнительность, по мере приближения родов у С-ко усугублялось состояние фрустрации (безвыходности). Наступление родов было неожиданным для испытуемой, ухудшение ее состояния в связи с интенсивной родовой деятельностью, вызвало состояние стресса с проявлениями растерянности, что обусловило ее дальнейшее поведение. Действия С-ко после родов (передела другие штаны, отрицала факт рождения ребенка при вопросе задержавшего ее сотрудника милиции) свидетельствует об относительной сохранности сознательного контроля над своими действиями. Целенаправленность и целесообразность действий С-ко в период родов и после них (поиск укромного места для родов, где ее никто не мог видеть, переодевание после родов, адекватный речевой контакт с сотрудниками милиции) противоречит показаниям испытуемой о тотальной амнезии на происшедшее...

Проведенное исследование позволило сделать заключение, что С-ко каким-либо расстройством психики не страдала к моменту совершения инкриминируемого ей деяния. В настоящее время она обнаруживает признаки расстройства адаптации в виде легкой кратковременной депрессивной реакции (невротический уровень), как ответ на психотравмирующее событие. С-ко не выявляет признаков отставания в психическом развитии. Уровень ее психического развития соответствует возрастной норме. Это обстоятельство, наряду с осведомленностью в вопросах сексуальных отношений, пониманием их биологического и социального значения, позволяло ей в полной мере понимать характер своего состояния, прогнозировать его исход. С-ко понимала, что она беременна. В то же время наступление родов было неожиданным для С-ко, что обусловило у нее состояние психической напряженности (стресса) с проявлениями растерянности. При этом указанное состояние не оказало существенного дезорганизующего влияния на ее поведение в исследуемой ситуации, что выражается в относительной сохранности сознательного контроля над действиями и поведением, их целенаправленностью. Она по-прежнему пыталась скрыть факт беременности, а теперь и рождения ребенка. Повлиять на поведение С-ко могли факт негативного отношения ее родителей к парню, от которого она забеременела, страх перед родителями, свойственные ей неуверенность и мнительность, тенденцию к уходу от проблем, а также позиция родителей, удовлетворившихся объяснением испытуемой по поводу ее полноты (несмотря на возможность еженедельно наблюдать динамику физического и психического состояния дочери).

Как видно из приведенных выше примеров, юридически значимым может быть не только состояние аффекта («классического» физиологического и кумулятивного), но и некоторые другие состояния, например, психическая напряженность (стресс). Психическая напряженность может быть обусловлена стрессогенными факторами внешнего и внутреннего порядка. К

внешним факторам следует отнести: степень *неожиданности* воздействия; *интенсивность* воздействия, превышающая индивидуально-психологические возможности человека; *дефицит времени* на оценку ситуации, принятие решения и его реализации; *неопределенность ситуации*. Другая группа факторов, *внутренних*, включает в себя, *во-первых*, субъективную оценку воздействия как опасного, угрожающего здоровью, жизни, социальному статусу, ведущим мотивам поведения, системе ценностей человека. *Во-вторых*, субъективную чувствительность человека к самому стрессогенному фактору или, иными словами, личностную значимость воздействия. *В-третьих*, близость действия стрессора к крайним точкам субъективной шкалы “приятно - неприятно”. *В-четвертых*, продолжительность воздействия стрессора при сохранении его личностной значимости. Наконец, *в-пятых*, конфликтный выбор между противоположными мотивами поведения. К числу негативных последствий психической напряженности - снижение процессов восприятия, внимания, памяти, снижение активности мыслительных процессов, утрата гибкости мышления, преобладание эмоциональных компонентов в сознании над рациональными, трудности в принятии решений при фиксации сознания на стрессовом характере ситуации. На поведенческом уровне это выражается в: неадекватной реакции на раздражители, импульсивности, непоследовательности, негибкости поведения, возможности как активных (в том числе, в виде физической агрессии) так и пассивных форм реагирования и т.д.

Пример 23. Накануне Нового года житель Белоруссии К. вместе с женой и дочерью приехал в Россию навестить свою старшую дочь, проживавшую с семьей в одном из хуторов в районе, удаленном от областного центра. В связи с гололедом автобусного сообщения с районом, куда направлялся К., не было. Добравшись до районного центра на такси, семья К. в течение 3-х часов ожидала автобуса на автостанции, после чего К. пошел договариваться с водителями частных автомобилей, стоявших на станции, о поездке в хутор. Один из водителей адресовал его к С., с которым семья К. и выехала к месту назначения. К. сидел на кресле справа от водителя С., а его жена и дочь расположились на заднем сидении. Никаких опасений за себя и своих родных К. не испытывал. Первые сомнения появились у него, когда водитель объехал пост ГАИ, сказав, что нетрезв. После этого К. заметил, что С. действительно пьян и начал опасаться вероятности попасть в аварию. На «блатную» музыку, звучащую в салоне, и на вопросы водителя об отношении К. к ней, внимания не обращал. Опасения усилились после того, как водитель начал настойчиво спрашивать, нет ли за ними «хвоста» и когда их машину обогнала «Волга» (водитель ко-

торой на автостанции направил их к С.) . К. начал беспокоиться в еще большей степени после вопросов С. о том, знает ли он дорогу до места назначения, сколько раз бывал в этих местах. Когда же машина свернула на грунтовую дорогу, К. стал «сильно волноваться», поскольку хотя и не знал точной дороги до хутора, по прежним посещениям дочери помнил, что дорога была асфальтированной. (Следует отметить, что грунтовая дорога, на которую свернул С., также вела к хутору и сокращала расстояние). Ему также показалось, что после того, как свернули с шоссе, «слева замелькал и погас свет». На неоднократные требования К. остановиться машину, С. посмеивался и говорил: «Сидишь, так сиди». Как заметил К., его жена и дочь были напуганы. Проехав некоторое расстояние по грунтовой дороге, машина уперлась в поваленные накануне бригадой строителей деревья, перегородившие дорогу (о чем не знал С., давно не ездивший по этой дороге). Когда водитель начал пытаться объехать деревья и машина забуксовала, К. понял, что «это все, привез куда надо», выхватил из кармана перочинный нож и ударил им водителя «4 раза». Остановив машину, С. выскочил из салона. К. не сумев открыть дверь машины со своей стороны, вылез из машины через водительское место. В это время водитель ударил его палкой по голове и К. вновь начал наносить ему удары ножом. После этого на С. он больше не смотрел. Забрав свои вещи из багажника К. со своей семье пошел через лесоповал, т.к. опасался, что их ждет вторая машина – «хвост». Страх погони преследовал его до самого хутора, куда дошли пешком поздно вечером. Несмотря на то, что С. не высказывал К. никаких угроз, тот и в суде был уверен, что потерпевший замыслил «что-то нехорошее» в отношении него и его семьи. Анализ ситуации и поведения К. в ней, результаты экспериментально-психологического исследования показали, что в момент совершения инкриминируемого ему деяния К. в состоянии физиологического аффекта не находился (о чем свидетельствуют динамика и содержание его состояния), но был в состоянии сильной психической напряженности (стресса), которое и обусловило неадекватность оценки мотивов поведения и действий водителя, агрессивное поведение в отношении него. При этом облегчить возникновение сильной психической напряженности могли, с одной стороны, по сути виктимное поведение водителя, желавшего, по его словам, «подшутить над глухой провинцией» и ставшего жертвой собственной неосведомленности о состоянии дороги; с другой, - особенности ситуации, такие как позднее время суток, незнакомое место, «подозрительное» поведение водителя, неожиданные изменения ситуации (объезд поста ГАИ, съезд с шоссе на грунтовую дорогу, «лесоповал», наличие мнимого «хвоста») и ее неопределенность. Наконец, немалую роль в возникновении сильной психической напряженности сыграли такие индивидуально-психологические особенности К., как инертность мышления, высокий уровень личностной тревожности, подверженность отрицательным переживаниям в конфликтных и затруднительных ситуациях.

Следует отметить, как и в случае с офицером С., рассмотренном выше, суд признал состояние К. внезапно возникшим сильным душевным волнением.

Если экспертиза назначается на основании ч. 2 ст.28 УК РФ, п.п. «ж, з» ч.1 ст.61 УК РФ, а также по ст.ст. 108, 109, 114, то целесообразна постановка в качестве основных следующих вопросов:

1. Находился ли обвиняемый в момент совершения инкриминируемого деяния в экстремальном психическом состоянии (психической напряженности, фрустрации, растерянности)?

2. Учитывая эмоциональное состояние обвиняемого, мог ли он точно соотносить свои действия с объективными требованиями ситуации?

Представляется, что в данном случае юридически значимым является не столько факт нахождения процессуального лица в исследуемой ситуации в экстремальном состоянии, сколько факт негативного, значительно снижающего влияния этого состояния на психическую деятельность человека в части объективности восприятия и оценки ситуации, своих собственных действий и возможности их соотнесения. Иными словами, речь здесь по-прежнему идет об уровне способности подэкспертного к осознано-волевой регуляции своего поведения в юридически значимой ситуации.

В качестве примера подобной экспертизы рассмотрим заключение по факту гибели мирных жителей в районе, приближенном в зоне вооруженного конфликта¹⁸.

Пример 24. Из материалов уголовного дела известно, что К. обвиняется в организации и осуществлении умышленного убийства двух человек при выполнении задачи по досмотру транспортных средств и лиц в составе подразделения в ходе войсковых мероприятий.

На разрешение экспертизы был поставлен ряд вопросов, среди которых были:

1. Находился ли К. в момент совершения инкриминируемого ему деяния в экстремальном состоянии (психическая напряженность, фрустрация, растерянность и т.п.), которое могло существенно дезорганизовать его психическую деятельность?

2. Какие индивидуально-психологические и психофизиологические особенности К. могли существенно повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?

3. Учитывая психическое состояние, индивидуально-психологические и психофизиологические особенности К., его неврологический статус, а также конкретные обстоятельства дела, мог ли он адекватно оценивать ситуацию, принять адекватное решение и реализовать его?

В процессе экспертного исследования было установлено, что испытуемый эмоционально лабилен, имеет место сниженный фон настроения. Во времени и в пространстве ориентирован, однако диагностические команды психофизиолога понимает не сразу. Испытуемый астенизирован, бледен. В позе Ромберга - шаткость без сторонности, тремор век, языка, пальцев вытянутых рук. Мозжечковые пробы выполняет с мимопопаданием...Выявляются стигмы дизрафического статуса¹⁹ (11 признаков) (исследование проведено неврологом)...

¹⁸ Экспертиза была комплексной – психолого-психофизиологической. В комиссии, помимо психолога были психофизиологи и невропатолог.

¹⁹ Дизрафический статус - врожденные признаки неполноценности, аномалии развития нервной системы, предрасполагающие к заболеваниям нервной системы (Руководство по неврологии, т.VII, М., 1960, с.495; Ходос Х.Г. Нервные болезни, М., 1974, с. 389)

...В процессе экспериментально-психофизиологического исследования изучению и анализу подвергались следующие параметры: тремор, критическая частота слияния мелькания (КЧСМ), система субъективной оценки функционального состояния испытуемого (САН), время простой сенсомоторной реакции (ВР).

Результаты исследования состояния К. свидетельствуют о сниженном фоне настроения, самочувствия и активности ($n=3,5$).

Показатели КЧСМ в пределах нормы.

Данные по тремору рук свидетельствуют о наличии высокой степени эмоционального возбуждения испытуемого в период исследования.

Изучение времени реакции (ВР) простой сенсомоторной реакции, являющегося показателем нейродинамики и функционального состояния, проводилось в три этапа: 1. исследование ВР на световой раздражитель; 2. исследование ВР на звуковой раздражитель (в обычных условиях); 3. исследование ВР на звуковой раздражитель в условиях информационной перегрузки.

Результаты свидетельствуют, что показатели ВР К. значительно отличаются от средних показателей. Особенно это относится к простой сенсомоторной реакции на звуковой раздражитель. То есть, у К. отмечается значительная инертность реагирования на звуковые стимулы. В условиях информационной перегрузки и дефицита времени (собственно, в стрессовой ситуации) у испытуемого наблюдается значительное увеличение средних показателей ВР на звуковой раздражитель (150%). Следует подчеркнуть, что продуктивность деятельности, которую К. осуществлял параллельно с реагированием на звуковой раздражитель, невысока (48%). Это свидетельствует, во-первых, о низких функциональных возможностях нервной системы испытуемого (в обычных условиях деятельности), а, во-вторых, - об ограниченных возможностях адекватного реагирования в стрессовых ситуациях...

...Исследование индивидуально-психологических особенностей К. показало следующее.

Результаты теста Мюнстерберга свидетельствуют о наличии у К. сложностей при выполнении деятельности в условиях гомогенных помех. При выполнении конкурирующих видов заданий отмечаются пропуски значимых информативных стимулов, а также проблемы с тонкой моторикой правой руки.

Исследование внимания показало достаточную концентрированность, распределение и устойчивость данного процесса. Переключение внимания в обычных условиях деятельности успешно. При наличии гомогенной помехи, в условиях избыточной информации, продуктивность деятельности, равно как и ее динамические характеристики, снижаются. В частности, К., при работе с таблицей Шульте-Горбова выявил элементы распада структуры деятельности: при стремлении четко отрабатывать отдельные операции была утрачена заданная цель деятельности. Это, в частности, может также служить показателем слабости оперативной памяти, низкой помехоустойчивости.

Результаты теста Тулуз-Пьерона свидетельствуют о значительной инертности психических процессов, снижения оперативной памяти и мышления. При этом в обычных условиях испытуемому относительно доступна произвольная регуляция деятельности.

По данным теста Готтшальда, К. выявляет высокий уровень полезависимости, что свидетельствует о легкости попадания испытуемого под влияние ситуации, низкой способности противостоять ее давлению и осуществлять независимую линию поведения, оказывать влияние на ее развитие. Показатель продуктивности деятельности в условиях помех низкий; преобладают реакции отказа.

Исследование типологических свойств нервной системы показало слабость процессов торможения при значительном преобладании возбуждения. Это свидетельствует о высокой вероятности импульсивных, необдуманных действий в экстремальных и личностно значимых ситуациях (Стреляу).

По данным ЕРІ, К. неразговорчив, несколько замкнут и застенчив. Ему свойственно избегать ситуаций риска, опасности. Не выносит навязанного темпа. Иногда склонен к быстрым, непродуманным решениям. В неудачах чаще винит себя.

Согласно СМІІ, испытуемый склонен к фиксации и длительному переживанию отрицательных эмоций, вспыльчив, подвержен аффективным реакциям, угрюм. Уровень самоконтроля невысок.

Результаты опросника Леонгарда-Шмишека свидетельствуют, что К. свойственны “застывание” на проблемах и неприятностях, служебная и бытовая несговорчивость; четкое разграничение людей на друзей и врагов, активность в конфликтных ситуациях. Испытуемый, как правило, стремится добиваться высоких результатов в любом деле; требователен к себе; выявляет “жажду” справедливости. В то же время обидчив, легко уязвим, подозрителен. Не исключаются импульсивные тенденции. Стрессовыми для него могут являться ситуации задетого самолюбия, препятствия к достижению цели, наличие непомерно высоких требований извне.

По данным опросника УСК, К. обнаруживает низкий уровень влияния на события, с ним происходящие (особенно в ситуациях неудачи), что связано со слабостью самоконтроля, невысокой силой “Я”, полезависимостью.

В конфликтных и затруднительных ситуациях испытуемому свойственно ориентироваться на свои силы. В то же время, существенно снижено представительство активных внешненаправленных реакций, обуславливающих силу воздействия на ситуацию ($N=33.3$ против Ст.= 48.1, Розенцвейг). Уровень агрессивности у испытуемого существенно повышен; показатель враждебности умеренный (Басс-Дарки).

Реактивная тревожность, выявляемая К. в процессе экспертного исследования, соответствует средним значениям (что адекватно ситуации). Уровень личностной тревожности высок. Это свидетельствует, что в неопределенных ситуациях испытуемому свойственны легкость возникновения состояния тревоги, переоценка угрозы со стороны ситуации, неуверенность; вероятно неадекватная активность (Спилбергер-Ханин).

... Исследование психического состояния К. в криминальной ситуации:

Анализ психического состояния К. в криминальной ситуации в сопоставлении с обычным (по СУПОС-8) показал, что у испытуемого отмечались: утрата психического спокойствия, а также реактивной спонтанности; резкое снижение силы, энергичности, а также потребности и готовности действовать; резкое усиление тревоги, чувства опасности, подавленности, а также психической напряженности. Это свидетельствует, что в исследуемый период К. обнаруживал признаки экстремального состояния

... По данным шкалы Н.Курганского, состояние К. в исследуемый период также существенно отличалось от обычного. В частности, отмечались предельно выраженное снижение уровня психической активации, эмоционального тонуса, психологического комфорта при максимальных значениях напряженности. Это свидетельствует об экстремальном характере состояния К. в период совершения инкриминируемого ему деяния.

Сопоставление результатов шкалы реактивной тревожности Спилбергера-Ханина (обычное состояние - криминальная ситуация) показало рост ситуативной тревожности в криминальной ситуации (47 против 37).

...Ретроспективный анализ психического состояния К. в криминальной ситуации (в динамике, на 9 стадиях ее развития, по 25 параметрам, проективно, с помощью метода опосредованной ретроспективной диагностики, “экспресс-эталон” и Люшер-теста) показал следующее.

По прибытии на место службы и в период обустройства лагеря состояние испытуемого коррелировало с отчаянием (0.93), информационной перегрузкой (0.93), напряженностью (0.90), ощущением опасности (0.90), раздражением (0.90), подавленностью (0.90), заторможенностью (0.90), а также чувством неопределенности (0.40)...

...На стадии, когда проводился инструктаж, в ходе которого испытуемому и его сослуживцам разъяснялись принципы применения оружия, психическое состояние К. коррели-

лировало с напряженностью, чувством опасности, раздражением, подавленностью (по 1.00), а также с отчаянием и информационной перегрузкой (по 0.93).

По прибытии на место у испытуемого отмечались чувство неопределенности (0.55) и растерянность (0.40). Отмечались страх одиночества, изоляции, тревога; потребность в спокойной обстановке, а также в подбадривании; ощущал собственную беспомощность. Обнаруживал высокий уровень эмоциональной реактивности.

На стадии, когда из автомобиля ВАЗ никто не вышел, сам автомобиль начал движение назад, а испытуемый получил приказ произвести предупредительный одиночный выстрел, состояние К. коррелировало с чувством опасности, напряженностью, раздражением (0.93), отчаянием и информационной перегрузкой (0.90), слабостью (0.64), при отсутствии активности и готовности действовать (-0.40). Выявлял потребность в покое и, в то же время, пытался контролировать ситуацию. Отмечался высокий уровень эмоциональной реактивности при недостатке воли для принятия необходимого решения. Риск импульсивных действий высок...

...В период стрельбы на поражение, а также после нее, когда обнаружилось, что была обстреляна машина с гражданскими лицами, состояние К. коррелировало с напряженностью, опасностью, раздражением, подавленностью, заторможенностью, отчаянием ($0.98 \div 1.00$).

... *Анализ криминальной ситуации* показал, что:

- К. первый раз выходил на боевое задание;
- содержание инструктажа свидетельствовало о боевом характере полученной задачи;

- неподчинение находившихся в остановленных для досмотра автомобилях людей приказам старшего сержанта С., возбужденное и нервное поведение С. (дававшее К. основание полагать, что тот испытывает страх) обусловило у К. восприятие и оценку ситуации как реально опасной;

- начавшееся движение назад автомобиля ВАЗ-2106, отсутствие адекватной реакции на предупредительный выстрел и повторявшиеся приказы выйти из машины, обострили ситуацию, сделав ее в восприятии испытуемого как предельно опасной;

- ситуация являлась кратковременной, обнаруживала признаки избыточной информационной нагрузки: высокая степень неопределенности; потенциально опасные действия задержанных (в частности, неподчинение приказам); получение испытуемым через короткие промежутки времени команд на производство выстрелов (предупредительного – на поражение по колесам – на поражение по людям); различные (конкурирующие) источники команд.

Таким образом, криминальная ситуация являлась предельно стрессогенной, поскольку характеризовалась временным дефицитом, крайней степенью неопределенности, избыточной информационной нагрузкой, высоким уровнем личностной значимости для испытуемого (поскольку воспринималась им как реально опасная). Подобные ситуации обуславливают возникновение у участников экстремальных событий состояния сильнейшей психической напряженности (стресса), оказывающей неоднозначное влияние на психическую деятельность (в том числе, негативное). В частности, психическая напряженность (стресс) на стадии дезадаптации способна дезорганизовать перцептивные, мыслительные и мнестические процессы; отрицательно повлиять на психомоторику; вызвать распад структуры деятельности.

Проведенное исследование позволяет прийти к заключению, что в исследуемой ситуации обнаруживаются три группы факторов, которые обусловили динамику и содержание психического состояния К. и существенно повлияли на его сознание и психическую деятельность. В первую группу входят внешние факторы, обусловившие в высшей степени стрессогенный характер ситуации. Ко второй группе относятся такие внутренние факторы, как психофизиологические особенности нервной системы К. (дизграфический статус, рассеянная неврологическая симптоматика, низкие функциональные возможности нерв-

ной системы, высокая степень эмоционального напряжения), а также инертность реакции на звуковые стимулы (особенно в сложных условиях деятельности). К третьей группе относятся внутренние факторы психологического порядка, а именно: инертность психических процессов, низкий уровень помехоустойчивости, полезависимость, недостаточное развитие оперативной памяти и оперативного мышления, легкость дезорганизации психической деятельности в экстремальных условиях (вплоть до ее дезинтеграции), подверженность фиксации на неприятностях с длительным переживанием отрицательных эмоций, высокий уровень личностной тревожности, эмоциональная неустойчивость, низкий уровень самоконтроля, подверженность импульсивным реакциям в затруднительных ситуациях, подозрительность, повышенная чувствительность к ситуациям задетого самолюбия, препятствий к достижению цели, наличия непомерно высоких требований извне. *Взаимодействие указанных факторов* в криминальной ситуации обусловило возникновение у К. состояния острой эмоциональной психической напряженности (стресса). Указанное состояние существенно дезорганизовало его сознание и психическую деятельность в виде: фиксации сознания на психотравмирующем (предельно опасном) характере ситуации; преобладания в сознании эмоциональных компонентов над рациональными; утраты гибкости поведения вследствие информационной перегрузки; выраженного снижения сознательного контроля над эмоциями и действиями; импульсивности действий; “полевого”, предельно ситуационно обусловленного, характера поведения. Учитывая перечисленные психофизиологические и индивидуально-психологические особенности К., а также специфику состояния острой эмоциональной психической напряженности, следует, что: а) способность испытуемого в полной мере адекватно оценивать ситуацию, осуществлять выбор адекватного ситуации способа разрешения возникшей критической ситуации, а также реализовывать его была предельно ограничена; б) вероятность совершения им ошибочных (в том числе импульсивных, неконтролируемых сознанием) действий в имевшей место ситуации была крайне высока.

Необходимо также остановиться и на случаях, когда в аффектогенной ситуации у человека выявляются признаки состояния, выходящего за рамки непатологического экстремального состояния (к которому, как известно, относится классический (физиологический) аффект, кумулятивный аффект, а также упоминавшиеся состояния сильной психической напряженности, сильного эмоционального возбуждения, острой фрустрации). В таких случаях целесообразно проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Рассмотрим несколько случаев, когда психологическое исследование включало возможность возникновения аффекта или иного непатологического состояния у подэкспертного, что давало основания диагностировать временное расстройство психической деятельности и подэкспертного лица в криминальной ситуации.

Пример 25. Из материалов уголовного дела известно: К-ва обвиняется в том, что, подозревая своего мужа в связи с Б., взяла хранившийся в квартире пистолет, приехала к

дому, где жила предполагаемая соперница. Увидев подъехавшую машину мужа и вышедшую из нее Б., догнала последнюю и несколько раз выстрелила ей в спину из пистолета.

К-ва свою вину по существу предъявленного ей обвинения признала частично. Пояснила, что умысла убивать Б. не имела, хотела выяснить отношения с мужем. Преступление совершила в каком-то необычном состоянии, было “какое-то замешательство”.

К-в пояснил, что встречался с Б. в течение примерно трех месяцев. Дома по этому поводу были постоянные скандалы. Случалось, он бил жену, “когда сильно ссорились”. В разводе ей отказал, пригрозил забрать ребенка. Накануне случившегося они с женой вновь поссорились. Он уехал по своим делам, у него была встреча с Б., та хотела возобновить их отношения. Из сауны они выехали около 23 часов, привез Б. к ее дому и сразу уехал. До этого позвонил жене узнать, в каком она состоянии. Ей “почудились” женские голоса. Домой вернулся около 1 часа. Жена была дома, ничего ему не рассказала. Пистолет ему не принадлежит, он просил жену “положить, потом его заберут”. Показывал ей как обращаться с газовым оружием.

Из показаний свидетелей следует, что у Б. были сложные взаимоотношения в семье, она часто уходила из дома, ночевала у своих приятелей, поддерживала отношения с мужчинами значительно старше нее, рано стала жить половой жизнью, была неразборчива в связях, у нее была репутация девушки “легкого поведения”...

Из материалов дела следовало, что К-ва воспитывалась матерью. Раннее развитие без особенностей. По характеру формировалась спокойной, уравновешенной, скрытной. Из перенесенных заболеваний отмечаются частые простуды, ангины, детские инфекции. С детского возраста страдает бронхиальной астмой. Со слов ее матери, приступы у испытуемой чаще возникали на “нервной почве”. После того как была избита мужем отмечались признаки сотрясения мозга, в последующем в течение 5-ти месяцев беспокоили головные боли давящего характера, сопровождавшиеся головокружением и тошнотой. Активного лечения не получала, консультировалась и периодически применяла симптоматическое лечение. В течение месяца находилась на стационарном лечении в отделении нервных болезней с диагнозом: церебральный арахноидит с вегето-сосудистыми пароксизмами и стойким выраженным астено-цефалгическим синдромом, неврозоподобным состоянием. На учете у психиатра и нарколога не состояла. В школу пошла в 7 лет. Училась хорошо. Окончила 11 классов общеобразовательной школы, затем медицинское училище, получила специальность санитарного фельдшера. Работала в баклаборатории СЭС, затем медсестрой в отделении функциональной диагностики в больнице. По месту работы характеризуется положительно - ответственна, исполнительна, внимательна к больным, пользовалась уважением в коллективе. В настоящее время не работает, находится в отпуске по уходу за ребенком. Ранее не судима. По месту жительства характеризуется как добрая, отзывчивая, скромная, вежливая, уравновешенная. Мать отмечает, что у дочери подруг нет, она “домашняя”, “добрая, ласковая, хозяйюшка”. За 6 лет до случившегося вышла замуж за человека старше нее на 11 лет. В брак вступила по любви. К семейной жизни относилась серьезно. Отношения с мужем были хорошими, хотя испытуемая знала, что муж изменяет ей “по мелочам”. Говорила мужу о разводе, но тот был категорически против. Она не настаивала. Продолжала поддерживать отношения с братом, матерью, но семейными проблемами никогда не делилась, на неурядицы не жаловалась. Длительное время не имела детей, нелегко переживала это. Менее, чем за год до инкриминируемых событий родила сына. Роды были тяжелыми, затяжными. Через месяц после рождения ребенка у испытуемой “пропало” грудное молоко. В связи с осложнениями после родов испытуемой не рекомендовалась сексуальная активность. Через некоторое время вновь появилось возникавшее у нее ранее и несколько ослабевшее после рождения желанного ребенка чувство, что муж “отдаляется” от нее. Он мало бывал дома, не интересовался ни сыном, ни ею. Появилось чувство беспокойства и тревоги. Но с домашним хозяйством и уходом за ребенком продолжала справляться, за помощью ни к кому не обращалась. Неоднократно пыталась “выяснить отношения с мужем”, но тот был груб и невнимателен,

иногда бил ее. Испытуемая отмечает нарастание у себя чувства тревоги по поводу будущего, стали чаще беспокоить головные боли, а также нараставшее чувство усталости. Отношение мужа было обидным для нее, усилились подозрения, что тот изменяет. За полтора месяца до исследуемых событий заболел ребенок, его положили в больницу. В этот период в бумагах мужа обнаружила номер телефона некой А. и выяснила, что тот встречается с этой девушкой. Муж признался в неверности, но в разводе отказал, обещал расстаться со своей подругой. К-в подтверждает, что в том же месяце испытуемая узнала о его связи с Б. и устроила скандал. Отмечает: “Жена сильно нервничала, и я ей вызывал скорую медицинскую помощь”. Оказалось, что Б. проживала с ними по соседству. Когда испытуемая гуляла с ребенком, ей “казалось, что вокруг знают об этом и смеются” над нею, мучительно переживала измену. Сменив место жительства и номер сотового телефона, муж продолжал вызывать у нее подозрения, чувствовала, что муж ее обманывает, не покидало чувство тревоги, неуверенности. Муж признал, что продолжает встречаться с Б. Решила поговорить с той, разобраться, попросить, чтобы она оставила мужа. Знала, что Б. несовершеннолетняя, но не видела никого из членов семьи, кто бы мог повлиять на нее - “отца нет, мать пьет”. Примерно за месяц до случившегося встретила Б., та оскорбила ее, и они подрались. В ходе драки К-ва нанесла Б. телесные повреждения. В этот же день произошел скандал дома. Тщетно просила у мужа развода, возможности жить самостоятельно с ребенком. Муж угрожал лишить ее родительских прав, говорил, что она ничтожество, а он известный человек, найдет свидетелей того, что она ведет “аморальный образ жизни”. Зная своего мужа, была уверена, что он способен осуществить свою угрозу и в случае развода заберет ребенка. К тому же находилась в материальной зависимости от мужа, своего дохода не имела. Скандалы в семье участились. В этот период, как отмечает испытуемая, у нее было чувство, что “выхода из ситуации нет”. Чувствовала себя одинокой, ненужной, “сама себя ненавидела”, “хотелось убить себя”, но думала о ребенке. Настроение было подавленным, сон беспокойным, не приносящим чувства отдыха. Отмечала у себя “заторможенность”, отсутствие аппетита, слабость, “ребенок стал как чужой”, “все не в радость”, “чувствовала, что не все в порядке”, “была депрессия”, “мужу до конца не доверяла”. В это время стала чаще обращаться за помощью к матери, привозить к ней сына, не справлялась с родительскими обязанностями. Связь мужа с Б. (не в пример ранее имевшим место изменам “по мелочам”) считала разрушительной для их брака. Хотела сохранить семью. Стала ходить к гадалкам. Замечала, что стала рассеянной, более замкнутой, угнетенной, считала себя несостоятельной, накапливалось чувство злобы по отношению к мужу. Все это сопровождалось тягостным ощущением непереносимости создавшейся ситуации, страх оказаться в одиночестве, без ребенка. Беспокоили головные боли, участились приступы астмы, колебания артериального давления, страхи. Прибегала к приему “успокаивающих” лекарств (нозепам), обращалась за помощью к невропатологу в частном порядке (диагноз неизвестен).

В день, когда произошли исследуемые события, вместе с мужем приехали забрать ребенка от матери К-вой. Когда возвращались, в машине “вновь поссорились из-за А.”. Высадив ее у дома, муж заявил, что она и ее ребенок ему не нужны. Когда пришла домой, у нее “опять была истерика” - металась по комнате, рыдала, “казалось, что весь мир рухнул”. Затем позвонил муж, узнать в каком она состоянии, в трубке услышала женский голос. Отмечает, что в ней “все всколыхнулось”, решила поехать и проверить, убедиться, что он с Б. Когда позвонил брат, воспользовалась случаем, попросила его приехать и оставила присмотреть за ребенком, поехала к дому Б., чтобы уличить мужа в измене. Пистолет взяла для защиты от мужа, боялась, что он бросится избивать ее. Что пистолет боевой, не знала. Приехав на место, испытуемая ожидала мужа у дороги в хорошо освещенном месте. В своих показаниях отмечала, что ее “душила обида, гнев, хотелось чтобы все закончилось”. Через какое-то время (ждала недолго, не успела замерзнуть) “заметила как подъехала машина, похожая на машину мужа”. Сидящие на передних сиденьях поцеловались, и из машины вышла девушка со светлыми волосами (уверенности в том, что это Б.,

не было). Машина сразу уехала. Думает, муж ее заметил, так как ехал ей навстречу, но не остановился. Убедилась, что он ей изменяет. Была в “ужасном невменяемом состоянии”, плохо помнит как действовала. “Потеряла рассудок, разнервничалась” побежала (не помнит точно, бежала или шла) за девушкой и стала в нее стрелять. Из показаний на следствии - “у меня появилась злость, и я даже не понимала зачем все это делаю”, пистолет достала на ходу, несколько раз выстрелила “метров с трех”. Сколько стреляла, не помнит. Затем сразу перебежала дорогу, остановила такси и уехала домой. По дороге выбросила туфли. “Было ужасное состояние, не чувствовала, что ногам холодно”. Дома у нее началась рвота. Когда стало немного лучше, отдала сумку с пистолетом брату, попросив выбросить. Приняла успокоительное (нозепам). По возвращению мужа легла спать.

В процессе судебно-психиатрического исследования было установлено следующее: неврологически - рассеянная микрокаговая симптоматика. Психический статус: Ориентирована правильно. Контакту легко доступна. Держится просто. На вопросы отвечает по существу. Понимает цель экспертизы. Считает себя психически здоровой. Предъявляет жалобы на одышку смешанного характера, сниженный фон настроения, плохое самочувствие. Правильно расценивает сложившуюся ситуацию, понимает наказуемость своих действий, считает себя виновной. Сообщила, что у нее с мужем сложились очень напряженные взаимоотношения, отсутствовало взаимопонимание. Очень переживала в связи с тем, что муж ей изменяет, попытки нормализовать отношения были безуспешными. В день случившегося поехала к дому Б., чтобы застать с нею мужа, поставить его перед фактом отрицаемой им связи, заставить выслушать ее и дать возможность жить самостоятельно с ребенком. Существующая ситуация была уже для нее “невыносимой”. Ранее разговоры с мужем ни к чему не приводили, он не считался с нею. Пояснила, что не имела намерения никого убивать. Пистолет взяла для уверенности, чтобы заставить мужа выслушать ее, считаться с нею, принять какое-то решение. Увидев подъехавшую машину мужа с соперницей, оставалась стоять на дороге. В этот момент “оцепенела”. Затем машина быстро уехала. Показалось, что муж заметил ее, т.к. ехал ей навстречу. Но он не остановился. Была растеряна от неожиданности, “осталась ни с чем”, разговор не получился, у нее даже не было возможности высказать все. Испытывала сильную злость. Не помнит как выхватила из пакета пистолет, быстро пошла или побежала вслед за удалявшейся девушкой. Сколько произвела выстрелов и в какую часть тела, не помнит. От звука выстрела как бы очнулась. Видела, что девушка стала падать. Была испугана, поддавалась спонтанному желанию уйти, убежать. Уехала с места происшествия на попутной машине. По дороге стала приходить в себя и осознавать, что совершила “что-то ужасное”, “может даже убила”, но в то же время было чувство, что это сделала не она. Ее стало тошнить в машине, затем дома была однократная рвота. По дороге домой выбросила туфли, шла босиком. Дома сразу дала брату пакет, не сказав, что в нем пистолет, и попросила выбросить в реку. Сама приняла две таблетки нозепама и легла спать. Утром была “никакая”, испытывала сильную слабость, разбитость, чувство нереальности случившегося, тревогу, беспокойство. Помнит обстоятельства происшедшего, за исключением некоторых деталей. Темп мышления несколько замедлен, отмечается тенденция к обстоятельности, ригидности (тугоподвижность, труднопереключаемость). Память и интеллект без грубых нарушений. Эмоционально лабильна, фон настроения снижен. Во время беседы плачет. Обеспокоена сложившейся ситуацией, сожалеет о случившемся. Активной психопатологической симптоматики (бреда и галлюцинаций) не выявляется.

В процессе экспериментально-психологического исследования было установлено, что испытуемой свойственны повышенная эмоциональная чувствительность к внешним воздействиям, тревожность, неуверенность в себе, сниженный уровень психической активности, склонность к замкнутости, повышенный уровень эмпатии, сострадательность... Показатели повышенной тревожности испытуемой свидетельствуют, что в неблагоприятных (трудных, неопределенных, быстро меняющихся) ситуациях у испытуемой может легко возникать беспокойство, тревога, неуверенность, растерянность, что способ-

ствуется переоценке реально существующей угрозы или опасности. Индивидуально-психологические особенности К-вой определяются преобладанием тормозимых свойств нервной системы, заострением тревожно-мнительных черт, зависимостью от значимого окружения (и особенно от сильной личности), повышенной восприимчивостью к внешним воздействиям, замкнутостью, сниженной социальной активностью. Согласно результатам СМИЛ, испытуемой свойственны эмоциональная подвижность, впечатлительность, склонность жалеть себя, зависимость самооценки от мнения окружающих, ориентация на социальные нормативы, тенденция к сглаживанию конфликтов. Для таких лиц характерна значимость семейных отношений, зависимость в браке от супруга. Психологическая защита проявляется либо путем вытеснения из сознания неблагоприятной информации, либо путем трансформации психологической тревоги в функциональные нарушения с высоким риском развития психосоматических расстройств. Также К-вой присущи повышенная эмоциональная чувствительность, ранимость, жалостливость, слезливость, уязвимость в ситуации конфликта или неприятностей с близкими, грубости, обиды, несправедливости, а также в условиях, требующих высокой активности. Характерны серьезность, добросовестность, тенденция к замкнутости. В межличностных отношениях для испытуемой характерны некоторая неуверенность, застенчивость, избегание широких контактов и социальных ролей, щепетильность в вопросах морали. Стремится избегать неудач и склонна винить себя при неудачах, способна легко впасть в состояние грусти. В работе аккуратна и исполнительна. В конфликтных и фрустрирующих ситуациях испытуемой свойственно фиксироваться на затруднительных моментах, препятствии к достижению цели. Преобладают реакции самообвинения. Уровень социальной адаптации недостаточен. Повышенных агрессивных тенденций не выявляется.

Ретроспективный анализ психического состояния К-вой в исследуемый период (в динамике, на 4-х этапах развития ситуации, по 23 параметрам, проективно, опосредованно, с помощью метода ОРДПС, цветового теста Люшера и “цветоассоциативных эталонов”) показал следующее.

Последнее время до исследуемого дня состояние испытуемой характеризовалось слабостью (0.57), переживанием безвыходности (0.52), апатии (0.52), опустошенности (0.48), ревности (0.45), отчаяния (0.33), тревоги, растерянности, неуверенности, с периодически возникающими эмоциями гнева. Цветовой выбор свидетельствует о переживании перенапряжения, усталости, тревоги, беспокойства, подавленности, чувства обманутого доверия и обманутых надежд, выраженной потребности в защите от стрессов, покое и расслаблении, а также в понимании, уважении со стороны близких и самоуважении. Проблемы субъективно переживались как трудно преодолимые, вызывали страх перед будущим, надвигающейся опасностью. Обострялась чувствительность к средовым воздействиям, возникало ощущение беспомощности и несчастливости, усиливалась склонность к раздумьям, самокопанию, самобичеванию.

Когда испытуемая решила поехать к дому потерпевшей и находилась там в ожидании появления мужа, ее состояние значимо коррелировало со слабостью (0.76), отчаянием (0.43), напряженностью (0.40), отсутствием готовности действовать (-0.36). Кроме того отмечались тревога, подавленность, страх перед неизвестностью, потребность в гармонизации отношений, избавлении от чувства уязвленного самолюбия и горечи обиды. Несмотря на эмоциональную неустойчивость, отмечалась инертность в принятии решения, ригидность (жесткость, стойкость, тугоподвижность) мотивации, стремления разрешить ситуацию, преобладание тормозимых черт. Потребность в любви, понимании являлась наиболее легко травмируемой.

На этапе, когда машина отъехала, и испытуемая стала стрелять, у нее на фоне переживаний предыдущего периода (тревоги, подавленности, утомления, ревности) выявлялись ярость (0.95), ощущение внезапности (0.83), безвыходность (0.83), чувство опустошенности (0.74), при отсутствии готовности действовать. Состояние выраженной психологической дезадаптации, дистресса, блокировки ведущих потребностей, ощущение раз-

очарования от несбывшихся надежд, диссонанса между идеальными представлениями и грубой реальностью. Доминировали протестные формы поведения, реакции, связанные с нетерпением, с агрессивной разрядкой внутреннего перенапряжения посредством слабо-контролируемых импульсивных деструктивных акций.

В последующий после совершения преступления период состояние К. было связано с тревогой (1.00), подавленностью (0.98), чувством опасности (0.81), утомлением (0.69), внезапностью (0.67), апатией (0.67), опустошенностью (0.62), чувством беспомощности, страхом перед будущим, сосредоточенностью на своих проблемах, потребностью в отдыхе, безопасности, снятии напряжения.

Анализ показал, что **ситуация, предшествовавшая криминальной**, которая характеризовалась разладом взаимоотношений с мужем, утратой взаимопонимания, изменами с его стороны, являлась для испытуемой психотравмирующей. Муж не отрицал своей связи с Б., но обещал прервать с нею отношения, сменил квартиру и номер телефона, однако впоследствии эту связь возобновил. На попытки К-вой прояснить ситуацию уверял ее в серьезном отношении к их браку, в разводе отказывал, оказывал на нее психическое воздействие путем угроз лишить прав на ребенка. В действительности теплоты по отношению к сыну муж не проявлял, перестал проявлять интерес к испытуемой. Таким образом, имело место наличие длительной психогенно-травмирующей ситуации, которая обусловила развитие у испытуемой депрессивного состояния, характеризующегося невротическими, вегетативными нарушениями. Безуспешные попытки нормализовать отношения в семье, справиться с психологическим давлением ситуации приводили к возникновению отрицательно окрашенных эмоций и тревоги. При сохранявшейся неразрешенности конфликта тревожность усиливалась, к ней присоединялись колебания настроения, которое все чаще становилось угнетенным, подавленным, отмечались бессонница, повышенная утомляемость, явления раздражительной слабости, сужение круга интересов с концентрацией внимания на личностно значимой психотравмирующей ситуации. На фоне нарастающего аффективного напряжения и подавленности возникало чувство собственной малоценности, несостоятельности, безысходности, отчаяния, суицидальные мысли (которые не реализовывались, оставаясь на уровне эгоцентрических размышлений, но свидетельствуют о глубине переживаний). Постепенно ситуация становилась все более субъективно непреодолимой, непереносимой, аффектогенной, а поведение - все более фрустрированным (в результате блокировки ведущих потребностей - в любви, понимании, уважении, сохранении собственного достоинства, семейном благополучии), дезадаптированным, нарастали замкнутость, задумчивость, некоторая заторможенность, рассеянность. С развитием ситуации у К-вой вплоть до совершения преступления происходило накопление отрицательно окрашенных эмоциональных переживаний, принимавших доминирующее значение в сознании, снижалась устойчивость к травмирующим воздействиям, реакции на конфликты становились все более гипертрофированными и сопровождались чувством страха, гнева по отношению к обидчику, тягостным ощущением непереносимости своего состояния.

В **криминальной ситуации** появление мужа с Б., а также тот факт, что К-ва не успела воспользоваться ситуацией и призвать его к принятию ответственного решения относительно их дальнейшей жизни, представляло для нее дополнительное психотравмирующее воздействие, которое имело для нее высокую личностную значимость, затрагивало наиболее уязвимые стороны системы ее ценностей и наиболее психотравмируемую сферу - супружеские отношения (любовь, уважение мужа, чувство собственного достоинства, потребность в признании, семейном благополучии). Таким образом ситуация являлась для К. фрустрирующей, аффектогенной.

Анализ психического состояния, действий и поведения К-вой в период совершения преступления показал следующее:

- в предшествовавший совершению преступления период испытуемая находилась в депрессивном состоянии, протекавшем у нее на невротическом уровне и являющимся астенизирующим фактором;

- у испытуемой отмечалось сужение объема восприятия (в момент совершения преступления она видела только удалявшуюся потерпевшую, ее спину, и практически не замечала происходившего вокруг), а также утрата четкости и последовательности восприятия (видела все смутно, как в тумане, не помнит, в какой момент вытащила пистолет, приводила ли его в боевую готовность, как стреляла, сколько произвела выстрелов и т.п.);

- восприятие и мышление (оценка ситуации) регулировались преимущественно эмоциональной сферой, влияние рациональных компонентов сознания было существенно снижено;

- ситуация воспринималась ею в качестве субъективно безвыходной и непереносимой;

- на фоне нервно-психической ослабленности и преобладания астенических переживаний (тревоги, беспокойства, подавленности, удрученности) у испытуемой происходило резкое усиление психической активации, стремительное нарастание возбуждения с доминированием внезапно обострившихся сильных отрицательных эмоциональных переживаний (ярости, безвыходности, обиды);

- имело место динамическое рассогласование между непреодолимой потребностью действовать немедленно (здесь и теперь) и отсутствием готовности к выбору адекватных способов реагирования в условиях быстро изменившейся ситуации (муж уехал прежде, чем она успела воспользоваться его появлением с Б., обнаружить себя и реализовать свои намерения, и таким образом Б. в конкретном временном и пространственном отношении осталась единственным источником психотравмирующего воздействия для К-вой);

- внимание испытуемой в момент совершения деяния было концентрировано на потерпевшей как источнике невыносимого психотравмирующего воздействия и причине разлада семейных отношений;

- поведение К-вой приобретало характер “полевого” - она была эмоционально “захвачена” ситуацией (ввиду высокой личностной значимости ситуации), утратила гибкость реагирования на быстро изменившиеся обстоятельства и способность адекватно противодействовать давлению ситуации;

- действия носили последовательный, целенаправленный характер, были достаточно развернутыми в пространстве, не являлись примитивными;

- вместе с тем, нарушалась связь поведения с его исходным мотивом, отсутствовало ясное осознание цели действия и его отдаленных последствий - испытуемая действовала не “ради чего-то”, а “вследствие чего-то”;

- кроме того действия становились стремительными, полуимпульсивными, что свидетельствует о недостаточности волевого контроля над ними;

- испытуемая выявляла признаки частичной амнезии на отдельные элементы криминальной ситуации и некоторые собственные действия;

- в посткриминальный период у нее происходило нарастание утомления, слабости, апатии, а также отмечались проявления вегетативных изменений в организме - тошнота, рвота. В дальнейшем состояние определялось реакцией на содеянное и имело депрессивную окраску.

На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что К-ва в период времени, относящийся к инкриминируемому ей деянию, обнаруживала признаки временного психического расстройства в форме “расстройства адаптации” с преобладанием нарушений эмоций - тревоги, депрессии, беспокойства, напряжения, гнева с аффективно суженным сознанием, развившимся как следствие длительной психотравмирующей ситуации, в связи с чем она не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

В приведенном ниже примере комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза являлась повторной (четвертой после проведенных однородных психиатрической, психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертиз). Особенностью исследуемой ситуации являлось то, что она развивалась на протяжении почти двух десятилетий. При проведении экспертного исследования эксперты-психологи констатировали отсутствие аффектогенной ситуации, а также признаков какого-либо непатологического эмоционального состояния. В то же время поведение женщины, обвинявшейся в жестоком убийстве, противоречило ее устойчивым индивидуально-психологическим особенностям, развивалось стремительно и лавинообразно в отсутствии так называемого «спускового крючка».

Пример 26. Из постановления о назначении экспертизы известно, что 31 июля примерно в 7 час.30 мин. подсудимая Д., находясь в парке у дома культуры, на почве личных неприязненных отношений нанесла потерпевшей Ф. не менее 19-ти ударов деревянным черенком от сельхозорудия в область тела и не менее 9-ти ударов в область головы. От полученных телесных повреждений потерпевшая Ф. скончалась при транспортировке в ЦРБ.

Этому предшествовал затяжной конфликт, который развивался на протяжении почти 20 лет. Как показывали свидетели, инициатором конфликта была потерпевшая, которая оскорбляла Д., настраивала против нее соседей, травила принадлежавшую той домашнюю птицу и т.д. Д., в свою очередь, также допускала в отношении потерпевшей грубость, выпускала птиц со двора и те забирались в палисадник потерпевшей.

Накануне случившегося потерпевшая вновь спровоцировала конфликт с Д. Когда последняя пожаловалась приехавшей в гости дочери на соседку, дочь, ранее всегда поддерживавшая мать, в этот раз высказала мысль, что им, пожилым людям, пора найти общий язык. Это вызвало у Д. приступ ярости («от злости и обиды на Ф. и на детей за то, что они не могут заступиться за нее, была «разъяренная», перевернула ногой лежащие на доске для сушки сливы), бросилась на дочь, «хотела ее на куски разорвать!», «хотела ей рот разорвать!». Схватила гостинцы (арбуз и торт), все выбросила, выгнала дочь со двора. Серьги, которые дарила ей дочь, сняла с себя и выкинула (потом не могла их найти). После чего села у крыльца и стала кричать. Была расстроена, что никто не поддержал, никто не остановил. Ходила, плакала, потом пошла на огород и стала петь. Затем побила повернувшихся под руку собаку и кур. Рано утром Д. напоила свою корову. Затем она услышала на улице женский голос, звавший Ф., но та не ответила и женщина, звавшая ее, ушла. Д. предположила, что Ф. ушла куда-то в центр на рынок. Д. взяла во дворе своего дома деревянную палку (черенок от лопаты или тяпки), села на свой велосипед и поехала через парк на рынок. В парке она встретила Ф., которую ударила по голове «около 3-х раз»...

Анализ непосредственно криминальной ситуации показал, что она не являлась экстремальной, опасной для жизни и здоровья Д., а также не была для нее неожиданной, внезапной (испытываемая допускала, что может встретить Ф.

Анализ состояния, действий и поведения Д. в период совершения инкриминируемого ей деяния свидетельствует о том, что в данном случае имеет место отсутствие такого необходимого диагностического признака аффекта, как сужение объема и фрагментарность восприятия ситуации, как в целом, так и ее динамики, частичная амнезия на детали криминальной ситуации и собственные действия (несмотря на периодические утверждения, что она ничего не помнит, «была в аффекте», испытуемая достаточно подробно рассказывает об обстоятельствах происшествия), что свидетельствует об отсутствии у нее сужения сознания аффективного уровня. Действия Д. в момент совершения инкриминируемого ей деяния не лишены последовательности и целенаправленности (испытуемая слезает с велосипеда, берет с заднего багажника палку, наносит ей удары Ф.), что также свидетельствует о достаточной сохранности сознательного контроля над ними. Отсутствует и такой обязательный диагностический признак аффекта, как выраженная физическая и психическая посткриминальная астения (Д. садится на велосипед, отъезжает от места происшествия, выбрасывает в кусты палку, едет домой, занимается домашним хозяйством, при этом продолжает испытывать злость, ненависть, отчаяние; после допроса в милиции почти всю ночь разговаривает с родственниками и соседями; когда, наконец, ложится спать, то так и не может уснуть). Не наблюдается субъективного переживания чувства облегчения, разрядки напряжения в посткриминальной фазе (как факультативного признака третьей фазы кумулятивного аффекта). Наконец, испытуемая не сообщает о наличии у нее в исследуемый период каких-либо признаков вегетативного сдвига. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в момент совершения инкриминируемого ей деяния Д. в состоянии физиологического аффекта либо ином непатологическом эмоциональном состоянии, сопоставимом с физиологическим аффектом по глубине дезорганизующего влияния на сознание и поведение, не находилась...

Экспертами-психиатрами было установлено, что анализ материалов уголовного дела в сопоставлении с данными настоящего обследования, а также данными исследования психики Д. на разных этапах расследования настоящего уголовного дела свидетельствует в пользу того, что у Д. имеются признаки психического расстройства (непсихотический уровень), характерного для сосудистого поражения головного мозга, а именно: расстройства личности и поведения вследствие дисфункции головного мозга (органический психосиндром эксплозивный вариант) (F 07.9 по МКБ 10). Об этом свидетельствуют типичные жалобы церебрастенического характера (головокружения, головные боли, шум в ушах, нарушения сна), неспособность к сосредоточению, раздражительность, застревание на негативных переживаниях, аномальные личностные формы реагирования. Наряду с характерными жалобами и явлениями раздражительной слабости, выявлены признаки органического снижения психической деятельности - ригидность и обстоятельность мышления, снижение продуктивности, сообразительности, переключаемости, колебания настроения. Следует отметить, что испытуемая характеризуется как социально-положительная личность, имеет невысокий образовательный уровень, пожилой возраст, занималась неквалифицированным трудом, в основном ограничиваясь своим хозяйством, проживала одна после смерти мужа, поддерживала отношения со своими детьми, была до исследуемых событий достаточно адаптированной в социально-бытовом плане. Возраст испытуемой к моменту времени, интересующему суд - 59 лет (первая фаза старения), которая при нормативном старении рассматривается как кризисная и характеризуется сензитивностью по отношению к внешним влияниям среды, в том числе и патогенным. Отягощенность периода старения Д. была обусловлена общим атеросклеротическим процессом, с церебрастеническими явлениями, а также длительной и личностно-значимой психогенной интервенцией (длительные конфликтные отношения с Ф.). Взаимоотношения с погибшей носили длительный психотравмирующий бытовой характер, задевали личностные ценности испытуемой, имели открытую враждебную окраску и легли «на органически измененную почву». Незадолго до случившегося у Д. были незначительные «стычки» с Ф. (на что указывают свидетели), которые носили в основном вербальный характер. Ей уда-

валось удерживать свою агрессивность в рамках нормативного поведения, чему во многом способствовала поддержка близких, дочери. Отказ дочери поддержать её был расценен как «предательство», обусловил, на фоне длительного конфликта с Ф., чувство безысходности, неспособности справиться с ситуацией и субъективно переживался как невыносимый, что и следует расценивать как начало декомпенсации. «Поломка» компенсаторных возможностей, развернутый во времени характер ситуации свидетельствуют в пользу декомпенсации. Психическое состояние испытуемой в предкриминальный период характеризовалось наличием органических специфических личностных особенностей в виде эксплозивности, стали отмечаться проблемы эмоционального контроля, гневливость, сверхценные переживания обиды в сочетании с нарушением прогностических способностей (что ярко проявилось в период ссоры с дочерью, следовавшего за очередным конфликтом с Ф.). Агрессивное побуждение в отношении Ф. актуализировалось в связи с истощением личностного ресурса и нарастало при отсутствии сдерживающих агрессию факторов, что клинически проявилось в снижении критичности, обнажив готовность к невербальной агрессии. После конфликта с дочерью, сначала возникла аномальная личностная поведенческая реакция - «выбросила торт и арбуз, которые привезла дочь, выкинула серьги, которые она подарила, потом избивала собаку и птицу домашнюю», обиды приняли сверхценный характер. Это привело к актуализации агрессивного побуждения в связи с прямым воздействием на психику Д. нейтральной информации, не имеющей непосредственного отношения к взаимоотношениям с Ф. (соседка позвала Ф.) и запустило механизм аномальной переработки информации – далее последовало быстрое (без борьбы мотивов) принятие решения - догнать Ф. и отомстить ей в парке («взяла палку, села на велосипед и поехала в сторону центра»), без учета последствий своих действий. Предкриминальная и криминальная ситуация характеризовались «лавинообразным» нарастанием эмоциональной напряженности, что было обусловлено декомпенсацией личностных особенностей испытуемой (проявлялось в виде возбудимости). Эмоциональное возбуждение было выражено в значительной степени - Д. нанесла потерпевшей не менее 28 ударов. Снижение контроля и прогноза своих действий определяло и ограничивало возможность корректировать свои действия. Другими словами, аномальная структура личности Д. определяла очень узкий диапазон возможных вариантов поведения, который еще более сужался в условиях психотравмирующей ситуации. Поэтому на момент совершения инкриминируемого ей деяния Д. не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В посткриминальный период психическое состояние испытуемой определялось реакцией на содеянное в виде легкого пролонгированного депрессивного состояния с нарушением адаптации (непсихотический уровень), что потребовало госпитализации в психиатрический стационар. В настоящее время сохраняется субдепрессивная симптоматика, что не лишает испытуемую способности осознавать фактический характер своих действий и руководить ими. Учитывая, что выявленные у Д. изменения со стороны психики повлияли на мотивацию преступления и на её способность к избирательному поведению, что у неё имеется склонность к состояниям психической декомпенсации с проявлениями агрессивности, что повышает степень её общественной опасности, Д. нуждается в применении к ней принудительных мер медицинского характера в виде амбулаторного принудительного лечения.

2.5. Судебно-психологическая экспертиза по фактам аварий на транспорте и производстве.

Прежде всего, данный вид экспертизы назначается по ст.ст. 253, 264 УК РФ, а также по фактам нарушения правил безопасности в различных сферах деятельности (ст.ст. 215 – 219 УК РФ); следует упомянуть и случаи, предусмотренные ст. 28 УК РФ.

Как показывает практика, постоянное усложнение техники и технологических процессов, которыми управляет человек, резко повысили требования к его индивидуальным физическим, психофизиологическим и психологическим возможностям. Возникающие сбои и аварии в 70-80% случаев связаны не с отказом техники, а обусловлены ошибками человека, управляющего ею. Информационная перегрузка, дефицит времени для принятия решения, высокая цена ошибки, имеющееся нередко несоответствие между требованиями ситуации и индивидуальными возможностями приводит к тому, что человек, управляющий техникой, вынужден едва ли не постоянно находиться в состоянии психической напряженности (стресса). В экстремальных ситуациях стрессогенное влияние на психическую деятельность человека резко возрастает, что нередко может приводить к дезорганизации профессиональной деятельности, снижению способности либо неспособности к адекватному восприятию ситуации, ее оценке, принятию адекватного решения и его реализации. Иными словами, в состоянии стресса человек может оказаться не способным в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими, а следовательно и предотвратить последствия своих действий.

Необходимо отметить, что хотя главной задачей данного вида СПЭ является диагностика психического состояния человека в период совершения аварии и влияния этого состояния на деятельность по управлению техникой/технологическими процессами, экспертиза по фактам аварий на транспорте и производстве не является подвидом СПЭ психических состояний.

***Предметом** СПЭ по фактам аварий на транспорте и производстве является способность субъекта к адекватному отражению особенностей конкретной ситуации, их осознанию, принятию адекватного решения по предотвращению негативных последствий и его реализации.*

***Объектом** экспертного исследования является психическая деятельность человека при выполнении им профессиональных функций в юридически значимой ситуации. Эмоциональное состояние субъекта в юридически значимой ситуации является одним из конкретных объектов исследования, равно как и устойчивые профессионально значимые индивидуально-психологические особенности.*

На разрешение экспертизы в качестве основных рекомендуется ставить следующие вопросы:

1. Мог ли испытуемый, учитывая его индивидуально-психологические особенности, правильно понимать (оценивать) требования экстремальной ситуации?

2. С учетом способности испытуемого к установлению причинно-следственных связей и общего уровня его интеллектуального развития, его профессионального опыта, мог ли он предвидеть наступление опасных последствий, принять правильное решение и реализовать его?

3. Находился ли испытуемый в момент совершения инкриминируемых действий в психическом состоянии, которое могло вызвать существенное снижение качества профессиональных функций, возможности совершать действия по предотвращению опасных последствий?

Следует отметить, что в рамках СПЭ по фактам аварий на транспорте и производстве выделяется подвид СПЭ по фактам ДТП.

Рассмотрим пример СПЭ по факту дорожно-транспортного происшествия.

Пример 27. Из материалов уголовного дела известно, что водитель а\м ГАЗ-53 Х. выехал на полосу встречного движения и допустил столкновение с автобусом ЛАЗ под управлением водителя З. В результате двое пассажиров скончались от полученных повреждений, а четверо человек получили повреждения различной степени тяжести.

Как следует из протокола осмотра места ДТП, проезжая часть дороги имеет уклон; дорожное покрытие сухое, обочина покрыта льдом. Следов торможения ГАЗ-53 не обнаружено, след торможения автобуса ЛАЗ равен 24 м.

Согласно протоколу медицинского освидетельствования от 29.01.1994 г. (9 часов утра), Х. заторможен, в позе Ромберга неустойчив; выявляется запах алкоголя изо рта, проба Раппопорта положительная. Установлена средняя степень алкогольного опьянения. Однако в крови Х. этиловый алкоголь не обнаружен. Водитель автобуса З. был трезв

Из заключения судебно-медицинской экспертизы № 191 от 25.03.1994 г. следует, что в результате ДТП Х. получил ссадины на правом бедре, а также сотрясение головного мозга, повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья. Отмечено, что при поступлении в стационар Х. находился в средней степени алкогольного опьянения (из меддокументации).

По данным автотехнической экспертизы, проведенной в ходе предварительного следствия, в действиях водителя автомобиля ГАЗ-53 усматривается несоответствие п.п. 1.2; 1.6; 11.1 Правил дорожного движения.

Со слов З., автобус под его управлением двигался со скоростью 40-50 км/час., т.к. был гололед, на дороге - выбоины, а также начинался спуск. Во встречном направлении со скоростью 70-80 км/час. двигался автомобиль ГАЗ-53 с будкой. Машину увидел примерно за 200 м. Проехав мост, ГАЗ-53 выехал на полосу движения автобуса. З. думал, что грузовой автомобиль свернет на свою полосу, но тот продолжал двигаться навстречу. Примерно за 5-7 м до столкновения З. притормозил и взял руль влево, чтобы избежать удара, однако выехать на встречную полосу движения не успел и ГАЗ-53 ударил автобус в правый бок. В своих дальнейших показаниях З. отметил, что на расстоянии примерно в 100 м автомобиль ГАЗ-53 стал совершать выезд на полосу движения автобуса. З. начал применять торможение, однако грузовой автомобиль продолжал выезжать на встречную полосу, заняв ее полностью. Прекратив торможение, водитель ЛАЗа применил маневр влево, но столкновения избежать не удалось. З. перед столкновением видел, как водитель автомобиля ГАЗ-53 наклонился к спящему пассажиру и смотрел на него. В судебном заседании З. показал, что грузовой автомобиль проехал по центру моста, затем занял свою полосу движения, но потом (метров за 100) стал под углом смещаться на полосу движения автобуса и постепенно выехал на нее. Водитель ГАЗ-53 в это время не смотрел на дорогу, а наклонился к спавшему пассажиру, не реагировал на сигнал. В ходе второго судебного рассмотрения дела З. подтвердил свои показания. Пояснил также, что был трезв, состояние здоровья было нормальным. Водитель ГАЗ-53 ничего не предпринимал, выехав на полосу движения автобуса: "не тормозил, ничего". Утверждает, что солнца не было, оно встало через 40-50 минут после случившегося.

Х. показал, что перед поездкой выпил 150 г водки. Управлял автомобилем, т.к. у него есть водительские права (категория С) и ранее он работал на автомобиле ГАЗ-53. Автомобиль был технически исправен. С какой скоростью двигались, Х. точно сказать не может, но ехали "не очень быстро". Чувствовал себя хорошо, от управления автомобилем не отвлекался. Как выехал на полосу встречного движения, сказать не может, поскольку не помнит. Во время дополнительного допроса Х. сообщил, что двигался со скоростью 50-60 км/час. Увидел выбоину в асфальте и заехал в нее, после чего автомобиль выехал на середину проезжей части, где и произошло столкновение с автобусом. Утверждает, что был трезв. В суде Х. показал, что автомобиль "заехал в выбоину и его подбросило", в результате чего он выехал на встречную полосу движения. В этот момент Х. ослепило солнце, и он потерял управление. Примерно в 10 метрах от машины увидел автобус, но что-

либо предпринять уже не успевал. На вопросы председательствующего Х. пояснил, что пытался тормозить на мосту, при этом, тормозил не резко, т.к. на дороге был гололед. Х. утверждал, что ранее он управлял грузовым автомобилем - за три года до случившегося; впоследствии заявил, что машину водил редко. В ходе второго судебного рассмотрения дела Х. заявил, что после того, как въехал в выбоины, немного сбросил скорость и стал тормозить. Автобус увидел, когда он закрыл собою солнце. До автобуса оставалось 5-6 метров. Спиртные напитки не употреблял ни вечером накануне, ни утром...

...Во время выезда суда на место происшествия были произведены замеры, основанные на показаниях Х.. Было установлено, в частности, что с момента потери управления (после выбоины) и до момента прекращения ослепления автомобиль прошел 57 м 60 см. Судом также были произведены замеры, характеризующие дорожную обстановку, со слов З..

Из заключения автотехнической экспертизы, проведенной по определению суда, следует, что самопроизвольный выезд автомобиля ГАЗ-53 на встречную полосу движения был исключен. Показания Х. относительно расстояния между транспортными средствами перед столкновением (5 м) технически недостоверны. Автобус ЛАЗ не мог создавать опасности для движения ГАЗ-53 в момент возникновения опасности. В момент начала торможения автобуса автомобиль ГАЗ-53 находился на расстоянии 86 м от знака сужения дороги. Водитель автомобиля ГАЗ-53 имел возможность предотвратить столкновение, если бы действовал в соответствии с Правилами дорожного движения. Водитель автобуса ЛАЗ не имел технической возможности торможением избежать столкновения с автомобилем ГАЗ-53.

Из заключения повторной автотехнической экспертизы следует, что самопроизвольный выезд автомобиля ГАЗ-53 в имевшей место дорожно-транспортной ситуации был возможен. Занос автомобиля еще более вероятен в случае применения водителем торможения на обледеневшем участке дороги или резкого увеличения оборотов двигателя. При ответе на вопрос относительно технической возможности Х. предотвратить столкновение после потери управления на выбоинах на расстоянии 110 м от знака "Сужение дороги", экспертом-автотехником указано, что подобная возможность зависела от психологических и психофизиологических качеств Х.. По мнению эксперта, примерно за 50 м до столкновения автобус не выезжал на встречную полосу, находился на своей правой полосе движения, а потому не мог вынуждать Х. "уйти влево на встречную полосу". При одинаковых скоростях автобуса и автомобиля в этот момент расстояние между ними превышало 100 м. Было также установлено, что на исследуемом участке дороги практически невозможно было осуществить выезд на левую сторону дороги, возвращение назад, на свою сторону и вновь выезд на полосу встречного движения. Водитель автобуса не располагал технической возможностью предотвратить столкновение со встречным автомобилем ГАЗ-53, в то время как Х., управлявший автомобилем ГАЗ-53, располагал технической возможностью предотвратить столкновение путем своевременного выполнения требований Правил дорожного движения...

...Результаты психологического исследования показали следующее.

Х. обнаруживает снижение зрительного восприятия на фоне гомогенных помех (как на уровне точности, так и общей продуктивности). Проявляется стратегия быстроты поиска значимой информации при очень низких показателях точности. Это влечет за собой потерю большого объема важной информации (Мюнстерберг). Уровень полнезависимости (интегрального свойства личности, обеспечивающего успешность водительской деятельности в динамичных и сложных условиях) невысок. Отмечается тенденция к отказу от решения проблемы под воздействием неудачи (Готтшальд).

Исследование внимания испытуемого показало, что устойчивость, точность данного процесса снижены. Отмечается значительное снижение скорости выполнения деятельности в условиях выбора, а также - устойчивости скорости. Подобные характеристики внимания обуславливают недостаточность оперативной памяти и оперативного мышле-

ния, процесса переработки информации. Кроме того, это отражает нейродинамическое снижение, инертность психических процессов (восприятия, мышления). Переключение внимания (по Шульте-Горбову) - в пределах средних значений (для водительской нормы).

Уровень интеллектуального развития X. низкий (в пределах возрастной нормы) (IQ=87, Кэттелла).

Исследование типологических свойств нервной системы (по Стреляу) показало слабость процессов возбуждения, выраженную инертность нервных процессов при силе торможения. Это обуславливает слабый тип нервной системы (с выраженным преобладанием тормозности). На поведенческом уровне, а также на уровне профессиональной деятельности, в сложных условиях подобный тип нервной системы может обуславливать выраженное истощение возбуждения при стремительном нарастании торможения, что влечет пассивные формы реагирования, высокий уровень тревоги, подверженность состояниям по типу стресса или фрустрации (безвыходности).

По данным 16-PF, X. выявляет эмоциональную неустойчивость (при достаточной сохранности уровня самоконтроля). Это подтверждается результатами опросника Леонгарда-Шмишека: испытуемому свойственны высокий уровень чувствительности к широкому спектру житейских проблем (особенно к динамичным ситуациям, требующим принятия ответственного решения, изменению привычных стереотипов и т.п.); отмечаются также пассивность в экстремальных ситуациях, некоторая инертность (в том числе, мышления), серьезность.

Уровень субъективного контроля (качество, отражающее представление субъекта о степени его влияния на события, происходящие с ним, и обуславливающее силу личности, уверенность в себе, эмоциональную стабильность, а также надежность как интегральную характеристику личности) у X. невысок. Это относится как к общему показателю субъективного контроля, так и применительно к сфере достижений. Подобная характеристика субъективного контроля может обуславливать пассивные формы поведения в сложных ситуациях, недостаток уверенности в себе и, как следствие, - низкую надежность (УСК). X. выявляет дисбаланс между мотивациями достижения успеха и избегания неудач с выраженным преобладанием последней, что может являться следствием низкого уровня субъективного контроля (Элерс).

Уровень реактивной тревожности у испытуемого умеренный, что свидетельствует об адекватной реакции на процедуру экспертного обследования. Уровень личностной тревожности высок. В ситуациях неопределенности это может приводить к переоценке угрозы извне, легкости возникновения состояния тревоги, а также - неадекватной активности (избыточной либо, наоборот, недостаточной) (Спилбергер-Ханин).

В конфликтных и затруднительных ситуациях X. выявляет тенденцию к действиям, преимущественно самостоятельным. В то же время, уровень адекватной активности, направленной на преодоление препятствия, снижен (Розенцвейг).

Таким образом, X. выявляет индивидуально-психологические особенности, свидетельствующие о его *абсолютной профессиональной непригодности* к деятельности оператора движущихся систем (в том числе, водителя автотранспорта). К ним относятся: слабый тип нервной системы с выраженным преобладанием тормозности, инертность и истощаемость психических процессов, низкая продуктивность восприятия на фоне помех, недостаточные устойчивость и точность внимания, недостаточность оперативной памяти и мышления, эмоциональная неустойчивость, неуверенность и пассивность в сложных ситуациях.

...Ретроспективный анализ психического состояния X. в криминальной ситуации (в ее динамике, на 6 стадиях развития, проективно, по 23 параметрам, с помощью метода опосредованной ретроспективной диагностики и сопоставлением с цветоассоциативными эталонами) показал следующее...

...Когда увидел автобус, как утверждает, на своей полосе, цветоассоциативный образ состояния X. обнаруживал значимую связь с мрачными предчувствиями (0.83), чувст-

во опасности (0.69), безвыходностью (0.57), напряженностью (0.52), раздражением (0.50), страхом (0.48) и утомлением (0.48). Бдительность, собранность и готовность действовать отсутствовали. Состояние приближалось к фрустрации (безвыходности) (эталон).

В период попыток уйти от столкновения у испытуемого отмечались сонливость (0.60), переживание опасности (0.45), утомление (0.43), напряженность и раздражение (по 0.38), страх (0.36). Активность, готовность действовать, бдительность и собранность отсутствовали.

В момент столкновения и после опрокидывания автомобиля цветоассоциативный образ состояния X. коррелировал со страхом (1.00), безвыходностью (0.90), мрачными предчувствиями (0.81). По своему цветовому спектру состояние приближалось к подавленности, страху, фрустрации (цветоассоциативные эталоны)....

Таким образом, психическое состояние X. в период совершения ДТП характеризовалось высоким уровнем психической напряженности при быстром истощении возбуждаемых процессов, активации и нарастании заторможенности. Это позволяет квалифицировать состояние испытуемого как эмоциональную психическую напряженность (эмоциональный стресс), вызвавшее стремительно нарастающую дезадаптацию на стадии, непосредственно предшествовавшей столкновению.

...Исследование показателей времени реакции X. рассчитывалось по табличным данным (по О.Лукошявичене)²⁰:

Время реакции *торможения* в зависимости от стажа и возраста:

$$t_T = 0,963 + 0,0173 A - 0,0362 C + 0,0002 AC - 0,00037 A^2 + 0,0007 C^2$$

Время реакции *маневрирования* в зависимости от стажа и возраста:

$$t_M = 2,63 - 0,06 A - 0,0305 C + 0,0002 AC + 0,0006 A^2 + 0,0006 C^2, \text{ где}$$

A - возраст водителя; C - стаж работы

Время реакции (торможения и маневрирования) X. рассчитывалось исходя из двух посылок (применительно к опыту работы). Во-первых, исходя из водительского стажа 7 лет (как это следует со слов испытуемого); во-вторых, учитывая, что X. практически не имел опыта вождения грузового автомобиля (менее 1 года).

1. При наличии водительского стажа в 7 лет:

$$t_T = 0,963 + 0,5536 - 0,2534 + 0,0448 - 0,3789 + 0,0343 = 0,96 \text{ (с)}$$

$$t_M = 2,63 - 1,92 - 0,2135 + 0,0448 + 0,6144 + 0,0294 = 1,19 \text{ (с)}$$

2. При наличии водительского стажа до 1 года:

$$t_T = 0,963 + 0,5536 - 0,0362 + 0,0064 - 0,3789 + 0,0007 = 1,11 \text{ (с)}$$

$$t_M = 2,63 - 1,92 - 0,0305 + 0,0064 + 0,6144 + 0,0006 = 1,30 \text{ (с)}$$

Таким образом, время реакции 32-летнего водителя, имеющего водительский стаж до 1 года (а X. следует отнести именно к этой категории), будет варьировать (в зависимости от формы реагирования) от 1,11 до 1,30 с. Необходимо отметить, что при расчете времени реакции не были учтены такие психологические особенности испытуемого, как слабый тип нервной системы, преобладание тормозности, инертность и истощаемость психических процессов, невысокий уровень развития профессионально значимых познавательных процессов, низкий уровень субъективного контроля, эмоциональная неустойчивость, высокий уровень тревожности, а также эмоциональный стресс, в котором он находился в исследуемый период. Подобные факторы могли в определенной степени *только увеличить* показатели времени реакции. В связи с этим представляется обоснованным использование экспертом-автотехником при расчете остановочного пути автомобиля ГАЗ-53 значения времени реакции, равного 1,4 с...

²⁰ Лукошявичене О.В. Моделирование дорожно-транспортных происшествий. М., 1988. - С.50

...Анализ исследуемой дорожно-транспортной ситуации показал следующее.

1. Субъективные факторы:

Во-первых, как установлено в процессе экспертизы, Х.свойственны индивидуально-психологические особенности, значительно снижающие его надежность в сложных условиях профессиональной деятельности.

Во-вторых, Х. не владел достаточными навыками вождения грузового автомобиля. Тот факт, что он примерно в течение полугода работал на грузовике как минимум за 3 года до случившегося, не является показателем сформированности навыков вождения. На это указывает как непродолжительный период вождения грузовых автомобилей, так и длительный период отсутствия практики вождения, что разрушающе действует на навык управления транспортным средством.

В-третьих, Х. не обладал достаточными навыками управления и легковым автомобилем, на что, в частности указывают его показания, данные в суде (чаще ездил в качестве пассажира).

В-четвертых, Х. не знал особенностей дороги, по которой двигался, управляя автомобилем в исследуемой ситуации.

2. Объективные факторы:

Во-первых, водитель автобуса начал торможение, оценив ситуацию в качестве опасной. Как следует из его показаний, он применил торможение, когда увидел, что автомобиль ГАЗ-53 выехал на его полосу движения. Как следует из заключения судебно-автотехнической экспертизы, в момент начала торможения автобуса расстояние между ним и грузовым автомобилем превышало 100 м. То есть, автомобиль ГАЗ-53 начал выезд на полосу встречного движения, находясь на расстоянии не менее 100 м от автобуса.

Во-вторых, примерно за 50 м до места столкновения автобус не выезжал на встречную полосу и не мог вынуждать Х. “уйти влево на встречную полосу”.

В-третьих, экспертом-автотехником не исключается, что если колесо автомобиля ГАЗ-53 попало в выбоину с обледенением, автомобиль могло занести и он мог потерять поперечную устойчивость с последующим изменением направления движения. В то же время, экспертом исключается вероятность маневрирования автомобиля ГАЗ-53 таким образом, чтобы осуществить выезд на левую сторону дороги, вернуться назад и вновь выехать на полосу встречного движения.

В-четвертых, Х.объективно располагал технической возможностью предупредить столкновение со встречным автобусом путем своевременного выполнения требований п.п. 1.2, 1.6,3.6, 10.4, 11.1 (ч.1) и 11.3 Правил дорожного движения.

В-пятых, исходя из величины остановочного пути автомобиля ГАЗ-53 в искомых дорожных условиях, равного 46 - 59 м, можно предположить, что если бы водитель автомобиля ГАЗ-53 своевременно заметил, что автомобиль начал выезжать на встречную полосу движения и предпринял бы торможение, то с большой долей вероятности он мог избежать столкновения либо минимизировать его последствия.

В-шестых, при условии своевременного обнаружения факта выезда на встречную полосу водитель автомобиля ГАЗ-53 мог применить маневр вправо, на свою полосу движения. Если учесть, что время сближения автомобилей при скорости 50 - 60 км/час. составляет 3,0 - 3,6 с, а время реакции маневра (при наличии минимального опыта вождения грузового автомобиля) в среднем равно 1,3 с, то применение маневра вправо могло предотвратить столкновение.

В-седьмых, несмотря на различия в показаниях Х. на разных стадиях предварительного и судебного разбирательства и их противоречие с показаниями водителя автобуса, известно, что испытуемый воспринял ситуацию в качестве опасной тогда, когда расстояние между транспортными средствами составляло 5-7 метров. При этом, причиной такого запоздания могли быть как переключение внимания Х. на своего пассажира (как следует из показаний водителя автобуса), так и ослепление солнцем (если таковое имело место). То есть, внимание Х. на детали сложившейся дорожно-транспортной ситуации

было обращено только непосредственно перед столкновением.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. Х. свойственны индивидуально-психологические особенности, значительно снижающие его надежность (как интегративное качество личности, обеспечивающее устойчивую работоспособность в резко изменяющихся условиях деятельности). К ним относятся: слабый тип нервной системы с выраженным преобладанием тормозности, инертность и истощаемость психических процессов, низкая продуктивность восприятия на фоне помех, недостаточные устойчивость и точность внимания, недостаточность оперативной памяти и мышления, эмоциональная неустойчивость, неуверенность и пассивность в сложных ситуациях. Кроме того, Х. обнаруживает недостаточность водительских навыков вследствие малого опыта работы водителем автотранспорта (в том числе, грузового) и длительных перерывов (до нескольких лет) в вождении грузового автомобиля. Наличие указанных индивидуально-психологических особенностей и отсутствие опыта вождения обуславливали низкий уровень готовности Х. к выполнению функций по управлению автомобилем (и особенно в сложных дорожно-транспортных условиях). В исследуемый период Х. обнаруживал признаки состояния эмоционального стресса. Все вышеуказанные факторы обуславливали высокие значения времени реакции Х. (в пределах 1,4 с). Вместе с тем, учитывая изложенное, при своевременном обнаружении опасности Х. мог предотвратить столкновение, применив торможение, маневр вправо или одновременный маневр вправо с торможением. Причиной несвоевременного обнаружения испытуемым опасности могли явиться как отвлечение внимания от управления автомобилем, так и возможное ослепление.

Представляет интерес пример, демонстрирующий действия опытного профессионала в ситуации внезапно возникшей опасности в ситуации выраженной неопределенности. Несмотря на то, что комиссией по расследованию летного происшествия ответственность за случившееся была возложена на него и членов экипажа, его действия в крайне сложных условиях при выраженном дефиците времени на принятие решения и его реализации были адекватны ситуации, целенаправленны, целесообразны и мотивосообразны. Заключение эксперта было учтено следствием.

Пример 28. Из материалов дела известно, что в аэропорту г. Н. при взлете потерпел катастрофу самолет АН-12, пилотировавшийся экипажем капитана К.В.

Обстоятельства летного происшествия. Согласно имеющимся данным, аэродром Н. находится в высокогорной местности (870 м над уровнем моря). В момент выполнения взлета температура воздуха составляла +28 градусов С; отмечалось низкое атмосферное давление (685 м рт. столба). Воздушная и навигационная обстановка в районе полетов – простая; помех от других ВС не было. Диспетчером был дан взлетный курс 135 градусов. Первая половина разбега протекала штатно. На 43” командир корабля осуществил подъем носового колеса. После 1,5” нахождения в воздухе самолет вновь коснулся колесами ВПП. При этом его скорость составляла 245 км/час. Причиной прекращения взлета послужило обнаружение командиром препятствия в конце ВПП высотой 26 метров (земляной вал – 18 м и линия электропередач на его гребне – 8 м). Самолет продолжал движение по ВПП с незначительным уклонением влево от оси полосы, постепенно притормаживая. После схода с концевой полосы безопасности (50 м), самолет на скорости примерно 160 км/час столкнулся левой консолью с земляным валом, в результате чего консоль стала разрушаться. Имея запас скорости, самолет вышел на гребень земляного вала и кабиной штурмана сбил бетонный столб ЛЭП. При пересечении железнодорожного полотна была оторвана правая нога шасси, через 30 метров – передняя. Через 240 метров от торца ВПП самолет остановился, взорвался и сгорел. В результате катастрофы погибли 6 членов экипа-

жа, 30 пассажиров, а командир корабля К.В. и 4 пассажира получили травмы различной тяжести.

Полет, завершившийся катастрофой, был вторым за день у экипажа К.В. (через 3 часа 12 минут после первого полета).

По данным протокола радиообмена и внутренних переговоров экипажа капитана К.В., диспетчером был дан «исполнительный 135 градусов». После запроса командира корабля диспетчер предложил на выбор курсы 135 или 315 градусов. Выдав командиру корабля (по его запросу) данные о ветре и получив от него ответ о курсе 135 градусов («получается 135 градусов»), диспетчер разрешил взлет в данном направлении. После проверки всех систем, в 47'35" командир корабля дал команду на взлет. В 48'27" штурман произнес фразу «сама... эх, черт», после чего отмечены резкие нажатия на кнопку СПУ. В 48'28" (на 55-й секунде после начала разбега) К.В. подал команду «с упора внутренние», в 48'30" (на 57 секунде) – «внешние», в 48'35" (на 61-й секунде) – «аварийное флюгирование внешних» (что было выполнено в 48'39"). В 48'43" штурман доложил о скорости самолета («180»). В 48'47" зафиксировано кратковременное нажатие кнопки СПУ, после чего переговоры прекратились. Данные расшифровки свидетельствуют, что продолжительность полета составила 1 минуту 12 секунд. Таким образом, самолет прошел по ВПП: до момента отрыва – 1984 м; до подачи команды: «с упора внутренние» - 2450 м; «внешние» - 2722 м; «аварийное флюгирование внешних» - 2988 м. За пределы полосы, длина которой составляет 3300 м, самолет выкатился на скорости 180 км/час. Из отчета летной подкомиссии следует, что ВПП с горизонтальной плоскости неровная. Со взлетным курсом 135 градусов КТА ниже начала полосы на 13,7 м, а конец – ниже на 4 м. Концевая полоса безопасности составляет 50 м, за ней – на расстоянии 160 м от торца ВПП находится естественное препятствие в виде земляного вала высотой 18 м, образовавшееся при выброске грунта входе строительства аэродрома. Аналогичное превышение рельефа проходит по границе боковых полос безопасности слева – длиной 150 м и справа – длиной 50-70 м. Сомкнувшись, они образуют своеобразный тупик. У подножия вала (в 150 м от торца ВПП) размещено оборудование ПРМГ, отмаркированное в ярко-красный цвет. В левой части концевой полосы безопасности земляной вал имеет уклон 30-35 градусов...

Согласно документам, командиру борта К.В. не были представлены аэронавигационные данные по аэродрому Н.

Из «Инструкции по производству полетов аэродрома Н. следует, что взлет воздушных судов 1 и 2 класса с МК взлетным = 135 градусов запрещается (АН является самолетом 2 класса).

По имеющимся данным К.В. последним квартальным медосмотром (08.06.1992) был признан здоровым и допущен к полетам. В ходе предпоследнего медосмотра (14.07.1992 в 08.40) установлено, что жалоб на здоровье К.В. не предъявляет, эмоциональное состояние обычное. Речь и дыхание без особенностей. Температура тела – 36,4 градусов С. Пульс = 78 уд/мин. АД = 120/80 мм рт. столба. К полету допущен.

По мнению комиссии по расследованию катастрофы, К.В. и его экипаж в целом были способны выполнить поставленную задачу. Однако после передачи экипажа в распоряжение другого соединения, подготовка к воздушным перевозкам с аэродрома Н. была проведена не в полном объеме. Это привело к тому, что К.В. оказался психологически не готовым к строгому выполнению летных законов в особых условиях вывода войск, к самостоятельной работе с полным отрывом от части, а это, в свою очередь, привело к значительному снижению надежности по выполнению задания в экстремальных условиях. Учитывая условия, ухудшающие взлетные характеристики (высокая температура воздуха, большое превышение аэродрома, предельная взлетная масса и др.) и вышеуказанные особенности, по мнению комиссии, следует снижение уровня психологической подготовлен-

ности командира экипажа к действиям в экстремальных условиях, принятие поспешного решения на прекращение взлета и вялым действием в процессе торможения.

Из заключения по результатам психологического анализа следует, что в момент принятия решения командир корабля: понимал сложные условия взлета (горные условия, высокая температура, большой взлетный вес, относительно менее мощные двигатели – суммарная мощность АИ-20К на 1000 э.л.с. меньше по сравнению с двигателями АИ-20М); ощущал вялую динамику самолета от начала разбега; ощутил неожиданно большую высоту препятствия при переносе взгляда на горизонт в момент отрыва; испытывал неуверенность в возможностях самолета для энергичных эволюций по преодолению препятствия; а также испытывал резко выраженный дефицит времени для принятия решения в сочетании с высокой степенью ответственности. Учитывая принижение точки отрыва самолета относительно верхней кромки препятствия (на 30-34 метра), повышенную прозрачность воздуха в сочетании с «маревом» над ВПП, неровность рельефа полосы, резкое изменение направления взгляда от «вперед - вниз» относительно горизонтали и «вперед – вверх» характерно восприятие увеличенными (по сравнению с реальными) вертикальных размеров с размыванием их контуров, переоценка их высоты на 10 – 50% и более. Кроме этого, отмечалось рассогласование выработанных рефлексов на время разбега с реальным временем вследствие условий взлета, большого взлетного веса и особенностей силовых установок самолета, что могло создать ощущение критической недостаточности тяги силовых установок и привести к решению на прекращение взлета. Сочетание указанных факторов создало у К.В. ощущение несоответствия возможности вертикального маневра с высотой препятствия и послужило основой для принятия решения на прекращение взлета. Следовательно, решение на прекращение взлета обусловлено сложностью ситуации и психологическими закономерностями ее восприятия и оценки...

...В процессе предварительного следствия К.В. сообщил, что в течение двух недель перед вылетом в командировку работал без выходных. По его просьбе экипажу был предоставлен выходной день и вылет перенесли на один день. Конкретная задача экипажу не была поставлена. По прибытии на место К.В. не получил данных по аэродрому Н. и был, по его словам, вправе отказаться от полета, но не сделал этого. На аэродром Н. сели нормально, без сложностей. Во время разбега наблюдал за осевой линией. Когда перевел взгляд, то увидел перед собой «гору и что-то блестящее на ней». Понял, что на таком расстоянии и при данной скорости не сможет перелететь ее. Из-за отсутствия высоты и скорости не мог убрать шасси и поэтому принял решение посадить самолет. Понял также, что из-за препятствия на полосе остановить самолет не сможет; увидел слева грунтовую дорогу и решил свернуть. Ни он, никто другой из членов экипажа спиртные напитки в этот день не употреблял.

В ходе дополнительного допроса К.В. пояснил, что время полета до препятствия составило бы 15-16 секунд, а время уборки шасси – 15-20 секунд, т.е. до препятствия самолет летел бы с выпущенными шасси, что уменьшило бы запас высоты... Учитывая 30-летний срок эксплуатации самолета, 4 капитальных ремонта, мощность двигателей, которая отличалась от первоначальной, запаса высоты, рассчитанного экспертами по изначальной документации, у него не было. Кроме того, как летчик, К.В. «с уверенностью утверждает», что за несколько секунд «на глаз» с расстояния более 1000 м определить точную высоту невозможно. Согласен, что главной причиной прекращения взлета стал психологический фактор...

...В процессе экспертного исследования К.В. контактен, подробно рассказывает о себе и случившемся, заинтересованно выполняет предлагаемые задания. Фон настроения адекватен ситуации.

Летный стаж – 12 лет. Летал на самолетах Л-29, Ан-24, Ан-26, Ан-12. Последние 9 лет постоянно летал на Ан-12.

Говоря о случившемся, испытуемый отметил, что в течение почти трех месяцев (апреля до середины июля) у его экипажа была напряженная работа в «горячих точках». Работали практически без выходных. В этот период происходили кадровые и структурные изменения в авиачасти, где он служил. Также сложились напряженные отношения с начальством. Июнь был самым тяжелым месяцем для К.В.а («две недели не мог сходить в баню, работали вообще без выходных; ночного отдыха практически не было – постоянные подъемы»). Чувствовал себя «усталым, загнанным», «силы были на пределе», появилась апатия, нежелание летать. В субботу, накануне получения приказа о командировке, во время руления зацепил стоявший рядом самолет. Узнав о предстоящей командировке, добился от командования предоставления экипажу одного дня отдыха. Лететь должен был на другом самолете, так как после субботнего инцидента его самолет не был готов к вылету. Хотя ранее на нем не летал, знал, что данный самолет – «самый слабый из имевшихся»; последние 8 месяцев он находился на ремонте. Экипаж был «сборный»: из его (К.В.) экипажа были только ПКК и радист. Штурман и старший борттехник ни разу не летали с К.В. С борттехником по АДО испытуемый ранее летал, но в течение последнего года тот работал в другом экипаже. С механиком также несколько раз летал, но «не в последнее время». В понедельник утром вылетели по маршруту. Почувствовал, что самолет «еле ползет». По прибытии на место К.В. выяснил, что утром следующего дня должны будут лететь в Н. для эвакуации семей военнослужащих (узнал это перед ужином). Вечером штурман сообщил, что раньше в Н. была короткая ВПП. Запросили данные по аэродрому, однако полной информации не получили, т.к. нигде не было исчерпывающих данных, поскольку аэродром достраивался после распада СССР. Перед полетом К.В. выпался, чувствовал себя «нормально». Отмечает «собранность, деловой настрой». Вновь затребовал данные по аэродрому, но их не было (в том числе и в Москве). Полет и посадка в Н. протекали штатно. По прибытии, в штабе установили порядок работы, составили график. Поскольку обстановка на аэродроме была «на грани боевой напряженности», вокруг самолета установили охрану... На аэродроме люди со слезами на глазах» просили вывезти их. Должен был по списку забрать «двадцать с небольшим человек». После их размещения, после уговоров и слез, взял еще пассажиров (всего 34 человека), хотя и не хотел этого делать. Непосредственно перед вылетом штурман был у диспетчера... Когда выруливали на ВПП, диспетчер дал курс 135 градусов. Вырулив, опять связались с диспетчером, и он сказал, что могут занимать любой курс (135 или 315 градусов). К.В. запросил данные о ветре. Получив информацию, сопоставил с тем, что «самолет «слабый», температура воздуха высокая, пассажиров много, высокогорье», поэтому и сообщил, что готов взлетать с курсом 135 градусов. Диспетчер разрешил взлет в этом направлении. Отпустив рывком тормоза, на полной мощности начали разбег. Все происходило штатно. Когда «нырнули в яму», «выбрал на себя» рули высоты. Самолет летел «еле-еле». Когда начал докладывать штурман, К.В. перевел взгляд на горизонт и увидел, как ему показалось, «скалу метров семидесяти высотой и яркую красно-белую маркировку». По словам испытуемого, он «опешил». Чувствовал, что «скорость не растет, понял, что преграду перелететь нельзя». Посадил самолет. Осуществлял торможение винами. Кинестетически ощущал падение скорости примерно до 200 км/час. Видел вокруг вертикальные стены и только слева – «то ли дорогу, то ли промоину». Решил туда направить самолет. Дал указание зафлюгировать внешние двигатели. Второй и третий работали в режиме торможения. Не стал сразу их флюгировать, т.к. боялся, что не сможет вывести самолет на дорогу из-за потери скорости. Все время ожидал удара с горой. С помощью рулежного управления уходил влево на дорогу. Когда фюзеляж прошел в «промоину», дал указание флюгировать внутренние двигатели. Краем глаза заметил руку борттехника, потянувшуюся к рукоятке. К.В., по его словам, не передавал эту команду по СПУ, т.к. в это время правой рукой осуществлял руление, а кнопка СПУ также находится в зоне действия правой руки. В этот момент левой консолью зацепил бруствер, отчего произошло разрушение крыла. От удара «полетел» вперед (полагает, что растянулся или сломался замок ремней безопасности), потерял

управление. Видел, как промелькнул столб, затем самолет начал заваливаться. К.В. очнулся от того, что задыхался. Кругом было много дыма. Почувствовал, что у него течет кровь. Пытался дотянуться до аварийного люка, но не смог. Начал разбивать ногой стекло, которое затем добивал рукой. Когда пытался вылезти, кто-то помог ему выбраться из самолета. К.В. помнит, что крикнул: «Бейте стекла, спасайте людей!» Очнулся уже в госпитале.

К.В., анализируя сложившуюся во время взлета ситуацию, считает, что перелететь препятствие не смог бы, поскольку скорость не росла. Шасси он смог бы убрать не ранее, чем преодолев 500 м (для набора необходимых скорости и высоты). Именно поэтому решил садиться и «искать выход по ходу дела». Испытуемый также считает, что применение аварийного торможения при скорости 240 км/час и при большой загрузке самолета привело бы к взрыву колес, потере управления (юзу) и столкновению с вертикальной стеной, расстояния до которой не знал. В тот момент также «подумывал» о возможности резкого разворота, однако понял, что это невозможно, поскольку на большой скорости произошли бы разрушение стойки переднего колеса, потеря управления и пожар. Кроме того, вокруг не было «равнины», вертикальные стены образовывали тупик. Единственной возможностью уйти от столкновения с вертикальной стеной был выезд на «грунтовую дорогу» слева, которую заметил, произведя посадку, для чего и применял рулежное управление. Торможение педалями начал осуществлять, когда скорость упала до 210-200 км/час (на приборы не смотрел, исходил из кинестетических ощущений). Считает, что смогли бы избежать тех последствий (даже после разрушения левого крыла), если бы на гребне вала не было железнодорожного полотна...

...I. По результатам психодиагностического исследования установлено, что зрительное восприятие на фоне помех у К.В. характеризуется высокой скоростью и точностью (Мюнстерберг). Испытуемый выявляет полнезависимость, о чем свидетельствуют как абсолютный, так и относительный показатели (соответственно, 26 и 2.99, ТЗФ Готтшальда). Это обуславливает достаточно высокий уровень выполнения профессиональных функций в сложных условиях деятельности.

Внимание устойчиво, концентрировано, хорошо распределяется. Отмечается высокая точность и продуктивность внимания. Колебания точности (на протяжении 15 минут) незначительны ($0.97 = 1.00$), с периодичностью в 3 минуты. Выход на плато – к концу 6-й минуты (Бурдон). Переключение внимания развито достаточно (Шульте). На фоне сильных гомогенных помех наблюдается увеличение времени переключения внимания ($t = 149''$ при $T1 = 56''$, $T2 = 45''$, Шульте-Горбов).

Динамика непосредственного запоминания словесного материала – 8-8-10; отсроченное воспроизведение (спустя 4 часа) – 9 слов. Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм, отсроченное) – в пределах нормативного диапазона. Пиктограммы адекватны, атрибутивны, формальны, упорядоченно расположенные, что свидетельствует об отсутствии дефекта в интеллектуальной сфере.

На это также указывают результаты решения серий графических задач нарастающей сложности – соответственно среднему уровню интеллектуального развития ($IQ = 97$, Кэттелл); результаты теста комбинаторных способностей (отсутствие ошибок, выполнение задания быстрее установленного времени). К.В. успешно справился с 4-мя сериями (из 5-ти) задания на исследование скорости протекания мыслительных процессов.

Решение серий эргономических задач показало, что испытуемый склонен к достаточно глубокому анализу условий задач, правильному построению в уме предполагаемой совокупности действий. Вместе с тем, стратегия их решения небезупречна: ни одна из предложенных 4 задач не была решена соответственно главному принципу. Средняя скорость решения эргономической задачи сопоставима со скоростью выполнения вербальных заданий ($64''$ и $67''$ соответственно).

Исследования типологических свойств нервной системы (по Стреляу) показало силу процессов возбуждения и торможения (73 и 72), подвижность нервных процессов (72) и их уравновешенность (1.01). Это обуславливает темперамент по сангвиническому типу. По данным ЕРІ, К.В. активен, общителен, энергичен, эмоционально устойчив.

Результаты 16-PF Кэттелла свидетельствуют о наличии у испытуемого таких особенностей, как прагматичность, реалистичность, спокойствие, уверенность в себе, интерес к окружающим, ориентация на социальное признание, стремление к доминированию в группе, к руководству нижестоящими.

На общительность, отзывчивость, энергичность, настойчивость, целенаправленность, уверенность в себе, устойчивость установок, ценностей и интересов указывают результаты ММРІ. По данным опросника Леонгарда, К.В. активен, общителен, выявляет повышенную эмоциональную чувствительность.

Уровень реактивной тревожности умерен, что свидетельствует об адекватности восприятия и оценки экспертной ситуации. Уровень личностной тревожности несколько повышен – соответственно профессии (Спилбергер-Ханин).

Сила влияния на внешнюю среду (уровень субъективного контроля) умеренна. К.В. склонен связывать происходящие с ним события со своими личностными особенностями, способностями, усилиями, т.е. рассматривает их как результат собственной деятельности. Это в первую очередь относится как к сфере достижений и неудач, так и к производственным и семейным отношениям. Подобная позиция приводит к высокой степени ответственности, активности, последовательности в действиях и поведении, осмотристельности, уверенности в себе (УСК).

В конфликтных и затруднительных ситуациях К.В. не склонен к агрессивным реакциям. Выявляет тенденцию к некоторому снижению собственной активности, направленной на преодоление препятствий. Подверженность состояниям фрустрации для него не характерна (Розенцвейг, Басс-Дарки, Боухал).

Выраженной склонности к риску у испытуемого не имеется (Шуберт). Отмечается относительный баланс между мотивациями достижения успеха и избегания неудач (Элерс)...

... II. *Анализ психического состояния К.В. в исследуемой ситуации* (по данным его самоотчета) указывает на преобладание таких переживаний, как испуг, внезапность, ощущение угрозы, опасности, беспокойство, неопределенность. Отмечались при этом напряженность, активность, готовность действовать.

По данным шкалы Курганского, перед взлетом у К.В. отмечались высокий уровень напряжения, дискомфорт, умеренный эмоциональный тонус и уровень психической активации. Иными словами, состояние выявляло признаки операциональной психической напряженности.

На этапе появления преграды в поле зрения К.В. усиливается ощущение дискомфорта при умеренно выраженном психическом напряжении, активации и эмоциональном тонусе. По данным СУПОС-8, уровень напряженности, удрученности и депрессивности существенно отличается от диапазона значений, характерных для обычного состояния (меньше $M \pm \sigma$)

После посадки самолета и в ходе попытки избежать столкновения с препятствием сохраняется умеренный уровень психического напряжения, активации и эмоционального тонуса. Усиливается вовлеченность в ситуацию. По данным СУПОС-8, нарастает психическая напряженность.

Ретроспективный анализ психического состояния К.В.а в исследуемой ситуации (в динамике, на 2-х этапах ее развития, по 34 параметрам, по ОРДПС) показал следующее.

Накануне вылета в командировку цветоассоциативный образ психического состояния К.В. коррелировал с апатией (0.98), заторможенностью (0.86), переживанием неопределенности (0.79), отчаянием (0.52). Испытывал потребность в спокойной и комфортной обстановке. Отмечались тревога, возбуждение и растерянность, вызванные разочарованием в возможности достичь успеха, истощение и непреодолимость дальнейшего возбуждения, упадок сил.

Непосредственно перед вылетом к месту командировки у К.В. отмечались потребность в преодолении препятствий (0.83), «прилив сил» (0.71), решительность (0.57), мобилизация (0.48), собранность (0.43), напряженность (0.43). Наблюдалось стремление, несмотря на усталость и повышенные к нему требования, преодолеть трудности и упрочить свое положение.

Перед вылетом в Н. цветоассоциативный образ психического состояния К.В. обнаруживал тесную связь с дискомфортными переживаниями (0.81), мрачными предчувствиями (0.55), напряженностью (0.40). Пытался подавить неуверенность, тревогу и беспокойство в усиленной активной деятельности, ориентированной на успех.

По прибытии в Н. у К.В. отмечались переживание безвыходности (0.67), раздражение (0.45), растерянность (0.40).

Во время пребывания в Н. цветоассоциативный образ психического состояния К.В. коррелировал с ощущением опасности (0.81). Был насторожен, тщательно обдумывал и приспособлял к ситуации свои решения, контролировал реакцию окружающих на свои действия. Стремился упрочить свое положение, несмотря на неблагоприятную обстановку. У испытуемого отмечались неуверенность, тревожность, напряженность, утомление.

Перед взлетом, во время проверки систем ВС, переговоров с диспетчером, цветоассоциативный образ психического состояния К.В. обнаруживал тесную связь с раздражением (0.64), растерянностью (0.52), мрачными предчувствиями (0.48), но решительностью (0.40). Был готов к деятельности, ориентирован на успех, хотя и испытывал тревогу и беспокойство.

Во время разбега по ВПП цветоассоциативный образ психического состояния К.В. коррелировал с апатией (0.98), заторможенностью (0.76), переживанием неопределенности (0.67), сомнениями (0.48), раздражением (0.50). Отмечались истощение, упадок сил.

Когда увидел препятствие и почувствовал, что преодолеть его самолет не в состоянии, цветоассоциативный образ психического состояния К.В. обнаруживал тесную связь с активностью (0.95), готовностью действовать (0.95), тревогой (0.95), бдительностью (0.86), собранностью (0.86), мобилизацией (0.67), решительностью (0.64), переживанием внезапности (0.52) и опасности (0.48). Чувствовал, что не в состоянии справиться с возникшими трудностями и что ему необходимо максимально использовать существующие обстоятельства.

При осуществлении посадки у К.В. отмечались «прилив сил» (0.98), решительность (0.90), мобилизация (0.88), бдительность (0.74), собранность (0.69), готовность действовать (0.60), волнение (0.52), потребность устранить угрозу (0.50), информационная перегрузка (0.40). Стремился действовать осторожно с целью достижения максимально выгодного положения. Испытывал тревогу в связи с возникшими препятствиями. Пытался во всем следовать своим убеждениям, избегая давления со стороны ситуации.

До момента столкновения цветоассоциативный образ психического состояния К.В. коррелировал с активностью (0.98), готовностью действовать (0.98), тревогой (0.93), собранностью (0.88), бдительностью (0.81), решительностью (0.81), напряженностью (0.76), переживанием опасности (0.52). Чувствовал, что, несмотря на активность, неспособен справиться с ситуацией, пытался максимально использовать существующие обстоя-

ва. Был возбужден, насторожен. Все это обуславливало рискованное поведение, попытки использовать любую возможность для достижения цели.

В момент столкновения с преградой и потери управления на достаточно высоком уровне сохранялись активность, готовность действовать, собранность, бдительность (0.60 ÷ 0.76). Появились страх (0.50), беспокойство (0.40), ощущение угрозы (0.64), отчаяние (0.45).

Таким образом, психическое состояние К.В. в период возникновения нештатной ситуации может быть квалифицировано как сильно выраженная психическая напряженность операционального типа. В отличие от эмоциональной напряженности, указанное состояние характеризуется мобилизующим влиянием на сознание и психическую деятельность человека, их активацией (в том числе оперативного мышления) и в течение относительно продолжительного времени препятствует распаду структуры деятельности.

Примечание: в скобках указаны значения коэффициента корреляции.

III. *Анализ ситуации, предшествовавшей исследуемым событиям*, показал следующее:

- за несколько месяцев до случившегося произошли изменения в структуре и составе части, в которой служил К.В.;
- у К.В. возникли определенные сложности в отношениях с руководством;
- в течение последних двух месяцев резко возросла как физическая, так и психическая нагрузка на К.В. (работа с минимумом выходных дней, в районах межнациональных конфликтов);
- последние 2 недели К.В. работал без выходных дней, неоднократно в ночное время вызывался к месту службы;
- все это усугубляла бытовая неустроенность (4 переезда с квартиры на квартиру за 4 года).

Указанные факторы обуславливали возникновение у К.В. длительного состояния психической напряженности (стресса). Материалы дела и результаты исследования дают основания полагать, что к моменту направления К.В. в командировку в динамике психической напряженности (стресса) наступала фаза истощения. Об этом свидетельствуют появление хронического утомления, депрессивных переживаний, а также серьезных ошибок при выполнении достаточно простых операций и действий (в частности, касание другого самолета во время выруливания за день до вылета в командировку).

IV. *Анализ ситуации, непосредственно предшествовавшей катастрофе*, свидетельствует, что:

- К.В. был направлен в командировку без постановки конкретных задач (в распоряжение командования по месту командировки);
- ему был предоставлен самолет, на котором он не летал, и который только что прошел капитальный ремонт. К.В. был наслышан об этом самолете, как о «самом слабом» в подразделении;
- экипаж ВС не был «слетан», поскольку сформировался непосредственно перед вылетом в командировку (с некоторыми членами экипажа К.В. вылетал впервые, с другими — долгое время не летал);
- перед вылетом в Н. ему не были представлены аэронавигационные данные об аэродроме;
- вылет (из Н.) является вторым за день (спустя 3 часа 12 минут) после первого полета);
- обстановка в районе аэродрома Н. была напряженной;

- вследствие настойчивых уговоров и слез К.В. взял дополнительных пассажиров на борт ВС;
- диспетчером, после того, как он дал взлетный курс, была предоставлена возможность К.В. самому выбирать курс, исходя из конкретных условий (скорости и направления ветра, температуры воздуха, характеристик СУ самолета, его массы и т.п.);
- после подъема самолета в воздух К.В. обнаружил впереди по курсу препятствие значительной высоты, преодолеть которое, по его мнению, исходя из скорости, особенностей силовых установок самолета, его массы и метеорологических условий, он не смог бы;
- для исследуемой ситуации характерны также резко выраженный дефицит времени (20" с момента восприятия препятствия и до столкновения с земляным валом) и рост информационной перегрузки.

Таким образом, ситуация, непосредственно предшествовавшая авиакатастрофе, характеризуется с самого начала высокой степенью неопределенности, динамичностью, наличием мощного фрустрирующего фактора (в виде реальной физической преграды), стремительно нарастающей информационной перегрузкой, дефицитом времени. В связи с этим ее следует квалифицировать как экстремальную, предъявляющую человеку, управляющему движущим объектом, предельно завышенные требования.

V. Анализ психического состояния К.В.а, его действий и поведения в исследуемой ситуации показал следующее.

- у К.В. во время разгона самолета отмечалось рассогласование ранее выработанного рефлекса на время разбега с реальным увеличившимся вследствие условий взлета, большого веса самолета и особенностей его СУ, что могло создать ощущение критической недостаточности тяги СУ;
- испытуемый выявляет признаки значительной переоценки высоты препятствия вследствие особенностей зрительного восприятия вертикальных объектов в имевших место условиях;
- с учетом особенностей СУ самолета и метеорологических условий, это приводит к оценке К.В.преграды как непреодолимой и решению на прекращение взлета;
- непосредственно перед восприятием препятствия, во время разбега по ВПП, у К.В. не исключается кратковременное снижение уровня активности вследствие особенностей ситуации (в частности ее неопределенности), хронического утомления и психической перегрузки;
- после посадки К.В. анализируются различные варианты выхода из сложившейся ситуации (аварийное торможение, резкий разворот, продолжение движения в направлении грунтовой дороги (пологого склона) с последующим выходом на нее и на гребень земляного вала при постепенном торможении) и выбирается последний вариант;
- К.В. последовательно и целенаправленно действует в соответствии с этим планом (дает команду по флюгированию внешних двигателей, осуществляет постепенное торможение с помощью внутренних двигателей и педалей, производит ручное руление, выводит самолет на пологий склон, дает указание на флюгирование внутренних двигателей, не выполненное в связи со столкновением с препятствием);
- у К.В. отмечается на этом этапе высокий уровень психической активации, мобилизации, собранности, готовности действовать. Отсутствуют признаки растерянности, астенического синдрома, распада структуры деятельности, депрессивных переживаний.

Таким образом, состояние К.В. носит признаки экстремального, что было вызвано условиями взлета, предшествующим хроническим стрессом и утомлением. Наряду с психофизиологическими особенностями зрительного восприятия в имевших место условиях, это состояние могло также обусловить переоценку препятствия. Вместе с тем следует отметить, что после восприятия опасности у К.В. наблюдались высокий уровень активации, целенаправленность и целесообразность действий, их адекватность сложившейся ситуа-

ции, что позволяет квалифицировать состояние испытуемого как психическую напряженность операционального типа.

На основании вышеизложенного следует, что в исследуемой ситуации (особенно после возникновения опасности и приобретения ситуацией экстремального характера) К.В. находился в состоянии психической напряженности операционального типа. Вследствие активирующего влияния данного состояния на психическую деятельность, оно могло способствовать принятию К.В. адекватного ситуации решения и его реализации. Действия К.В. после совершения посадки носили целенаправленный и целесообразный характер, находились в соответствии с постоянно изменяющейся ситуацией, не противоречили общей направленности деятельности, ее мотивам и структуре, а потому с психологической точки зрения являлись адекватными сложившейся ситуации. К.В. не выявляет индивидуально-психологических особенностей, которые могли бы препятствовать адекватным восприятию и оценке объективной реальности (в том числе и в исследуемый период). В момент восприятия К.В. опасности размеры вертикального препятствия могли быть переоценены вследствие психофизиологических особенностей зрительного восприятия в имевших место условиях, дефицита времени и значительной скорости управляемого объекта, особенностей СУ самолета, а также предшествующих хронического утомления и психической перегрузки у испытуемого. Это привело К.В. к оценке преграды как непреодолимой и поиску иных способов выхода из сложившейся ситуации. На поведение К.В. в исследуемой ситуации могли также существенно повлиять такие индивидуально-психологические особенности, как сильный тип нервной системы, сангвинический темперамент, высокий уровень развития перцептивных, мнестических, интеллектуальных процессов и внимания, реалистичность и прагматичность, уверенность в себе, эмоциональная стабильность, развитый самоконтроль, активность, отсутствие склонности к риску, высокая толерантность (устойчивость) к стрессу.

2.6. Посмертная судебно-психологическая экспертиза.

Посмертная судебно-психологическая экспертиза или экспертиза в отношении лица, окончившего жизнь самоубийством²¹, позволяет следствию расследовать факт смерти в условиях неочевидности (суицид, несчастный случай, убийство с инсценировкой самоубийства, доведение до самоубийства).

Задача СПЭ в таких случаях заключается в установлении наличия у суицидента в период, предшествовавший смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству, а также выявление причин этого состояния.

Посмертная экспертиза – едва ли не единственное заочное психологическое исследование, поскольку проводится уже после смерти человека, а потому объектом являются «в чистом» виде материализованные источники информации о психической деятельности человека, его индивидуально-психологических и личностных особенностях как вообще, так и в юридически значимой ситуации. Однако, как мы уже отмечали выше, независимо от того, проводится ли экспертиза в отношении живого лица или исследуются продукты психической деятельности человека, покинувшего этот мир, в любом случае эксперт исследует психику, опосредованно отраженную (отображенную) в материализованных источниках информации. К таким источникам информации относятся:

- показания свидетелей, участников событий, родственников, знакомых, друзей потерпевшего;
- медицинская документация. Наибольшее значение здесь имеют подлинники или копии истории болезни, так как каждая из них обязательно содержит сведения о развитии индивида. Особое внимание необходимо обращать на записи психиатров, невропатологов, анализировать динамику заболевания (в том числе соматического);

²¹ Формулировка Ф.С.Сафуанова

- учебные, производственные и медицинские характеристики;
- личные документы и продукты творчества, в которых наиболее полно раскрывается внутренний мир исследуемого. Сюда относятся письма, дневники, записные книжки, рисунки, сочинения. Именно они нередко являются источниками информации об особенностях психического состояния человека накануне или в момент самоубийства, позволяют понять его причины;
- результаты других экспертиз (медицинских, психиатрических, криминалистических и иных).

Н.В.! Напоминаем, что эксперт не имеет права самостоятельного сбора материалов для исследования, поэтому эти документы должны быть обязательно приобщены к материалам дела.

Для обоснованного ответа на вопросы эксперты должны располагать по возможности исчерпывающими сведениями о личности погибшего, его характере, особенностях эмоционального реагирования, стиле поведения в конфликтных ситуациях, а также обо всех событиях предшествующих смерти исследуемого.

Как справедливо отмечают А.Г.Амбрумова и Л.И.Постовалова: "чтобы адекватно понять суицидальное поведение, необходимо в каждом конкретном случае ответить на два вопроса: "почему" человек совершает или намеревается совершить суицидальные действия и "зачем" он хочет это сделать.

Кроме того, как показывает практика, «заочность» СПЭ возможна не только в случае смерти человека, чья психическая деятельность (в том числе, психическое состояние) подвергается экспертному исследованию, но и в других случаях – когда субъект жив, но находится вне досягаемости следственных органов и, соответственно, экспертов, а также тогда, когда исследуются только лишь материализованные источники (письма, рисунки, аудио-видеозаписи).

***Предметом** посмертной **СПЭ** является психическое состояние суицидента, предшествовавшее самоубийству.*

***Объектами** исследования являются: информация о личности субъекта, его психическом состоянии в период, предшествовавший смерти (отраженные в материалах уголовного дела), продукты психической деятельности (письма, записки, рисунки, аудио-видеозаписи).*

Вопросами, подлежащими разрешению в рамках экспертизы юридически значимого эмоционального состояния по фактам смерти человека в условиях неочевидности, являются:

1. Было ли психическое состояние человека в период, предшествовавший смерти, предрасполагающим к самоубийству и, если оно было таковым, чем это состояние вызывалось?

2. Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать: изнасилование или такие действия, которые квалифицируются как угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству?

Рассмотрим пример «классического» случая самоубийства в длительно развивавшейся ситуации домашнего насилия. Заключение судебно-психологической экспертизы послужило основанием для направления дела в суд по ст.110 УК РФ (доведение до самоубийства).

***Пример 29.** Из постановления о назначении экспертизы известно, что в отношении Ф. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст.110 УК РФ по факту доведения до самоубийства Т. Установлено, что Ф., находясь в фактических брачных отношениях с Т., в период с августа 2007 г. по ноябрь 2009 г. применял к последней насильственные действия, выраженные в причинении телесных повреждений.*

1. Материалы уголовного дела, относящиеся к предмету экспертного исследования. Согласно заключению СМЭ, смерть Т. наступила от механической асфиксии в результате сдавления шеи петлей при повешении.

Ф. в своих объяснениях показал, что с 2004 г. сожительствовал с Т. От первого брака у нее был сын, от совместного проживания родилась дочь. На протяжении совмест-

ной жизни Ф. «часто поднимал руку» на Т., т.к. она его постоянно раздражала. Она неоднократно угрожала ему самоубийством. В августе 2007 году она предпринимала попытку суицида (побежала вместе с маленькой дочкой топить) после того, как Ф. ее в очередной раз ударил; ему удалось перехватить ее уже у реки). В 2007 году Ф. показалось, что Т. и его брат собирались вступить в интимные отношения, из-за чего он ударил брата и Т.; не рассчитав силы удара, он сломал сожительнице челюсть. Обращаться к врачам ей запретил. Ф. показывает, что после переезда в дом матери, он продолжал избивать Т., в том числе и в присутствии своей матери и ее сожителя. Сожитель матери неоднократно заступался за Т. 10.11.2009 г. во время застолья у Е-вых, Т. стала вмешиваться в мужской разговор и Ф. пригрозил ее ударить, если она не прекратит «влезать» в разговор. Она провоцировала его («мол, попробуй»). Тогда Ф. ударил ее в область рта и у нее с губ пошла кровь. Около 16 часов Ф. ушел от Е-вых, а Т. оставалась там. Примерно в 21.30 он вернулся, чтобы забрать Т. В летней кухне горел свет. Через щель в дверях увидел висевшую на веревке Т. Считает, что Т. повесилась из-за того, что он избивал и оскорблял ее; не верил в ее намерения покончить с собой.

При проверке показаний на месте Ф. подробно, в деталях описывает эпизод, когда в мае 2005 г. он избил Т. на глазах у свидетелей, после чего она простила его, но предупредила, что если он вновь будет ее избивать, она покончит с собой. Некоторое время Ф. не бил Т., однако она его не слушалась и ему «ничего не оставалось другого, как снова ее воспитывать методом “кнута и пряника”». В дальнейшем, по словам Ф., Т. «частенько» говорила о самоубийстве, тем самым «шантажируя» его, чему он не придавал значения. Подробно описывает случай, когда избил ее в ноябре 2007 года. Объясняет это тем, что не мог контролировать себя ввиду алкогольного опьянения, после чего Т. уходила ночевать к своим подругам. Об эпизоде, непосредственно предшествовавшем самоубийству Т., Ф. сообщил, что ссора возникла из-за того, что она Т. постоянно его перебивала, не реагировала на его замечания, «назло» стала оговариваться. Ударил ее по лицу, после чего она выбежала из дома. Через некоторое время на улице увидел прятавшуюся за углом Т., втащил ее в дом, положил на кровать и несколько раз ударил кулаком по лицу. Она пообещала хорошо себя вести, и он перестал ее бить. Ф. осознавал, что Т. может покончить жизнь самоубийством из-за систематических побоев с его стороны, но не верил в это, т.к. «она уже на протяжении около 5 лет терпела побои и меня не бросала и никуда не заявляла, чтобы меня привлекли к ответственности».

Из объяснения Т-ва следует, что в период, когда Т. и Ф. жили на квартире у И-ко, он неоднократно видел Т. со следами побоев (синяки под глазами, ссадины, один раз была сломана челюсть). На вопрос о том, кто ее бьет, она отвечала, что это – Ф., ее сожитель; бил он ее без повода часто. Она неоднократно говорила своему сожителю, что если он не перестанет ее бить, она покончит с собой, однако он не реагировал. После переезда в дом матери, Ф. продолжал избивать Т. Будучи пьяным, он бил Т. через день. Избиения происходили и в присутствии матери Ф. и 7-летнего ребенка Т. Свидетель неоднократно заступался за нее, однако Ф. так и не изменил своего поведения. Т.к. побои продолжались несколько лет и она их терпела, к ее словам относительно самоубийства никто серьезно не относился.

И-ко сообщила, что Т. сожительствовала с Ф. в течение 4-х лет. Он был ранее судим, злоупотребляет спиртными напитками. На протяжении всего этого времени Ф. постоянно избивал Т. без повода, на лице у нее были следы побоев. В 2007 году из-за ревности он сломал ей челюсть. Т. в больницу по поводу побоев не обращалась. Примерно за неделю до случившегося Т. с сожителем употребляли спиртные напитки у Е-вой. Около 20 часов Т. прибежала к свидетельнице и попросилась переночевать. Под глазом у нее был синяк, сама она была в истерике. Говорила, что собирается покончить с собой, что она уже не может больше терпеть побои. И-ко отговаривала ее, напоминала, что у нее есть маленький ребенок. Затем пришел Ф., требовал, чтобы Т. шла домой, но она осталась ночевать у свидетельницы. На следующий день, около 13 часов, она ушла. Затем вновь при-

шла к И-ко, чтобы спрятаться от сожителя, говорила, что сожитель опять бьет ее, но свидетельница ее непустила, сказав, чтобы свои проблемы она решала сама. И-ко заметила, что у Т. была сильно опухшей губа (как ей показалось, от удара). Т. сказал, что покончит с собой, но И-нко Е.В. ей не поверила. Через некоторое время узнала, что Т. повесилась.

М-в показал, что часто видел Т. со следами побоев на теле. С ее слов, Ф. постоянно избивал ее. Она высказывала мысли о самоубийстве, т.к. ей надоела такая жизнь, на что свидетель предлагал ей уехать к себе на родину.

Б. сообщила, что часто видела Т. со следами побоев на теле и «никому не было секретом в нашем хуторе, что указанные побои ей причинял Ф.». О том, что Т. собиралась покончить с собой, Б. не знала. «Однако то, что Т. повесилась ни для кого из нас не было новостью, поскольку рано или поздно это должно было произойти, поскольку тех издевательств, которые Ф. совершал в отношении Т. мало кто смог бы стерпеть». Свидетельница считает, что в смерти Т. «виноват только Ф., поскольку больше у Т. врагов не был, у нее был маленький ребенок, ради которого стоило жить».

Т. на учете у нарколога не состояла, также она не находилась под наблюдением врача-психиатра.

В период с 2007 – 2009 г.г. Т. за медицинской помощью в ЦРБ не обращалась.

Из характеристики на Т. следует, что она проживала на территории сельского поселения без регистрации. Нигде не работала, к трудоустройству не стремилась. Имела малолетнюю дочь, 2005 г.р., сожительствовала с Ф. Вместе с ним вели аморальный образ жизни: злоупотребляли спиртными напитками, в результате чего устраивали драки. Со слов Т. «она неоднократно избивалась своим сожителем Ф.». При посещении данной семьи на дому было выявлено, что у гр.Т. видны следы от синяков на лице и руках.

Анализ материалов уголовного дела, представленных на исследование, показал следующее.

1. На протяжении всего периода совместной жизни Ф. избивал свою сожительницу Т., в том числе и в присутствии посторонних лиц. Об этом свидетельствует сам Ф., а также практически все свидетели, опрошенные в ходе проведения дознания.

2. Т. за помощью в правоохранительные органы, в администрацию поселения, а также медицинские учреждения не обращалась, в том числе и после того, как Ф. сломал ей челюсть. При этом все свидетели видели на лице и теле Т. следы побоев. О следах побоев упоминается и в характеристиках на Т. и Ф., выданных Администрацией сельского поселения.

3. Отсутствует информация о том, что Т. проявляла в отношении Ф. агрессивное поведение, предпринимала ответные агрессивные действия (в том числе в виде защитной агрессии).

4. На протяжении длительного времени Т. высказывала намерения покончить жизнь самоубийством в связи с постоянными побоями Ф. Об этом она говорила самому Ф., значительному числу свидетелей.

5. Непосредственно в день смерти Т., 10.11.2009 г., в гостях у Е-вых между ней и Ф. произошел конфликт, в ходе которого Ф. ударил Т. и разбил ей лицо. После этого она пряталась от Ф. на улице. Когда он увидел ее и затащил в дом, бил кулаком по лицу на кровати (по показаниям Ф. и И-нко). Как следует из представленных материалов, после этого она пришла к И-нко, чтобы спрятаться от Ф., но та непустила ее. При этом И-нко видела на лице Т. следы побоев и кровь.

Из специальной литературы известно, что в ситуации насилия, особенно длительного, у человека – жертвы насилия возникает состояние сильной психической напряженности (стресса), которое может существенно повлиять на его психическую деятельность и поведение; даже однократный факт насилия может вызвать посттравматическое стрессовое расстройство. Если человек оказывается в ситуации многократно повторяющегося насилия, при этом в силу индивидуально-психологических особенностей или особенностей сложившейся ситуации, не может отреагировать на него, происходит накопление (куму-

ляция) эмоциональных переживаний в связи с этим, нарастание эмоциональной напряженности. Накопление негативных эмоциональных переживаний может продолжаться в течение очень длительного периода (до нескольких лет). Подобная длительная кумуляция эмоциональной напряженности может быть вызвана ограниченностью ресурсов так называемого совладающего поведения человека в силу его индивидуальных особенностей, например, таких как замкнутость, пассивность, инертность мышления, «застывание» на неприятностях, проблемах и трудностях, уязвимость, низкий порог фрустрации, высокий уровень личностной тревожности, слабость «Я», тенденция к уходу от конфликтных ситуаций при наличии агрессивных тенденций и многих других. Это вызывает различные варианты поведения, обусловленного мотивацией избегания. Механизм переживания длительных психотравмирующих ситуаций, связанных с физическим либо психическим насилием, как правило, заключается в «терпении», протекающем в виде депрессии невротического уровня. При этом нередко образуются аффективные комплексы, связанные с психотравмирующей ситуацией, в результате эмоциональная напряженность достигает небывало высокого уровня. Это может приводить к тому, что незначительные либо формальные, условно психотравмирующие воздействия могут вызвать истощение совладающего потенциала и привести либо к внешненаправленной агрессии в отношении источника психотравмы, насилия (по типу аффективной разрядки), либо к аутоагрессии (суицидальной попытке или оконченному суициду).

В исследуемой ситуации Т. выявляла признаки избегающего поведения, что проявлялось в пассивности, неоказании активного сопротивления насилию со стороны Ф., не обращении за помощью к представителям власти и правоохранительных органов, пассивном уходе от конфликтов (в том числе, физически - к соседям; а также в форме алкоголизации), формировании суицидальных намерений, о которых она говорила окружающим (как неявно – «устала так жить», так и однозначно – что покончит с собой). После очередного конфликта, сопровождавшегося насилием со стороны Ф., Т. предприняла суицидальную попытку (в 2007 году), предотвращенную Ф. При этом, как свидетельствуют показания А., после предпринятой суицидальной попытки Т. была возбуждена («была сильно взволнована и вся трясась»), что не характерно для демонстративной попытки.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к заключению, что ситуация, которая предшествовала самоубийству Т., носила признаки экстремальной. Об этом свидетельствуют: во-первых, длительность ситуации, в которой она являлась жертвой насилия со стороны Ф.; во-вторых, пассивность со стороны окружения; в-третьих, невмешательство милиции и представителей местных властей (притом, как следует из показаний Б.: «никому не было секретом в нашем хуторе, что указанные побои ей причинял Ф.то, что Т. повесилась ни для кого из нас не было новостью, поскольку рано или поздно это должно было произойти...»); в-четвертых, действия Ф. непосредственно в период, незадолго до самоубийства Т. Особенности указанной ситуации обусловили возникновение и развитие у Т. состояния сильной эмоциональной напряженности (стресса), которое в период, непосредственно предшествующий смерти, обусловило восприятие Т. ситуации как полностью безвыходной, что привело к истощению ее совладающего потенциала и, как следствие, к суициду. Учитывая, что Т. ранее неоднократно высказывала суицидальные намерения и предпринимала суицидальную попытку в 2007 году в связи с насилием в отношении нее со стороны Ф., а также факт насилия с его стороны непосредственно 10.11.2009 г., не исключена причинно-следственная связь между действиями Ф. (нанесение им ударов кулаками в лицо Т.) и состоянием сильной эмоциональной напряженности (стресса) у Т.

Самоубийство может быть следствием серьезного внутреннего конфликта, в котором находится человек, будучи подозреваемым в совершении преступления, независимо от того, действительно ли он совершил его или не

может доказать свою непричастность. Приведенный ниже пример представляет экспертное исследование подобного дела.

Пример 30. Из постановления о назначении экспертизы известно, что 07.06.2010 г., в период времени с 16.00 до 17.00, по адресу (приведен адрес места жительства) был обнаружен труп М-ой со следами насильственной смерти. В ходе осмотра места происшествия было установлено, что в указанной квартире нарушен обычный порядок вещей, кроме того, из квартиры похищена денежная сумма в размере 770 000 рублей, а также золотые украшения. В процессе расследования была выдвинута версия о том, что убийство потерпевшей совершил ее внук, М. 23.06.2010 г. перед психофизиологическим исследованием с использованием полиграфа М. покончил с собой, выбросившись с балкона своей квартиры, попросив перед этим прощения у своей матери.

1. Материалы дела, относящиеся к предмету экспертного исследования.

Из материалов уголовного дела № 2010458140 (в 3 томах) и медицинской документации (справка психиатра и нарколога) известно: Данное уголовное дело возбуждено 07.06.2010 г. по признакам преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ по факту обнаружения 07.06.2010 г в период времени с 16.00 до 17.00 по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Добровольского, 3/4, кв. 83, трупа Менделевской Лили Загретдиновны, 20.09.1933 г.р., со следами насильственной смерти. В ходе расследования установлено, что 07.06.2010 г. в период времени с 15.30 до 16.30 минут по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Добровольского ¾, кв. 83 обнаружен труп Менделевской Л.З., 1933 г.р. с телесными повреждениями в виде резанной раны среднего пальца правой руки, колото-резанной раны на левом предплечье вблизи шеи и множественных ран на голове. В ходе осмотра места происшествия было установлено, что в указанной квартире нарушен обычный порядок вещей, кроме того, из квартиры похищена денежная сумма в размере 770 000 рублей, а также золотые украшения.

В процессе экспертного исследования было установлено следующее. Анамнез жизни: Наследственность благоприятная. Родился единственным ребенком от 1-ого брака. Воспитывался в строгости, наркотики не употреблял, поздно домой не приходил. Рос спокойным, уравновешенным. Своевременно пошел в школу, учился хорошо, увлекался спортом. Посещал театральный кружок. В 2002 г. мать вышла замуж за М-на. Отношения М. с отчимом были хорошие, доверительные. Проживали совместно, одной семьей. Увлекался волейболом, часто ходил на тренировки. Оставил увлечение без сожаления. Окончил школу на «хорошо». С помощью отчима поступил на физический факультет университета. Учился плохо, без желания. Был отчислен за неуспеваемость. Был призван на срочную военную службу в президентский полк, без ограничений. Служил 1 год. Служба проходила без нареканий. После демобилизации работал электромонтажником на заводе. Был общительным, имел друзей, встречался с девушкой, расстался с ней перед новым годом. Последнее время стал пропускать работу, не ночевал дома, ночевал у друзей. Продолжал посещать свою бабушку, хорошо к ней относился, покупал продукты. 07.06.2010 г. обнаружил ее убитой в своей квартире, сообщил о случившемся в милицию, был неоднократно допрошен как свидетель и подозреваемый.

Свидетели характеризовали М. положительно.

Относительно поведения М. после смерти бабушки свидетели дают следующие показания. Со слов сына погибшей, его племянник М. после того, как была убита бабушка «постоянно находился в квартире и спал», «практический не выходил из квартиры»... «ничего о происшедшем не говорил, а только повторял, что он не причастен к преступлению», был «слишком равнодушным». Спустя несколько дней после смерти его бабушки, он стал уходить по вечерам к своему другу, но вел себя странно, не отвечал на телефонные звонки, отключал телефон. Согласился ехать с семьей в К-ский край, что-

бы провести родственницу, но в последний момент отказался, сославшись на то, что ему срочно нужно выйти на работу (звонил начальник). Как выяснилось, что в эти дни он на работу не выходил, кроме того, отпросился у начальника на эти же дни, а сам находился у другого родственника. После того, как мать забрала его оттуда, они поругались, М. жаловался, что его «не понимают» и ему лучше всего находиться с друзьями. 21.06.2010 г. он пошел отмечать свой день рождения и ночевать не вернулся.

Свидетель Э. сообщил, что спустя несколько дней после смерти бабушки М. стал уходить ночевать к другу Денису, но на звонки не отвечал, вел себя странно. Обманул, что не поедет в К-ский край, т.к. будет работать, а эти дни оказывается был своего родственника.

Со слов отчима, М. после убийства «бабушки» действительно находился дома и постоянно спал. На тему смерти бабушки ничего не говорил. Потом стал вечером уходить ночевать к другу – Д. Не поехал в К-ский край, говорил, что будет работать, но на работу не выходил. Свой день рождения праздновал 21.06.2010 г. «где-то», на якобы свои сбережения. Мать в кармане у него нашла 12 тысяч рублей. Несмотря на сердечный приступ у матери 21.06.2010 г. М. ушел «отмечать свой день рождения». Ночевать не пришел. 22.06.2010 г. примерно в 16.00 мать разговаривала с М., и он сказал, что находится у какой-то девушки и спит. Вернулся около 23 часов, просил у матери денег 5 тысяч рублей. Спустя полчаса он ушел из дома, взял ли он 5 тысяч рублей у матери он не знает. С 2 часов 23.06.2010 г. мать звонила М., но свидетель не знает, дозволилась ли она и состоялся ли разговор. М. вернулся домой в 8 часов утра. На вид был грустный, ничего подозрительного не было. Вместе с матерью М. вышел из квартиры и пошел на остановку общественного транспорта. Когда почти дошли до остановки, М. сказал, что забыл паспорт, поцеловал ее в щеку и пошел в сторону дома. Мать пошла за ним, подошла к квартире, у порога увидела его кроссовки. Дверь была закрыта на щеколду изнутри. Она начала стучать в дверь и говорить, чтобы М. открыл дверь, но он не реагировал. Мать пошла звонить в милицию, МЧС, просила взломать дверь. Когда она находилась у соседей, ей пришло СМС-сообщение с телефона М.: «Прости меня мамулечка, я тебя очень сильно люблю, больше всех на этом свете». Приехали работники милиции, тоже стучали в дверь. Вышла соседка и сказала, что «М. спрыгнул с балкона». Свидетель считает, что М. не причастен к убийству бабушки. Полагает, что тот узнал убийцу и ему угрожали, запугивали. В последнее время М. был очень раздражителен. Испуга у М. от необходимости пройти опрос на «полиграфе» свидетель не видел. М. не был склонен к самоубийству, он любил жизнь, был не конфликтным человеком.

Мать показала, что 22.06.2010 г. М. не ночевал дома, по телефону отвечал, что находится у девушки дома и спит. Раньше не выходил на работу (в период, когда должен был ехать с родственниками в К-ский край), объяснил, что «был с проститутками». Вернулся домой 22.06.2010 г. в 23.00, попросил 5 тысяч рублей, т.к. должен кому-то, и с деньгами ушел через полчаса. На звонки не отвечал, трубку поднял только около 5 часов, сказал, что он не пришел домой, т.к. «остался здесь», и приедет утром, т.к. ему предстоит «полиграф». Он пришел 23.06.2010 г. в 8 часов. Ничего подозрительного не заметила. Что он делал, не видела, знает, что не завтракал. При выходе напомнила ему, чтобы взял свой паспорт, вместе поедут на «полиграф», т.к. якобы ее об этом предупредили. Вышли вдвоем. Не разговаривали. Дошли почти до остановки, и он сказал, что забыл свой паспорт, поцеловал в щеку и пошел в сторону дома. Она отправилась за ним, т.к. «какое-то чувство заставило меня пойти за М.». По дороге звонила сотрудница МВД, напомнила, что М. ждут на «полиграфе». Объяснила ей, что скоро приедут. Подойдя к квартире, увидела кроссовки. Дверь была закрыта изнутри. Начала стучать. Слышала сильный плач М., похожий на «рев». Он на ее крики не реагировал, продолжал плакать. Выбежали соседи. Звонила в милицию. В это же время, будучи у соседей получила СМС с телефона Рената «Прости меня мамулечка, я тебя очень сильно люб-

лю, больше всех на этом свете». Сотрудники милиции также просили открыть дверь, но вскоре вышла соседка и сказала, что М. прыгнул с балкона.

Свидетель П., друг М., характеризует его положительно. Со слов М., знает, что тот посещает кафе, клубы, пробовал курить «травку», которой угощал их общий знакомый Д. Знает также со слов М., что Д. весной «посадили за наркотики», говорил, что хочет идти на суд как свидетель. Иногда М. приходил поиграть в карты, «находился в состоянии наркотического опьянения», говорил, что ему это нравится. После ареста Д., он часто менял сим-карты, т.к. опасался, что его телефон прослушивают. Встречались обычно дома. Знал, что у него есть девушка «Саша», но никогда ее не видел. Свидетель узнал о смерти бабушки М. от своей матери, потом позвонил сам М. 09.06.2010 г. М. пришел к нему домой, чтобы «помянуть бабушку». Рассказал, что обнаружил труп и узнал, что пропали деньги. Был подавлен, страха и «напуганности» не было. Говорил, что «жаль бабушку». Сказал, что он дал «согласие на детектор лжи», т.к. он - основной подозреваемый. Остался ночевать. Начиная с 11.06.2010 г. М. постоянно заходил в гости. 21.06.2010 г. он праздновал день рождения в другом месте, показывал фото «проституток». 22.06.2010 г. пригласил принять участие у себя во встрече с девушкой, с которой «можно вступить в половую связь».

Свидетель Щ. подтвердила, что она с подругой 09.06.2010 г. встретила М. и Диму и провели с ними ночь в доме у Д., за 27 тысяч рублей. Пояснила, что М. говорил, что приехал с похорон бабушки, но подробностей не говорил. Был веселый, странностей не было. Вступили в половую связь, ушли только 10.06.2010 г. Больше не встречались.

Свидетель К., сосед, показал, что в последнее время М. «увлекся наркотиками», употреблял марихуану, амфетамин. Заметил, что последнее время у него «появились хорошие солнцезащитные очки, цифровой фотоаппарат». 20.06.2010 г. М. приглашал его на свой день рождения в сауну с проститутками, но К. отказался.

Свидетель Т., официант кафе, знал М. как посетителя. 21.06.2010 г. тот в кафе праздновал свой день рождения с молодыми ребятами, с ними была одна девушка, «гулял на широкую ногу», «всех окружающих угощал».

Свидетель П-в показал, что 22.06.2010 г. М. ему звонил (за день до суицида) и приглашал в ресторан, сказал, что «вызвал опять девок». Говорил, что деньги, на которые он гуляет не его.

Свидетель Ш-ко сообщил, что М. получал не очень большую зарплату, крупными денежными суммами не располагал. Характеризует его как общительного, простого, открытого, легко входившего в доверие, немного навязчивого. В конфликты не вступал. 19.06. около 23 часов встретились в баре, пили виски (150-200 г). М. был весел, делал снимки на фотоаппарат (он был у него ранее). Затем уехали на танцплощадку, где также употребляли алкогольные напитки. О новых вещах (две пары дорогих очков (черные и желтые), майке) М. сказал, что «это – подарок друга».

Свидетель А. сообщил, что после похорон бабушки, в тот же день, М. было плохо. Спрашивал, есть ли в Ростове такое устройство («детектор лжи»), на что ему сказали, что есть. Употребляли алкогольные напитки, ночь провели в обществе двух проституток. Через несколько дней у М. появились новые джинсы, майка, две пары новых очков. О происхождении вещей говорил «невнятно», сказал, что дали аванс, а часть денег занял у друга. В тот же вечер М. и его друзья отдыхали в баре и на танцплощадке. 21.06.2010 г. отмечали день рождения М. в кафе, где он заказывал коньяк, роллы, салаты, кальян; оплачивал все М. После кафе поехали в сауну, где играли в бильярд, а затем вызвали проститутку. От проститутки узнал, что ее услуги стоят 2,5 тыс. рублей за час. Так как вдвоем с М. провели с проститутками по 2 часа, понял, что М. потратил на них 10 тыс. рублей. Поведение М. в последние дни вызывало подозрения относительно его причастности к убийству бабушки: он тратил большое количество денег на развлечения и одежду, хотя ранее у

него таких возможностей не было. При разговорах о бабушке пытался перевести тему, ссылаясь на то, что ему трудно об этом говорить...

Результаты психологического исследования.

Личность М. Из показаний свидетелей известно, что М. был спокойным, уравновешенным, доверчивым, общительным, не агрессивным человеком. После отчисления с первого курса университета (академическая неуспеваемость по причине частых болезней), отслужил в армии. С сентября 2009 г. работал на вертолетном заводе. Каких-либо странностей в поведении не отмечал. Однако известно, что в последнее время периодически употреблял наркотические вещества («травку», таблетки). Имеющихся данных о личности М. Р.А. недостаточно для отнесения его к определенному типу акцентуации (типу личности).

Анализ материалов дела позволяет выстроить следующую хронологию событий:

- 07.06.2010 г. – М. обнаружил свою бабушку убитой в ее собственной квартире;
- 07.06.2010 19.30 – допрос М. об обстоятельствах обнаружения им тела своей бабушки и подтверждение им готовности пройти проверку показаний на полиграфе;
- после убийства бабушки М. «постоянно находился в квартире и спал», «практический не выходил из квартиры»... «ничего о происшедшем не говорил, а только повторял родственникам, что он не причастен к преступлению», был «слишком равнодушным»; стал уходить по вечерам к своему другу, но вел себя «странно» - не отвечал на телефонные звонки, отключал телефон;
- 09.10.06. – «поминки» бабушки на квартире у Д., говорил, что «жаль бабушку»; был подавлен, но страха и «напуганности» не было; сообщил о своей согласии пройти проверку на «детекторе лжи». Вместе с Д. провели ночь с проститутками; М. оплатил за их услуги 27 тысяч рублей;
- начиная с 11.06.2010 г. М. постоянно ходил в гости;
- в этот период у М. появляются новые вещи (джинсы, майка, две пары дорогих солнцезащитных очков), происхождение которых он внятно объяснить друзьям не мог;
- 19.06.2010 г. отказался ехать с родственниками в К-ский край под предлогом срочной работы, хотя ранее соглашался ехать;
- с 19.06. по 22.06.2010 г. - отсутствовал на работе;
- 21.06.2010 г. в кафе праздновал свой день рождения с молодыми ребятами и девушкой («гулял на широкую ногу», «всех окружающих угощал»); после кафе вместе с другом поехали в сауну, где играли в бильярд, а затем вызвали проститутку; М. оплатил за их услуги не менее 10 тыс. рублей (две проститутки на два часа);
- 22.06.2010 г., примерно в 16.00, мать М. разговаривала с ним, он находился у какой-то девушки и, с его слов, спал;
- 22.06.2010 г. вернулся домой около 23 часов, просил у матери 5 тысяч рублей; спустя примерно полчаса он ушел из дома, взял ли деньги (5 тысяч рублей) у матери, не известно;
- 22.06.2010 г. М. звонил Д. и приглашал его в ресторан, говорил, что «вызвал опять девок»; пояснил, что деньги, на которые он гуляет, не его;
- с 2 часов ночи 23.06.2010 г. мать звонила М., состоялся ли разговор, не известно;
- домой вернулся 23.06.2010 г., в 8 часов утра; «на вид был грустный»;
- по пути на проверку по полиграфе, не доходя остановки, М., сказав, что забыл паспорт, поцеловал мать и пошел в сторону дома;
- последовавшая за ним мать обнаружила дверь запертой на щеколду изнутри, стучала, просила открыть, но М. дверь не открыл;
- из-за двери слышался сильный плач М., «похожий на рев»;
- на просьбы матери, соседей открыть дверь, М. не реагировал;
- прислал матери SMS-сообщение следующего содержания: «Прости меня мамулечка, я тебя очень сильно люблю, больше всех на этом свете»;

- непосредственно перед падением с балкона разговаривал по мобильному телефону и курил.

Как следует из работ, посвященных изучению проблем эмоциональных явлений, смерть близкого человека является самым сильным стрессогенным фактором (по шкале Холмса-Раге) и вызывает состояние сильной эмоциональной психической напряженности (стресса). Сила и глубина переживаний индивидуальны и зависят от многих факторов: внешних – степени «катастрофичности» ситуации; внутренних - силы нервной системы, эмоциональной стабильности, системы отношений (прежде всего к умершему человеку), стереотипов совладающего поведения, имеющихся у субъекта переживаний. Сильная эмоциональная психическая напряженность оказывает существенное влияние на психическую деятельность человека: на эмоциональную сферу - обуславливая интенсивные, глубокие и относительно длительные негативные эмоциональные переживания; на продуктивность психической деятельности вследствие ухудшения качества функционирования познавательной сферы (на уровне функций адекватного отображения реальности, ее осознания, функций прогнозирования действий и поведения), а также эмоционально-волевого контроля действий и поведения.

Анализ ситуации, предшествовавшей самоубийству М. свидетельствует, что независимо от его причастности/непричастности к смерти бабушки ситуация являлась для него сильным стрессогенным фактором. Это относится, в случае его непричастности, в силу утраты близкого человека, произошедшей внезапно, трагически (притом, что сам М. обнаружил тело бабушки). Если М. каким-либо образом причастен к ее смерти, - в не меньшей степени, в силу нарушения табу на убийство, совершения преступления (прежде всего, насильственного) впервые, тем более в отношении близкого родственника.

Следует также отметить, что согласие пройти проверку на полиграфе, в свою очередь может обусловить повышенную психическую напряженность в ожидании данной процедуры, независимо от причастности/непричастности к совершению преступления. Это связано с тем, что, во-первых, тема изобличения лжи с помощью технических средств (полиграфа или «детектора лжи») в достаточной степени мифологизирована на уровне обыденного сознания. Во-вторых, человек в преддверии опроса на полиграфе испытывает естественное волнение, поскольку эта процедура будет способствовать подтверждению его причастности/непричастности к расследуемым событиям. Притом, что даже если человек уверен в своей правоте, он может испытывать опасения в том, что «техника способна ошибиться», что повышает напряженность. В том случае, если человек, напротив, будучи причастным к преступлению, пытается разрабатывать линию поведения, направленного на оказание влияния на результаты исследования на полиграфе, он также будет находиться в состоянии психического напряжения. Таким образом, ситуация опроса на полиграфе в ходе расследования уголовного дела является высоко личностно значимой для опрашиваемого и, в свою очередь, обуславливает повышенный уровень психической напряженности (стресса).

Как следует из материалов дела, М. 07.06.2010 г. дал согласие на прохождение проверки на полиграфе в связи с насильственной смертью его бабушки. Это свидетельствует о том, что, помимо стрессогенных факторов, обусловленных непосредственно смертью бабушки и характером этой смерти (что описано выше), существовали стрессогенные факторы, связанные с предстоящей проверкой на полиграфе, что могло существенно усугубить стрессогенный характер ситуации, в которой находился М. после убийства его бабушки.

Выше отмечалось, что стрессогенная ситуация может вызвать у человека состояние психической напряженности (стресса), которое может повлиять на психическую деятельность и поведение. Как показывает психологический анализ, поведение М. Р.А. в исследуемый период обнаруживало ряд особенностей. Во-первых, выявлялся сниженный фон настроения, эмоциональные переживания в связи со смертью бабушки (что отмечают многие свидетели). Во-вторых, это – «избегающий» характер поведения: М. пытался не

затрагивать тему смерти бабушки в разговорах (прежде всего, со своими родственниками); демонстрировал преувеличенное спокойствие, вплоть до сонливости; отказался ехать со всеми родственниками в К-ский край, ссылаясь на срочную работу (при этом отпросился с работы на тот же период); неоднократно не ночевал дома; «ушел в загул» - проводил время с друзьями в увеселительных заведениях, общался с проститутками и т.д. Если судить по материалам дела, подобное поведение не было характерным для М. При этом обращает внимание, что действия М. (дорогие покупки, посещение увеселительных заведений, оплата счетов, а также услуг проституток) не соответствовали ситуации (по словам самого М., он являлся главным подозреваемым по делу), более того, могли в глазах окружающих косвенно свидетельствовать о его причастности к смерти бабушки. Вероятным объяснением подобного поведения могла явиться также конфликтность ситуации: по мнению ряда родственников, в частности сына погибшей, М. был причастен к убийству своей бабушки. Если исходить из непричастности М. к убийству, подобные подозрения и, соответственно, отношение к нему могли обусловить отказ от поездки с родственниками в К-ский край, стремление реже бывать дома. Также это могло вызвать протестный характер поведения (по типу вызова) на фоне снижения прогностической функции (вследствие переживаемого эмоционального стресса).

Еще одной особенностью исследуемой ситуации являлась, в определенной степени, ее «конечность» - проверка на полиграфе могла подтвердить подозрения в отношении М. или, наоборот, снять их с него. Поэтому 23.06.2010 г. являлось для него тем самым пределом, «моментом истины». Наличие барьеров (реальных или мнимых, но воспринимаемых человеком в качестве реально существующих) придает ситуации фрустрирующий (блокирующий) характер, что в свою очередь способно вызвать состояние фрустрации (безвыходности).

Состояние фрустрации характеризуется наличием у человека стимулированной потребности, не нашедшей своего удовлетворения. Среди причин возникновения фрустрации, в частности, выделяются фиаско (неудача), переживания неадекватности, разочарования в себе. Фрустрация существенно влияет на деятельность, резко увеличивая уровень активации (вплоть до нервозности), эмоциональное возбуждение; придает поведению выраженный агрессивный характер; усиливает его импульсивность, снижает волевой контроль над ним (при наличии уверенности в себе, ощущении силы). Одним из вариантов поведения в состоянии фрустрации является истинный суицид.

Применительно к М. необходимо отметить следующее. В сложившейся ситуации он испытывал выраженную потребность снять с себя подозрения (независимо от причастности/непричастности к преступлению). Эта потребность была блокирована рядом обстоятельств. Во-первых, подозрениями родственников, в том числе в связи с фактом ранее совершавшейся М. кражи незначительной суммы денег из той же квартиры и из того же шкафа; во-вторых, «избегающим» характером поведения; в-третьих, вызывающим поведением, сопровождавшимся материальными тратами, при отсутствии адекватного объяснения происхождения денег; в-четвертых, приближением даты опроса на полиграфе. Наконец, причастность к преступлению (если это соответствовало действительности) также могла являться в данной ситуации основным фрустратором. Указанные факторы обуславливали восприятие М. ситуации в качестве безвыходной и непосредственно в период, предшествовавший самоубийству, вызвали у него состояние фрустрации (безвыходности).

Анализ состояния и поведения М. в период, непосредственно предшествовавший смерти. О том, что М. находился в состоянии фрустрации (безвыходности) в указанный период, помимо характера ситуации, свидетельствуют: а) по существу бегство от матери, сопровождавшей его для прохождения опроса на полиграфе; б) блокировка входной двери изнутри, что исключало возможность проникновения матери и иных лиц в квартиру; в) эмоциональное возбуждение и импульсивность реакций (сильные рыдания, переходящие в «рев»); г) отсутствие контакта с матерью и соседями, стучавшими в дверь и просившими

открыть ее; д) эмоционально окрашенная, выражающая чувство вины «предсмертная записка» в виде SMS-сообщения; е) завершённый истинный суицид (выбросился с балкона).

Результаты психологического исследования свидетельствуют, что в период, предшествовавший смерти, М. выявлял признаки состояния острой фрустрации (безвыходности). На это указывают: фрустрирующий характер ситуации к моменту суицида, особенности поведения М. в этот период. Между состоянием острой фрустрации, в котором находился М., и суицидом имеется причинная связь. Однозначно решить вопрос о том, чем могло быть обусловлено состояние острой фрустрации у М. не представляется возможным в силу заочного характера посмертного экспертного исследования. В то же время в исследовании рассмотрены различные вероятные причины его возникновения.

Рассмотрим пример комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по факту массового убийства и последовавшего за ним самоубийства. Мы приводим фрагмент данного заключения, отражающий судебно-психологическое исследование. Показательно, что в процессе комплексного исследования был выявлен т.н. «спусковой крючок», запустивший данную реакцию и криминальное поведение и который, с точки зрения психологов, был неочевиден. В результате подробного судебно-психиатрического исследования было установлено у погибшего наличие психического расстройства, которое объяснило специфику его психической деятельности и поведение в криминальной ситуации.

Пример 31. Из материалов уголовного дела известно, что старший сержант контрактной службы В., являясь дежурным по блок-посту, открыл огонь из автомата АКС-74 по находившимся в спальном помещении поста военнослужащим. Все десять человек от полученных ранений скончались. Затем В. выстрелом из автомата себе в подбородок покончил жизнь самоубийством...

...1. Анализ материалов уголовного дела (личного дела, результатов психологических обследований, протоколов допросов психологов, а также свидетелей) показал, что:

1.1. В характере В. отчетливо проявлялись “застревающие” и “шизоидные” черты (по типологии К.Леонгарда). Людям с подобным складом характера свойственны фиксация на проблемах и трудностях, аккумуляция отрицательных эмоциональных переживаний, подверженность аффектам, склонность к формированию “сверхценных” идей, повышенные обидчивость, подозрительность и негативизм; честолюбие, самомнение и стремление к доминированию сочетаются с повышенной эмоциональной чувствительностью (особенно к недооценке его личности, грубости, динамизму ситуаций), враждебностью, злопамятностью. При этом, отмечается инертность психических процессов (в том числе, мышления), замедленность психического темпа, трудности при выборе решений, проблемы с установлением социальных контактов, напряженность внутренней, скрытой от посторонних глаз, жизни. Стрессовыми для таких людей являются ситуации задетого самолюбия, несправедливой обиды, оскорбления, грубости, препятствия на пути к достижению честолюбивых целей, наличия непомерно высоких к ним требований.

1.2. Как следует из результатов опросника “Прогноз-2”, уровень нервно-психической устойчивости В. средний (приближается к нижней границе диапазона сред-

них значений). Это не исключает вероятности нервно-психических срывов, особенно в экстремальных условиях.

1.3. Психологический анализ почерка В. (на основании изучения писем и записей из записной книжки) свидетельствует о таких его индивидуально-психологических особенностях, как замкнутость, неадекватность самооценки, жесткость (граничащая с жесткостью), инертность психических процессов, потребность в самоутверждении, неуверенность. При этом отмечается тенденция к педантизму, стремление к “сверхконтролю” над своими действиями и поведением. Не исключены определенные проблемы с оперативной памятью (мнемосхемы в записной книжке).

1.4. В период службы в N-ской в/ч В. проявлял конфликтность во взаимоотношениях с сослуживцами в ситуациях, когда принижалась его самооценка. Наиболее характерными реакциями В. в подобных ситуациях были драки с сослуживцами, затаивание злобы и последующее моральное давление на своих обидчиков. Отмечались единичные случаи неуставных отношений к сослуживцам. В период службы на блок-посту В. проявлял недовольство распоряжениями командиров, неодобрительно комментировал их, высказывал собственную точку зрения на то, как следовало бы поступить. Пиком недовольства являлся факт неповиновения, когда В. вместе с другими военнослужащими контрактной службы отказался подниматься по тревоге. В этот же период В. допускал грубость в общении с сослуживцами, неоднократные неуставные отношения (в частности, избиения) в связи со служебными и бытовыми вопросами.

1.5. В течение первого года срочной службы у В. наблюдались трудности в адаптации к условиям армейской жизни и деятельности. Об этом могут свидетельствовать жалобы В. на общее состояние здоровья, просьбы в письмах к родным приехать к нему, конфликты с сослуживцами. Будучи в социальной изоляции, являясь зачастую объектом насмешек со стороны сослуживцев, В. тяжело переживал это и стремился к изменению своего социального статуса (в частности, многие свидетели отмечают его стремление получить звание, а также подписать контракт). Изменение официального статуса (долгожданное повышение в звании и должности) не привело к изменению положения и авторитета В. в социальной группе.

1.6. В сложившейся ситуации эмоциональной поддержкой для В. могла быть переписка со своей тетей (с которой ранее у них были достаточно противоречивые отношения: воспитывая его, тетя неоднократно выгоняла его из дома, вследствие чего В. ушел жить в общежитие). Как показывает анализ 9 писем, имеющихся в материалах дела, на это указывают задушевный характер повествований, ласковое обращение к тете (“няня”), посвящение ей стихотворений, советы о том, как преодолевать трудности и невзгоды. В. делится с ней своими переживаниями, планами, проблемами. Так, в письмах имеется информация о затруднениях в адаптации на начальном этапе службы; о высоком уровне жизненных и служебных притязаний В., о значимости продвижения по службе; о его эгоцентризме, о потребности к доминированию и опеке над близкими людьми.

1.7. В конце одного из писем помещен рисунок, который может быть интерпретирован с точки зрения проективного метода “Рисунок человека”. Анализ показывает, что В. скрытен, замкнут, необщителен, чувствителен к критике, эгоцентричен, импульсивен. В то же время стремится к педантизму. Проявляются тревожность, чувство дискомфорта, готовность к выраженным протестным реакциям.

1.8. Необходимо отметить, что 8 писем из 9 относятся к первому году службы. Девятое письмо отстоит во времени от других на девять месяцев (и приближено к исследуемым событиям). Анализ письма свидетельствует об элементах соскальзывания, резонанса. Обращает на себя внимание изменение почерка В.. Это выражается во-первых, в изменении топографии (размещения записей по листу, интервалов между строками и словами); во-вторых, - приобретении устойчивого правого наклона и изменении размеров букв по вертикали (незначительное уменьшение); в-третьих, - усилении угловатости штрихов; в-четвертых, в увеличении протяженности надстрочных и, в особенности, под-

строчных штрихов; в-пятых, - в изменении написания имени “А-р”, выполняющего функцию подписи и являющегося стереотипом (а потому мало подверженным внешним влияниям). Указанные изменения свидетельствуют о стойком психическом состоянии В., отличающемся от того, в котором исполнялись другие 8 писем. Для данного состояния характерны усиление: напряженности, отрицательного эмоционального заряда, решительности, резкости, нетерпимости, агрессивности при несовпадении взглядов, готовности к подавлению.

2. Анализ ситуации, предшествовавшей криминальной, свидетельствует, что:

2.1. Службу В. проходил в условиях локального военного конфликта, в зоне разъединения противоборствующих сторон, при наличии повышенной опасности и неопределенности, что способствует частому возникновению состояния ситуативной тревоги и приводит к повышенной нервно-психической напряженности.

2.2. Прохождение службы на блок-посту имеет свою специфику: относительная изолированность от внешнего мира, цикличность суточной деятельности, условия монотонии, дефицит информации извне (в том числе, эмоционально окрашенной).

2.3. Деятельность В. протекала в условиях малой формальной группы, в которой он оказался в “двойной” изоляции как со стороны военнослужащих срочной службы (вследствие его официального статуса), так и со стороны военнослужащих контрактной службы (вследствие присущих ему инертности, замкнутости, педантизма, стремления скрупулезно следовать букве устава). При этом со стороны военнослужащих Ю. и С. отмечалось явно негативное отношение к В., о чем, в частности, свидетельствуют показания лейтенанта М..

2.4. Между В. и лейтенантом М. возникли сложные, напряженные отношения, особенно после того, как последним было внесено изменение распорядка несения службы (что вызвало одобрение солдат срочной службы и недовольство со стороны В.). При этом М. не скрывал своего отношения к В..

2.5. В то же время не исключается и рост недовольства требовательностью лейтенанта М. со стороны других военнослужащих контрактной службы, поскольку это снижало их статус в группе. На это, в частности, указывает и факт их неповиновения приказу командира примерно за 10 дней до случившегося.

2.6. Это событие могло повлечь за собой ухудшение мнения командования о В. (что было для него крайне значимо), а также повлечь за собой меры дисциплинарного (как минимум) воздействия (в том числе и к В., как зам. командира взвода). На это указывают и высказывания лейтенанта М. о том, что он “уберет” В. с блок-поста (предположительно в день, который непосредственно следовал бы за криминальным событием).

Таким образом, ситуация, сложившаяся к моменту исследуемых событий, носила конфликтный характер, являлась для В. лично значимой, поскольку затрагивала его статус, самооценку, служебное положение (была реальна угроза наказания), вызывала серьезные проблемы адаптации. Поэтому ее следует квалифицировать как стрессогенную, возникающую на фоне экстремальной ситуации (локальный вооруженный конфликт).

Согласно имеющейся в материалах дела информации, после неповиновения военнослужащих контрактной службы и посещения базового лагеря, у В. отмечалось изменение в настроении: он стал более замкнутым, а примерно за 3 дня до случившегося он практически перестал общаться с окружающими (показания С-а). В то же время никто из других свидетелей не отмечает каких-либо странностей в поведении В..

В материалах дела отсутствует детальная информация о ситуации, непосредственно предшествовавшей криминальным событиям, т.е. ничего не известно о том, что могло бы послужить отправной точкой для совершения массового убийства и самоубийства В..

Анализ поведения и действий В. в период совершения убийства показал следующее:

- В. поддерживал адекватный речевой контакт с окружающими в течение всего дня и непосредственно перед убийством;
- его действия были целенаправленными и целесообразными;

- следует отметить, что убийству предшествовала планомерная подготовка: все его действия были продуманны, целенаправленны, целесообразны и мотивосообразны: он практически разоружает часовых, вынимая затворы из автоматов, а также из оружия, закрепленного за ними (в частности, из винтовки СДВ; контролирует их действия, препятствуя обнаружению неисправности оружия (сам выдает уже вынутые из оружейного шкафа автоматы, не разрешает сделать контрольный спуск); выжидает, пока личный состав ляжет отдыхать;

- у него не отмечалось признаков аффективного состояния, напротив, его движения были спокойными, действия не носили хаотичного характера, раненые им добивались;

- также не выявлялось признаков аффективной суженности сознания: В. контролировал ситуацию, реагировал на ее изменения (в частности, начал преследовать появившихся свидетелей и т.д.);

- сведения о том, что В. нечленораздельно кричал: "А-аааа!" в период, когда стрелял, могут свидетельствовать об эмоциональной разрядке и нарастании отрицательных эмоциональных переживаний по типу ярости, ненависти, о вовлеченности В. в ситуацию ярко выраженной физической агрессии;

- В. отказался от преследования убежавших свидетелей и покончил с собой.

Таким образом, перечисленные особенности поведения В. в период массового убийства сослуживцев свидетельствуют, что в указанный период В. не находился в состоянии аффекта.

Реконструируя ситуацию и психическое состояние В., необходимо подчеркнуть, что еще примерно за месяц до случившегося у В. отмечалось стойкое изменение психического состояния, что явно проявилось в почерке (изменения общих и частных признаков, топографии письма и т.д.). Следует упомянуть и некоторые изменения в письме при изложении событий (элементы соскальзывания, фиксация на оценке собственной личности и элементы враждебности в отношении окружения и прошлых событий). В то же время формально отмечается процесс адаптации к новым условиям службы. Можно предположить, что в период появления на блок-посту В., учитывая его инертность, неуверенность, тревожность, трудности в адаптации, с одной стороны, и его психическое состояние (с элементами аффективной заряженности отрицательного характера), с другой, а также с учетом нахождения в зоне вооруженного противостояния, он находился в состоянии умеренно выраженной психической напряженности (стресса). "Двойная" изоляция, (упоминавшаяся выше), в которой оказался В., проблемы с новым командиром (л-том М.), внутренний конфликт между потребностью заслужить признание у командования, соответствовать требованиям звания и должности, с одной стороны, и стремлением солидаризироваться с военнослужащими контрактной службы и, тем самым, завоевать их признание, с другой, - могли способствовать нарастанию психической напряженности, пик которой, по видимому, совпал с оказанием неповиновения приказу командира. После возвращения из базового лагеря у В. не выявляется явных признаков дезорганизации психической деятельности, действий и поведения в целом. Примерно за три дня до случившегося у В. отмечается изменение психического состояния, выразившееся в усилении замкнутости, сведении контактов с окружающими до минимума. Это может быть связано с тем, что с течением времени нарастала угроза дисциплинарных взысканий за неповиновение, что могло порождать одновременно переживание неопределенности, тревоги и безвыходности. При этом В. был лишен возможности реально повлиять на ситуацию, изменить ход событий. Это могло привести к наступлению фазы истощения (деадаптации) в рамках динамики состояния психической напряженности. В конкретной ситуации это могло проявиться в проявлении признаков состояния фрустрации (безвыходности), которое однозначно негативно влияет на психическую деятельность человека. В частности, остро переживаются отрицательные эмоции, такие как отчаяние, гнев, ярость и т.д.; увеличивается субъективизация восприятия, нарастает эмоциональная неустойчивость, повышается риск импульсивного поведения, увеличивается вероятность агрессии (в том числе и аутоагрес-

сии), настроение становится неустойчивым (от возбужденного до субдепрессивного). В таком состоянии даже самое незначительное (с позиции стороннего наблюдателя) воздействие может стать отправной точкой для деструктивного поведения. Следует отметить, что в деле отсутствуют данные о том, что могло бы в исследуемой ситуации послужить внешним источником, так называемым “спусковым крючком” для агрессии. Необходимо также учесть и тот факт, что в период совершения убийств В. выявлял признаки «сверхвключения», т.е. в круг людей, являвшихся для него источниками психотравмы (из материалов дела следует, что прежде всего это были военнослужащие контрактной службы Ю. и С., а также лейтенант М.), был расширен и в него попали военнослужащие, с которыми у В. не было конфликтов и которые не проявляли в отношении него явной враждебности²².

Как правило, посмертная экспертиза назначается по фактам смерти, наступившей предположительно в результате суицида. Однако возможны экспертизы и по факту смерти, наступившей в результате несчастного случая. Так, по факту гибели военнослужащего при совершении прыжка с парашютом была назначена комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Комплексный характер экспертизы был обусловлен тем, что в акте расследования парашютного происшествия фигурирует утверждение, что в исследуемой ситуации военнослужащий находился в состоянии реактивного психоза. При этом трактовка данного состояния не соответствует его действительному содержанию.

Пример 32. Из материалов уголовного дела известно, что рядовой N-ской в/ч Н. выполнял свой третий парашютный прыжок. Отделившись от вертолета, он выдернул звено ручного раскрытия, после чего основной купол парашюта вышел из камеры. Однако в результате перехлеста стропой “15 а” на уровне 1 метра от нижней кромки купол не раскрылся. В результате падения на землю Н. получил тяжкие телесные повреждения и скончался по пути в больницу. Запасным парашютом Н. не воспользовался.

...Из акта расследования парашютного происшествия известно, что на момент исследуемого события Н. имел 2 прыжка всего (из них два в текущем году). Первые два прыжка совершил накануне (соответственно за два дня и за день до случившегося). В исследуемой ситуации совершал свой третий прыжок десятым по счету в первом потоке седьмого подъема вертолета. После отделения через 3 секунды выдернул звено ручного раскрытия. При выходе купола из камеры основного парашюта потоком парашют начало наполнять воздухом, при этом, часть нижней кромки купола под действием потока попала в щель между стропами 15А и 15Б с последующим затягиванием стропы 15А вокруг нижней кромки купола в “замок”. Заметив ненаполненный парашют, Н. поднял руки, взялся за свободные концы и, громко крича, снижался, не реагируя на команды. От страха впал в *состояние реактивного психоза*, поэтому ни обрезать стропу 15А, ни ввести в действие запасной парашют не смог. Состояние здоровья Н. в день совершения прыжков было удовлетворительным. На аэродром прибыл в 6.00, осмотрел свой парашют. После надевания парашютов, корабельные группы были проверены всеми должностными лицами. За-

²² Экспертами-психиатрами было установлено наличие психического расстройства эндогенной природы.

мечаний при подготовке парашютистов не было. Дежурный врач Г. признаков плохого состояния здоровья у Н. не выявила. Согласно заключению медицинской комиссии Н. был признан годным к совершению прыжков. По результатам предпрыжковой подготовки был допущен к совершению прыжка с оценкой “хорошо”. Парашют был лично уложен Н. и Р. днем раньше. По мнению членов комиссии, усиление ветра при укладке парашютов, небрежность Н., а также конструктивные особенности парашютной системы ... в воздухе могли повлиять на качество выполнения 1 и 2 этапов укладки парашютных систем и привести к происшествию. Также, как считают члены комиссии, *состояние реактивного психоза*, возникшее в момент, когда он заметил не раскрывшийся парашют не позволило Н. воспользоваться запасным парашютом или обрезать стропу 15А.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы Н. был трезв.

Свидетель Ш. сообщил, что когда Н. находился в воздухе, с площадки в рупор ему кричали, чтобы он раскрыл запасной парашют, но он этого не сделал.

Е. отметил, что в день прыжков Н. вел себя нормально, никаких срывов, психозов свидетель у него не наблюдал. Н., падая, руками тряс стропы и что-то кричал. «Кажется, что он не делал попыток раскрыть запасной парашют или обрезать стропу».

Как показал К., вид у Н. в вертолете был нормальным, ничем взволнован он не был... При падении Н. тряс свободные концы строп, но у него ничего не получалось. С земли было слышно, как ему кричали в рупор, чтобы он задействовал запасной парашют.

С. отметил, что Н. был спокойный, не общительный, но в коллективе ужился. Многие его уважали. Он неплохо рисовал, и к нему обращались, чтобы он нарисовал что-нибудь в блокнот. Был “собранным, не растерянным человеком”. В день прыжков в 3 часа утра был подъем, завтрак - в 4 часа, после чего выехали на прыжки. Н. был спокоен. Уже на старте, когда формировались корабельные группы, свидетель заметил, что Н. был не в настроении. Во время полета на вертолете странностей за ним не заметил.

Д. показал, что слышал с земли, как Н. кричал: “Мама” до самой земли и тряс свободные концы парашюта.

Капитан Л. считает, что, вероятнее всего, Н. не слышал команд, подаваемых с помощью мегафона, из-за свиста воздуха (при скорости снижения более 20 м/с).

Ж. рассказал, что “во время прыжков, когда мы находились в воздухе, нам подавались команды по громкоговорителю. Я стал слышать эти команды, находясь на высоте примерно 100 метров”.

Служивцы характеризуют Н. как спокойного, замкнутого, уживчивого, исполнительного и добросовестного человека, который чувствовал себя “нормально”.

Ш-в, командир взвода, показал, что Н. вел себя спокойно, был несколько замкнут. В коллективе быстро освоился, стал общительным, но замечалась тоска по дому (о чем признался в разговоре). Критических моментов с участием Н. не было, но, на взгляд Ш-ва, он был несколько медлителен. При совершении 2-х прыжков в воздухе Н. действовал грамотно, замечаний по ним и по действиям Н. не было.

К-в отмечает, что за время службы в критических ситуациях с Н. не был, но полагает, что тот действовал бы медленно и расслабленно, исходя из его характера.

Член комиссии по расследованию парашютной катастрофы С-й показал, что точно не может сказать, кто выдвинул предположение, что Н. находился в состоянии реактивного психоза. Смысл этого термина был разъяснен майором С-вым, психологом бригады, или кем-то из врачей, как «состояние, когда человек воспринимает окружающую действительность, но не может принять каких-либо активных действий».

Другой член комиссии, подполковник Сел., считает, что в сложившейся ситуации Н. должен был выдернуть кольцо запасного парашюта и приземлиться на нем. На вопрос относительно того, возможно ли было обрезаю стропу, спастись, был дан ответ, что не исключено, но в данной ситуации парашютисту трудно выделить именно ту стропу, которую необходимо отрезать, т.к. вверх уходят все стропы в пучке. По поводу состояния “реактивного психоза” члены комиссии консультировались с медиками (возможно, с начме-

дом). Им было разъяснено, что под этим состоянием понимается «то, когда Н. понимал и реально оценивал сложившуюся ситуацию, но не мог предпринимать активных действий по выходу из нее...».

С-нов, психолог, показал, что не помнит, проводил ли «анкетирование» Н., т.к. в период прибытия пополнения ушел в отпуск. Был включен в комиссию по расследованию происшествия, но конкретного участия в работе комиссии не принимал. В акте расписался, полагаясь на мнение специалистов. Сам парашют не осматривал. Кто выдвинул тезис о реактивном психозе у Н., С-нову не известно. Почему данный тезис в акте ничем не обоснован, не знает. Исследовались ли в ходе работы комиссии психологические аспекты происшедшего, сказать не может, т.к. не принимал участия в работе комиссии. Полагает, что «по-видимому, в этой ситуации Н. растерялся» ...

... *Анализ сложившейся ситуации* показал следующее:

- Н. был призван на военную службу за два месяца до случившегося;
- очевидно, что к моменту случившегося он не успел адаптироваться к условиям службы ввиду непродолжительного времени ее прохождения, ее специфики (о чем, в частности, свидетельствуют показания командира взвода); и с учетом индивидуально-психологических особенностей Н. (ряд свидетелей указывает на его замкнутость, медлительность и расслабленность);
- к моменту случившегося Н. овладел теоретическим минимумом и совершил два прыжка, что недостаточно для формирования динамического стереотипа поведения для совершения прыжков с парашютом;
- непосредственно критическая ситуация, возникшая после отказа основного парашюта, носила признаки стрессогенной, о чем свидетельствуют: во-первых, высокая степень угрозы жизни Н.; во-вторых, дефицит времени на принятие решения; в-третьих, отсутствие реальной помощи извне;
- в-четвертых, стремительное обострение ситуации, перерастание ее в объективно безвыходную;
- в-пятых, маловероятно, что команды с земли, передаваемые с помощью мегафона, могли быть услышаны Н. (о чем свидетельствуют показания капитана Л., который считает, что вероятнее всего Н. не слышал команд, подаваемых с помощью мегафона, из-за свиста воздуха (при скорости снижения более 20 м/с), а также показания Ж. о том, что команды с земли он мог услышать, только находясь на высоте примерно 100 метров).

Таким образом, сложившаяся ситуация являлась в высшей степени стрессогенной для Н.

... *Анализ психического состояния Н. свидетельствует, что:*

- Н. не выявлял признаков хронического психического расстройства, а также какого-либо временного расстройства психической деятельности в период, предшествующий происшествию (о чем свидетельствуют меддокументация, показания свидетелей и врача Г.);
- следствием установлено, что Н. прошел цикл наземной подготовки к прыжкам, самостоятельно укладывал парашют, был допущен к совершению прыжков и до случившегося уже совершил два прыжка;
- непосредственно перед совершением прыжка Н. признаков выраженного беспокойства не обнаруживал, однако, по свидетельству С., он был «не в настроении»;
- после того, как парашют не раскрылся, Н. не предпринимал никаких действий по раскрытию запасного парашюта, не реагировал на команды с земли, передаваемые через мегафон, кричал и тряс свободные концы парашюта.

Таким образом, после того, как основной парашют не раскрылся, Н. выявлял признаки ярко выраженного эмоционального состояния, значительно дезорганизовавшего его сознание и психическую деятельность...

... *Анализ специальной литературы* показал, что совершение первых прыжков с парашютом вызывает изменение обычного состояния и настроения человека. Это может

проявляться как в избыточном возбуждении, так и напротив, в заторможенности, молчаливости (в зависимости от индивидуально-психологических особенностей конкретного человека). Перед совершением прыжка неопытный парашютист находится в состоянии сильной психической напряженности (стресса), которое обусловлено в значительной степени неопределенностью, непредсказуемостью ситуации, неизвестностью. Как показывают исследования, перед совершением первых прыжков, уже после посадки в самолет и во время полета в зону десантирования частота пульса возрастает до 140 ударов в минуту, появляется мышечная напряженность, тремор пальцев рук, маскообразность в выражении лица. Момент отделения от летательного аппарата при первых прыжках является самым трудным и переживается крайне остро. Так, у человека появляется сильное чувство страха, которое может вызывать максимальное снижение двигательной активности при восприятии высоты (глубины), что при продолжающемся движении в пространстве может привести к повреждению или гибели организма при падении. Это является результатом торможения коры больших полушарий головного мозга вследствие пассивно-оборонительного рефлекса и может приводить к неадекватным восприятию и оценке ситуации, динамическому рассогласованию между требованиями ситуации и готовностью действовать, возникновению состояния растерянности, распаду структуры деятельности (могут выполняться отдельные операции вне связи с целями деятельности) вплоть до полного отказа от нее. Такие особенности психической деятельности наблюдаются в состоянии острой психической напряженности (стресса).

На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что Н. психическим расстройством не страдал. В исследуемый период признаков психического расстройства не обнаруживал. Находился в состоянии острой психической напряженности (стресса), возникшем в критической ситуации после отказа парашюта и вызвавшем распад структуры деятельности Н. Этим, в частности, объясняется тот факт, что Н. не воспользовался запасным парашютом.

ЧАСТЬ III. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.

Следует отметить, что этот род экспертизы значительно «моложе» психологической экспертизы в уголовном процессе. В настоящее время выделяется три вида СПЭ в гражданском процессе:

- экспертиза способности процессуального лица в полной мере понимать характер совершаемой сделки, ее правовые, имущественные и иные последствия по делам о признании недействительными сделок с пороками воли (экспертиза сделкоспособности);

- экспертиза юридически значимых психологических особенностей процессуальных лиц и социально-психологических явлений по делам по спорам о праве на воспитание детей и по другим делам, вытекающим из брачно-семейных отношений;

- экспертиза юридически значимых психологических последствий по факту причинения морального вреда по делам о возмещении морального (неимущественного) вреда.

3.1. Судебно-психологическая экспертиза способности процессуального лица в полной мере осознавать характер совершаемой сделки, ее правовые, имущественные и иные последствия по делам о признании недействительными сделок с пороками воли (экспертиза сделкоспособности).

С правовой точки зрения порок воли может выражаться в деформации различных элементов субъективной стороны сделки: способности понимать значение своих действий или способности руководить ими; способности свободно, в соответствии с избранной целью сделки, принимать решение

(здесь возможен вариант введения в заблуждение); способности свободно принимать решение и действовать в соответствии с ним при заключении сделки (существует вероятность обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, стечения тяжелых обстоятельств).

Без осознания своих действий нет волеизъявления, а всякое волеизъявление (если понимать под ним проявление именно воли) всегда связано с осознанием своего поведения.

Как отмечает Сахнова Т.В., при анализе сделок с пороком воли в юридической литературе делается вывод, что вовне порок воли может выражаться различным образом, а именно:

- в несоответствии воли волеизъявлению (решение принято сознательно и свободно, но действия совершаются не в соответствии с ним, не направлены к достижению той цели, которую наметил себе субъект сделки);
- в неадекватном формировании самой воли при формальном ее соответствии волеизъявлению (направленность действий соответствует избранной цели, но само решение принято не свободно).

С точки зрения психологии, в первом случае делается акцент на ущербности волевого компонента сделки (интеллектуальная сторона полноценна), во втором — на ущербности интеллектуального компонента (волевая сторона полноценна). Однако следует всегда учитывать целостность психики, а потому интеллектуальные, волевые и эмоциональные процессы, состояния и свойства личности действуют во взаимосвязи.

Чтобы доказать наличие порока воли как юридически значимого обстоятельства, необходимо выявить такие особенности психических процессов и состояний действовавшего субъекта, которые позволили бы сделать верный вывод о его способности к осознанию фактического содержания совершенных действий и о способности к волевому управлению ими.

Существует несколько оснований для назначения и проведения СПЭ по сделкам с пороком воли.

Во-первых, когда сделка совершена дееспособным гражданином, но он мог находиться в состоянии, при котором он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими. При этом следует помнить, что неспособность осознавать характер сделки исключает и осознанную способность руководить своими действиями.

Неспособность в полной мере осознавать значение своих действий и/или управлять ими часто обуславливается различными психологическими причинами, в том числе особыми психическими состояниями в момент совершения юридически значимого действия (например, стресс, фрустрация, растерянность).

Следует подчеркнуть, что чаще всего проводится не однородная экспертиза, а комплексная – психолого-психиатрическая или медико-психологическая.

Во-вторых, СПЭ может быть назначена в тех случаях, когда в качестве порока воли выступает заблуждение. Как отмечает Сахнова Т.В., главным в содержании заблуждения как порока воли является то, что «воля заблуждающейся стороны формируется не свободно, а под влиянием не соответствующих действительности представлений о существенных элементах сделки (либо в результате их незнания)». При этом факт заблуждения устанавливается судом. Эксперт-психолог при проведении экспертизы, прежде всего, устанавливает факт неправильного, ошибочного отражения особенностей заключаемой сделки, ошибочного представления о ней (что может приводить к заблуждению), а также – те выявляет причины психологического характера (внешних и внутренних) подобных ошибок. Ошибочные представления о сделке влекут за собой неадекватное решение о заключении сделки.

Особенно актуальна такая экспертиза в отношении несовершеннолетних, когда они в соответствии с законом могут быть участниками сделки. Думается, здесь проведение экспертного исследования должно быть обязательным. В не меньшей степени важна такая экспертиза в отношении престарелых участников сделки, поскольку в пожилом возрасте отмечается

снижение интеллектуальной деятельности вследствие наличия возрастных изменений (старения), возрастных заболеваний (атеросклероза, церебросклероза и т.п.).

В-третьих, необходимо проведение СПЭ в тех случаях, когда сделка была заключена под влиянием обмана, насилия, угрозы, при злонамеренном соглашении представителя одной стороны с другой стороной, а также вследствие стечения тяжелых обстоятельств. В таких случаях содержание волеизъявления может не соответствовать подлинной воле потерпевшей стороны. В одних случаях это является следствием деформации интеллектуального компонента способности к совершению сделки, в других — деформации волевого компонента. Указанные деформации могут быть следствием обмана, угрозы, физического и/или психического насилия, тяжелого стечения обстоятельств и т.п.

При назначении данной экспертизы на разрешение эксперту могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Находился ли субъект (сторона сделки) в период, относящийся к совершению сделки, в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими?

2. Учитывая особенности познавательной сферы, состояние в момент совершения сделки, внешние условия, в которых происходило принятие решения, а также индивидуальную значимость последствий сделки, имел ли субъект адекватное (правильное) представление о существе сделки?

3. Какие факторы повлияли на формирование неадекватного (неправильного) представления о сделке?

4. Какое влияние оказала угроза (насилие, стечение тяжелых обстоятельств) на процесс принятия лицом решения о совершении сделки и его реализацию?

5. Была ли ограничена способность субъекта свободно изъяслять свои подлинные желания и намерения?

6. Мог ли субъект в период, относящийся к совершению сделки, в полной мере свободно и осознанно принимать решение и руководить своими действиями по его реализации?

СПЭ сделкоспособности могут быть назначены в отношении живых лиц, но нередко назначаются и посмертно.

Рассмотрим пример повторной посмертной комплексной психолого-психиатрической экспертизы сделкоспособности.

Пример 33. В суд обратилась Д., которая в своем исковом заявлении указала, что является дочерью П., умершего от онкологического заболевания. За год до смерти отец нотариально завещал ей двенадцать двадцать девятых долей квартиры. Д. проживает в другом городе; в течение своей жизни истица часто ездила к отцу, отец общался с ней, приезжал к ней, помогал материально. Последний раз он был у неё с августа до середины октября. Отец был болен. Они решили, что отец должен обследоваться в больнице и переехать жить к ней. В течение месяца он находился на амбулаторном обследовании был поставлен диагноз: онкологическое заболевание. По состоянию здоровья он нуждался в постоянном постороннем уходе. В отсутствие Д. помощь её отцу оказывали работники социальной службы. Через два с половиной месяца истица приехала к отцу, чтобы забрать его к себе. Состояние отца было тяжелым, и перевозить его было нельзя. Через две недели истица, оформив длительный отпуск, вновь вернулась к отцу, но в квартире отца уже находилась незнакомая женщина, Л.. Общаться с отцом она ей не дала. Отец об этой женщине никогда не рассказывал, и истица раньше её никогда не видела. Общаться с отцом по телефону Л. также не давала, мотивируя его тяжелым состоянием или его сном. О смерти отца Д. также не сообщили, на похороны она не попала. Отец был ветераном ВОВ и офицером СА, захоронен был без положенных почестей. После смерти отца истица обратилась к нотариусу для принятия наследства, но узнала, что незадолго до смерти отец составил новое завещание, в соответствии с которым наследницей стала Л.. В родственных отношениях отец и Л. никогда не состояли. Истица полагает, что отец её попал под влияние ответчицы, которая оказала на него психологическое воздействие, в то время как он не мог понимать значение своих действий и руководить ими, так как был тяжело болен и испытывал в связи с этим тяжелые физические страдания. На фоне развившегося заболевания у него стала проявляться повышенная нервозность, в связи с чем ему были назначены сильные успокоительные препараты, которые он принимал и которые также могли послужить причиной искажения его воли...

В деле имеется ксерокопия записки, составленной П. собственноручно на тетрадном листке - первые три строчки прочитать не удалось, далее: « 1) В связи с тяжелым состоянием здоровья (*постельн. - зачеркнуто*, лежу в постели) и невыполнением Д. своих обязанностей по уходу за мной, прошу завещание на мою квартиру с Д. расторгнуть и заключить с Л., которая обязуется до кончины моей: вести все домашнее хозяйство, лечить, кормить, выполнять - *зачеркнуто*, ухаживать с учетом *предпис.-зачеркнуто* лечения врачами и необходимостями. 2) Доверено на получение пенсии»...

... участковый терапевт пояснила, что советовала переехать к дочери. После приехала дочь, в доме появился порядок. Шел разговор о его отъезде. Дочери оформили больничный. После она врачу сообщила, что отец её домой не пускает. Свидетеля и дочь двоих долго не пускали. Открыли, дочь встретили агрессивно. П. находился в возбужденном состоянии. Врача и дочь узнал, в именах не путался. Свидетель часто его посещала где-то раза 4-5. Когда посещала его, Л. была там. Двери открывала она... П. был зол на дочь, го-

ворил, что она ему не нужна, чтобы убиралась, откуда приехала... Свидетель от соседей П. узнала, что он не пускал к себе родственников и соседей... Свидетель видела, когда ответчица вышла на кухню, П. кинулся на дочь с ножом. Неадекватность П.а проявлялась в том, что он был раздражительным, нервничал. Он отказывался от консультации психиатра. По мнению свидетеля П. Н.Ф. был неадекватен только по отношению к дочери, с врачом он вел себя нормально.

...*Судебно-психиатрическое исследование:* ...При анализе предоставленного для исследования материала, комиссия отмечает, что к периоду времени, интересующему суд, П. исполнилось 82 года. Этот период старения характеризуется, при нормативном его протекании, снижением всех психических процессов, замедлением активности, инициативы, потерей общей продуктивности. П. страдал множеством соматических заболеваний, одним из которых является церебро-васкулярная болезнь. Известно, что он в 1985 году перенес инфаркт миокарда и в 1993 году - острое нарушение мозгового кровообращения (характер и локализация не уточнены). В начале 2005 года у него был диагностирован рак желудка. Анализ медицинской документации убедительно показал, что цереброваскулярное заболевание у П. не сопровождалось грубыми нарушениями психики, хотя он и предъявлял характерные жалобы на головокружения, головные боли. П. проживал самостоятельно, не нуждался в посторонней помощи, был хорошо адаптирован в быту, поддерживал семейные отношения - активно общался с дочерью, ездил к ней в гости, разговаривал с ней по телефону, самостоятельно посещал врача, следил за здоровьем. Врачи его характеризовали как неудобного, дотошного пациента, что свидетельствует в пользу таких личностных изменений как ригидность, эгоцентричность. Эксперты особо отмечают, что у П. к периоду времени, относящемуся к исследуемым событиям, имела место сенсорная депривация - ослабление функции зрения и слуха (сенсо-невральная тугоухость, катаракта - сведения из выписного эпикриза ОКБ №3 за 2004 г.). Из показаний свидетелей известно, что осенью 2004 года П. ездил в гости к дочери, гостил у неё два месяца, вернулся довольный. Свидетель Д-ва описывает взаимоотношения с дочерью как положительные. Ответчица по данному делу, указывает, что П. к дочери относился плохо, а вот внучку любил. Свидетель П-ва также свидетельствует в пользу того, что отношения с дочерью у П. были хорошие, он хотел, чтобы она приехала, брал для неё раскладушку. Был очень доволен поездкой и пребыванием у дочери. Также из показаний свидетелей известно, что П. планировал продать свою комнату соседям, вел с ними переговоры, но потом позвонил по телефону и отказал им. Установлено, что у П. примерно с января 2005 года стало активно нарастать ухудшение в состоянии. Появились жалобы на слабость, отсутствие аппетита, снижение веса, нарушения пищеварения, боли в области желудка, чувство распирания при приеме пищи, запоры. Он прекратил посещать врача, из-за слабости с трудом передвигался по квартире. До 15 марта поддерживал телефонное общение со старыми знакомыми, пользовался посторонней помощью, желал переезда к дочери. После появления в его квартире ответчицы, его контакты с дочерью резко прекратились, он стал проявлять к ней явно негативное отношение, причем причины резкой перемены в их взаимоотношениях остаются неизвестными. Нет никаких указаний на ссору, конфликт. Известно, что она оформила больничный лист по уходу за отцом, написала заявление об отпуске за свой счет, т.е. планировала жить с ним и ухаживать за отцом. Также в материалах дела отсутствуют какие-либо сведения о том, что П. был ранее знаком с ответчицей Л.. По существу она была ему чужим человеком. Описание поведения П., когда он проявлял раздражение, агрессию, свидетельствует в пользу того, что это была реакция, связанная с появлением дочери, однако это поведение не носило стабильного характера. Известно, что он удерживался в общесоматических стационарах, никогда не описывались неадекватности в его поведении, он адекватно общался с медицинскими работниками. В связи с нарастанием интоксикации, в последнее время незадолго до смерти (уточнить с какого времени не представляется возможным) у П. появились признаки нарушения сознания (сомнолентность, описанная свидетелями как сонливость, заторможенность)...

...*Судебно-психологическое исследование*:...Анализ исследуемой ситуации показал, что в 1995 году П. составил завещательное распоряжение в пользу своей единственной дочери и долгие годы его не менял. Все это время он общался с дочерью, ездил к ней, она ездила к нему. Последний раз П. гостил у дочери в г.Н с августа до середины октября 2004 года. По возвращении от дочери был доволен поездкой и общением с ней (свидетель П-ва).

К концу 2004 года в ходе обследования был поставлен диагноз: «онкологическое заболевание желудка». В январе 2005 года П. испытывал потребность в помощи по ведению хозяйства, о чем просил П-ву. В феврале 2005 года поехал в санаторий, откуда был вынужден вернуться (его не приняли). Примерно 6-7 марта 2005 года к П. приехала его дочь, Д., и находилась в городе до середины марта 2005 года. В связи с ее приездом П. просил у соседей раскладушку. В деле имеются листки нетрудоспособности по уходу за больным, выданные Д. (с 14.03. по 16.03.2005 г.). В этот период Д. высказывала намерения забрать отца к себе. В это время началась подготовка к сделке купли-продажи квартиры П.. 21.03.2005 Д. для оформления отпуска без содержания была выдана справка о том, что П. нуждается в постоянном постороннем уходе. 25.03.2005 г. Д. не смогла попасть в квартиру к отцу. Когда приехала с врачом, отец был агрессивно настроен в отношении нее, требовал вернуть документы на квартиру. В квартире находилась ранее незнакомая истице и врачу женщина, Л..

Незадолго до смерти, в период времени с 23.03.05 по 13.04.05 года П. составляет несколько гражданско-правовых актов с разными людьми: 1) Завещание на имя Л. - 23.03.05 г.; 2) 04.04.05 - Доверенность на сбор документов, необходимых для договора ренты на имя сына ответчицы Л.; 3) 13.04.05 г.- Договор пожизненного содержания с иждивением с Л.; 4) 13.04.05 г. - Доверенность Л. на регистрацию документов на квартиру по договору ренты; 5) 13.04.05 г. - Доверенность К. на распоряжение денежным вкладом по счету в сбербанке.

Все нотариальные действия проводились на дому у П.. Сведений о том, кто такой К. и почему П. доверил ему получить свои сбережения, в материалах дела нет.

В течение исследуемого периода (до момента смерти П.) зафиксировано более 30 звонков Д. на номер отца.

Для удобства анализа исследуемые события были представлены в форме таблицы.

период	Состояние П.	Отношения с Д.	Отношения с Л.
Август – октябрь 2004	Плохое самочувствие	Жил у дочери (источники информации – Д. , свидетель П-ва). Был доволен поездкой к дочери (П-ва)	Со слов Л. , она и П. знакомы давно.
Октябрь 2004 – до смерти П.		Более 30 междугородных звонков от дочери	Информации нет
Ноябрь – декабрь 2004	Обследование П., постановка диагноза – онкологическое заболевание желудка (меддокументация)	Информации нет	Информации нет
Январь 2005	Жалобы на здоровье, плохой внешний вид, трудности в самообслуживании (П-ва, Д-ва)	Информации нет	Информации нет
Февраль 2005	Поездка в санаторий, ухудшение соматического и эмоционального состоя-	Информации нет	Информации нет

	ния (П-ва, врач П. Г.)		
6-7 марта – середина марта 2005 г.	Ухудшение самочувствия	Приезд Д., уход за отцом, оформление листков нетрудоспособности (14.03. – 16.03. 2005). Подготовка к сделке продажи квартиры с планами о совместном проживании с дочерью	Информации нет
14 марта 2005 г.	Информации нет	Информации нет	Обращение к Л. с просьбой об оказании ему постоянной помощи (информация Л.)
15 марта 2005 г.	Информации нет	Информации нет	Переезд Л. к П.
20 марта 2005 г.	Вспомнил свидетельницу Д-ву во время ее визита. Адекватно сообщал о своем здоровье. Негативно отзывался о дочери («документы украла»)	Негативный настрой (негативные отзывы о дочери посторонним людям)	Впервые другими людьми обнаруживается факт проживания Л. во время визита Д-вой.. Замечание, сделанное Д-вой ответнице Л., по поводу отключения телефона.
21 марта 2005 г.	Информации нет	Получение Д. справки о состоянии здоровья отца для получения отпуска без содержания	Информации нет
23 марта 2005 г.	Информации нет	Приезд Д.	Блокирована возможность общения с отцом со стороны Л., как лично, так и по телефону
23 марта 2005 г.	Информации нет	Информации нет	Завещание на имя Л..
25 марта 2005 г.	Возбужденное состояние. Врача и дочь узнает. Агрессивность (вербальная) в отношении дочери.	Проявляет агрессию в отношении дочери.	Долго не впускали в квартиру врача, П.Г., и Д.
25 марта 2005 г.	Все время спит (В период пребывания П-вой)	Информации нет	Информации нет
4 апреля 2005 г.	Информации нет	Информации нет	Доверенность Л. на сбор документов для договора ренты. Нотариально удостоверено по месту жительства П.
13 апреля 2005 г.	Информации нет	Информации нет	Заклучение договора пожизненного содержания с иждивением. Нотариально удостоверено по месту жительства П.
13 апреля 2005 г.	Информации нет	Информации нет	Доверенность Л. на регистрацию документов

			на квартиру по договору ренты. Нотариально удостоверено по месту жительства П.
13 апреля 2005 г.	Информации нет	Информации нет	Доверенность К. на распоряжение денежным вкладом по счету в сбербанке. Нотариально удостоверено по месту жительства П.
10.05.2005	Смерть П.		

Как следует из материалов дела, П. вместе со своей дочерью собирался продать квартиру соседям (матери свидетельницы К-вой), вел с ними переговоры об этом. Это относится к началу марта 2005 года, когда к нему приезжала дочь. Когда дочь уехала для оформления отпуска, П. по телефону отказал соседям, сказав, что передумал. В этот период в доме П. появилась Л., что оказалось неожиданным для его дочери, а также соседей и друзей – он никогда никому не говорил, что она входит в круг его доверенных друзей и знакомых.

Обращает внимание, что с ее появлением П. оказался изолированным от дочери и своих знакомых – телефон был отключен, что не позволяло, с одной стороны, дочери и друзьям общаться с ним, а с другой, - исключало возможность самому П. звонить им (на что было указано Л. свидетельницей Д-вой 20.03.2005 г.). В дальнейшем Л. не давала возможности приехавшей дочери встретиться с отцом или поговорить с ним по телефону. При этом, как следует из материалов дела, именно в этот день, когда приехала дочь, 23.03.2005 г., через 8 дней после переезда Л. к нему, П. завещал ей свою квартиру (что было нотариально заверено по месту его жительства). Не сразу Л. впустила Д. в квартиру и в то время, когда та прибыла вместе с лечащим врачом.

В этот период у П. резко изменилось отношение к дочери – он стал агрессивен по отношению к ней, обвинял ее в краже документов (как в ее отсутствии – рассказывая об этом своим знакомым, в частности Д-вой Л.А. 20.03.2005 г., так и самой Д. во время ее приезда и прихода вместе с лечащим врачом).

В деле имеются рукописные записи, по своему содержанию являющиеся своего рода распоряжением относительно имущества. Однако не ясно, кем они выполнены – П. или другим лицом; если П., то самостоятельно или с участием других лиц (совместное составление, написание под диктовку и т.п.).

Таким образом, имеющиеся в деле материалы свидетельствуют, что в период предшествовавший составлению завещания, П. оказался в ситуации изоляции от родных, друзей и знакомых (в его квартире был отключен телефон). Рядом с ним постоянно находилась Л., которой он завещал квартиру, спустя 8 дней после ее переезда к нему. Нотариальное оформление завещания состоялось в день приезда дочери, оформлявшей отпуск по уходу за П.. В этот и последующие дни (до 25.03.2005 г.) дочь, Д., не имела возможности попасть в квартиру к отцу и поговорить с ним по телефону...

...На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что нет оснований утверждать, что у П. в период времени, интересующий суд, а именно 23.03.05 года имели место признаки слабоумия или психоза, однако его общесоматическое состояние с нарастанием болевого синдрома, общего недомогания, с выраженной астенией (слабостью), раковой интоксикацией привели его к нарушению адаптационных возможностей, утрате семейных связей, формированию негативного эмоционального отношения к единственной дочери, что сопровождалось реакциями отвержения, агрессией. При этом он доверил и завещал свое имущество малознакомым людям, по неустановленным мотивам. Влияние лечения на психическое состояние П. комиссия оценить не может, так как нет сведений о том, получал ли действительно П. какое-либо лечение.

Таким образом, на принятие решения П. могли отразиться такие негативные факторы как возраст старения, церебрально-васкулярное заболевание с нарушением функции мозга с общемозговой симптоматикой (головные боли, головокружения, астенические проявления, утомляемость, нарушения формулы сна и т.д.), сенсорная депривация (снижение функции зрения, слуха), общесоматическое страдание с нарастанием интоксикации вследствие онкологического заболевания, эмоциональное состояние, связанное с тяжелым соматическим недугом, беспомощностью, эгоцентризм (ранее не отмечавшийся у него ни родственниками, ни друзьями и соседями).

Как показывают исследования, проведенные в Онкологическом научном центре РАМН, «поведение многих больных с онкологическими новообразованиями отличается непоследовательностью, своеобразной парциальной внушаемостью, которые усугубляются у пожилых и престарелых людей в силу их болезни и физической немощи зависимостью от других лиц... Они часто демонстрируют выраженную внушаемость и подчиняемость случайным посторонним лицам, меняют свои личностные привязанности и интересы, их поведение носит непоследовательный и часто малопонятный характер»²³. В действиях и поведении П. отмечаются подобные признаки. Так, принятие им решения о завещании квартиры происходило в условиях его изоляции от дочери и привычного для него круга общения, в течение относительно короткого периода времени, 8 дней после переезда к нему Л., в период оформления дочерью отпуска для ухода за ним. За это время у него кардинально поменялись планы (отказался от продажи квартиры соседям и завещал квартиру Л.), резко изменилось отношение к дочери (стал относиться к ней агрессивно, обвинял в краже документов). Это может свидетельствовать о том, что принятие решения о завещании квартиры, нотариально оформленного 23.03.2005 г., вероятнее всего не являлось самостоятельным и свободным от влияния извне. Достаточной и достоверной информации о когнитивной сфере, индивидуально-психологических особенностях П. в деле не имеется...

Представляют интерес случаи, когда сторона утверждает, что ей были понятны условия сделки, ее последствия в момент ее заключения, однако в силу ситуации, созданной другой стороной, возможности самостоятельного принятия решения у нее не было.

Пример 34. В процессе заключения сделки на дееспособную гражданку, владелицу акций, было оказано сильное психологическое воздействие, сочетавшее в себе интенсивность, обман и скрытые угрозы. Экспертиза была комплексной психолого-психиатрической.

Из материалов гражданского дела известно, что О. обратилась в суд с иском о признании договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО «Х» недействительным. В своем заявлении она мотивирует свой иск тем, что в период подписания договора она была в тяжелом болезненном состоянии, испытывала длительное (в течение трех часов) психологическое воздействие со стороны четверых посетителей, а потому не могла отдавать отчет в своих действиях при подписании договора.

Согласно показаний, данных О. в ходе судебного заседания, с пятницы на субботу, в 21.30, к ней домой приехали трое ранее незнакомых: К., С. и Н. с ними была Т. (только при причине того, что она была знакома с Т., О. пустила их в квартиру). Н. сказал, что их фабрика обанкротилась, скоро все рабочие окажутся на улице, что против директора возбуждено уголовное дело. Ей говорили, что если она не продаст свои акции, то она окажется на улице. При этом говорилось это в грубой форме; разговор вел Н.. О. не верила, что

²³ Печерникова Т.П., Бутылина Н.В. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза лиц с онкологическими заболеваниями в гражданском процессе. – М., 2000

фабрика – банкрот, не соглашалась продавать свою долю, однако все продолжался до 00.30 ч. ночи. В ходе разговора О. показали заявление Б., а также определение арбитражного суда о наложении ареста на имущество фабрики, подписанное арбитражным судьей. Только после этого появились сомнения. При этом Н. запрещал О. звонить директору фабрики, утверждая, что против него возбуждено уголовное дело. Ей говорили, что если она не продаст акции, то к ней больше не приедут. Во время разговора все сидели, но когда О. окончательно заявила, что не будет продавать акции, они вышли в коридор, при этом Т. еще обувалась. Затем все вернулись в квартиру. При подписании бланк договора был уже заготовлен, на нем уже стояла подпись Б., хотя он сам не присутствовал при разговоре и подписании. Со слов О., если бы она хотела продать акции, то сделала это раньше, без длительного четырехчасового разговора. О. сообщает, что плохо чувствовала, т.к. она болеет гипертонией, о чем ответчик, с ее слов, знал; находилась три недели на больничном по поводу обострения болезни. При посетителях пила лекарства, была заторможенной под воздействием этих лекарств. Считает, что за четыре часа ее «просто добились». Ей сказали, что если она не заключит сделку сегодня, то к ней больше не приедут. На следующий день к ней приехал К. с фруктами, но она его прогнала. Со слов О., ей звонил ее бывший директор З., она узнала его по голосу, который сказал, что она должна «уйти из игры», «так как у ребят все оплачено, есть крыша над головой».

Из показаний О. следует, что когда ей сообщили о том, что против директора возбуждено уголовное дело, то ноги и руки у нее стали «ватными». С ее слов она себя плохо чувствовала, думала, что ее парализует. Сидела «ватная»; в то время как «у Н. рот не закрывался». Как подписывала договор, не помнит; договор в руках держала, но не читала. Деньги не пересчитывала, не хотела их брать. После этих событий О. легла на лечение в стационар. После ухода визитеров О. сама себе вызвала «скорую помощь». Со слов О., когда у нее «давление», она не может заниматься точной работой.

Из показаний свидетеля заключения договора купли-продажи Т. следует, что участники исследуемого события сначала приехали к ней, стали ее «запугивать», точнее «угovarивать» поехать к О. и поговорить с ней. Н. и К. стали угovarивать ее продать акции. Сулили рост производства, обещали безоговорочно предоставить работу, говорили, что директор будет получать 10-12 тысяч рублей и т.п. Обманивали, «лили грязь» на руководство, на директора. Сообщили, что Б. написал заявление в ОБЭП, показывали определение за подписью арбитражного судьи. Говорили, что если О. и Т. не продадут им свои акции, то останутся ни с чем, т.к. акции купят у других. Т. не знает, почему подписала договор, считает, что находилась в шоковом состоянии, собой не руководила. Когда О. открывала дверь, то удивилась, т.к. уже ложилась спать. У нее был болезненный вид. В процессе разговора она принимала таблетки и также давала их Т.. Полагает, что если бы она не приехала, то О. не продала бы свою долю. Доверенности на покупку акций Т. не показывали. Во время разговора все были возбуждены, разговаривали на повышенных тонах, Н. не давал слова вставить. О. на момент подписания была на больничном, не было мест в клинике и она находилась дома, ее состояние было неудовлетворительное. О. и Т. «трясло». После этого Т. три дня не выходила на работу.

Как показала Ф-Ч., врач-консультант, невролог лечебно-диагностического центра, по результатам энцефалографического исследования для О. характерны приступы нарушения сознания, обострения состояния возможны в любое время. Любая стрессовая ситуация может являться провокатором для пароксизма. В таком состоянии человек может делать, что угодно, но ничего не помнить...²⁴

Судебно-психологическое исследование.

В процессе экспертного исследования О. контактна, подробно рассказывает о себе и случившемся. Фон настроения адекватен сложившейся ситуации и процедуре экспертного исследования. Темп работы невысок.

²⁴ Судебно-психиатрическая часть экспертного исследования опущена

...По характеру оценивает себя человеком, умеющим найти общий язык с окружающими; общительна, обидчива, но отходчива. Считает, что ей свойственны упорство, настойчивость, но неконфликтность. Когда уверена в своей правоте, ее нелегко заставить что-либо делать, однако если не уверена, колеблется, то может относительно легко изменить свою позицию.

В исследуемой ситуации... «Все это вызывало сомнения.... Со слов испытуемой, она помнит, что ей диктовали, а она под диктовку писала. Было такое состояние, что все слышала, но говорить не могла, язык был «как ватный», как отключилась. Отказывалась считать деньги, их ей оставили в кульке. После ухода визитеров, не могла заснуть, стало плохо («трясло», тахикардия), вызвала «скорую помощь».

О. считает, что акциями они завладели обманным путем, воспользовавшись ее болезненным состоянием, оказывая на нее воздействие...

...Результаты ИТО свидетельствуют, что О. свойственны слабый тормозимый тип нервной системы, высокий уровень тревожности, сензитивность, уязвимость, инертность мышления, преобладание мотивации избегания неуспеха, ухода от конфликта с окружением, полезависимость, подвластность влиянию среды. Эмоциональная сфера характеризуется сверхчувствительностью особенно к неблагоприятным факторам; преобладают депрессивно-тревожные реакции, страхи. В индивидуальном стиле межличностного поведения проявляются конформистские тенденции (нежелание идти на конфликт с окружающими при несогласии с их точкой зрения, занятие соглашательской позиции), а также – зависимость от окружения. Данные тенденции формируют поведение, направленное на избегание конфликта, поиск щадящей социальной ниши.

Сходные результаты получены по опроснику Шмишека: О. свойственны невысокий уровень общительности, некоторая отгороженность, неконфликтность (занятие пассивной роли в ситуации конфликта), альтруизм, исполнительность, крайне высокий уровень эмоциональной чувствительности к широкому спектру внешних воздействий – особенно к грубости, хамству, несправедливости, а также – ситуациям, требующим бурной деятельности, принятия ответственных решений, угрозы наказания или неуспеха, а также – личной ответственности за дело. Отмечаются также тревожность, инертность мышления, педантизм, недоверчивость.

Высокий уровень реактивной и личностной тревожности выявлен и с помощью ШРЛТ Спилбергера-Ханина. Это свидетельствует о легкости возникновения тревоги в ситуации неопределенности или опасности, приводящей к переоценке угрозы, неадекватной активности (недостаточной или избыточной).

В конфликтных и затруднительных ситуациях О. выявляет тенденцию к фиксации на возникающих проблемах (при легкости возникновения состояний фрустрации или стресса), возложению ответственности на других, а также – к самостоятельному конструктивному решению проблем. Тенденции внутренне несогласованны, что обуславливает низкий уровень социальной адаптации в сложных ситуациях ($GCR = 25.0$, Розенцвейг). По данным опросника РТС Боухала, испытуемая в затруднительных ситуациях выявляет повышенный уровень фрустрированности, равно выраженные тенденции как к пассивным формам реагирования (уход от проблем, сравнение, снижение уровня тревоги приемом лекарственных препаратов, отвлечение), так и активным (компенсация, увеличение усилий). При этом показатель увеличения усилий снижен по сравнению со стандартными значениями.

Уровень конструктивного мышления – низкий (в пределах нормативного диапазона). Это свидетельствует о затрудненности подстраивания стиля мышления требованиям ситуации, невысоком уровне стрессоустойчивости и потенциала совладающего поведения в ситуации фрустрации (Эпштейн).

Самоконтроль – в форме контроля состояния, а не контроля действий. Это свидетельствует, что в стрессовых ситуациях испытуемая выявляет тенденцию к совладанию с неблагоприятным состоянием, избеганию неуспеха, неудач в ущерб действиям, направ-

ленным на разрешение проблемы. Подобная форма самоконтроля обуславливает низкий уровень стрессоустойчивости. При этом в прогнозируемых ситуациях О. способна к планированию своих действий и их успешной реализации (Куль).

Результаты клинического опросника Яхина-Менделевича свидетельствуют о наличии у О. выраженных показателей невротического состояния (шкалы вегетативных нарушений, тревоги, невротической депрессии и истерического типа реагирования)...

... *Ретроспективный анализ психического состояния* О. к исследуемой ситуации (на четырех стадиях ее развития, по 17 параметрам, проективно, с помощью метода опосредованной ретроспективной диагностики и ТВЦ М.Люшера) показал следующее.

На стадии, когда к О. пришли Т. и трое мужчин, цветоассоциативный образ ее психического состояния коррелирует с подавленностью (0.33), сожалением (0.29).

В период интенсивного (по ее словам) убеждения со стороны пришедших продавать акции, цветоассоциативный образ состояния испытуемой обнаруживает значимую связь с растерянностью (0.90), психическим напряжением (0.90), слабостью, разбитостью (0.88), переживанием отчаяния (0.74), безвыходности (0.74), страха (0.69).

Цветоассоциативный образ состояния О. на стадии подписания договора коррелирует с разбитостью (0.93), растерянностью (0.90), психическим напряжением (0.90), отчаянием (0.79), безвыходностью (0.64), страхом (0.69).

После ухода визитеров образ состояния О. сопоставим с раздражением (0.81), чувством опасности (0.76), возбуждением (0.48), безвыходностью (0.43).

Таким образом, состояние, характеризующееся подобным «эмоциональным спектром», может квалифицироваться как фрустрация (безвыходность).

Анализ исследуемой ситуации (по материалам гражданского дела) показал, что:

- в течение длительного времени (почти три недели) О. находилась на больничном по поводу гипертонического криза, т.е. отсутствовала на работе более полумесяца;

- испытуемая, будучи председателем Совета директоров общества, не располагала информацией о якобы резком ухудшении финансово-экономического положения ООО, угрозе банкротства и возбуждения уголовного дела в отношении директора, а потому информация об этом также была неожиданной и, при этом, в высшей степени лично значимой для О.;

- вечерний визит (в 21.30) секретаря Совета директоров общества Т. и троих мужчин (с одним из них испытуемая не была знакома) был неожиданным, поскольку заранее не согласовывался (в том числе по телефону);

- неожиданным было предложение о продаже акций;
- переговоры о продаже акций длились с 21.30 до почти полуночи и продолжались после возвращения визитеров в квартиру О. (со слов О. и Т.). Со слов Н., они длились с 20.30 до 12 часов ночи и также состояли из двух «раундов»;

- в процессе длительного взаимодействия О. и пришедших к ней людей преобладала односторонность подачи информации в присутствии лица, которому О. могла доверять (Т.), как в силу того, что много лет проработала с ней, так и того, что она являлась секретарем Совета директоров общества; отмечались многословность; апелляции к Т., правоохранительным органам, решениям суда; смешение информации, соответствующей действительности (факт подачи Б. заявления в ОБЭП и вынесения арбитражным судом определения о наложении ареста на имущество Общества) с ложной информацией (о возбуждении уголовного дела в отношении директора фабрики и банкротстве фабрики); сообщение информации, достоверность которой была неочевидна для О. (выигранный тендер в М.); сочетание посулов (гарантированность работы, высокие зарплаты при новом руководстве) с угрозами (потерять все, лишиться возможности продать акции – «больше не приедем»), что обуславливало информационную и эмоциональную перегрузку.

Таким образом, ситуация, в которой О. принималось решение о продаже акций, характеризовалась высоким уровнем стрессогенности вследствие длительности оказывавше-

гося на нее воздействия, информационной и эмоциональной перегрузки, формирования мотивации безальтернативно действовать (продать здесь и сейчас, без возможности выяснения реального положения из других источников), позднего времени суток и состояния здоровья испытуемой.

На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что О. выявляет признаки органического эмоционального лабильного (астенического) расстройства в связи с сосудистым заболеванием головного мозга (гипертоническая болезнь) и пароксизмальными расстройствами. Об этом свидетельствуют анамнестические данные о длительности заболевания О. - гипертонической болезни II степени с синдромом пароксизмальных расстройств, которое сопровождается стойкими головными болями, головокружениями, раздражительностью, снижением работоспособности, утомляемостью, тревогой, возникновением пароксизмальных состояний, сопровождающихся кратковременным нарушением сознания с последующим развитием выраженной астении, утомляемости, истощаемости. Анализ специальной литературы свидетельствует, что среди нарушений психики, возникающих при остром расстройстве мозгового кровообращения, отмечаются скоропреходящие приступы тревоги, немотивированного страха. У целого ряда пациентов во время гипертонического криза возникали приступы кратковременного истощения определенных форм психической деятельности, при том, что в это же время относительно успешно выполнялись другие задания. Подобные кратковременные нарушения психической деятельности рассматриваются как «перемежающаяся хромота мозговых центров»²⁵, они, как правило, кратковременны. Анализ имевшейся в распоряжении экспертов информации (как из материалов дела, меддокументации, так и результатов комплексного психолого-психиатрического исследования) свидетельствует, что существует целый ряд внутренних и внешних факторов, которые в исследуемый период могли обусловить принятие О. решения о продаже акций. К *внутренним факторам* относится, *во-первых*, тот факт, что О. страдала до и в период исследуемых событий указанным выше заболеванием; кроме того, в период исследуемых событий у нее отмечалось обострение соматического (терапевтического) заболевания. *Во-вторых*, О. свойственны индивидуально-психологические особенности, которые обуславливают податливость внешнему воздействию (особенно в стрессовых ситуациях). К ним относятся слабый тормозимый тип нервной системы, высокий уровень тревожности, сензитивность, уязвимость, инертность мышления, преобладание мотивации избегания неуспеха, ухода от конфликта с окружением, полезависимость, подвластность влиянию среды, зависимость от окружающих, конформность, подверженность состояниям стресса, фрустрации в конфликтных и затруднительных ситуациях, низкий уровень конструктивного мышления, а также – низкий уровень стрессоустойчивости. К *внешним факторам* в данной ситуации относятся: *во-первых*, позднее время суток, неожиданность визита и неожиданность предложения; *во-вторых*, длительное, более трех часов, целенаправленное воздействие с использованием ряда манипулятивных приемов (присутствие лица, которому О., могла и была вынуждена доверять – Т.; смешение правдивой и ложной информации, апелляция к авторитетам, в частности, правоохранительным органам; исключение возможности связаться с директором, как в силу позднего времени, так и очернения последней, формирования у испытуемой чувства страха в связи с якобы привлечением директора к уголовной ответственности; формирование убеждения безальтернативности решения сочетанием посулов и угроз потерять все). Сочетание указанных внешних и внутренних факторов обусловило возникновение у О. состояния фрустрации (безвыходности). Данное состояние не оказало существенного негативного влияния на способность испытуемой понимать характер совершаемой сделки, ее правовые и материальные последствия. Вместе с тем, у нее к моменту заключения сделки отмечалось нервно-психическое истощение (как вследствие информационной и эмоциональной перегрузки, наличия описанных заболеваний, так и обострения

²⁵ Е.С.Авербух. Психика и гипертоническая болезнь. М., 1965

состояния фрустрации), обусловившее крайне выраженную потребность разрешить ситуацию. Поскольку в течение нескольких часов пришедшие к ней целенаправленно формировали убеждение о безальтернативности продажи акций, учитывая сложившуюся ситуацию и индивидуально-психологические особенности О., данное решение могло являться для нее наиболее легким и быстрым способом снятия невыносимого давления ситуации.

Нередко встречаются ситуации, когда сочетаются сложные обстоятельства, с одной стороны, и серьезные соматические и психосоматические проблемы, которые негативно влияют на способность человека правильно оценивать ситуацию, характер сделки и ее последствия. Приведенный ниже пример является достаточно характерным в экспертной практике.

Пример 35. Согласно определению суда, М-в обратился с иском к М-вой о признании недействительным договора дарения домовладения, признании права собственности на земельный участок, об исключении из числа собственников, взыскании расходов, признании недействительным договора купли-продажи земельного участка и свидетельства о праве собственности. По мнению истца, его сын, воспользовался его тяжелым соматическим состоянием и заставил завещать ему все движимое и недвижимое имущество. Полагая, что он умирает, М-в 27 декабря подписал завещание. После смерти сына, последовавшей спустя полтора года, М-в от своей невестки (ответчицы) М-вой узнал, что он подписал дарственную на имя сына. Впоследствии сын завещал подаренное ему имущество своей жене, М-вой

В процессе экспертного исследования установлено, что М. родился 7-м ребенком. Семья многодетная, проживала в сельской местности, материально плохо обеспеченная. В школе не обучался. Самостоятельно научился читать по слогам. Освоил профессии каменщика-плотника, сварщика 5 разряда. С 1941 года по 1947 год служба в армии, участник ВОВ. В армию призывался рядовым, а закончил старшим лейтенантом, командовал взводом, принимал участие в боевых действиях с Японией. Имел 3 ранения: осколочное ранение в голову в 1942 году, осколочное ранение лица и паховое осколочное ранение. Имеет 22 награды, в том числе орден Красной Звезды, ордена ВОВ 1 и 2 степени, орден Славы 3 степени. После демобилизации проживал в Сибири, работал кузнецом. В 1948 году женился, жена работала старшей медсестрой. Жену взял с ребенком 6-ти месяцев, которого усыновил. Общих детей не было. В браке прожили 60 лет, о жене отзывался хорошо. В 1974 году купил спорный дом размером 6 м х 5 м, делал пристройку. Сын рос «хулиганистым», плохо учился. С 12 лет стал употреблять спиртные напитки. Состоял на учете у нарколога по поводу алкоголизма. Неоднократно лечился по поводу алкогольных психозов, самовольно покидал отделения. Постоянно пил, часто менял женщин. Всех жен избивал, издевался над ними. От первой жены у сына имеется дочь, которая страдает умственной отсталостью, является инвалидом детства. Подэкспертный с внучкой и невесткой поддерживал отношения, держал кур и помогал им. Ответчица появилась четыре года назад, называет ее «проходимкой и аферисткой». «Она постепенно завоевывала доверие. Мы с женой были против регистрации брака, говорили: «Вам под 60, зачем вам это?» Отношения испортились, когда она его стала «подзуживать», а сын стал избивать подэкспертного с женой. В милицию не обращался, потому что боялся, что «тогда он нас убьет». Она хотела его фамилию изменить, «чтобы она стала такой же, как у меня, но в паспортном столе застопорили». Сообщил, что два года назад умерла его жена. После смерти же-

ны взаимоотношения с сыном стали совсем плохие «он избивал меня, бил по голове». «Я страдаю ишемической болезнью сердца. В декабре тяжело заболел - было высокой давление с рвотой, плохо работало сердце. Рассказывает, что «10 декабря у меня пульс терялся, врач испугался и вызвал бригаду, мне делали блокаду. Когда я был на грани смерти после приступа, сын требовал, чтобы я подписал завещание. Когда нотариус появился в доме, я подумал что умираю от болезни, сын знает об этом, и поэтому вызвал на дом нотариуса для составления завещания. На момент подписания завещания я был так плох и испуган, что не понимал, что сын меня обманул, и я подписал не завещание, а договор дарения дома. Добровольно я никогда не оформил бы на него дарственную, я подписывал завещание. Когда мое здоровье немного поправилось, я потребовал документы на дом, но сын сказал, что по документам я подарил ему дом. Если я буду вести себя хорошо, то буду до своей смерти жить в доме. А если буду жаловаться, то он выбросит меня из дома. Они скрывали от меня, что у сына раковая болезнь. Потребовалась операция, и я дал ему 15 тысяч рублей на операцию. Когда сын умер, я похоронил его за свой счет и через 40 дней после его смерти я потребовал у невестки вернуть мне все документы на дом, которые отобрал у меня сын. Она мне сказала, что теперь по завещанию сына дом принадлежит ей, и она может меня выставить на улицу. Затем после смерти сына стали приходить покупатели на дом и 3 сотки земли. Поэтому я обратился в суд о признании договора дарения домовладения недействительным».

Сомато-неврологически: физические признаки старения. Психическое состояние: вошел в кабинет самостоятельно, охотно вступает в контакт. Слух снижен, слышит только громкую речь. Понимает смысл задаваемых вопросов и отвечает по существу. Правильно называет текущую дату, свои автобиографические данные. Зрение снижено, правый глаз не видит «из-за глаукомы». Читает крупные буквы по слогам, очками не пользуется. Пишет, не дописывая окончания слов. Предъявляет жалобы на соматическое состояние: боли в области сердца, боли в пояснице, «колени крутят - растираю». Говорит, что он перенес 2 инфаркта: один – после смерти жены, второй – на следующий год после составления завещания. Наличие шума в голове отрицает. Сообщил, что за ним ухаживает «первая невестка», отзывается о ней с благодарностью «она приходит ежедневно, готовит пищу, убирает, покупает продукты». Подробно рассказал историю своей жизни, подтвердил наличие у него наград соответствующим документом. Мышление обстоятельное, ригидное, затруднено переключение с одной темы на другую. Память на прошлые события сохранена. Внимание фиксирует на длительной психотравмирующей ситуации в семье, пьянстве сына, который постоянно обижал своих женщин, мать и отца. Настаивает на том, что подписывал завещание в пользу сына, находясь в тяжелом соматическом состоянии после приступов панкреатита и сердечного. Думал, что скоро умрет, и поэтому под давлением со стороны сына подписал завещание в его пользу. Показал фотографию, на которой он снят после подписания завещания (вид истощенный, астенизированный). После смерти сына потребовал от ответчицы вернуть ему все документы на дом и узнал, что сын завещал ей домовладение. Рассказывая все это, расплакался, не может успокоиться. В ответ на его обращение в суд невестка стала ему вредить. Считает, что она отравила его собаку. Принес с собой коробочку, из которой достал пакетик с содержимым голубого цвета, говорит, что вытащил это из кастрюли с супом, а на полу нашел кусочек упаковки со словом «смерть». Рассказал, что он застал невестку около своей кастрюли с супом. Подэкспертный боится своей невестки, подробно описывает, как от отравления погибла его собака (уверен, что ее отравила невестка). Отмечает, что «в прошлом году невестка избила», вызывали «скорую помощь». Боится ее – «она опасна для меня, она может подушку набросить, я теперь закрываюсь». Надеется на справедливое решение суда и возвращение ему в собственность его домовладения.

При работе с психологом М-в обстоятелен, но в то же время выявляет неустойчивость внимания – постоянно переходит с темы на тему. При этом фиксирован на негатив-

ном отношении к нему сына (постоянно возвращается к теме унижений и избиений с его стороны) и на сложившейся судебной ситуации. Слабодушен (рассказывая об обстоятельствах тяжбы, начинает плакать, с трудом успокаивается).

В процессе экспериментально-психологического исследования установлено, что внимание М-ва неустойчиво, легко переключается. Темп психической деятельности замедлен. Быстро истощается, что приводит к тому, что он начинает легко путаться в ответах на вопросы при предъявлении заданий. В целом правильно ориентирован во времени, месте и собственной личности. Восприятие зашумленных изображений снижено – не может воспринять все предметы, нарисованные на картинках (ведро, топор, ножницы, кисть, грабли – «косточка, шнуры от нее идут»; кувшин, молоток, утюг, нож – «кувшин, в кувшине ручка, еще что-то напоминает»). Восприятие недостающих предметов также снижено – воспринимая в целом некоторое несоответствие, не может найти его причину (ножницы без одной бранши – «что-то неправильное, ручка с изгибом»; человек копает лопатой без ручки – «что-то чистит, какой-то предмет. Лопата с изгибом, одной рукой держит»), что указывает на нарушения активного внимания, критичности, понимания закономерных отношений между предметами и явлениями. Кратковременная память снижена. Простые задания на обобщение выполняет успешно («животные», «транспорт» – последнее с подсказкой).

Эмоциональный фон настроения выраженно снижен, с фиксацией подэкспертного на негативных переживаниях, связанных с поведением сына и его жены, утратой домовладения, существующей судебной тяжбой. М-в эмоционально лабилен, слабодушен (легко начинает плакать, рассказывая о ситуации, составляющей предмет судебной тяжбы, долго не может успокоиться, униженно просит ему помочь).

Таким образом, М-в выявляет признаки когнитивных нарушений в виде снижения продуктивности восприятия, внимания, памяти, осмысления, а также эмоционально-волевые нарушения в виде эмоциональной лабильности, сниженного фона настроения, слабодушия.

Анализ ситуации подписания спорного документа показал следующее. Отношения с сыном у подэкспертного и его жены были напряженными – сын пил, неоднократно лечился по поводу алкоголизма. После женитьбы сына 4 года назад отношения с ним ухудшились, в том числе и по причине того, что подэкспертный и его жена не приняли невестку (М-в дает ей характеристику как «проходимки и аферистки»); это привело к угрозам и насилию со стороны сына (избивал мать и отца). После смерти жены М-ва, отношения с сыном еще больше ухудшились: тот, по словам подэкспертного, избивал, бил по голове. В декабре этого же года состояние здоровья М-ва существенно ухудшилось (о чем имеются записи в истории болезни 10.12. и 18.12.). В этот период им была дана доверенность на сбор документов, необходимых для нотариального оформления (17.12.). 27.12. на дому был заключен нотариально договор дарения.

Таким образом, начиная с весны, ситуация являлась для М-ва психотравмирующей. Прежде всего, это связано со смертью жены, с которой он прожил 60 лет. Как показывают исследования, смерть близких является самым сильным стрессогенным воздействием для человека (по Холмсу-Раге), вызывающим состояние сильнейшего стресса, выход из которого труден и длителен, требует от человека значительного ресурса совладания, а нередко – медицинского и психотерапевтического воздействия. Ресурс совладания со стрессом обусловлен соматическими, психофизиологическими и личностными особенностями человека. Учитывая возраст М-ва на тот момент (86 лет), его состояние здоровья (исходя из медицинской документации), следует, что этот ресурс был ограничен. Кроме того, характер взаимоотношений с сыном (побои со стороны последнего) усугубляли уровень психической напряженности (стресса) у подэкспертного. В таких условиях человек, оказавшись один на один с ситуацией, при отсутствии поддержки со стороны близких, находится в

депрессивном состоянии, утрачивает дальнейшие жизненные перспективы, что может негативно сказываться на его общем самочувствии, обострять имеющиеся заболевания по типу психогений. По данным меддокументации, к моменту осмотра врачом 10.12. Мурашев был болен в течение трех недель; состояние без видимого улучшения - и на момент осмотра 18.12. Нотариально заверенная доверенность для сбора документов для последующего оформления договора дарения была составлена 17.12. Субъективно подэкспертный воспринимал свое состояние как крайне тяжелое, считал, что он при смерти, были мысли о конце жизни, настроение было подавленным, с тревогой и беспокойством, чувством беспомощности и неспособности справиться с ситуацией. Мурашев испытывал сильные боли, чувствовал слабость, недомогание, малейшие погрешности в диете сопровождались рвотой. Требования сына решить в его пользу вопрос о судьбе движимого и недвижимого имущества, приглашение на дом нотариуса были способны утвердить М-ва в его оценке своего состояния как безвыходного, в том, что он находится в терминальной стадии своей жизни. При этом, учитывая соматическое и психическое состояние подэкспертного (продолжительная депрессивная реакция), особенности познавательной сферы (неустойчивость внимания, истощаемость психических процессов, особенности зрительного и слухового восприятия, обусловленные снижением зрения и слуха), характер сделки (завещание или дарение) для М-ва не имел значения, поскольку, во-первых, он допускал, что может умереть, во-вторых, независимо от характера сделки имущество переходило к сыну. После смерти сына М-в потребовал вернуть документы на домовладение, и был поставлен перед фактом, что владельцем дома является невестка, которая унаследовала подаренное М-вым своему сыну имущество.

На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что М-в в настоящее время обнаруживает признаки психического расстройства непсихотического уровня в форме: «легкого когнитивного органического расстройства», «эмоционально-лабильного (астенического) расстройства», вследствие дисфункции головного мозга, обусловленной цереброваскулярным заболеванием (дисциркуляторная энцефалопатия 2 ст.)(F 06.7; F 06.6 по МКБ 10). В момент заключения сделки у М-ва на фоне длительной психотравмирующей ситуации и тяжелого соматического заболевания возникло легкое психогенное депрессивное состояние (непсихотический уровень), как реакция личности на субъективно непереносимую, безнадежную ситуацию, с подавленным настроением, тревогой, беспокойством, ожиданием неминуемой смерти. Данное состояние следует расценивать как «продолжительную депрессивную реакцию» (F 43.21 по МКБ 10). Несмотря на то, что данное расстройство не достигало психотического уровня, или уровня дефекта, т.е. не влияло на осознанное принятие решения и его исполнения М-вым, однако обусловило нарушение понимания существа сделки, вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации (расценивал ее как завещание). На это, в частности, указывает и его стремление вернуть документы на домовладение после смерти сына. Принятие решения о заключении сделки было обусловлено особенностями его соматического состояния (астения, выраженный болевой синдром), возрастом старения со снижением динамики протекания психических процессов, цереброваскулярным заболеванием с признаками дисциркуляторной энцефалопатии с когнитивными нарушениями (по данным меддокументации и результатам настоящего обследования), а также его психического (эмоционального) состояния – психической напряженности (стресса), психогенно сниженного настроения непсихотического уровня (гипотимия, тревога, тоска), чем объясняется своеобразие когнитивной сферы - пессимистическая оценка своего будущего, ожидание смерти, безразличие к ситуации составления правового акта, инициированного сыном, без критической оценки последствий своих действий, с искаженной мотивацией при принятии решения (передача имущества сыну, с которым всегда были конфликтные отношения по инициативе и при активности последнего при восприятии своего состояния как предсмертного). Наряду с указанными факторами, обусловить неправильное представление о существе сделки могли также низкий общеобразовательный уровень М-ва, его правовая неграмотность.

3.2. Экспертиза юридически значимых психологических особенностей процессуальных лиц и социально-психологических явлений по делам по спорам о праве на воспитание детей.

Данный вид СПЭ развивается уже более 20 лет. Подобные экспертизы назначаются в тех случаях, когда после развода родители не могут прийти к соглашению относительно места проживания детей. Очевидно, если родитель психически болен, страдает алкоголизмом или наркоманией, ведет антисоциальный образ жизни, не требуется специальных психологических знаний для решения вопроса о месте проживания ребенка и, как правило, о порядке участия родителя в воспитании ребенка. В тех случаях, когда родители не обнаруживают антисоциальной направленности личности, являются законопослушными, но в силу длительного семейного конфликта «отягощены» взаимным предубеждением, пытаются (нередко неосознанно) использовать ребенка для сведения счетов с бывшим супругом. На практике встречается значительная вариабельность причин, по которым родители – бывшие супруги подают иски в суд, декларируя это исключительно интересами ребенка.

Если говорить об *экспертных задачах*, то к их числу относятся, *во-первых*, исследование индивидуально-психологических особенностей ребенка и его родителей, психическое состояние ребенка; *во-вторых*, изучение системы ценностей и отношений, стиль воспитания каждого родителя; *в-третьих*, сложившаяся ситуация и система межличностных отношений; *в-четвертых*, прогнозирование психического и личностного развития ребенка с учетом различных вариантов условий его общения с родителями и другими родными и близкими (например, бабушками, дедушками, новыми супругами родителей и т.д.).

Объектом экспертизы данного вида будут являться индивидуально-психологические и личностные особенности участников судебной тяжбы, их психическое состояние, особенности семейной ситуации, способность ребенка понимать особенности ситуации и принимать решения соответственно его

системе отношений, привязанностям, интересам; «воспитательный потенциал» родителей (лиц, их заменяющих).

В отличие от большинства уже рассмотренных видов, экспертиза юридически значимых психологических особенностей процессуальных лиц и социально-психологических явлений по делам по спорам о праве на воспитание детей носит не только ретроспективный, но и прогностический характер, поскольку в результате определяются возможности негативного/позитивного влияния на психическое состояние ребенка, его личностное развитие отдельно проживающего родителя.

Для объективного и всестороннего решения экспертных задач, необходимо исследование не только ребенка (как центральной фигуры), но и его родителей, поскольку судом будет приниматься решение о месте постоянного проживания ребенка с одним из родителей, об обязательном участии другого, отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка либо об ограничении либо запрете общения с ребенком. При других условиях, например, при экспертном исследовании только ребенка либо одного из родителей, либо ребенка и одного родителя эксперты лишаются возможности однозначно оценить сложившуюся ситуацию в целом, степень позитивного/негативного влияния родителя, лица его заменяющего либо другого родственника на ребенка. Свидетельские показания по таким делам, как правило, противоречивы, отражают позиции противоборствующих сторон.

К числу основных вопросов, которые могут быть поставлены на разрешение экспертизы, относятся следующие:

а) в отношении ребенка:

- Каковы уровень и особенности психического развития ребенка?
- Каковы индивидуально-психологические особенности ребенка?
- Каково психологическое отношение ребенка к своим родителям, другим участникам семейного конфликта (бабушкам, дедушкам, новым членам семьи)?

- Выявляет ли ребенок признаки негативного эмоционального состояния, обусловленного затяжным семейным конфликтом?

В случае наличия информации о психическом или неврологическом заболевании ребенка, остроте реакции на семейный конфликт может возникнуть необходимость назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). В таком случае целесообразно, помимо перечисленных, поставить вопросы:

- Не страдает ли ребенок каким-либо психическим расстройством (нарушением психического развития)?

- Имеются ли у ребенка психические расстройства, обусловленные семейным конфликтом?

б) в отношении родителей:

- Каковы индивидуально-психологические и личностные особенности отца (матери)?

- Каковы система ценностей, родительских установок, психологическое отношение к ребенку отца (матери)?

- Каковы психологические взаимоотношения между отцом и матерью?

- Могут ли индивидуально-психологические и личностные особенности отца (матери, другого фактического воспитателя) оказать негативное влияние на психическое состояние и особенности психического и личностного развития ребенка?

Когда в материалах дела имеется информация о том, что родитель страдает психическим расстройством либо неврологическим или тяжелым соматическим заболеванием, выявляет неадекватное поведение, совершал суицидальные попытки (в том числе неоднократно, в период, когда у него уже был ребенок), в отношении него следует назначать КСППЭ и дополнительно к вышеперечисленным ставить такие вопросы, как:

- Не страдает ли отец (мать) каким-либо психическим расстройством?

- Могут ли особенности психического состояния родителя/воспитателя (если есть психические расстройства, неврологические или серьезные соматические заболевания, суицидальные попытки) оказать негативное влияние на психическое состояние и особенности психического и личностного развития ребенка?

N.B.! Определяя пределы компетенции эксперта-психолога, необходимо подчеркнуть следующее. В течение длительного времени предполагалось, (а ряд авторов по-прежнему так считает) что к компетенции СПЭ относится, помимо вопросов, обозначенных выше, и решение вопроса о психологической целесообразности проживания ребенка с конкретным родителем либо об общении ребенка с тем или иным родителем. Авторы также придерживались этой позиции. Однако мы полагаем, что этот вопрос выходит за рамки компетенции СПЭ по следующим причинам. *Во-первых*, в определенной степени решение экспертами этого вопроса уже ориентирует суд на принятие определенного решения (и хотя по закону заключение эксперта не имеет обязывающей силы, рассматривается как одно из доказательств по делу, на практике нередко суды руководствуются принципом «так установила экспертиза»). *Во-вторых*, эксперт устанавливает факты, относящиеся к психической жизни человека (в данном случае – личности участников судебного спора, их состояние, систему взаимодействия, социально-психологические условия формирования личности ребенка и т.д.). Вопрос о неких перспективах, возможностях развития ребенка, динамики его состояния при проживании его у определенного родителя не имеет экспертного решения, поскольку не существуют и не могут существовать экспертной методики, позволяющей учесть все существующие и возможные факторы. Этот вопрос может быть поставлен специалисту (в процессуальном смысле), когда он, исходя из общенаучных данных, практики, своего профессионального опыта, может высказать мнение специалиста.

Рассмотрим пример экспертизы, в ходе которой исследование проводилось в отношении истца (отца ребенка), ответчицы (мать ребенка) и самого ребенка.

Пример 36. Из материалов гражданского дела известно, что Н. обратился в суд с исковым заявлением о нечинении препятствий со стороны бывшей жены, У.И., в осуществлении родительских прав.

В своем письменном объяснении на иск Н. ответчица У.И. указала, что категорически против общения сына с отцом, т.к. Н., по ее мнению «психически неуравновешенный человек, который может не воспитать, а только испортить». В подтверждение своих слов она сообщает о случаях избиения ее на глазах сына, а также о том, что отец кидался с кулаками на сына; в гневе растоптал компьютер сына. Так, угрожая ножом, начал бить, ломать мебель, резать стены, выкидывать все из окна пятого этажа, после чего ушел. Длительное время ребенком не интересовался, не помогал, хотя ребенок нуждался в лечении. Отказывался платить алименты, а когда судебный исполнитель настоял, стал платить по минимуму как безработный. За ребенком приезжали его родственники. После повторной женитьбы Н. стал настраивать сына против матери, говорил, что она плохая, а его новая жена – хорошая. Ругал сына, когда тот рассказывал о том, что помогает по дому матери. Мальчик состоит на учете у невропатолога, который считает, что ему нужен покой. Поскольку У.И. вторично вышла замуж и дома сложилась спокойная обстановка, она считает, что «ребенка трогать и разрывать на две семьи нельзя».

Согласно справке из детской поликлиники, у мальчика отмечается невроз, повышенная судорожная готовность.

Из выписки из истории развития следует, что мальчик родился от второй беременности, первых родов, кесаревым сечением. С 4-х лет наблюдается у нефролога по поводу хронического катарального цистита (два раза стационарное лечение). Также наблюдается по поводу вегето-сосудистой дистонии по смешанному типу, дискинезии желчевыводящих путей по гипомоторному типу. Мальчик состоит на учете у невропатолога. Два раза находился на лечении в отделении реабилитации. Рекомендовано избегать переохлаждений и перевозбуждения. Нуждается в полноценном питании и охранительном режиме. Лечился у невропатолога по поводу невропатии.

Из школьной характеристики следует, что мальчик «к учебе относится добросовестно, много занимается дополнительно. Успевал только на «хорошо» и «отлично». Трудолюбив, исполнитель. Очень заинтересованно относится к любому поручению. Любит читать книги, рисовать. Быстро включается в работу. Участвовал в костюмированных школьных праздниках. В этом заслуга семьи, в которой он воспитывается... В течение года классные собрания супруги У-вы посещали всегда вместе. Они вдвоем воспитывают мальчика, являясь чуткими заинтересованными людьми. Известно, что у мальчика есть папа. Но Н. не принимал участия и содействия в учебно-познавательной деятельности своего сына. Мальчик по характеру веселый и общительный, добрый и отзывчивый ребенок. Организован и дисциплинирован. Пользуется авторитетом среди товарищей»

Согласно акту обследования жилищно-бытовых условий, ... в семье созданы все необходимые условия для полноценного развития и воспитания ребенка, ... налажен психологический комфорт. Ребенок давно не видел отца и не испытывает желания его вновь увидеть.

В судебном заседании ответчица пояснила причину своего нежелания, чтобы отец виделся с сыном. После того, как отец постоянно настраивал против матери, мальчик «стал дерганный, кричит, плачет»; сказал, что больше к отцу не поедет. Свидетели со стороны истца утверждают, что у Н. с сыном были хорошие отношения, ребенок тянется к отцу и его родственникам, стал нервным после того, как истица перестала его давать отцу. Свидетели со стороны ответчицы, напротив, утверждают, что мальчика настраивали про-

тив матери; во время совместной жизни ребенок видел, как отец бил его мать. Со слов третьего лица, представителя органа опеки, состоявшаяся встреча отца с сыном описана следующим образом. «Когда зашел отец, ребенок сильно переживал». На вопрос отца, почему он не хочет видаться с ним, мальчик ответил, что не хочет потому, что он бил его и маму». Свидетеля насторожил тот момент, что отцу нечего было спросить у ребенка, они не знали, о чем говорить. Ребенок сильно боялся отца. Второе и третье общение отца не состоялось, т.к. ребенок был напуган и не хотел идти на встречу с отцом.

Из справки психолога, по результатам диагностики и консультационной беседы с мальчиком следует, что выявлена высокая тревожность и внутренняя напряженность. Ребенок переживает чувство опасности, испытывает неуверенность и страх. Выявляет потребность в защите. Нуждается в спокойной, доброжелательной, спокойной семейной обстановке и специальной психологической помощи. Различные семейные конфликты, свидания с родным отцом против воли ребенка могут усилить психическую напряженность и вызвать сильный эмоциональный стресс.

По месту жительства Н. характеризуется положительно: с соседями живет дружно, отзывчивый, добрый человек.

В процессе экспертизы проводилось исследование в отношении мальчика, Н. и У.И.

1. Психологическое исследование в отношении мальчика.

В процессе исследования мальчик называет в качестве своей фамилию отчима, а не родного отца. На начальной стадии работы (особенно при беседе) очень напряжен и тревожен; поза скованная, при выполнении заданий (в частности, проективных рисуночных методов) искоса поглядывает на эксперта, контролируя его реакцию. Подробно рассказывает о себе.

Сообщил, что ему 8 лет, проживает вместе с мамой и папой. Родных братьев и сестер нет; назвать, есть ли у него двоюродные братья и сестры, затрудняется («не помню»). Учится во втором классе, успевает на «хорошо и отлично». Любимый предмет – математика. Уроки делает в группе продленного дня, где с ним индивидуально занимается преподаватель. Бабушка дважды в неделю водит его на занятия по английскому языку. Одно время занимался в секции тэйквондо, но там ему не понравилось, и перестал посещать занятия. В свободное время любит смотреть мультфильмы по телевизору, детские видеофильмы.

Испытуемый называет «папой» второго мужа матери. На вопрос о родном отце, заявляет, что у него нет мужчин-родственников по имени Владимир, что никогда и ни при каких обстоятельствах с родным отцом не встречался. (Эта часть беседы для исключения возможного влияния со стороны матери проводилась в ее отсутствие, с согласия последней)...

...По данным СРQ, мальчик открыт, доброжелателен, общителен, участлив. Отмечается высокий уровень эмоциональной чувствительности, но в то же - стремление к независимости, склонность к самоутверждению, высокий самоконтроль, понимание социальных нормативов. Мышление конкретное.

Обнаруживает высокий уровень тревожности, что может быть обусловлено наличием затяжной психотравмирующей ситуации, связанной с судебной тяжбой (Тэммл, Дорки, Амен). Это подтверждается и результатами графического анализа рисунков испытуемого: характерны игнорирование цвета, штриховка, диссонанс между изображениями и рассказами, составленными по ним. При этом, рассказы по ним отражают отсутствие выраженного внутреннего конфликта, относительный психологический комфорт («человек под дождем», «несуществующее животное»).

Анализ эмоционального отношения к участникам сложившейся ситуации (с помощью ЦТО) свидетельствует о предельно выраженном положительном эмоциональном отношении мальчика к матери, «папе Гене», «бабушке Вале» (прабабушке испытуемого);

далее следуют «бабушка Оля» и «дедушка Валера». Выявить эмоциональное отношение испытуемого к родному отцу с помощью данного метода не представилось возможным ввиду категорического заявления мальчика о том, что у него нет других родственников.

По данным ТВЦ М.Люшера, испытуемый обнаруживает стремление упрочить свое положение, поскольку имеющиеся препятствия вызывают негативные переживания, однако чувствует, что это превышает его сил. Это вызывает тревогу, беспокойство, некоторую скрытность. Нуждается в щадящем режиме.

II. Экспертное исследование в отношении Н, отца мальчика.

В процессе экспертного исследования Н. контактен, подробно рассказывает о себе и о существе проблемы, ставшей предметом иска.

О себе сообщим подробные сведения. Отмечает, что в его детстве отцу «всегда было некогда», в том время, как испытуемому не хватало общения с ним. Позднее, когда отец пытался наладить отношения, у испытуемого появились другие интересы, в частности, хотелось больше общаться с друзьями...

По характеру оценивает себя «взрывным» («могу молчать, терпеть, а потом – взорвусь»), хотя старается избегать конфликтов. Не может мириться с предательством. В людях ценит преданность, работоспособность, «умение разделить тяготы и радости».

Говоря об отношениях с бывшей женой, отмечает, что «глубокого чувства у него к ней не было, привык, расставаться тяжело было», кроме того, она «устроивала - была хорошей хозяйкой, привлекательной женщиной»... После рождения ребенка прожили примерно два месяца, затем разошлись и два года вместе не жили... Однажды, приехав к ребенку и увидев безденежье, предложил вновь жить вместе, «хотя понимал, что ничего не получится». Год прожили вместе... Возникали ссоры из-за финансовых вопросов. Испытуемый не отрицает, что иногда применял физическую силу в отношении жены в качестве аргумента в конфликтных ситуациях.

Считает, что его семья не вписывалась в традиции, усвоенные им с детства; возникали проблемы с родственниками из-за разных взглядов на семейные устои. Однако, по мнению испытуемого, эти проблемы не были решающими в распаде семьи...

Испытуемый характеризует бывшую жену как упрямого человека. Больше ничего сказать не может («плохое говорить не хочу, а хорошего сказать – нечего»). Считает, что для нее главное – «хорошо выглядеть, сделать не хуже, чем у других».

После ухода из семьи первое время общался с ребенком («раз в неделю – две»), за мальчиком приезжали либо мать, либо племянник. Сам к жене и ее родственникам не ездил, т.к. не хотел с ними общаться. Просил разрешения оставлять сына у себя на ночь, но жена и ее родители были против. Однажды сын сказал, что мама хочет с ним поговорить, но Н. к ней не поехал. Последний раз привозил сына к себе домой, когда уже был вторично женат... Более года не виделся с сыном. Бывшая жена в качестве поводов не давать видиться с ребенком называет «то болезнь, то иные причины». Один раз встреча прошла в присутствии двух представителей «детского комитета» в кабинете (вместо ранее оговоренной встречи в парке). В это время за дверью стояли бывшая жена, теща. В ходе встречи мальчик был зажат, чувствовал себя неловко, равно как и испытуемый. По словам Н., он «конечно не ожидал, что после года разлуки сын сразу кинется на шею, но в неформальной обстановке встреча прошла бы теплее».

Испытуемый говорит, что его тянет к сыну, но он опасается, что желание видеть его ослабнет, т.к. чувствует, что отвыкает от мальчика, тем более, что внимание в большей степени сконцентрировано на маленькой дочке (от второго брака). Не хочет потерять сына, т.к. помнит, как ему самому в детстве не хватало внимания и участия отца. Полагает, что рано или поздно они с сыном все равно будут общаться, когда тот вырастет, но близких отношений уже не будет.

Испытуемый говорит, что «будет спокоен за то, что новый муж У.И. будет хорошо относиться к мальчику», но считает себя, как родного отца, ответственным за сына. Выражает согласие видиться с ним и при свидетелях...

...Установлено, что Н. присущи такие индивидуально-психологические особенности, как невысокий уровень общительности, чувствительность к обидам, тревожность, настороженность, недоверчивость, ревнивость (Леонгард-Шмишек).

По данным опросника ИТО Л.Собчик, ему свойственны некоторая инертность психических процессов, обстоятельность, некоторая замкнутость, тревожность, конформизм, пассивность позиции, некоторый пессимизм.

Уровень интернальности (представления о степени собственного влияния на события, с ним происходящие, что обуславливает уверенность в себе, ответственность, независимость) невысок. Особенно это относится к семейным отношениям, что свидетельствует о слабости позиции испытуемого в семье. Напротив, в сфере производственных отношений сила собственного влияния на деятельность и ее результаты высока (УСК).

В проблемных и затруднительных ситуациях обнаруживает тенденцию обвинять окружающих в возникновении проблем, но в то же время отмечается готовность к конструктивному решению. Уровень социальной адаптации снижен (Розенцвейг). Стрессам мало подвержен. Уровень активности в решении трудностей невысок (Боухал).

Исследование особенностей социального интеллекта показало достаточно низкий его уровень, что обуславливает определенные трудности в межличностных отношениях, проблемы в понимании внутреннего содержания и прогнозировании ситуаций межличностного взаимодействия (Гилфорд-Салливан).

Оценивая степень развития социальных навыков, Н. отмечает собственные проблемы в компромиссном решении проблем, в выражении своих чувств (как положительно, так и отрицательно эмоционально окрашенных) и желаний. Бывшая жена, в его представлении, не обладает способностью понять другого, признать свои ошибки, действовать в соответствии с договоренностями, обратиться за помощью, определять, что явилось причиной неудач. Испытуемый считает, что в большей степени он соответствует представлению об идеальном воспитателе, чем его бывшая жена (Гольдштейн). По методу Т.Лири отмечается сходная картина. В то же время, результаты указанных методов свидетельствуют о довольно критичной самооценке Н. в качестве воспитателя.

Анализ отношения Н. к ребенку свидетельствует о достаточно выраженном положительном отношении к ребенку: он нравится ему таким, какой он есть; уважает его индивидуальность, имеет потребность проводить с ним больше времени, заинтересован в раскрытии его потенциала, стремится к симбиотическим отношениям с ним. В то же время отмечается тенденция к гиперопеке. Следует отметить, что в представлении Н. его бывшая жена выявляет сходное отношение к сыну.

Анализ родительского сочинения свидетельствует об эмоциональности автора, готовности к эмоциональному общению с ребенком, потребности проявлять заботу о нем. Делается акцент на собственной ответственности за судьбу сына. В то же время, эти тенденции носят несколько абстрактный характер (в частности, испытуемый ни разу не упоминает имени сына, не дает ему каких-либо характеристик, не демонстрирует знания его проблем, что могло бы говорить в реальной "наполненности" данных устремлений).

Цветовой тест отношений позволяет выявить глубинные эмоциональные отношения испытуемого к значимым ценностям и персоналиям. Его результаты свидетельствуют о высокой значимости для Н. всего, что связано с домом (0.62), семьей (0.74) и, в то же время, с карьерой (0.52). Воспитание не относится к приоритетным ценностям (-0.10). Отношение к сыну на эмоциональном уровне скорее индифферентно, что соответствует отсутствию между ними эмоциональной привязанности, "отвыканию" (по словам испытуемого) от мальчика. Отношение к бывшей жене выражено негативное (-0.67). Существующими отношениями в семье, своим нынешним положением Н. скорее не удовлетворен.

III. Психологическое исследование в отношении У.И.

В процессе экспертного исследования У.И. контактна, рассказывает о сложившейся ситуации, склонна проявлять реализм в оценке происходящего.

Сообщила, что с Н. до женитьбы встречались два года, почему вышла за него замуж, сказать затрудняется, но «наверное, любила». В течение семейной жизни, которой, по ее словам «собственно не было», муж проявил себя неуравновешенным, грубым, агрессивным, крайне зависимым в моральном и финансовом отношении от матери и старших сестер. Никогда не чувствовала с его стороны внимания, заботы. Сразу после рождения сына он ушел из дома. Когда обратилась к нему за помощью, т.к. сын сильно болел, он сказал, что это не его проблемы, т.к. ребенок ее. Когда вновь сошлись и жили у родителей мужа, собственно семейной жизни не было. Все в доме решала мать (что и кому готовить, что покупать, вплоть до мелочей). Кроме «деда» (отца Н.), в семье к мальчику относились свысока (в том числе его двоюродные братья и сестры). Бывший муж с сыном также был холоден, груб, мог отпускать подзатыльники. Мальчик не хотел жить в семье отца, часто просился к бабушке (матери испытуемой), не хотел оттуда уходить. У.И. тепло отзывалась о своем бывшем свекре («тихий, спокойный, порядочный, все делал, хорошо относился к ней и внуку»).

После переезда на новую квартиру между У.И. и Н. произошел конфликт, в ходе которого муж порезал и порвал обои на стенах, выбросил телевизор, поломал мебель, чем сильно напугал сына. После этого пришлось очень тяжело материально и морально. Испытуемая отмечает, что сын, несмотря на его возраст, оказал ей серьезную моральную поддержку, вел себя «как мужчина».

В настоящее время У.И. вышла замуж. С мужем у сына сложились очень теплые отношения, хотя поначалу мальчик «боялся, что тот будет такой, как его отец», о чем говорил матери. С новым мужем они сблизилась очень быстро, мальчик теперь не хочет оставаться у бабушки, стремится быстрее вернуться домой, тянется к нему... Дома очень спокойная обстановка, мальчик также спокоен. В последнее время, после начала судебной тяжбы, стал несколько напряжен, не хочет общаться с чиновниками из отдела народного образования, органов опеки и попечительства.

У.И. полагает, что стремление бывшего мужа видеться с ребенком объясняется его желанием досадить им всем, т.к. оно проявилось особенно после того, как она вышла замуж, у нее наладился бизнес. Считает, что встречи мужа с сыном излишни, потому, что мальчик привык к ее второму мужу, называет его отцом (по своей инициативе), переживает ситуацию судебной тяжбы. Опасается, что продолжающаяся тяжба, а также встречи окажут психотравмирующее влияние на сына...

...У.И. свойственны активность, энергичность, инициативность, умеренная общительность, стремление к лидерству, обостренное чувство долга и чувствительность. Характерны некоторая демонстративность, высокая самооценка.

Уровень социального интеллекта невысок, что свидетельствует о возможности некоторых проблем в прогнозировании ситуаций межличностного взаимодействия в определенных ситуациях.

По данным теста Гольдштейна, У.И. достаточно критично оценивает себя как воспитателя, в то же время бывший муж, в ее восприятии, выявляет крайне выраженный дефицит родительских навыков. По оценке испытуемой, большинство социальных навыков у него также не развито.

Результаты теста Т.Лири свидетельствуют, что У.И. свойственны альтруистичность, дружелюбие, эмоциональность, компромиссность. Бывшему мужу, по ее мнению, напротив, свойственны чувство превосходства, склонность к соперничеству, авторитарные тенденции. Он упрям, требователен, энергичен, склонен к переоценке своих возможностей. При сравнении циклограмм, отмечается определенное сходство самооценки испытуемой и образа идеального воспитателя; образы Н. и воспитателя практически не совпадают. Следует отметить совпадение образов идеального воспитателя и нынешнего мужа испытуемой.

По данным ЦТО, У.И. выявляет на эмоциональном уровне положительное отношение к сыну (0.71), общению (0.38). Карьера, деньги существенного значения не имеют (соответственно, -0.12 и -0.38). Отношения второго мужа к сыну в восприятии испытуемой положительно эмоционально окрашено (0.31), в то время, как отношение Н. – индифферентно (0.02).

Результаты теста PARY свидетельствуют, что У.И. не склонна к подавлению воли и самостоятельности ребенка, навязчивости в отношениях с ним, избыточным страхам причинить ему вред. Преобладает тенденция к товарищеским отношениям с ребенком. В ее представлении бывший муж выявляет склонность к подавлению воли ребенка, не интересуется его мнением, излишне строг, склонен к гиперопеке, не склонен к общению с ребенком, не способен к установлению товарищеских отношений с ним. Эти тенденции (как в отношении У.И., так и ее бывшего мужа) подтверждаются результатами теста родительских отношений.

Родительское сочинение отражает симбиотические отношения с сыном, проявляющиеся в том, что У.И. находится в курсе всех проблем и успехов мальчика (в частности, знает его мечты и устремления и во многом разделяет их), выявляет эмоциональные переживания (преимущественно положительного характера) в связи с этим, принимает сына таким, какой он есть. Отмечается гордость за сына, дружелюбное и уважительное к нему отношение. Обращает внимание на духовное развитие мальчика (отношение к окружающим, к девочкам, друзьям, порученному делу). У.И. много и подробно иллюстрирует свое повествование примерами (в частности, об успехах и проблемах, как в школе, так и в повседневной жизни).

IV. Сравнительный анализ результатов психологического обследования обоих родителей свидетельствует о некотором их сходстве: оба выявляют примерно одинаковый уровень социального интеллекта (что, в определенной степени, вероятно, не позволило им в свое время найти общий язык и мешает сделать это в сложившейся ситуации); обоим присуща повышенная эмоциональная чувствительность; критичность в самооценке (в том числе, относительно своего «воспитательного потенциала»). Также Н. и У.И. выявляют очень сходное отношение к ребенку (по данным теста родительского отношения). Сходство проявляется и в их негативном отношении, взаимной низкой оценке «родительского, воспитательного потенциала» друг друга. Выявленные различия (по результатам PARY-теста) заключаются в стремлении У.И. к товариществу, сотрудничеству с сыном при отсутствии тенденций к гиперопеке, в то время, как Н. демонстрирует более строгое отношение к детям при достаточно выраженном стремлении к опеке. Указанные тенденции не противоречивы, отражают усвоенное каждым из родителей представление о его воспитательной роли, соответственно семейному укладу и могут быть взаимодополняющими.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. Формально, индивидуально-психологические особенности Н., его воспитательные установки, система ценностей не препятствуют общению с сыном. Как показывают результаты экспертного исследования, стремление Н. общаться с сыном обусловлено в большей степени рациональными мотивами (чувством долга, ответственности), не подкрепленными на эмоциональном уровне (индифферентное отношение к мальчику, соответствующее стадии отвыкания). Это также не являлось бы существенным препятствием для общения отца с сыном, если бы не следующие обстоятельства. Данные экспертного исследования свидетельствуют, что мальчик в настоящее время адаптировался к новому семейному укладу, обнаруживает положительно эмоционально окрашенное отношение к мужу матери, которого называет отцом. При этом у мальчика отмечается негативное отношение, как к родному отцу, так и к ситуации, связанной с судебной тяжбой. Отвержение всего, что может быть связано с родным отцом, является реакцией психологической защиты: на глубинном уровне у мальчика произошло вытеснение образа родного отца, являвшегося источником психотравмирующего воздействия, и происходит замещение его образом «нового отца» –

второго мужа матери. Это является адекватным адаптивным процессом, снижающим стрессогенный характер ситуации, вследствие развода, сопряженного с ярким конфликтом между родителями, нового замужества матери. В связи с этим на данном этапе любое напоминание о родном отце может восприниматься ребенком как угроза его нынешнему положению, психологическому комфорту, дальнейшим жизненным перспективам. Присущие мальчику высокий уровень эмоциональной чувствительности и тревожности, на фоне неврологического неблагополучия, могут обуславливать глубину и интенсивность отрицательных эмоциональных переживаний в связи с этим. Подобное положение способно оказать психотравмирующее влияние на психику мальчика, ухудшить его состояние, привести к дезадаптации, негативно сказаться на процессе его психического развития. Если говорить о возможном влиянии матери (в частности ее отношения к Н., к сложившейся ситуации) на появление стойкого негативного отношения у мальчика к отцу, необходимо отметить следующее. Наличие между У.И. и ее сыном сильной эмоциональной связи, обусловленной как возрастом мальчика, так и системой эмоциональных отношений, сформировавшейся в ситуации семейного кризиса, безусловно, может сказываться на формировании отношения ребенка к определенным лицам, явлениям, нормам и т.д. При этом возможно бессознательное усвоение ребенком установок, настроений людей, являющихся для него значимыми, подражание им. Это может проявляться и в его отношениях (как положительных, так и негативных) к определенным людям. Следует отметить, что подобный процесс позволяет адаптироваться ребенку, который в силу своего возраста, уровня интеллектуального и социального интеллекта, жизненного опыта не может оценить сложную жизненную ситуацию, осознать происходящее, выбрать адекватную линию поведения. В то же время следует отметить, что ребенок восьмилетнего возраста в силу развития собственного «Я» способен достаточно критично оценивать действия окружающих и не является пассивным участником в процессе усвоения системы взглядов, установок, отношений. Поэтому, несмотря на силу влияния со стороны матери, вследствие эмоциональной близости, вряд ли негативное отношение к родному отцу является исключительно результатом влияния со стороны матери.

На основании данного заключения судом было принято решение отказать в иске Н.

В ходе другой экспертизы, фрагмент которой представлен ниже, выводы эксперта не столь однозначны, поскольку анализировавшаяся ситуация была значительно сложнее, предыстория конфликта и сама его динамика – более острой. Ввиду большого объема заключения мы приводим результирующую часть.

Пример 37. Девочка обнаруживает сложные и противоречивые отношения к своим родителям. На уровне глубинных эмоциональных отношений, ни один из родителей не связан с положительными эмоциями, что может свидетельствовать о том, что родители (вследствие неурегулированности их взаимоотношений, попыток конфликтным путем решать судьбу дочери) воспринимаются ею как источник постоянного психотравмирующего воздействия. В то же время в отце девочка видит человека, который может помочь в сложной ситуации, защитить ее, однако не чувствует необходимого ей ответного эмоционального тепла (что, впрочем, трудно ожидать, исходя из биологически обусловленного и традиционного социального распределения мужских и женских ролей в воспитании). В семье отца девочка не испытывает чувства незащищенности, недостатка заботы, но при этом обнаруживает недостаток внимания к себе и своим проблемам, а также эмоциональ-

ного тепла. Девочка испытывает выраженную потребность в матери, но в то же время ее мать на рациональном уровне и на уровне глубинных эмоциональных отношений воспринимается девочкой крайне негативно.

2. Отрицательное эмоциональное отношение к матери, прежде всего, и обуславливает отсутствие взаимопонимания между девочкой и матерью, а также нежелание девочки жить с матерью (о чем она повсюду говорит). Что касается других причин подобного отсутствия взаимопонимания с матерью, то их может быть сколь угодно много. В частности, к ним могут относиться: отрицательный психологический настрой отца и бабушки по отношению к матери (поскольку микросоциальное окружение формирует систему отношений и ценностей индивида, особенно в детском возрасте); эксцессы в школе с участием матери (девочкой мать могла восприниматься в качестве источника психотравмы и угрозы устоявшемуся жизненному стереотипу) и т.п. Кроме того, одной из причин отказа девочки проживать с матерью, на бессознательном уровне может явиться потребность в самозащите, поскольку переезд к матери повлечет за собой слом жизненного стереотипа (в том числе и по причине неприятия матери системы ценностей отца и его семьи), что потребует от девочки значительных психофизиологических и психологических затрат при ограниченности их ресурсов (в силу состояния здоровья). Другой причиной отказа может являться нежелание девочки огорчать отца и бабушку, с которыми она живет уже несколько лет.

3. Что касается определения постоянного места проживания девочки, то, с психологической точки зрения, в сложившейся ситуации *ни один из родителей не имеет явного преимущества в претензии на исключительность в воспитании дочери*. Это обусловлено: *во-первых*, нежеланием (а также вероятно недостаточной способностью) обоих родителей поставить в центр внимания интересы ребенка, его психологический комфорт, благополучие (несмотря на декларации этого) и самостоятельно прийти к компромиссному варианту решения проблемы; *во-вторых*, усилиями обеих противоборствующих сторон создана психотравмирующая для девочки ситуация, не предполагающая безболезненного выхода из нее; *в-третьих*, ни один из родителей не имеет достаточного духовного потенциала для полной замены другого родителя; их представления о целях воспитания дочери диаметрально противоположны и подвергаются друг другом резкой критике; *в-четвертых*, оба родителя отягощены предубеждениями и негативными установками в отношении друг друга, которые они не скрывают и которые, как показывает экспертное исследование, на данный момент корректировать не готовы; *в-пятых*, оба родителя заняты в сфере негосударственного бизнеса, ориентированы на карьеру (хотя и в разной степени), что предполагает самоотдачу и большие временные затраты, а потому воспитание ребенка ляжет на плечи бабушек. Поэтому любое решение о передаче девочки на воспитание одной из сторон, вовлеченных в настоящий спор, имеет значительный спектр отрицательных последствий.

Так, если девочку передать на воспитание матери, то к числу отрицательных моментов, которые способны осложнить процесс адаптации и продуктивного воспитательного воздействия, следует отнести: *во-первых*, очень высокая вероятность социальной дезадаптации девочки вследствие изменения условий жизни, разрушения привычного жизненного стереотипа; *во-вторых*, наличие у девочки негативного эмоционального отношения к матери (что значительно серьезнее детских утверждений о том, кого ребенок больше любит); *в-третьих*, нарушение тесной взаимосвязи “ребенок-мать”, возникшее вследствие длительного отсутствия контактов, целенаправленного и положительно эмоционально окрашенного межличностного взаимодействия; *в-четвертых*, существование опасности гиперопеки и инфантилизации ребенка со стороны матери вследствие отсутствия в течение длительного времени контакта с дочерью, а также особенностей сложившейся ситуации; *в-пятых*, наличие у матери в достаточной степени идеалистических представлений о жизни и воспитании, недооценки важности формирования бытовых, житейских навыков; *в-шестых*, ярко выраженная мотивация достижения успеха в профессиональной деятельно-

сти у матери и вследствие этого - большая загруженность по работе и очень высокий уровень ответственности к своим служебным обязанностям; *в-седьмых*, наличие ярко выраженной негативной установки у матери девочки в отношении своего бывшего мужа и его родных, что с высокой долей вероятности приведет к выключению отца девочки и его матери из воспитательного процесса, а также отразится на системе эмоциональных и ценностных отношений девочки. К числу положительных моментов воспитания матерью следует отнести высокий творческий потенциал, широкий круг интересов, разносторонность, богатство душевного мира матери девочки.

Если в судебном порядке закрепить в качестве места постоянного проживания семью отца, то к числу негативных моментов следует отнести: *во-первых*, исключенность матери из процесса воспитания и межличностного взаимодействия, что может привести (и уже привело) к нарушению развития эмоциональной сферы девочки (в частности, несформированности эмпатии и т.п.); *во-вторых*, занятость на работе отца и бабушки, основных воспитателей девочки; *в-третьих*, недостаток эмоционального тепла и внимания к проблемам девочки; *в-четвертых*, вовлеченность девочки в противостояние между сторонами (о чем могут свидетельствовать ссылки на нее при обосновании тезиса о негативном влиянии матери на девочку, постановка перед девочкой вопросов о том, с кем она хочет жить и т.п.); *в-пятых*, опасность дисбаланса в воспитании в сторону формирования бытовых навыков в ущерб гармоничному развитию личности; *в-шестых*, крайне высокая вероятность того, что мать девочки и бабушка (по линии матери) в дальнейшем будут полностью лишены возможности участвовать в воспитательном процессе вследствие отъезда семьи бывшего мужа на постоянное место жительства в другую страну. К числу положительных аспектов воспитания девочки отцом следует отнести: *во-первых*, привычность микросоциальной обстановки, сформированность уклада и жизненного стереотипа; *во-вторых*, формирование воспитателями у девочки практических житейских навыков; *в-третьих*, размеренная жизнь в небольшом курортном городе, что соответствует на данный момент состоянию здоровья девочки.

Не всегда имеется возможность обследовать всех участников конфликта. В деле, по которому была проведена нижеследующая экспертиза, противостояние сторон достигло такой остроты, что обследовать родителей мальчика не представлялось возможным ввиду их категорического отказа пройти обследование. В данном деле интересно то, что активным участником противостояния являлась бабушка мальчика, мать отца, по иску которой было возбуждено дело. Следует отметить, что часто после развода, кроме ребенка, ущемленной стороной оказываются бабушки и дедушки, которые лишаются возможности общения с внуком. Приедем фрагмент экспертизы по данному делу.

Пример 38. ...Прежде чем изложить результаты экспериментально-психологического исследования мальчика, эксперт считает необходимым подчеркнуть свою принципиальную позицию в вопросе выбора тематики бесед с испытуемыми дошкольного и младшего школьного возраста, а именно, - недопустимость использования психотравмирующей для ребенка тематики. В данном случае это относится, прежде всего, к

вопросам подробного описания жизни в той и другой семье и отношения к каждому из участников исследуемых событий. Это связано с тем, что, *во-первых*, любой вопрос, касающийся отношений между родителями, другими близкими родственниками (бабушками и дедушками) (особенно в тех случаях, когда между ними существует острый конфликт), однозначно является для ребенка психотравмирующим уже потому, что он затрагивает его собственную систему отношений (как к сложившейся ситуации, так и к участникам конфликта), вольно или невольно ставит перед ним необходимость оценки как самой конфликтной ситуации, так и позиций сторон. Дать этому объективную оценку ребенок не в состоянии, поскольку не обладает: а) достаточным для этого уровнем интеллектуального развития; б) достаточным уровнем социального интеллекта (как интегративной способности оценивать характер и динамику ситуаций межличностного взаимодействия и прогнозировать их дальнейшее развитие - подобная способность требует развитого интеллекта, достаточного уровня развития эмоционально-волевой сферы, а также (что крайне важно) достаточного социального опыта). Кроме того, в подобных ситуациях ребенок не является беспристрастным наблюдателем конфликта, т.к. конфликт происходит между близкими ему людьми, которых он, несмотря ни на что, продолжает любить. И, наконец, ребенок, несмотря на его возраст и недостаточный социальный опыт, чувствует и понимает, что именно он является «яблоком раздора», но по тем же самым основаниям (возраст и социальный опыт) - не в состоянии понять, почему это происходит, что может приводить к возникновению чувства вины. Все это обуславливает психотравмирующий характер подобных ситуаций, что крайне негативно влияет на психику ребенка (как в плане усиления невротизации, так и в плане дисгармоничного развития личности). *Во-вторых*, учитывая вышесказанное, еще в большей степени как психотравмирующий недопустим вопрос о том, с кем из родителей хотел бы постоянно жить ребенок. Помимо того, что ребенок не в состоянии объективно, беспристрастно оценить ситуацию, он также не в состоянии объективно оценивать того или иного родителя. Кроме того, проблема выбора родителя определяет и выбор дальнейшего жизненного пути. В дошкольном и младшем школьном возрасте уровень психического развития явно недостаточен для этого. Кроме того, частным аспектом проблемы выбора между родителями может явиться остро встающая перед ребенком проблема предательства (в этом возрасте данная морально-нравственная категория на доступном ребенку уровне уже усвоена и является личностно значимой), поскольку он понимает, что, выбрав одного родителя, он отвергает другого (в условиях острого противоборства между ними). То есть, постановка перед ребенком вопроса о том, с кем из родителей он хотел бы жить предполагает: а) способность адекватно оценивать ситуацию, характер действий ее участников, а также возможные перспективы развития ситуации; б) способность принять правильное, ответственное решение, определяющее его жизненную перспективу. Подобная способность, как правило, в общих чертах формируется к 14 годам. Исходя из этого, в ходе беседы экспертом не затрагивались вопросы: а) связанные с отношением испытуемого к раздельному проживанию родителей; б) с желанием ребенка жить с кем-либо из родителей, а также – о порядке общения с другим родителем и близкими родственниками (бабушками и дедушками). По тем же основаниям не включались вопросы, связанные с отношением испытуемого к периоду времени проживания у отца, бабушки и дедушки. Для диагностики отношения мальчика к участникам конфликтной ситуации были использованы проективные методы, которые позволяют относительно безболезненно выявить, в том числе, скрываемые обстоятельства (отношения, переживания и т.д.).

Анализ сложившейся ситуации по материалам дела (в хронологическом порядке) показал следующее.

1. Примерно через полтора года после рождения ребенка в судебном порядке был расторгнут брак между Б-рь и Б-й. После развода ребенок проживал вместе с матерью (в этот период отец и его родители регулярно навещали мальчика, что не оспаривается истцами Б-рь).

2. Примерно через полтора года Б-а переехала в другой город, где вторично вышла замуж. Она не возражала против общения отца и его родителей с мальчиком при условии проживания ребенка с ней. Это привело к конфликтам, обращениям сторон в управление образования. Результатом вмешательства управления явилось решение о порядке встреч отца с сыном.

3. Примерно через полгода Б-рь увезли ребенка в город Н. и не вернули его матери, что привело к вмешательству в дело прокуратуры. Учитывая напряженность ситуации, бывшие супруги заключили нотариально заверенное соглашение о порядке участия в воспитании своего сына. С психологической точки зрения этот документ в достаточном объеме регламентировал участие отца в воспитании ребенка, а внесенные и согласованные сторонами дополнения свидетельствовали о готовности родителей к компромиссам в интересах ребенка. При наличии с обеих сторон мотивации на гармоничное развитие ребенка в психологически комфортной обстановке (в качестве ведущей), это соглашение могло обеспечить минимизацию психотравмирующего влияния сложившейся ситуации (когда ребенок живет в семье одного из родителей).

4. В то же время противостояние родителей в предшествовавший заключению соглашения период негативно отразился на мальчике, о чем свидетельствует обращение за медицинской помощью в Центр психического здоровья, где был поставлен диагноз: “реактивная депрессия; задержка психоречевого развития”. В этот же период у мальчика проявились признаки нарушения социальной адаптации (замкнутость, избегание коллектива сверстников, стремление к уединению). После проведенного курса лечения состояния мальчика улучшилось, поведение нормализовалось. В то же время, по наблюдениям воспитателя детского сада и лечащего врача, у мальчика отмечались колебания в состоянии (в негативную сторону) в связи с поездками в город Н., к отцу и его родителям. Это может свидетельствовать о различных подходах обоих родителей к воспитанию и сложившейся ситуации, а также - о повторяющейся болезненной ломке стереотипа поведения у ребенка в связи с этим.

5. Спустя полгода мальчик вновь не был возвращен матери в нарушение заключенного соглашения. Причину этого стороны видят по-разному: Отец ребенка и его родители утверждают, что это было твердое решение самого ребенка, *неполных пяти лет от роду*; Б-а утверждает о нежелании, прежде всего бабушки, а также отца мальчика, возвращать его матери.

6. Подобное изменение ситуации негативно сказалось на ребенке, о чем может свидетельствовать факт обращения бабушки в этот период к психологу и проведение длительной (в течение нескольких месяцев) психокоррекционной работы с мальчиком.

7. В течение 11 месяцев мальчик проживал в семье отца и его родителей и не имел возможности (а со слов отца и бабушки, и желания) общаться с матерью. К этому периоду относятся посещения семьи отца мальчика и его родителей специалистами УО (о чем, в частности, свидетельствуют акты посещения и оценки жилищно-бытовых условий, в которых отражены положительный эмоциональный настрой мальчика в отношении отца и бабушки с бабушкой и негативный - в отношении матери). Это также подтверждается заключением психолога. Все это свидетельствует о том, что ребенок адаптировался к условиям жизни в семье отца, в значительной степени усвоил существующую в ней систему оценок сложившейся ситуации, вовлеченных в конфликт лиц и их действий. В то же время это не исключает наличие у мальчика в тот период глубинного внутреннего конфликта между сформировавшимся в течение жизни отношением к матери и формирующимся под влиянием изменившейся ситуации новым к ней отношением.

8. Возвращение мальчика в семью матери спустя 11 месяцев силами судебных приставов привело к новому нарушению адаптации, что выразилось в ухудшении его состояния, о чем свидетельствует обращение к психиатру (диагноз: “расстройство адаптации со смешанным нарушением эмоций и поведения”). Это связано с тем, что вновь (как и одиннадцать месяцев назад, при переезде в город Н.) радикально изменившаяся ситуация по-

требовала от ребенка перестройки всей системы отношений к личностно значимым ценностям (и, прежде всего, отношения к близким людям, вовлеченным в конфликт - матери, отцу, бабушке и дедушке), адаптации к новым условиям жизни, к новым требованиям, новому жизненному укладу, а также - ломки жизненного стереотипа.

9. В течение года (вплоть до настоящего времени) мальчик проживает в семье матери и лишен возможности общаться с отцом и его родителями.

Таким образом, четыре года (а возможно и более, учитывая специфику отношений между Б-й, с одной стороны, и Б-рь и его родителями, с другой) мальчик испытывает негативное, психотравмирующее влияние ситуации, обусловленной конфликтным противостоянием его родителей и близких в вопросе о месте постоянного проживания ребенка и участия родителей в его воспитании и длительной судебной тяжбой, противоположным, разнонаправленным воздействием со стороны обоих родителей и их близких. Сложившаяся ситуация характеризуется нелинейной динамикой (чередуются периоды обострения напряженности и относительной стабилизации ситуации). При этом в конфликт вовлечено значительное количество людей (родственников и других заинтересованных лиц с обеих сторон, специалистов УО двух городов, работников суда, экспертов; он получил достаточный резонанс в печати), что усугубляет ситуацию и состояние мальчика.

Проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. В результате конфликтного противостояния между родителями и близкими родственниками мальчик в течение длительного времени находится в постоянно нелинейно развивающейся психотравмирующей ситуации. Непримируемость позиций противоборствующих сторон, их нежелание прийти к компромиссному решению проблемы, попытки вовлечь в конфликт самого ребенка обусловили возникновение у мальчика хронического состояния психической напряженности (стресса), что негативно влияет на его здоровье, психическое развитие, формирование системы ценностей и развитие личности, социальную адаптацию. Следует отметить, что, как показывают специальные исследования кризисных жизненных ситуаций, развод (распад семьи) относится к категории объективно-значимых психических травм (под объективно-значимыми понимаются жизненные события, значимость которых можно считать высокой для подавляющего большинства людей). Развод занимает вторую позицию по степени объективного психотравмирующего влияния на человека (после смерти родственника или близкого человека). Если говорить о ребенке, то развод родителей для него является жизненной катастрофой еще и потому, что он не может осознать причину случившегося, лишен какой бы то ни было возможности повлиять на ситуацию. Поэтому раздельное проживание родителей, а тем более при наличии конфликтного противостояния в вопросе места проживания ребенка, усиливает психотравмирующий (стрессогенный) характер ситуации. В связи с этим экспертом не задавались вопросы, касающиеся отношения ребенка к данной проблеме. В настоящее время мальчик обнаруживает на уровне глубинных эмоциональных отношений ярко выраженное негативное отношение к бабушке, Б-рь И.Н., несколько в меньшей степени - к дедушке, Б-рь Б.Ф., и в еще меньшей степени, но в то же время негативное отношение, - к родному отцу, Б-рь Ю.Б. Отношение к матери, ее брату и бабушке по линии матери - положительное. Подобное отношение является полностью противоположным, “зеркальным” тому, какое наблюдалось у мальчика в период одиннадцатимесячного пребывания в семье отца и бабушки городе Н.. Причина подобного “противоречия” может заключаться в том, что, длительно находясь в каждой семье (отца, матери), ребенок адаптируется к микросоциальному окружению, семейным установкам, настроениям, эмоциональной атмосфере. Поскольку сама ситуация противоборства близких ему людей является для ребенка стрессогенной, организм (на всех уровнях - биологическом, психофизиологическом и психологическом) испытывает потребность в защите от разрушительного воздействия ситуации. Это приводит к адаптации ребенка к условиям, в которых он находится (наблюдается так называемый адаптационный синдром в динамике стрессового состояния), независимо от того, приемлет ли он их внутренне или нет. Поэтому, испытывая потребность в защите от постоянно существ-

вующей и периодически усиливающейся стрессогенности ситуации, обусловленной непримиримостью родителей и длящейся судебной тяжбой, ребенок усваивает (не столько осознанно, сколько на подсознательном уровне) «семейную» систему отношений к различным ценностям и конкретным персоналиям, вовлеченным в конфликт, «эмоционально заражается» доминирующими в семье настроениями. При этом, взгляды эмоционально близких ему людей на ситуацию и на ее участников перестают быть «внешними, вольно или невольно навязанными», интериоризируются (переходят во внутренний план и становятся его собственной позицией). Этим объясняется тот факт, что, находясь в семье отца и его родителей, мальчик обнаруживал предельно позитивное отношение к отцу, бабушке и дедушке, а в настоящее время, прожив достаточно длительный период в семье матери, выявляет столь же выраженную обратную тенденцию. Подобное положение отмечается и в полярности отношений мальчика к матери: в период проживания в семье отца он обнаруживал негативные и протестные реакции на мать, а в настоящее время - выражено положительное отношение к ней. Помимо указанной причины столь резкого изменения «валентности» отношений к матери существует еще одна, очень важная и значимая: ребенок дошкольного возраста тесно эмоционально связан с матерью (даже если та, с позиции стороннего наблюдателя, не соответствует в социальном, правовом и моральном плане предъявляемым к ее положению требованиям) и ее потерю (а в данном случае в течение длительного времени мальчик не общался с матерью), особенно в тех случаях, когда мать жива, ребенок воспринимает как результат предательства с ее стороны. Если, к тому же, со стороны других членов семьи существует эмоционально недоброжелательное отношение к матери (что наблюдается в семье Б-рь), формирование негативного отношения к матери может только интенсифицироваться. При этом вовсе необязательно говорить ребенку о недостатках матери, обсуждать и/или осуждать ее поведение и ее отношение к близким ребенку людям. Достаточно невербальных компонентов при межличностном взаимодействии (мимика, пантомимика, выражение глаз, интонация и т.п.), изменения в эмоциональном фоне настроения при упоминании матери или того, что с ней связанного, т.е. косвенной информации, касающейся лично значимой для ребенка проблемы - взаимоотношений близких ему людей. В этом заключается негативное влияние на мальчика со стороны названных в определении суда лиц. В то же время следует отметить, что перечисленные выше факторы, обуславливающие формирование негативного отношения ребенка к тем или иным лицам, характерны для обеих противоборствующих семей: можно лишь говорить о большей или меньшей степени непримиримости и, следовательно, более или менее сильном негативном влиянии. Однако установить степень негативного влияния не представляется возможным без психологического обследования родителей ребенка и других участников тяжбы, которые несут ответственность за здоровье ребенка (в том числе, психическое), его воспитание, а также формирование его личности. Представленные материалы дела также не дают возможности сделать это, поскольку информация о ситуации, представленная сторонами, отражает их позиции, а потому противоречива (это касается и заключений специалистов УО, поскольку они были знакомы с позицией только одной стороны). Объективным показателем негативного влияния блокировки общения испытуемого с матерью может служить наличие психологических проблем, потребовавших обращения за психологической помощью в городе Н.. В настоящее время мальчик адаптирован к условиям жизни в семье матери. Постановка перед ним на данном этапе (до достижения сторонами компромисса и без тщательной и осторожной подготовительной работы, возможно, с участием специалистов-психологов) вопросов о возможности и порядке общения с родным отцом и его родителями, а тем более обязывание его к этому, окажет крайне негативное влияние на мальчика в виде нарушения адаптации, усиления невротизации и т.д. (ранее подобные случаи отмечались именно в периоды резкого изменения ситуации). Поэтому, с психологической точки зрения, в интересах ребенка, прямая постановка перед ним подобных вопросов нецелесообразна, более того, психотравмирующа. По той же причине категорически противопоказано участие ребенка в судебном процессе, а тем более

перекладывание на него ответственности за решение вопроса о выборе постоянного места проживания (на чем настаивает в исковом заявлении бабушка).

Выше уже отмечалось, что неправомерно и нецелесообразно оценивать, с кем из родителей после их развода предпочтительнее постоянное проживание ребенка. В то же время суды до сих пор выносят на разрешение экспертам подобные вопросы. Представляется, что одним из вариантов выхода из подобной ситуации будет анализ психологических фактов, установленных в процессе исследования, которые могут свидетельствовать как в пользу, так и против проживания с каждым из участников спора (матери и отца). С одной стороны, это не приведет эксперта к выходу за пределы своей компетенции, а с другой, представит суду достаточный материал психологического содержания для принятия им решения по существу. В представленном ниже фрагменте заключения реализован такой подход.

Пример 39. Как показывают результаты проведенного исследования, несмотря на негативные отзывы относительно личностных качеств друг друга, оба родителя не выявляют индивидуально-психологических особенностей, которые явно свидетельствовали бы о возможном негативном влиянии кого-либо из них на ребенка. Более того, оба они (К-н А. и К-н Н.) обнаруживают существенное сходство между собой по таким параметрам, как система ценностей, родительские установки, отношение к ребенку, оценка ребенка, самооценка и оценка родителями друг друга (см. Приложение). Если система ценностей, родительские установки, отношение к ребенку и позитивная самооценка могли бы послужить основой для компромиссных решений, то крайне негативная оценка родителями друг друга, факт обращения в суд для решения вопроса о месте проживания ребенка, а также негибкая позиция, занятая ими в этом вопросе и демонстрируемая ими в процессе экспертного исследования, сводят на нет эту возможность.

Анализ результатов бесед с обоими испытуемыми свидетельствует, что у них выявляются принципиальные различия в подходах к семейному укладу, гендерным ролям как в семье, так и за ее пределами, возможному участию каждого родителя в воспитании сына после решения судом вопроса о месте постоянного проживания ребенка.

Все это, наряду с представленными в распоряжение эксперта материалами, свидетельствует о существовании затяжного внутрисемейного конфликта между участниками судебной тяжбы, обострившегося в период после окончания совместного проживания К-н А. и К-н Н. Ситуация, сложившаяся в настоящее время усугубляется еще тем, что: во-первых, возбуждено уголовное дело по факту кражи материальных ценностей, в котором в качестве подозреваемой проходит К-н Н.; во-вторых, к проблеме разрешения конфликта привлечены суд, пресса, а следовательно и общественность. Неразрешенность конфликта не может не влиять негативно на ребенка.

Анализ сложившейся ситуации, индивидуально-психологических особенностей участников судебной тяжбы (К-н А. и К-н Н.), их малолетнего ребенка, 6 лет, свидетельствует, что как постоянное проживание ребенка в семье отца, так и постоянное его проживание в семье матери (после развода родителей) выявляет, с одной стороны, положительные, а с другой, отрицательные стороны (плюсы и минусы).

Плюсы постоянного проживания К-н А. в семье отца:

- привычность обстановки, уклада, в которых проходило раннее детство ребенка, формировались и продолжают формироваться характер, система ценностей;
- интегрированность в семью, в ее дела и заботы, в том числе в трудный для семьи период – тяжелой болезни тети мальчика, что формирует такие качества, как ответственность, эмпатию, самостоятельность и т.п.;
- симбиотические отношения с отцом;
- усвоение мужских ролей в системе межличностных отношений.

Сравнительная таблица личностных особенностей родителей ребенка

Параметры	К-н А.	К-н Н.
1	2	3
Система ценностей	жизненные (терминальные) ценности (иерархия)	
	здоровье (физическое и психическое)	счастливая семейная жизнь
	счастливая семейная жизнь	здоровье (физическое и психическое)
	любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)
	материально обеспеченная жизнь	жизненная мудрость
	альтруизм	наличие хороших и верных друзей
	личные(инструментальные) ценности (иерархия)	
	воспитанность	честность
	образованность	воспитанность
	ответственность	чуткость (заботливость)
	честность	образованность
	чуткость (заботливость)	Жизнерадостность
Родительские установки	концентрация на ребенке (в частности стремление к чрезмерной опеке, заботе)	тенденция развивать активность ребенка
	тенденция к оптимальному эмоциональному контакту с ребенком	стремление к уравнильным отношениям между родителями и детьми
	отсутствие излишней строгости, суровости по отношению к ребенку	стремление обезопасить ребенка, опасение его обидеть
	приоритетность семейных проблем над всеми остальными	приоритет «педагогических» отношений, обеспечивающих воспитание детей

1	2	3
Отношение к ребенку	уважает индивидуальность ребенка	уважает индивидуальность сына
	симпатизирует ему, гордится им	симпатизирует ему, гордится им
	одобряет его интересы и планы	стремление много времени проводить с ребенком
	стремится к симбиотическим отношениям с ребенком (ощущает себя с ребенком единым целым)	одобряет его интересы и планы
	стремится удовлетворить все его потребности	старается во всем помочь
	ощущает тревогу за ребенка, старается оградить от трудностей жизни и строго контролировать его действия	поощряет инициативу и самостоятельность ребенка
	формирование мужских ролей	стремиться оградить от трудностей и неприятностей жизни, не занижая его личностной и социальной значимости
Оценка ребенка	Здоровый	Самостоятельный
	Обладает развитым интеллектом	Уверенный
	Добрый	Ответственный
	Понимающий	Обладает развитым интеллектом
	Отзывчивый	
	Заботливый	
	Воспитанный	

Самооценка	<p>Уверен в себе, настойчив в достижении цели, обязательный. Стилль межличностных отношений - «ответственно-великодушный», сочетающийся с такими личностными особенностями, как выраженная потребность соответствовать социальным нормам поведения, склонность к идеализации гармонии межличностных отношений, художественный тип восприятия и переработки информации, стиль мышления – целостный образный. Характерны легкое вживание в разные социальные роли, гибкость в контактах, коммуникабельность, артистичность. Высокий уровень совпадения Я-образа и образа «Идеального родителя»</p>	<p>Активна, выраженная мотивация достижения, тенденции к доминированию, повышенная откликаемость на средовые воздействия, зависимость самооценки от мнения значимых других, стремление соответствовать требованиям окружающих, склонность к сотрудничеству, стремление найти общность с другими, восприимчивость к эмоциональному настрою окружения. Присущи эмоциональная теплота, мягкость, доверчивость, при этом - экстравертированность, черты демонстративности, потребность производить благоприятное впечатление, соответствовать социальным нормам поведения, склонность к идеализации гармонии межличностных отношений. Высокий уровень совпадения образа «Я» и образа «Идеального родителя».</p>
Оценка другого родителя	<p>Жена в восприятии К-на А. - «недоверчивый-скептический» тип межличностных отношений, проявляющийся такими личностными характеристиками, как обособленность, замкнутость, ригидность установок, критический настрой к любым мнениям кроме собственного, неудовлетворенность своей позицией, подозрительность, чувствительность к замечаниям в свой адрес, склонность к построению ригидных и сверхценных умозаключений, связанных с убежденностью в недоброжелательности окружающих лиц; высокая конфликтность, которая может быть не столь явной, создавая тем самым повышенную напряженность и способствуя нарастающей отгороженности</p>	<p>Муж в восприятии К-н Н. - «недоверчивый-скептический» тип межличностных отношений, проявляющийся такими личностными характеристиками, как обособленность, замкнутость, ригидность установок, критический настрой к любым мнениям кроме собственного, подозрительность, сверхчувствительность к критическим замечаниям в свой адрес, враждебность в высказываниях и поведении, практичность, высокая конфликтность. Его образ не сочетается с образом «идеального родителя»</p>

Минусы постоянного проживания К-н А. в семье отца:

- отсутствие общения мальчика с матерью, при наличии потребности в эмоциональной связи с ней;
- отсутствие общения с родственниками по линии матери (бабушкой, дедушкой, тетей и двоюродной сестрой);
- негативное отношение отца и его родителей к матери мальчика и ее родственникам;

- вероятность компенсаторной гиперпротекции вследствие отсутствия материнской заботы.

Плюсы постоянного проживания мальчика в семье матери:

- восстановление эмоциональной связи с матерью, что будет способствовать полноценному формированию личности мальчика;

Минусы:

- разрыв с близкими (отцом, его родителями);
- необходимость адаптации к новому для ребенка семейному укладу в доме родителей матери;
- невысокая вероятность участия отца в воспитании мальчика с учетом сложившихся взаимоотношений между его родителями;
- вероятность дефицита мужского участия в воспитании мальчика;
- незавершенность уголовного дела, подозреваемой по которому проходит мать ребенка, К-н Н.;
- вероятность компенсаторной гиперпротекции вследствие отсутствия отцовского участия в воспитании и длительного периода общения матери и ребенка;
- негативное отношение матери и ее родителей к отцу мальчика и его родственникам.

Задача 5. Дать оценку отношениям девочки к своим родителям, установить, связаны ли имеющиеся особенности психического состояния девочки с тем, что она в настоящее время проживает с отцом без матери?

1. Материалы дела, относящиеся к предмету экспертного исследования.

Из искового заявления Д.Н. к Д.И. следует, что она по решению мирового судьи расторгла брак с Д.И. От данного брака у них имеется дочь – Д.М., 8 лет. При расторжении брака судом было определено, что несовершеннолетняя дочь будет проживать с Д.Н., а с Д.И. будут взыскиваться алименты на содержание дочери. Через несколько месяцев по настоянию Д.И. к нему перешли жить Д.Н. и дочь. Но он вопреки своим обещаниям жить в мире и согласии «всячески издевался над истицей, бил ее, унижал ее честь и достоинство нецензурной бранью в присутствии дочери, настраивал ребенка против нее». Спустя полгода, ночью, после очередного избиения ответчик выгнал истицу из квартиры и забрал у нее ребенка. В настоящее время Д.М. проживает с ответчиком, который категорически запрещает истице участвовать в воспитании ребенка. Ответчик разрешает общаться истице с ребенком только с его участием, настраивает ребенка против нее, требует, чтобы истица сошлась с ним, иначе ребенка она не увидит.

В материалах дела имеется распечатка СМС-сообщений, поступивших на телефон Д.Н. с телефона принадлежащего Д.И.:

12.05. в 16 ч. 56 мин.: «Н., ну скажи, как твое здоровье. Родненькая я же волнуюсь»

12.05. в 22 ч. 22 мин.: «Ты шлюха, камазная, М. ты потеряла навсегда. Скажи спасибо своему пи...ру. Я иду в суд».

12.05. в 22 ч. 47 мин.: «Тебе с ним хорошо, тогда нам с Ю. будет неплохо».

13.05. в 08 ч. 52 мин.: « Я не хочу чтобы ты променяла М. на него. Я вас помирю и хочу, чтобы вы дружили».

07.06. в 14 ч. 05 мин.: «Мама, папа и М. – дружная семья. Вот, что нужно. Мы все равно не сможем друг без друга, у нас есть дочь».

09.06. в 08 ч. 45 мин.: «Она тебе нужна, чтобы алименты от меня получать. Не хватает денег малолетку содержать около себя. М. не хочет с тобой жить. Последние годы она не сильно и нужна тебе – это факт. Бегай за ним дальше».

09.06. в 9 ч. 08 мин.: «Как М. соскучится или захочет к тебе, я сразу сообщу. Обещаю».

09.06. в 10 ч. 58 мин.: «Ищем маму добрую и ласковую для создания семьи. Я ничего не запрещаю, все решает М.. Я не хочу травмировать ей детство и никому не позволяю. Потому, что ей сейчас хорошо».

09.06. в 16 ч. 32 мин.: «Мама, я не хочу с тобой жить, я хочу к тебе только с папой и не спрашивай. Мне хорошо с папой. Я хочу жить с папой подпись: маме от М.».

09.06. в 21 ч. 45 мин.: «Мама поедешь с нами на речку, если не хочешь, то и не рыпайся. – подпись: М.»

21.06. в 20 ч. 24 мин.: «Мама я очень хочу, чтобы у нас была семья. Чтобы жили вместе»

20.07. в 01 ч. 08 мин.: «Высоко летишь смотри не упади сильно» (л.д. 21).

Из распечатки телефонного разговора ответчика с истицей от 20.07. с 23-30 до 00-30, известно:

Ответчик: «Мы вчера с тобой разговаривали, теперь ты видишь на выходной М. берешь, но ты ее не получишь, понятно. Мне наср...ть на суд и на тебя и на твоего адвоката, твоего Г., который там ж...пу рвет, он вообще про нас ничего не знает. И будет рот раскрывать, ему попу порвут, понятно, если он будет хамить, как в прошлый раз. В этот раз он себя хорошо вел, дай бог. Вот так я скажу, понятно. А М. ты не получишь. Если ты будешь себя хорошо так вести, ни завтра, ни после завтра, пока суд не решит и тогда ее все равно не получишь. Ты абсолютно прекрасно знаешь, ребенка насильно никто не заберет. ...Я хочу чтоб у нас были нормальные отношения»;

Истица: «Я ненавижу тебя»;

Ответчик: «...я вижу, что для М. мы нужны оба...Хочешь я тебе ее отдам вообще, если так в натуре пошло. Попробуй с ней поживи, а, но только без моей помощи, давай? Я завтра на суде прейду и скажу «х... с ней отдаю», давай?»;

Истица: «А мне твоя помощь не нужна»;

Ответчик: «Да ты что! А ты мне напишешь эту самую, как его, вообще отказ от алиментов»;

Истица: «Без проблем»;

Ответчик: «Да, и ты хочешь ее все равно забрать? И ты ее подымешь? Без моей помощи?»;

Истица: «Да».

В материалах дела имеется копия искового заявления Д.В. (первой жены ответчика) к Д.И., из которого известно, что истица вступила в брак с ответчиком. Когда ему был 21 год. Через два года у них родилась дочь. На протяжении всей их совместной жизни, Д.И. унижал человеческое достоинство Д.В., оскорблял ее, неоднократно избивал в присутствии дочери.

2. Исследование Д.Н.

В процессе беседы Д.Н. контактна, энергична, не выявляет явного негативного отношения к бывшему супругу; о дочери рассказывает с большой теплотой, любовью.

Сообщила, что с мужем (Д.И.) поженились очень быстро - «все получилось скоро-течно... планы никто не рисовал – я забеременела, решили пожениться...по нашему обо-юдному решению хотела сделать аборт, но врач отговорила». Мать Д.И. была против свадьбы, «я его уже один раз женила – хватит, я в этом не буду принимать участия».

Испытуемая отмечает, что после ее рождения Д.И. «стал другим человеком, стал раскрываться... однажды я что-то не так сделала, и он меня ударил». Также, по мнению испытуемой Д.И., ревновал ее к дочери - «это даже свекровь замечала». О первой жене Д.И. рассказывал, что развелись они потому, что «она загуляла...он сам и свекровь гово-рили, что он ее избивал».

Со свекровью отношения были напряженные, муж «защищал меня от своей матери – ругался на нее матом». Со временем со свекровью отношения нормализовались. А Д.И. «стал и на меня орать, свекровь меня защищала».

Д.И., со слов испытуемой, никогда ей не говорил, сколько он зарабатывает, «он был жадным – памперсы поштучно покупал...говорил, что вы тратите без надобности деньги». Некоторое время испытуемая продавала старые вещи на «блошином» рынке, на вырученные деньги покупала одежду для дочери (перечисляет купленные вещи), муж сначала не знал об этом, когда узнал - не препятствовал.

На первом году совместной жизни Д.И. по незначительному поводу ударил испы-туемую ногой по почке, в результате этого она оказалась в больнице, «мама уговаривала не прощать его, но он просил прощения на коленях, и я его простила...в суде он скинул все на аварию».

Спустя четыре года совместно с мужем купили ларек, вместе его благоустроивали, часть денег на его покупку брали у родителей испытуемой. Потом стали вместе работать: испытуемая работала в ларьке продавцом, Д.И. покупал товар. При этом Д.И. «часто орал на меня, то я банку не туда поставлю...при посетителях давал подзатыльники... он вспыльчивый, но когда отходил, то всегда просил у меня прощения». Она несколько раз уходила от него, но потом возвращалась «жалко было, многое нажили вместе». Д.И. часто пил, гулял, «но что поделаешь, все такие... он пропил машину отца и гаражи». Часто ме-жду ними происходили драки, скандалы - «он говорил, что, мол, все мое... его любимым занятием было – отвернуться спиной от меня, открыть свой дипломат с кодовым замком, в котором он хранил деньги, и считать их». Деньги он ей не давал, если ей требовалось что-то купить, она выпрашивала.

Еще через два года испытуемая ушла от Д.И. и проживала у своих родителей, дочь жила с ней. Д.И. стал приезжать, «уговаривал продать ларек (документы были оформлены на испытуемую), я продала». После этого Д.И. стал просить, чтобы жена разрешала об-щаться с дочерью, она была не против. Но через некоторое время начались скандалы в связи с тем, что он стал ревновать, т.к. у жены появился молодой человек - «когда был с М., брал с собой каких-то девушек... я стала возмущаться, а он стал меня упрекать в том же самом». Она ответила, что «он (ее молодой человек) меня берет вместе с ребенком» и Д.И. подал в суд.

В этом же году испытуемая и Д.И. решили снова жить вместе, формально, ради дочери, испытуемая «радовалась, что ребенок счастлив». Она рассталась со своим моло-дым человеком, «муж со своей девушкой продолжал отношения, перезванивался с ней». Через какое-то время опять стали ругаться. На новый год Д.И. избил пьяные подростки, в больницу он не обращался. После этого испытуемая и свекровь стали замечать, что Д.И. стал вести себя неадекватно, «вроде не пьяный, а орет, кидается... говорили ему, чтобы он проверил голову, но он отказывался». Д.И. стал часто выпивать, «за ужином пить стал», «несколько раз ближе к ночи выгонял меня из дома, а куда я пойду ночью, возвращалась».

Спустя полгода Д.И., находясь в состоянии алкогольного опьянения, выгнал жену из дома. Она через некоторое время стала приходить к дочери, делали вместе с ней уроки, гуляли, но при этом Д.И. «не оставлял нас одних ни на минуту». Через месяц после этого испытуемая подала в суд.

Со слов испытуемой, ее бывший муж настраивает их ребенка против нее - дочка однажды ей сказала, что она позорит их семью. «М. видит меня, радуется, целует, но как только появляется бабушка, то она отходит от меня... М. звонит мне, когда их нет дома, а когда кто-то приходит, то кладет трубку».

Испытуемая не против общения ребенка с отцом, однако, считает, что, несмотря на решение суда, он ее обманет, так как, он по ее мнению, сейчас он умышленно затягивает судебный процесс.

В целом у испытуемой отсутствуют резко выраженные отрицательные эмоции по отношению к ее бывшему супругу.

2.1. В процессе экспериментально-психологического исследования были использованы: личностный опросник ИТО Л. Собчик, методика диагностики межличностных отношений Т.Лири, тест-опросник родительских отношений (А.Я. Варга, В.В. Столин), методика изучения межличностных отношений в семье PARI (Е.Шеффер, Р.Белла), методика изучения ценностных ориентаций Рокича, фрустрационный тест Розенцвейга, цветовой тест отношений (ЦТО) Эткинда, «Родительское сочинение» (методика Столина В.В., адапт. Ташевой А.И.), проективная методика «Несуществующее животное».

По результатам ИТО Д.Н. присущи склонность к широким контактам с людьми, ответственность по отношению к окружающим, коммуникативность, способность идти на компромисс, чувствительность, ориентация на авторитет более сильной личности, а также ориентация на внешний мир, более чем на свой внутренний, тревожность, чувствительность в сочетании с активной самореализацией, отстаиванием своих интересов. Выявляется некоторая противоречивость таких тенденций, как субъективизм, инертность установок, склонность к педантизму, настороженная подозрительность, с одной стороны, и изменчивость настроения, мотивационная неустойчивость, повышенная эмотивность, черты демонстративности, с другой.

В ситуациях фрустрации для испытуемой в большей степени характерно отрицание значимости препятствия к удовлетворению потребности, но при этом испытуемая достаточно самостоятельна, и способна конструктивно решать возникшие проблемы (индексы Раухфляйша). В пользу этого также свидетельствует уровень социальной адаптации, соответствующий нормативному диапазону ($GCR=53,8\%$) (Розенцвейг).

Данные опросника Т.Лири свидетельствуют о том, что Д.И. свойственны: уверенность в себе, настойчивость, склонность к сотрудничеству, гибкость и компромиссность при решении проблем, следование правилам и принципам «хорошего тона» в отношениях с людьми, общительность, ответственность, деликатность, мягкосердечность, отзывчивость. Своего бывшего супруга она оценивает как уверенного, независимого, упрямого, настойчивого, ориентированного на себя, склонного к соперничеству.

По данным теста родительских установок (PARI) у Д.И. выявляется стремление к уравнилельным отношениям между родителями и детьми и в то же время чрезмерная забота о ребенке, вплоть до установления отношений зависимости, стремление создать безопасные условия развития, опасение обидеть ребенка, стремление контролировать его.

Д.И. выявляет социально одобряемый образ родительского поведения, а именно заинтересованность в делах дочери, стараясь во всем ей помочь, сочувствуя ей; высоко оценивая интеллектуальные и творческие способности своей дочери, испытывает чувство гордости за нее. Она проявляет заботу, поощряет инициативу и самостоятельность дочери, старается создать атмосферу доверия и понимания. В то же время от ребенка требуется послушание, соблюдение дисциплины, поступки ребенка строго контролируются и корректируются в соответствии с ожиданиями и желаниями родителя (тест родительских отношений).

По данным методики изучения ценностных ориентаций Рокича иерархию терминальных ценностей Д.Н. возглавляют счастливая семейная жизнь, любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком), интересная работа, здоровье, наличие хоро-

ших и верных друзей. Как наиболее важные личностные качества отмечает твердую волю (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями), честность, эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе), ответственность (чувство долга, умение держать слово), аккуратность (чистоплотность). Для идеального родителя наиболее важными жизненными ценностями Д.И. считает счастливую семейную жизнь, интересную работу, любовь, наличие хороших и верных друзей, здоровье; качествами – чуткость (заботливость), честность (правдивость, искренность), терпимость (к взглядам других, умение прощать им их ошибки и суждения), воспитанность (хорошие манеры), аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке вещи, дела). У Д.Н. отмечается высокая степень соответствия между образом «Я» и образом «идеального родителя» как в плане инструментальных ценностей (личных качеств) (0.97), так и плане терминальных (базовых жизненных ценностей) (0.72).

По результатам ЦТО, испытуемая воспринимает себя как доброго, компромиссного, справедливого, обладающего достаточно широким кругозором (0.97), честного (0.92), общительного (0.85), уверенного (0.85) человека, которому не свойственна жесткость (-0.61). На уровне эмоциональных отношений бывший супруг воспринимается Д.И. как прагматичный (0.80), не умеющий слушать, понять (-0.59) человек, лишенный доброты (-0.52), уверенности (-0.47), честности (-0.40). Дочь она воспринимает как заботливую (0.95), общительную, уверенную (0.54) девочку. Свою бывшую свекровь Д.Н. воспринимает как женщину, которой, также как и сыну, свойственен прагматизм (0.38), и которой не достаёт образованности (-0.54), аккуратности (-0.45). Понятие «идеальный родитель» испытуемая соотносит с добротой (0.95), компромиссностью (0.92), широтой взглядов (0.92), справедливостью (0.92), честностью (0.88), общительностью (0.80), уверенностью (0.80), терпимостью (0.59). Анализ системы ценностей Д.И. показывает, что одно из важнейших мест в иерархии ее ценностей занимает воспитание (0.90).

Отмечается тесная корреляционная связь между образом «Я» испытуемой и образом «Идеальный родитель» (0.98). При этом выявляется обратная значимая корреляционная связь между образом «Идеального родителя» и образом бывшего мужа (-0.61).

«Родительское сочинение» - объемное (на 5 страниц), в нем испытуемая очень и тепло описывает свои отношения с дочерью, эмоциональную близость с ней («она обо всем расспрашивает, я ей стараюсь ответить, объясняю, чтоб было понятно»), ее привязанность к себе, обоюдную любовь («ведь она моя, родная и кроме добра я ей ничего плохого не пожелаю, как и любая мать»), то, что скучает без нее («она мне снится каждую ночь, а утром просыпаюсь в слезах»). Рассказывает о ее увлечениях («очень любит рисовать, делать аппликации на отдельных листочках», «любит мягкие игрушки, играет с ними в школу, в больничку»), выделяет, что счастливое детство ребенка намного важнее сложившейся ситуации («ведь мама и папа – это самое дорогое, что есть на свете»), желает оградить ребенка от негативных переживаний по поводу развода ее родителей («я бы не хотела нарушать ритм ее жизни и рвать на части, а если между родителями что-то и произошло, то меньше всего просвещать ее в это, и ранить детскую психику»), не желает видеть ее «объектом манипуляций для наших отношений».

Таким образом, у Д.Н. выявляется позитивное отношение к дочери, достаточный родительский потенциал. Отношение к бывшим мужу и свекрови амбивалентное (двойственное): на глубинном эмоциональном уровне ему и свекрови испытуемая приписывает качества, которые могут негативно влиять на воспитание ребенка. При этом на декларативном уровне она отзывается о них достаточно позитивно, не против их участия в воспитании дочери. Это психологически достоверно, соответствует уровню взаимоотношений между Д.Н. и бывшими мужем и свекровью, и при этом свидетельствует о конструктивной позиции Д.Н. в восприятии ситуации и способах ее разрешения и может служить той базой, на которой возможно формирование компромиссной позиции в отношении разрешения существующей конфликтной ситуации.

3. Исследование Д.И.

В процессе экспертного исследования Д.И. контактен, подробно рассказывает о себе и обстоятельствах дела. Эмоционально напряжен, демонстративен, старается произвести благоприятное впечатление на эксперта, выявляет резко негативное отношение к бывшей жене.

В ходе беседы Д.И. о себе сообщил, что родился ему 43 года, был единственным ребенком в семье. С детства с родителями складывались нормальные отношения. Отец Отец был "построже", мать "уделяла немало внимания воспитанию, беспокоилась, приучала к чистоте". В подростковом возрасте с родителями конфликтов не было, "всегда к ним прислушивался, они мне доверяли, знали всех моих друзей". В школе отношения с учителями и сверстниками также складывались нормальные. Увлекался волейболом, баскетболом, "хотел попасть в ансамбль". После окончания школы встречался с девушками, родители относились к этому нормально "приветствовали". Проходил службу в армии (авиация), еще 7 лет служил по контракту. Потом "занялся коммерцией", в настоящее время является частным предпринимателем. Проживает с матерью и дочерью.

В первый раз женился в 21 год, прожили вместе с женой 7 лет "все старался делать лучше, решил дать ей образование". Она окончила техникум, "устроил ее на работу", потом у нее началась "вольная жизнь". Расстались с супругой по ее инициативе, "она загуляла". От брака имеет дочь. Когда распался брак, было обидно, тяжело, старался каждую неделю ездить к дочери в другой город – "это был ужас... старались оградить общение с ней, запретить, колеса резали". Обращался в органы опеки – "не помогли... забирать ребенка не стал." В настоящее время дочери 20 лет, отношения с ней не поддерживает - "они оградили общение".

Со второй женой прожил 8 лет - "она ничего из себя не представляла как личность, несерьезная, легкомысленная, ее кредо – плыть по течению... родители у нее такие же". Поначалу она "была неплохой, не сказать, что добрая и ласковая, но в сравнении с теперешним положением была нормальная". Когда родилась дочь, "все было нормально, любили друг друга". Отношения стали ухудшаться, когда материальное положение стабилизировалось, "она начала возносить себя, красиво одевалась". До этого периода она в течение 3-4 лет не работала, занималась домом, воспитывала дочь, потом Д.И. "стал ее приобщать к работе". С того момента, как нашла работу, началось "пристрастие к гулянию, свободе". Отношения стали ухудшаться, хотя "доверял ей до последнего, пока слухи не стали ходить", через год "забрал ее оттуда". После этого открыли свой торговый павильон, стали работать вместе, но все равно казалось, что "пахнет обманом, домашний очаг ее не волнует". Инициатором развода была жена - она "загуляла... стала неуправляемой... маникюры, прически, краситься, вечером старалась уйти из дома". Он был против развода – "внимание уделял, старался, чтобы "напрягов" не было... всегда старался сохранить семью... она твердила, что ей нужна свобода – что хочет, то и делает". С дочерью у нее отношения "ни плохие, ни хорошие, ощущение такое, что хочет спихнуть ребенка... могла выйти погулять, пообщаться, но не регулярно". Разошлись, прожили отдельно 8 месяцев, дочь жила с ней. Потом она стала звонить, назначать свидания, спустя некоторое время снова стали жить вместе. По рассказам дочери, родителей, родственников "она систематически была занята в гулянии". Прожили полгода, с ее стороны отношения были "холодноватые", она "человек неисправимый – говорит одно, а делает – другое".

На вопрос эксперта, каким он видит участие жены в воспитании дочери, отвечает, что "никак не вижу, дочь ей не нужна, все это она делает, чтобы сделать мне больно". В данное время жена очень редко посещает дочь, держится с ней "на расстоянии"; ребенок тоже не скучает по матери – "месяц, два может о ней вообще не вспоминать".

На вопрос эксперта: "Как Вы думаете, что сообщила о Вас ваша жена, как о человеке, муже, отце?", - Д.И. ответил, что она сказала бы, что он "алкоголик, бил ее, унижал ее достоинство...никогда она правды не скажет (опускает глаза, теряется)... сказала бы, что я плохой отец, обозвала бы всякими нехорошими словами, трусом".

По характеру Д.И. себя описывает как «общительного, доброго, не обидчивого, мягкого, великодушного, понимающего», «если человек мне приятен – много нежности даю, мне ничего для него не жалко». На вопрос, какие у него есть отрицательные качества, говорит, что, наверное, они есть, но какие – не знает, "ничего во мне менять не нужно, просто не везет с женщинами". В людях ценит честность, порядочность, не любит, когда людей используют "сам иногда попадал в такие ситуации из-за своей доброты".

В процессе экспериментально-психологического исследования были использованы те же методы, что и при исследовании Д.Н.

У испытуемого выявляется наличие внутреннего конфликта, который проявляется с одной стороны выраженной изменчивостью настроения, мотивационной неустойчивостью, повышенной эмотивностью, чертами демонстративности; с другой - недостаточной пластичностью в психической деятельности и поведении, привязанностью к ставшему неадекватным способу действий, трудностями переключения. Наряду с этим отмечается крайне выраженная экстравертированность, проявляющаяся в повышенном стремлении к общению, открытости внутреннего мира, интересе к другим людям и несклонности к углубленному самоанализу, импульсивность, беспечность, непостоянство, низкая самооценка, неуверенность в себе, подозрительность, настороженность (ИТО, «Несуществующее животное»).

В ситуациях фрустрации у испытуемого выявляется повышенная склонность к «эго-защитным» реакциям в форме агрессии и порицания, направленных на партнеров по ситуации. Преобладание такого рода реакций является показателем уязвимой личности, а также свидетельствует о снижении фрустрационной толерантности (устойчивости), что приводит к нарушению адаптации, снижению конструктивности действий в затруднительных и проблемных ситуациях (GCR=46,9%) (Розенцвейг).

Данные теста Т.Лири свидетельствуют о том, что Д.И.у свойственны: тенденция к доминированию, повышенный уровень притязаний, ориентация в основном на собственное мнение, спонтанная самореализация, завоевательная позиция, стремление вести за собой и подчинять своей воле других; в то же время - эмоциональная неустойчивость, зависимость самооценки от мнения значимых других, выраженная потребность соответствовать социальным нормам поведения, склонность к идеализации гармонии межличностных отношений. По данным теста образ «Я» Д.И. практически полностью совпадает с образом «Идеального родителя».

Свою бывшую супругу он оценивает как самодовольную, эгоцентричную, с повышенным уровнем притязаний, выраженным чувством соперничества, низкой конформностью, подчиняемостью.

Исследование родительских установок и отношения Д.И. к дочери показало следующее. Согласно тесту родительского отношения он выявляет эмоциональное принятие ребенка – принимает дочь такой, какая она есть симпатизирует ей, уважает индивидуальность ребенка. При этом он выявляет социально желательный образ родительского поведения, а именно заинтересованность в делах ребенка, проявление заботы, поощрение ее инициативы и самостоятельности, создание атмосферы доверия, понимания. В то же время в отношении к ребенку отчетливо просматривается авторитаризм – от дочери требуется безоговорочное послушание, поступки ребенка контролируются и корректируются в соответствии с ожиданиями и желаниями родителя; ребенку приписывается личная и социальная несостоятельность. В связи с этим он пытается оградить дочь от трудностей жизни и строго контролировать ее действия.

Как наиболее важные жизненные качества Д.И. И. выделяет: здоровье, жизненную мудрость, познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуального развития), продуктивную жизнь, развитие. Среди наиболее важных личностных качеств отмечает воспитанность, образованность, аккуратность, исполнительность, честность.

Для идеального родителя наиболее важными жизненными ценностями Д.И. считает жизненную мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом), уверенность в себе, активную деятельную жизнь, счастливую семейную жизнь и любовь; качествами – воспитанность, аккуратность, исполнительность, честность, образованность (Рокич).

«Родительское сочинение» краткое (на 1,5 страницы), формальное, эмоционально не насыщено. В сочинении он характеризует дочь как добрую и общительную, «умеет дорожить дружбой»; в основном содержится описание того, чем она занимается в свободное время – «любит петь, танцевать, рисовать», одобряются ее поступки. Подчеркивается то, что дочь любит папу и бабушку, что он один участвует в воспитании дочери «М. любит с папой гулять, куда-нибудь ходить», «она вырезает разные картинки, подписывает добрыми словами и дарит мне и бабушке». Описываются счастливые, оптимистичные перспективы проживания дочери с ним – «М. я могу воспитать доброй, честной, трудолюбивой и умной...могу одевать, кормить, дать образование, обеспечить жильем... могу оплачивать учебу в высшем учебном заведении, смогу помочь духовно и знаниями» и т.д.

В сочинении "Моя жена" Д.И. сообщает о своей бывшей супруге преимущественно негативную информацию. Он описывает ее как слабовольную, пускающую все на самотек – "плывет по течению". В то же время он говорит, что она делает все, "как ей вздумается... любит свободу и вольность действий". Д.И. делает акцент на то, что "семейное благополучие ее не особо интересует... свои деньги тратит только на себя... ведет не хороший образ жизни". Указывает, что по отношению к дочери "вспыльчива, может накричать на дочь, обзывать, ударить... совсем не уделяет внимание ребенку... бросает дочь и уходит гулять на ночь... в данный момент ребенку не помогает ни в чем... дочь ей безразлична... с таким поведением, отношением и укладом жизни моя жена ребенку ничего хорошего дать не сможет". Наряду с этим он старается подчеркнуть, что только он и бабушка участвуют в воспитании дочери – «жена к воспитанию дочери относиться неохотно, зная, что есть отец и бабушка», «сложила все полномочия на меня, зная о том, что М. будет одета, обута, накормлена и выучена» и т.д.. Негативно он относится и к тому, что жена "занимается устраиванием своей личной жизни... завела себе приятеля".

Исследование системы отношений Д.И. на глубинном эмоциональном уровне (по ЦТО) показало следующее. Испытуемый воспринимает себя как образованного (1.0), честного (0.92), воспитанного (0.88), умеющего выслушать и понять (0.80), справедливого (0.78), аккуратного (0.54), доброго (0.40).

Отношение к бывшей супруге у Д.И. противоречиво: воспринимает ее как человека, для которого характерны аккуратность (0.54), широта взглядов (0.50), общительность (0.35) и при этом жесткость (0.54), отсутствие душевности (-0.83).

Понятие «идеальный родитель» испытуемый соотносит с широтой взглядов (0.83), чуткостью (0.78), компромиссностью (0.47), общительностью (0.47).

Свою дочь он воспринимает как уверенную, обладающую широтой взглядов (0.50), чуткую, душевную (0.47), общительную (0.42).

На глубинном эмоциональном уровне свой родительский потенциал Д.И. воспринимает критично – как недостаточно выраженный (0,35); при этом, несмотря на декларации относительно качеств бывшей жены, на уровне эмоциональных отношений ее родительский потенциал Д.И. воспринимается как более выраженный (0.57).

Анализ системы ценностей Д.И. (с помощью ЦТО) показывает, что доминирующее место занимают развлечения (0.92), отдых (0.78), алкоголь (0.50), работа (0.42), дом (0.41).

Таким образом, Д.И. обнаруживает позитивное отношение к дочери при ярко выраженном негативном отношении к своей бывшей жене Д.Н. – это проявляется, прежде всего, на декларативном уровне и, несколько в меньшей степени, на уровне эмоциональных отношений. Д.И. занимает в сложившейся ситуации негибкую позицию: не желает

идти с бывшей супругой на какое-либо компромиссное решение, используя манипуляции и прямые угрозы (наглядно проявляются в SMS-переписке, телефонных переговорах), считая свою точку зрения единственно правильной, отрицая при этом необходимость участия своей бывшей жены в воспитании их совместного ребенка.

4. Исследование несовершеннолетней Д.М..

В ходе исследования Д.М. держится свободно, фон настроения ровный, охотно и с интересом выполняет предложенные задания, сообщает необходимые сведения о себе, о родителях. По отношению к матери настроена негативно, при этом говорит о ней заученно (в речи звучат обороты, которые используются ее отцом в беседе с экспертами), сообщает много отрицательной, часто противоречивой информации.

О себе рассказала, что ей 8 лет, живет с папой и бабушкой. В свободное время любит «разукрашивать» картинки, разгадывать кроссворды, смотреть телевизор (сериалы «Моя прекрасная няня», «Исцеление любовью», мультфильмы). Сериалы смотрит сама, бабушка телевизор не смотрит – «не любит выходить в зал... когда телевизор стоял в спальне – смотрели вместе». Читать не любит. По характеру описывает себя как хорошую, добрую, общительную. Имеет много друзей, несколько близких друзей.

В школу пошла с 6 лет, учиться на «4-5». Учиться «не очень нравится – так себе». Любимые предметы: математика, музыка, физкультура, ИЗО.

Об отце говорит, что он добрый, ласковый, общительный, трудолюбивый, «кушать умеет готовить». Она любит с ним раскрашивать картинки, учить таблицу умножения, разгадывать кроссворды; иногда вместе играют в прятки. Поясняет, что папу любит, потому, что он «дает деньги - каждый день или когда попрошу по «стольнику»... мама долго меня не видела – пришла всего 50 рублей дала».

О матери говорит заученно, негативно: «не добрая, плохая, не трудолюбивая, не любит убирать, не общительная... никогда не играет со мной». В то же время, противореча самой себе, сообщает, что «когда мама жила с ними, она подметала, готовила, ходила на базар за продуктами». На вопрос эксперта, чем мама ей нравится, девочка ответила, что «когда мама приходит в гости, она бывает хорошая, веселая». При этом девочка сообщает, что мама к ней приходит редко: «один раз в неделю или меньше», потом говорит, что «мама не ходит уже 5 месяцев», но сразу поправляется и сообщает, что «мама только вчера была, много подарила – пенал, канцелярские принадлежности, брошь». Хочет, чтобы мама вернулась, «чтобы была семья», но в то же время подчеркивает, что маму не любит – «она жадная и злая». На вопрос, почему же она хочет, чтобы мама вернулась, отвечает нерешительно: «не знаю почему, папа говорит, чтобы была семья, чтобы вместе жили».

В процессе исследования использовались следующие методы: 10 слов, исключения понятий (графический вариант «четвертый лишний»), Альбом нейропсихологической диагностики детей (Л.С. Цветкова), тест Р. Жилия, тест «Незаконченные предложения», тест «Сказка», «Тест детской тревожности» (Р. Тэмпл, М.Дорки, В. Амен), ТВИЦ Люшера, цветовой тест отношений, проективные рисуночные методики «Рисунок семьи», «Планета папы», «Планета мамы».

Установлено, что восприятие (в том числе, зашумленных изображений) – в пределах нормы. Внимание устойчивое, концентрированное. Память испытуемой развита достаточно, о чем свидетельствуют продуктивность зрительного запоминания, а также динамика непосредственного запоминания словесного материала (6-5-7-9-10); отсроченное воспроизведение - в пределах нормы (7 слов).

Испытуемая правильно ориентирована в месте и времени. Знает времена года, месяцы (однако, сколько месяцев в году, сказать затрудняется), дни недели называет вразброс. Уровень общеобразовательных знаний невысок, кругозор узкий. Несколько снижена

успешность выполнения простых заданий на обобщение и исключение понятий (графический вариант).

У девочки недостаточно сформированы и при этом искажены представления о ряде нравственных понятий, отмечается их индивидуально-персонифицированный характер, их интерпретация сквозь призму существующих конфликтных отношений между матерью и отцом, с явной опорой на позицию последнего: «*добрый* – который покупает вещи, туфли, юбки – папа»; «*злой* – мамин жених, папе зло делает, если бы его не было, у нас была бы семья»; «*жадный* – мама, она меня обижала, кричала, всегда жадная, деньги не в семью, а маникюры делала... папа из-за нее дачу продал, я деньги передавала маме... мама мне не вернула 1500 рублей (я невесту продавала на свадьбе)»; «*справедливый* – папа, правду говорит».

Результаты проективного теста тревожности (Р.Тэмпл, М.Дорки, В.Амен) свидетельствуют о тенденции к повышению тревожности у Д.М. (индекс тревожности = 50, соответствует верхней границе диапазона среднего уровня 20 ÷ 50). Тревога связана преимущественно в сфере отношений с родителями, а также – с связи с отвержением (в том числе возможным) со стороны сверстников. Выявляется потребность в полной семье, в теплых семейных отношениях.

Исследование эмоционального состояния, а также системы отношений девочки изучалось с помощью проективных рисуночных методов и цветового теста отношений.

По данным ЦТО уровень эмоциональной привлекательности, как матери, так и отца для М. недостаточно высок. При отсутствии явного предпочтения кого-либо из родителей, ребенок все же выявляет большую эмоциональную привязанность к матери (занимает третий ранг соответственно ранжировке ТВЦ Люшера), нежели к отцу (четвертый ранг); к тому же мать и бабушка (бабушка со стороны матери) ассоциируются у М. с красным цветом, следовательно их Маша воспринимает как активных, энергичных, доминантных. Отношение к отцу и бабушке, его матери, лишено как положительной, так и выраженной отрицательной окраски – соотнесение их с серым цветом свидетельствует о восприятии их ребенком как эмоционально нейтральных, недостаточно понимающих людей.

Результаты ТВЦ Люшера (игровой вариант, «паровозик») свидетельствуют о том, что у испытуемой выявляется потребность в общении, эмоциональной вовлеченности, стремление к сопричастности в межличностном общении, напряженность в контактах узкого круга, а также протест в отношении запретов и нежелательных ограничений.

Данные проективного метода «Планета папы» и «Планета мамы» также указывают на отсутствие явного предпочтения какого-либо родителя, что проявляется в использовании одинаковых цветов при изображении планет и практически полной идентичности рисунков. Рисунки выполнены в холодных тонах – синем и зеленом, занимающих 6 и 5 ранг соответственно ранжировке ею при выполнении ТВЦ Люшера. При изображении маминной планеты используется еще и желтый цвет, который соответствует в ранжировке 1 рангу. Это свидетельствует о позитивном отношении к матери, потребности в эмоциональной близости с ней, блокированной в настоящее время. Однако в рассказе девочка сообщает, что полетела бы на планету папы «кроссворды решали бы с ним, читали, поехали на базар, купили бы что-нибудь, ходили бы в ДК». Это говорит о том, что в настоящее время отец, вовлеченный в силу сложившихся обстоятельств, в сферу постоянного взаимодействия, на рациональном уровне воспринимается ребенком как наиболее близкий человек.

Анализ результатов заданной сказочной ситуации (согласно которой М., будучи волшебником, изменила бы внешность своих родных) свидетельствует, что себя бы она превратила в бегемота, маму – в Буратино, потом - в крокодила Гену; папу – во взрослого дядю, затем – в акулу. Девочка пояснила, что когда она захотела бы вернуть всем прежний облик, она не стала бы делать этого в отношении матери. Анализ результатов данного метода в отношении отца говорит о том, что для нее более актуальным является его «превращение» во «взрослого дядю», не сказочного персонажа, а уже потом в другого, сказоч-

ного персонажа. Это может указывать на то, что на глубинном, подсознательном уровне поведение отца в сложившейся ситуации не согласуется у ребенка с представлением о «взрослом человеке». В то же время он воспринимается как реальный, сильный и опасный («акула»), что в свою очередь свидетельствует о том, что отец в настоящее время доминирует над ребенком. Мать, ввиду отсутствия общения с ней, воспринимается как некий сказочный (мифический, не существующий) персонаж, общение с которым, учитывая позицию и образ отца, вряд ли реально.

При проведении теста «Сказка» ребенком даны два ответа, которые можно отнести к норме (сказки «Птенец», «Страх») и два «настораживающих» ответа (сказки «Прогулка» и «Дурной сон»). Полученные результаты указывают на наличие у ребенка некоторого скрытого беспокойства, неуверенности, страха в связи с уходом матери из семьи и конфликта между родителями.

В тесте «Рисунок семьи» отмечается отсутствие доминирования кого-либо из родителей. При этом папу девочка нарисовала первым, но при его изображении использовала холодный тон (синий). Изображение матери хотя и нарисовала последним, но использовала при этом те же тона, которыми она рисовала себя (розовый, желтый), что указывает на ее эмоциональное приятие, идентификацию с матерью. Рисунок семьи в целом (все трое повернуты лицом вперед, рядом друг с другом, с широко расставленными руками, сама девочка находится между мамой и папой, заштрихованные фигуры всех членов семьи – особо тщательная отца и матери) свидетельствует о стремлении сохранить контакт между членами семьи, но при этом напряженной эмоциональной атмосфере, амбивалентном отношении к обоим родителям, неблагоприятном эмоциональном самоощущении ребенка в семье.

Данные по тесту Р. Жилия свидетельствуют о наличии в настоящее время эмоциональной привязанности М. к отцу, которого она воспринимает в качестве главы семьи.

При анализе ответов испытуемой по методике «Завершение предложений» у нее выявляется потребность в покое, любви, заботе, избегании семейных конфликтов, стабилизации обстановки в семье. Отмечается выраженное позитивное отношение девочки к отцу, ее потребность в общении с ним; при этом декларируется отстраненное, недружелюбное отношение к матери.

3.3. Судебно-психологическая экспертиза юридически значимых психологических последствий по факту причинения морального вреда по делам о возмещении морального (неимущественного) вреда.

Объектом СПЭ по делам о компенсации морального вреда является психическая деятельность лица, претендующего на компенсацию морального вреда (пострадавшего), в юридически значимый период.

Личность причинителя вреда не является объектом данного вида экспертизы, однако его действия, их характер включаются в ситуативную составляющую объекта экспертизы.

Исходя из общепринятого определения, согласно которому общим предметом СПЭ является установление фактов, относящихся к психической деятельности человека в юридически значимой ситуации, *предметом* СПЭ по делам о компенсации морального вреда являются фактические данные об изменениях психической деятельности пострадавшего, наступивших в результате действий (бездействий) причинителя вреда.

Поводом для назначения экспертизы служат:

- отсутствие, недостаточность или противоречивость данных о психологических компонентах нравственных страданий субъекта (исходные данные ограничены, противоречивы, недостаточны);
- обоснованные сомнения относительно степени нравственных страданий, заявленных пострадавшим;
- сомнения в наличии причинно-следственной связи между правонарушением и негативными изменениями психической деятельности пострадавшего.

Задачи СПЭ по делам о компенсации морального вреда:

- выявление изменений психической деятельности пострадавшего;
- определение степени выраженности этих изменений;

- выявление индивидуально-психологических особенностей, существенно повлиявших на изменения в психической деятельности (на динамическом и содержательном уровнях);

- установление причинно-следственной связи между изменениями психической деятельности пострадавшего и действиями (бездействиями) причинителя вреда.

В компетенцию эксперта-психолога входит:

- установление психологических компонентов нравственных страданий (изменений психической деятельности);

- исследование индивидуально-психологических особенностей пострадавшего;

- выявление наличия причинно-следственной связи между установленными изменениями психической деятельности и действиями (бездействиями) причинителя вреда.

В компетенцию эксперта-психолога не входит:

- определение «физических страданий»;
- установление факта морального вреда и нравственных страданий;
- отнесение выявленного и описанного психического состояния к определенной нозологической группе;
- определение размеров компенсации морального вреда.

В тех случаях, когда у суда возникают обоснованные сомнения относительно психического здоровья пострадавшего или факт психического расстройства (в том числе пограничного) зафиксирован в медицинской документации, экспертиза должна проводиться в комплексной форме (психолого-психиатрическая, в ряде случаев медико-психолого-психиатрическая).

В соответствие с основными задачами СПЭ по делам о компенсации морального вреда, *перед экспертом могут быть поставлены следующие типовые вопросы:*

1. Имеются ли у испытуемого негативные изменения психической деятельности? Если да, то в чём они выражаются?

2. Имеется ли причинно-следственная связь между негативными изменениями психической деятельности испытуемого и действиями (бездействием) N. (причинителя вреда)?

3. Какова степень негативных изменений психической деятельности пострадавшего?

4. Имеются ли у испытуемого индивидуально-психологические особенности, которые оказали существенное влияние на изменение его психической деятельности в исследуемой ситуации?

Рассмотрим несколько примеров. В первом рассматривается заключение экспертизы по иску гражданки к газете и корреспонденту газеты, который в своей публикации раскрыл тайну удочерения и, по смыслу статьи, связал факт удочерения и факт тяжкого преступления. В результате об удочерении узнала девочка, окружающие, что сказалось на состоянии истицы, семейном благополучии.

Пример 40. Из материалов гражданского дела известно, что С. обратилась в суд с иском к издательству, а также журналисту газеты М. о взыскании компенсации причиненного морального вреда в связи с разглашением семейной тайны (тайны удочерения), мотивируя тем, что ответчик в газете напечатал статью «...», в тексте которой сообщил, что ее старшая дочь была удочерена.

Из материалов дела известно, что приговором суда муж истицы, С-в, был признан виновным в совершении умышленного убийства женщины и покушении на убийство ее несовершеннолетней дочери; ему назначено наказание в виде 17 лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима.

По материалам судебного слушания дела журналистом городской газеты была написана, а затем и опубликована статья.

В исковом заявлении, а позднее - в судебном заседании С. сообщила, что в их семье долгое время не было детей, т.к. у нее «много хронических заболеваний». После того, как врач сказал, что детей у нее не будет, вместе с мужем приняли решение удочерить чужого ребенка. Чтобы инсценировать беременность истица была вынуждена взять отпуск на некоторое время, уехать к подруге. Когда врач сообщил, что появилась возможность удочерения, С. возвратилась домой втайне от всех, некоторое время лежала в роддоме и выписалась оттуда уже с дочерью (поэтому отсутствие беременности никто не заметил). Спустя некоторое время забеременела и родила второго ребенка. После опубликованной статьи она с детьми поменяла место жительства, переехав в другой район, оставив свою двухкомнатную изолированную квартиру. Истица считает, что в дальнейшем будет вынуждена обменять или продать квартиру, обосноваться на другом месте. В связи с вышеизложенным С. просит взыскать компенсацию морального вреда с учредителя газеты и журналиста.

...В ходе беседы с экспертами С. контактна, подробно и несколько детализированно рассказывает о себе и о случившемся. Фон настроения снижен. При рассказе об иссле-

дуемой ситуации переживает, плачет. Обеспокоена сложившейся ситуацией (в том числе, судебной тяжбы)... Рассказала, что долгое время в семье не было детей, лечилась... Никто не догадывался об удочерении. В медкарте девочка значится как родной ребенок, было указано, как протекали роды. Через год у С. родилась родная дочь. На протяжении всех лет муж очень хорошо относился к старшей девочке («пеленал, вставал ночью»), занимался ее воспитанием, водил на занятия по английскому языку, «души в ней не чаял»; даже к родному ребенку относился менее тепло. Разницы между детьми С-вы никогда не чувствовали; испытуемая считает, что девочки «даже похожи друг на друга». Старшая дочь рано научилась читать, решать кроссворды. Из-за детской страницы всегда покупали ей городскую газету (в которой в дальнейшем появилась статья, по поводу которой подан иск). В очередной раз, купив газету, испытуемая увидела статью ответчика, очень испугалась за девочку, поэтому газету отдавать не стала. Однако дочь нашла газету, прочитала статью и стала задавать вопросы, правда ли то, что там написано (об удочерении). Вначале С., растерявшись, была вынуждена объяснять девочке, что «отец нашел ее на дороге, но практически сразу же заявила, что это неправда, что она - родная дочь».

После публикации статьи об удочерении стало известно родственникам, знакомым, сослуживцам, а также соседям С.. Пришлось довольно часто отвечать на их вопросы по данному поводу. Все это привело к тому, что испытуемая: *во-первых*, сменила место жительства (нашла квартиру в частном секторе, оставив на время свою); *во-вторых*, избегает встреч со знакомыми, перестала ходить в гости, т.к. те расспрашивают о ребенке; гуляет с детьми в безлюдных местах; *в-третьих*, пребывает в состоянии постоянного напряжения из-за того, что, по ее мнению, окружающие пристально присматриваются к ее детям после публикации статьи; *в-четвертых*, находится в постоянном напряжении и после объяснения с дочерью по вопросу публикации, опасаясь, что девочка получит информацию о своем удочерении от других лиц, будет искать настоящую мать. Место работы пока решила не менять в силу малочисленности коллектива и работы на разных объектах («работают по 2 человека, все вместе видимся редко»).

С. считает, что за подобную публикацию ответчиков следует наказывать, «чтобы другие не пострадали». О будущем думает с неуверенностью, беспокоится за реакцию дочери, т.к. «мир не без «добрых» людей» и девочка все равно узнает правду.

...По данным опросника Леонгарда-Шмишека, С. свойственен высокий уровень эмоциональной чувствительности, впечатлительность, ранимость, глубина эмоциональных переживаний. Отмечается невысокий уровень контактности, предпочтение ограниченного круга людей. В конфликтах склонна занимать пассивную позицию, не являться их инициатором. Стрессовыми для нее могут стать ситуации неприятностей с близкими людьми, несправедливости, хамства.

Результаты опросника ИТО свидетельствуют, что испытуемой присуща повышенная тревожность, что предполагает наличие тенденции воспринимать достаточно широкий спектр ситуаций как угрожающий. Особенности внешней среды оказывают значительное влияние на характер ее поведения. Выражено стремление к самоутверждению и избеганию конфликтов со значимым окружением.

Согласно шкале Спилберга-Ханина у испытуемой отмечается высокий уровень ситуативной тревожности, что говорит о субъективно переживаемых ею отрицательных эмоциях, таких как напряжение, беспокойство, озабоченность, что в целом адекватно ситуации экспертного исследования с учетом ее личностных особенностей (РТ=58). Уровень личностной тревожности повышен, что в необычных и неопределенных ситуациях может приводить к переоценке угрозы извне, к возникновению состояния тревоги, чувства угрозы, опасности.

Таким образом, у испытуемой обнаруживается комплекс индивидуально-психологических особенностей, которые в трудных жизненных ситуациях обуславливают остроту и длительность отрицательных эмоциональных переживаний. К ним относятся

высокий уровень тревожности, эмоциональной чувствительности, уязвимость, ранимость, глубина эмоциональных переживаний...

...Согласно клиническому опроснику Яхина – Менделевича, испытуемая выявляет признаки невротического состояния. Выраженные отклонения от нормального уровня отмечаются по 3 шкалам: тревоги (-2,79), обсессивно-фобических нарушений (-2,07) и невротической депрессии (-1,95).

Результаты сравнительного анализа психического состояния испытуемой в настоящее время (в сопоставлении со стандартными значениями обычного состояния, по шкале СУПОС-8) показали существенное снижение психического спокойствия (при легкости его утраты), снижение энергичности, силы; преобладание подавленности, депрессивности, удрученности.

Анализ психического состояния С. на 3 этапах развития исследуемой ситуации (по 14 параметрам, проективно, с помощью метода опосредованной ретроспективной диагностики состояния и Люшер-теста) показал следующее.

В период, предшествовавший публикации статьи, состояние испытуемой коррелировало с активностью (0,79), оптимистичным настроем (0,69), при отсутствии отчаяния (-0,52), растерянности (-0,38), подавленности (-0,33). Проявляла гибкость поведения, занимала активную позицию.

После появления публикации в газете у испытуемой отмечались безвыходность (0,98), страх (0,86) тревога (0,79), неуверенность (0,79), напряженность (0,76), слабость (0,74), страдание (0,69), мрачные предчувствия (0,31), а также отсутствие активности (-0,57). Отмечалась выраженная потребность в покое, безопасности на фоне растерянности, тревоги, восприятия себя жертвой недобросовестности и недоброжелательности окружающих. Это обуславливало восприятие ситуации в качестве безвыходной, упадок сил, ощущение бессмысленности дальнейших усилий и, как следствие, бегство в иллюзорный мир. Сопоставлением с цветоассоциативными эталонами установлена близость состояния испытуемой страху, подавленности, раздражению, фрустрации (безвыходности).

На протяжении последующего времени (в том числе, в период судебной тяжбы) состояние испытуемой коррелировало с растерянностью (0,88), подавленностью (0,69), мрачными предчувствиями (0,62), страхом (0,33), при этом отсутствуют активность (-0,67), оптимистичный настрой (-0,71). Отмечается потребность в покое, ситуации, свободной от конфликтов и проблем, поскольку состояние фрустрации (безвыходности), обусловленное ситуацией, вызвало неуверенность и настороженность, ощущение бессилия, дисфоричность (мрачную окрашенность состояния), истощенность. При сравнении с цветоассоциативными эталонами состояние С. на этом этапе сопоставимо с апатией, неуверенностью, растерянностью, слабостью, утомлением.

Таким образом, анализ состояния С. показал, что после публикации статьи у нее выявлялись значительные и устойчивые неблагоприятные изменения в психическом состоянии в виде утраты психического спокойствия, тревоги, астенизации, депрессивного фона настроения. Данные особенности являются характерными для состояния психической напряженности (стресса) в стадии дезадаптации (нервно-психического истощения)...

...Анализ статьи «...» показал следующее:

- на первой странице городской газеты, в виде анонса к статье, крупным красным шрифтом набрано «Удочерив, стал убийцей»;

- в лиде (вступительной части к статье, излагающей основные идеи статьи) жирным шрифтом выделено: «Своих детей у С-вых долгое время не было ... они удочерили чужую девочку. Если бы они этого не сделали, возможно, и не произошло бы жестокого убийства»;

- в тексте не изменены подлинные имена и фамилии, указаны точные адреса, даты;

- автор указывает, что «непосредственно на убийство С. спровоцировало упоминание в разговоре его приемной дочери. Женщина намекнула, что было бы гораздо лучше, если бы настоящая мать приемной дочери забрала у ... папаши своего ребенка»;

- также говорится, что факт удочерения принадлежит к числу «самых сокровенных тайн» в семье С-вых;
- автором отмечается, что «А. Н. –город не такой уж и большой. Мало что здесь остается незамеченным...».

Таким образом, объективно данная публикация несет в себе достаточное количество информации, однозначно указывающей на то, что старшая дочь С. является приемным ребенком. Сам факт разглашения тайны удочерения относится к числу наиболее психотравмирующих человека обстоятельств, поскольку нарушает принадлежащие ему неимущественные права (в том числе максимально лично значимые - неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну). Разглашение подобной информации реально ставит под угрозу психическое здоровье (прежде всего, ребенка, а также его приемных родителей), семейное благополучие (в том числе взаимоотношения между родным и приемным детьми), социальный статус, жизненные перспективы. Учитывая описанные выше индивидуально-психологические особенности С., ее отношение к приемной дочери, разглашение тайны удочерения, многократно акцентированное в статье ответчика, является для нее в максимальной степени психотравмирующим фактором. Психотравма была усилена тем, что факт удочерения автором рассматривается как одна из главных причин убийства («Удочерив - стал убийцей», «непосредственно на убийство ... спровоцировало упоминание ... приемной дочери», «...они удочерили чужую девочку. Если бы они этого не сделали, возможно, и не произошло бы жестокого убийства»). Тем самым подобными умозаключения автор опосредованно обвиняет в убийстве С. и его приемную дочь. Следует отметить тот факт, что девочка уже знакома со статьей, располагает информацией о ее удочерении, а также о том, что убийство произошло во время конфликта из-за угрозы разглашения этих данных. Объяснения матери в настоящем этапе могли успокоить ее, вытеснить до определенного времени данную психотравмирующую информацию из сферы осознаваемого. В то же время это не снимает угрозы возникновения у нее подсознательного комплекса вины, что может крайне негативно сказаться на психическом здоровье девочки, формировании ее личности, а также - социальной адаптации. В связи с этим опубликованную статью в городской газете следует рассматривать как в высшей степени психотравмирующую, затрагивающую значимые личностные ценности, потребности, жизненную перспективу С., а также ее приемной дочери...

...На основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что ...С. выявляет комплекс индивидуально-психологических особенностей, обуславливающих высокий уровень интенсивности и глубины переживаний психотравмирующих воздействий. К ним относятся: высокая эмоциональная чувствительность (особенно к неприятностям с близкими людьми, несправедливым обвинениям, хамству), высокая личностная тревожность, уязвимость, ранимость, подверженность длительным эмоциональным переживаниям. В силу высокой личностной значимости факта разглашения тайны удочерения, а также - дальнейшей жизненной перспективы детей и самой испытуемой и с учетом описанных выше психологических особенностей С., публикацией статьи ответчика «...» в городской газете ей была причинена серьезная психотравма. На это указывают: признаки невротического расстройства (как по данным клинического опросника невротических расстройств, так и по данным меддокументации - НЦД по типу гипертонического криза в январе 2000 года); признаки состояния затяжного (хронического) стресса в стадии истощения; явления социальной дезадаптации (усиление подозрительности, неуверенности; оставление благоустроенного жилья и проживание с детьми на квартире; сужение круга общения)...Существует причинно-следственная связь между указанными негативными последствия сложившейся ситуации для психического состояния С. и публикацией статьи М. городской газете.

Другой пример иллюстрирует факт причинения морального вреда (психотравмы) наряду с причинением вреда здоровью в результате ДТП. Здесь следует обратить внимание на то, что в результате травмы, полученной в ДТП, у испытуемого отмечались признаки социальной дезадаптации в наиболее значимых сферах – здоровье, личность (самооценка), производственные отношения, семья, социальные отношения.

Пример 41. Из материалов гражданского дела известно, что истец обратился в суд с иском к ответчикам о возмещении вреда здоровью, причиненного в результате ДТП, в том числе и взыскании компенсации морального вреда в сумме 500 тыс. рублей. Из искового заявления С.И. известно, что примерно в 21 час 20 минут Г.В., управляя автомобилем, совершил наезд на пешехода С.И., который был госпитализирован в лечебное учреждение. Г.В. с места ДТП скрылся. В результате ДТП здоровью С.И. причинен вред в виде ЗЧМТ, сотрясения головного мозга, закрытый перелом ребра слева, закрытый многооскольчатый перелом левого бедра, закрытый перелом правой большеберцовой кости, закрытый перелом малой большеберцовой кости (подтверждается заключением судебно-медицинской экспертизы). Ему произведены три операции, предстоит четвертая. В настоящее время он испытывает тяжело переносимую физическую боль во всем теле, мучительные головные боли. От этого у него нарушается сон, он чувствует себя «разбитым» и постоянно уставшим. Его не покидают мысли о том, что из нормального здорового человека он стал инвалидом во всех отношениях. Это наносит ему нравственные страдания, «я не могу видеть страдания моей жены и моего ребенка, чувство горечи и обиды не оставляет меня в том, что ответчик не предпринял попыток к заглаживанию своей фактически преступной вины по отношению ко мне».

До повреждения здоровья в результате ДТП С.И. служил в органах внутренних дел и в отделе вневедомственной охраны. В настоящее время из-за болезни он не может выполнять свои служебные обязанности в полном объеме. Его зарплата в связи с этим существенно уменьшилась, что при понесенных и еще предстоящих расходах на его лечение для него существенно, «это на словах у нас все бесплатно, а на самом деле необходимо за все платить». Он постоянно думает об этом, переживает.

Из служебной характеристики, данной С.И. по месту работы, известно, что он служит в органах внутренних дел 8 лет, в должности командира отделения взвода милиции групп задержания роты милиции отдела вневедомственной охраны. За период службы рекомендовал себя с положительной стороны. К исполнению служебных задач подходит со всей ответственностью и должным уровнем профессионализма. На замечания реагирует правильно. Исполнителен, дисциплинирован, проявляет разумную инициативу. В коллективе пользуется уважением, неоднократно поощрялся руководством отдела.

Свидетель Ф. в своих показаниях сообщила, что 21.01. она видела, как серебристая машина ВАЗ-21150 сбила мужчину, который от удара упал. Машина рывком дернулась вперед, переехав мужчину передними колесами, потом резко сдала назад, при этом, снова переехав его, затем остановилась рядом. Из нее вышли два мужчины, которые погрузили пострадавшего в подъехавшую машину и увезли.

Свидетель Н-в (лечащий врач) показал, что С.И. - его пациент, который находился на излечении с 20.01. по 11.05., повторно с 12.05. по 1.06. с диагнозом: ЗЧМТ, СГМ, закрытый многооскольчатый перелом левого бедра, закрытый перелом правой большеберцовой и малоберцовой кости, повреждения грудной клетки, травматологическая невропатия, травматический шок 2-3 степени. Первоначально были предприняты крайне тяжелые реанимационные мероприятия, поскольку данным повреждениям могла сопутствовать

большая кровопотеря, «подобные травмы чреваты осложнениями, вплоть до летального исхода». После реанимации была проведена операция на большеберцовой кости, по стабилизации состояния – операция на бедре. Больному была проведена за соответствующую оплату очень тяжелая уникальная операция, длящаяся 7 часов по швейцарской системе по установлению металлических конструкций и спиц. После данной операции больной был снова направлен в реанимацию. В настоящее время все действия направлены на сращение костей, реабилитацию С.И., «единственное, с чем нам не удалось справиться, это с невритом малоберцовой кости». Истцу еще предстоит операции по удалению металлоконструкций и пересадке нерва. С.И. был выписан в удовлетворительном состоянии, «вред здоровью причинен большой».

В ходе психологического исследования С.И. о себе рассказал, что ему 33 года... По характеру описывает себя как «компанейского», веселого, спокойного (тяжело вывести из себя). До произошедшей аварии любил играть в футбол, танцевать, по утрам бегал с собакой. **Об исследуемых событиях** сообщил, что 20.01. вечером он переходил дорогу по пешеходному переходу на зеленый свет. Прошел четверть дороги и увидел, как на сторону дороги, по которой он шел, с противоположной полосы движения выехал автомобиль. С.И. побежал назад, потом помнит, что его ослепил свет, затем - удар. Пришел в себя, когда его доставили в ЦГБ, где течение 2 месяцев находился на излечении. После этого месяц лежал дома, затем 3 недели в госпитале МВД, после чего снова 2-3 недели в ЦГБ (были множественные ушибы и переломы, перенес несколько операций; в результате осталась нейропатия правой стопы, относительно которой врачи не делают благоприятных прогнозов; левая нога до конца не сгибается, предстоят еще две операции). Все это время был лежачим больным, ходить начал в конце мая. До этого в больнице стали появляться мысли о суициде «если не встану, но выброшусь в окно». Когда стал ходить на костылях, «как будто заново родился... а потом наступил быт».

С.И. сообщает, что после ДТП стал нервным, раздражительным, появились страхи «боюсь переходить дорогу, особенно в том месте, где произошла авария... когда подхожу к месту аварии, невольно вспоминаю произошедшие события». Преследуют постоянные головные боли, боли в правой ноге, нарушился сон «плохо засыпаю, т.к. болит голова... появились неприятные сны... одни мысли, как достать деньги, потому что висит большой долг (брал кредит, чтобы оплатить лечение)», появилась быстрая истощаемость. Из-за того, что правая нога плохо двигается, он не может водить машину, при ходьбе появилась хромота; он не в состоянии справиться с элементарными домашними обязанностями (вынести ведро воды и т.д.). В настоящее время он не может обеспечить семью, в связи с чем жена вынуждена была начать работать. У него отсутствует надежда на благоприятное разрешение ситуации, не видит дальнейших перспектив «... будущего не вижу – я инвалид, не смогу найти хорошую работу, возьмут только сторожем... инвалидность оформлять тоже нельзя – уволят с работы».

Семь месяцев не работал, потом взял отпуск (чтобы не комиссовали). Работать начал с конца августа, «ребята возили за оружием, потом на пост, отвозили домой... мне перед ними стыдно, сейчас иногда сам езжу на работу». В связи с травмой в настоящий момент стоит на стационарном посту охраны, «не могу бегать по лестницам, прыгать через заборы... всю жизнь был активным – сейчас тяжело, т.к. работа сидячая». Ухудшились отношения с женой «она смотрит на меня с сожалением, жалостью... мы стали часто ругаться... интимная жизнь изменилась - больше доставляет боль, пародия на то, что было, не так повернулся – боль... жена сдерживается, но не знаю, на сколько ее хватит». Охладел к ребенку «дочь раньше больше тянулась ко мне, сейчас – нет». В настоящее время двигается все еще с трудом, левая рука не активна. Появилось постоянное чувство стыда, потому что нужно всегда кого-то о чем-то просить, т.к. сам справиться не может, «перестали прислушиваться к моему мнению на работе – что я сейчас могу... до пенсии бы дожить». До аварии все неудачи переносил легче, «знал, что могу сам справиться», в коллективе был лидером – «сейчас не лезу, не претендую»...

В процессе психодиагностического исследования было установлено следующее.

Когнитивная сфера. Установлено, что память испытуемого несколько снижена, о чем свидетельствует динамика непосредственного запоминания словесного материала (6-7-8-8-9-7-7-8), отсроченное воспроизведение (спустя час) – в пределах нормы (7 слов). Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм, отсрочено) – снижено (воспроизведено 59 % слов). Пиктограммы преимущественно атрибутивные, формальные, стандартные, адекватные, упорядоченно расположенные, что свидетельствует об отсутствии грубых нарушений в интеллектуальной сфере.

Индивидуально-типологические и личностные особенности. С.И. характерны общительность, открытость, чувствительность, избыточная тревожность, мнительность, боязливость, конформность, ориентация на авторитет более сильной личности, предпочтение устоявшихся способов деятельности. У испытуемого отмечается переживание физического неблагополучия, постоянная озабоченность соматическим состоянием (ИТО, ТАСТ). По результатам опросника СМИЛ у С.И. обнаруживается подавленность, неуверенность в своих возможностях и в стабильности ситуации, высокая чувствительность и подвластность средовым воздействиям, впечатлительность, повышенная тревожность (связанная с длительной предшествующей невротизацией), сниженный порог устойчивости к стрессу, высокий уровень осознания имеющихся проблем через призму неудовлетворенности и пессимистической оценки своих перспектив, выраженная глубина переживаний, трансформация психологической тревоги на биологическом уровне в функциональные нарушения и, как следствие - развитие у испытуемого хронической социальной дезадаптации.

В ситуациях неудачи С.И. испытывает трудности инициирования действия (даже при актуализации мотива и наличии цели); присутствуют повторяющиеся мысли по поводу незавершенных намерений (которые в данный момент не могут быть реализованы) или свершившихся неудач, что в такого рода ситуациях значительно ослабляет возможности продуктивной деятельности (Куль).

По результатам теста «Несуществующее животное» С.И.у присущи замкнутость, отгороженность, чувство одиночества, тревожность, сниженная бытовая ориентация, депрессивное состояние.

Экспериментальный анализ психического состояния С.И. показал следующее.

По данным клинического опросника для оценки невротического состояния (Яхина, Менделевича), Кислицин на момент исследования выявляет признаки невротического состояния: по шкале невротической депрессии (-4), астении (-3), истерического типа реагирования (1), обсессивно-фобических нарушений (-3), шкале вегетативных нарушений (-5), шкале тревоги (-2) (показатели всех шкал опросника значительно снижены)²⁶.

Результаты опросника депрессивности Бека свидетельствуют о наличии у С.И.а высокого (критического) уровня выраженности депрессивной симптоматики (19).

В ходе исследования по шкале Ч. Спилбергера – Ю. Ханина у С.И.а обнаружен средний уровень выраженности реактивной (ситуативной) тревожности и высокий уровень личностной тревожности, что свидетельствует о присутствии в структуре личности тревоги, как личностной черты, а также о легкости возникновения и выраженности протекания состояния тревоги в затруднительных ситуациях и ситуациях неопределенности.

По результатам опросника субъективного дистресса на данном этапе С.И. обнаруживает тенденцию к бессознательным навязчивым воспроизведениям психотравмирующей ситуации (повторяющиеся неожиданные видения и реакции страха с чувственными или ассоциативными напоминаниями о событии).

По шкале оценки влияния травматического события у испытуемого выявлено наличие такой реакции на травматическое событие, как «вторжение» или «навязывание», проявляющейся ночными кошмарами, навязчивыми чувствами, образами или мыслями.

²⁶ Показатель больше + 1,28 указывает на уровень здоровья; меньше - 1,28 – на болезненный характер выявляемых расстройств.

Согласно результатам шкалы СУПОС-8 (ретроспективно), в образе состоянии испытуемого в период до исследуемых событий преобладает психическое спокойствие, энергичность, сила, стремление к действию; не выражены импульсивность, психическое напряжение, тревога, подавленность, депрессивные тенденции. В образе состояния после ДТП и в течение последующих месяцев (до настоящего времени) у Кислицина выявляется снижение уровня психического спокойствия, энергичности, стремления к действию и, наряду с этим, выявляется нарастание тревоги, подавленности, значительно выражены удрученность, изнурение, депрессивные тенденции (табл.1).

Таблица 1

Фактор	До аварии	После аварии	Стандарт	М
Р (психическое спокойствие)	21	10↓↓	15 ÷ 35	25
Е (сила, энергия)	18	9↓↓	14 ÷ 26	20
А (стремление к действию)	12	5↓	7 ÷ 17	12
О (импульсивная реактивность)	9	5	3 ÷ 11	7
Н (напряжение)	9	11	8 ÷ 16	12
U (тревога, подавленность)	5	11↑	5 ÷ 13	9
D (депрессия, изнурение)	7	14↑↑	6 ÷ 8	7
S (удрученность, подавленность)	5	15↑↑	3 ÷ 11	7

По шкале самооценки состояний Н.Курганского после произошедшей аварии (до настоящего времени) выявляется снижение эмоционального тонуса, психологического комфорта, при нарастании напряжения (табл.2).

Таблица 2

Фактор	До аварии	После аварии	Диапазон средних значений
Психическая активация	12	16	9 ÷ 16
Интерес (вовлеченность)	5	13	9 ÷ 16
Эмоциональный тонус	4	14	9 ÷ 16
Напряжение	10	16 ²⁷	9 ÷ 16
Психологический комфорт	9	19↓	9 ÷ 16

Результаты исследования состояния Кислицина с помощью шкалы оценки психического состояния (ретроспективно) указывают на то, что до исследуемых событий в образе состояния значительно преобладали активность, удовлетворение, энергия, инициативность, радость, спокойствие. После произошедшей аварии все вышеперечисленные характеристики состояния максимально снижаются, при этом нарастает отчаяние, подавленность, неуверенность, уныние, усталость, разочарование, страдание, физическое неблагополучие, чувство стыда.

²⁷ По шкале Н. Курганского высокие значения показателей (за исключением напряжения) свидетельствуют о низком уровне параметров состояния.

Цветоассоциативный образ состояния испытуемого до произошедшей аварии выявлял потребность в действии, эмоциональной вовлеченности, в общении, оптимистичность, потребность нравиться окружающим, поиск признания и стремление к сопричастности в межличностном взаимодействии, надежду на успех. После ДТП (до настоящего времени) цветоассоциативный образ состояния испытуемого выявляет протестную реакцию на средовые воздействия с избыточной возбудимостью, пассивность, зависимость от значимых других, ощущение приниженности, потребность в большей безопасности, теплых отношениях, избавлении от проблем, трудности в межличностных контактах из-за повышенной ранимости и сосредоточенность на своих проблемах, стресс, в связи с состоянием выраженного разочарования (МВЦ Люшера).

Анализ исследуемой ситуации показал следующее. Сложившаяся ситуация (ДТП) объективно носила сильнейший стрессогенный характер, о чем свидетельствуют ее экстремальность, внезапность, динамичность, реальная опасность для жизни и здоровья. Стрессогенность ситуации была усугублена также тем, что в результате произошедших событий С.И. находился в крайне тяжелом состоянии, вследствие получения им в момент аварии множественных травм. На протяжении нескольких месяцев он находился на излечении в ЦГБ, где перенес несколько сложнейших операций. В течение этого времени он испытывал сильные болевые ощущения, остро переживал ярко выраженные негативные эмоции, связанные как с наличием болевых ощущений, так и осознанием факта изменения своего положения (ранее здоровый, сильный, физически подготовленный молодой человек вследствие полученных травм вынужден находиться в беспомощном состоянии, когда не может самостоятельно передвигаться, осуществлять элементарный уход за собой). На протяжении всего периода времени с момента причинения ему повреждений при ДТП и до настоящего времени С.И. выявлял и выявляет признаки, характерные для посттравматического стрессового расстройства (депрессивная симптоматика, бессознательное навязчивое воспроизведение психотравмирующей ситуации - повторяющиеся неожиданные видения и реакции страха с чувственными или ассоциативными напоминаниями о событии, реакции «вторжения» или «навязывания», проявляющиеся ночными кошмарами, навязчивыми чувствами, образами или мыслями).

Следует отметить, что у С.И.а выявляются признаки существенных изменений в пяти важнейших сферах:

1. Здоровье. Как следует из материалов дела и проведенного исследования, С.И. в результате ДТП получил тяжелые травмы, «чреватые осложнениями, вплоть до летального исхода», перенес несколько операций (в том числе уникальную и дорогостоящую операцию по швейцарской технологии), ожидает еще нескольких операций, поскольку «не удалось справиться с невритом малоберцовой кости», в том числе и операцию по пересадке нерва. По мнению лечащего врача Н., вред здоровью С.И.а «причинен большой».

Помимо ущерба физическому здоровью, у С.И.а выявляются выраженные признаки посттравматического стрессового расстройства, описанные в исследовании.

2. Личность. У С.И. выявляются индивидуально-психологические особенности, характерные для людей с ограниченными возможностями, такие как избыточная тревожность, мнительность, переживание физического неблагополучия, постоянная озабоченность соматическим состоянием, подавленность, неуверенность в своих возможностях и в стабильности ситуации, высокая чувствительность и подвластность средовым воздействиям, сниженный порог устойчивости к стрессу, трансформация психологической тревоги на биологическом уровне в функциональные нарушения. Это свидетельствует (учитывая его образ «Я» до случившегося и имеющиеся в деле характеристики) об изменениях на уровне личности, самооценки, об ограниченности его адаптивных возможностей.

3. Производственная сфера. Испытуемый, пережив ДТП, по существу став инвалидом, утратил свой статус активного, авторитетного сотрудника, руководителя (командира отделения взвода отдела вневедомственной охраны при отделе внутренних дел), способного решать весь комплекс возникающих оперативных задач. Выявленные у него на дан-

ном этапе индивидуально-психологические особенности не обеспечивают высокую профессиональную успешность, которая отмечалась у него, исходя из служебной характеристики, до аварии. При этом, учитывая характер травм, состояние здоровья С.И., длительность процесса лечения и последующей реабилитации, маловероятно возвращение утраченного профессионального статуса в обозримом будущем.

4. *Семья.* Статус С.И. в семье резко изменился: он перестал быть реальным главой семьи, поскольку находится в зависимости от других членов семьи, не может материально их обеспечивать, не может быть реальным их защитником. Утратил теплые эмоциональные связи с дочерью. Воспринимает отношения с женой как критические, чреватые их ухудшением. Кроме того, его состоятельность как мужчины существенно ограничена вследствие полученных травм.

5. *Социальные отношения.* У С.И. сузился круг социальных контактов ввиду состояния его здоровья, изменения самооценки и его статуса; его активность как члена общества также существенно снизилась по причине снижения адаптивных возможностей (в том числе и социальной адаптации).

Субъективное осознание С.И. невозможности преодоления сложившихся обстоятельств привело к нарастанию эмоциональной напряженности и развитию у испытуемого состояния хронической фрустрации (безвыходности), которое также усиливает его неблагополучие, усиливает социальную дезадаптацию.

На основании вышеизложенного эксперты приходят к заключению, что у С.И. обнаруживаются признаки негативного психического состояния, сопровождающегося выраженными отрицательными переживаниями в связи с событиями, составляющими основу дела (факт ДТП, причинение вреда здоровью, инвалидизация) в виде депрессивности, подавленности, удрученности, острого переживания физического неблагополучия, высокого уровня осознания имеющихся проблем через призму неудовлетворенности актуальных для него базовых и социальных потребностей и пессимистической оценки своих перспектив. Следует отметить, что выявленное психическое состояние С.И. связано также и с действиями Г.В. (изначально совершение ДТП и впоследствии отказ признать свою ответственность в причинении испытуемому морального вреда); при этом отрицание Г.В. ответственности за случившееся, учитывая состояние здоровья, психическое состояние и утрату прежних перспектив обуславливают на данном этапе усугубление неблагополучия у С.И.

Как показывает проведенное исследование, стойкость, глубина и интенсивность негативных переживаний выражены значительно, на что указывают выявленные у С.И.: 1. признаки высокого уровня психической напряженности (стресса), высокого уровня реактивной и личностной тревожности, выраженности депрессивной симптоматики, нервно-психического истощения (по Яхину-Менделевичу); 2. состояние фрустрации; 3. симптомы посттравматического стрессового расстройства в виде:

- повторяющихся навязчивых воспроизведений психотравмирующего события, вызывающих тяжелые эмоциональные переживания;
- стойких симптомов повышения психологической возбудимости (затруднение засыпания, сохранения сна, раздражительность, вспышки гнева, затруднение концентрации внимания);
- блокировки эмоциональных реакций (заметно сниженный интерес к ранее значимым видам деятельности, чувство отстраненности, отделенности от других людей, чувство отсутствия перспективы в будущем, что не наблюдалось до травмы);
- повышения уровня психической напряженности, выраженных депрессивных тенденций, тревоги, снижение уровня стремления к действию, утраты психического спокойствия и психологического комфорта, фиксации на своем неблагополучном самочувствии.

Учитывая проявление данных изменений в период исследуемых событий – с момента аварии (что подтверждается материалами дела и данными настоящего обследования), их стойкость, глубину и интенсивность, которые отмечаются и в настоящее время, индивидуально-психологические особенности С.И., высокую личностную значимость последствий ДТП, описанные выше неблагоприятные психологические изменения состоят в причинно-следственной связи с исследуемыми психотравмирующими событиями (ДТП, утрата здоровья, перспектив, отказ Г.В. признать свою ответственность).

На стойкость и интенсивность субъективных переживаний С.И. могли повлиять такие его индивидуально-психологические особенности, как чувствительность к широкому спектру внешних воздействий, избыточная тревожность, мнительность, впечатлительность, выраженная зависимость от средовых воздействий, сниженный порог устойчивости к стрессу, высокий уровень осознания имеющихся проблем, трудности инициирования действия в ситуациях неудач, трансформация психологической тревоги на биологическом уровне в функциональные нарушения.

Выше был приведен пример однородной психологической экспертизы потерпевшего по факту ДТП. Однако по таким делам может быть назначена и комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. В примере, приведенном ниже, у потерпевшей были выявлены существенные изменения в психической деятельности вследствие ДТП, которые квалифицировались как психическое расстройство.

Пример 42. Настоящее гражданское дело назначено к судебному разбирательству по заявлению гр. К-н, в котором тот указал, что в результате ДТП действиями гр. Б. ему причинен не только материальный, но и моральный вред – «жена пострадала, в семье нарушен нормальный образ жизни из-за ее болезни...». К. так же подала в суд иск о возмещении ущерба, причиненного ДТП. В иске она указала, что до настоящего времени состояние ее здоровья неудовлетворительное. Учитывая тяжесть перенесенных ею физических и нравственных страданий, истица оценила моральный вред в 50 000 рублей.

Анализ представленных на исследование материалов и полученных в процессе экспертизы результатов показал следующее.

1. Ситуация дорожно-транспортного происшествия, при котором испытуемой были получены телесные повреждения, является для К. психотравмирующим событием. Обстоятельства лечения, не принесшего существенного улучшения (стационарное лечение в неврологическом отделении в течение 17 дней, последующее длительное амбулаторное лечение у невропатолога, обращение за психиатрической помощью) являются для К. дополнительными психотравмирующими факторами. В настоящее время испытуемая так же нездорова, выявляет признаки невротического расстройства (неврастении), развитие которого обусловлено исследуемой психотравмирующей ситуацией ДТП.

2. У К. обнаруживаются изменения в психической сфере: проявление эмоциональной неустойчивости, плаксивости, раздражительности, повышенной истощаемости психических процессов, астенизации, а также снижение работоспособности и стойкое чувство снижения умственной продуктивности. Истощаемость всех психических функций создает для испытуемой тягостное положение.

3. В результате исследуемых событий у К. оказалась блокированной мотивационно-потребностная сфера. Обнаруживается неспособность (в силу развившихся у нее психических нарушений) сохранять прежнюю активность и продуктивность, вести привыч-

ный деятельный образ жизни, заниматься любимым делом. Учитывая индивидуально-психологические особенности испытуемой (активность, деятельность, энергичность и т.п.), а также то, что производственная сфера является для нее высоко личностно значимой сферой жизнедеятельности, в которой сосредоточена значительная часть ее основных ценностей (в том числе профессиональная и личностная самореализация), вынужденное снижение активности, продуктивности, ограничение возможности вести профессиональную деятельность является для нее психотравмирующими факторами, лишает привычной полноты жизни, ограничивает возможность получения удовлетворения от деятельности, сужает положительный эмоциональный спектр переживаний.

Таким образом, на основании вышеизложенного комиссия приходит к заключению, что К. выявляет признаки психического расстройства в форме астенического невроза (неврастении F 48.0), которое находится в прямой причинно-следственной связи с психотравмирующим событием дорожно-транспортного происшествия, в результате которого ею были получены телесные повреждения. Кроме того, оказалась существенно ущемлена мотивационно-потребностная сфера испытуемой, затронуты основные личностные ценности, что не позволяет ей в настоящее время вернуться к прежнему активному образу жизни, продуктивной профессиональной деятельности.

В следующем примере приведен фрагмент заключения по факту причинения морального вреда истице и ее несовершеннолетнему сыну ненадлежащими действиями муниципального предприятия, в результате чего погибла младшая дочь истницы.

Пример 43. Из материалов гражданского дела известно, что истица А. обратилась в суд в интересах своего несовершеннолетнего сына А. А. с иском о компенсации морального вреда. Из заявления следует, что истица имела дочь, на два года младше сына, которая трагически погибла при следующих установленных судом обстоятельствах. В конце января дети истицы утром вышли из дома и направились в школу. Проходя по двору, дочь на глазах брата провалилась в промоину с кипятком, стала кричать от неожиданности и боли. Сын тоже стал кричать и плакать. На крик детей прибежал их отец. Тем временем прохожий мужчина вытащил девочку из промоины. Ей были причинены ожоги 4 степени 90% тела. Спустя три дня после трагедии девочка умерла. Было признано, что смерть ребенка наступила в результате несчастного случая. Истица заявила, что они с сыном испытывают нравственные страдания в связи с утратой девочки. Сумма предъявленного иска составляет 500 тысяч рублей. Ответчики иск не признали, сославшись на то, что их вина «пока не доказана».

В процессе комплексного судебного психолого-психиатрического экспертного исследования было установлено, что истица выявляет признаки психического расстройства в форме депрессивного эпизода средней степени без соматических симптомов, которое состоит в прямой причинно-следственной связи с событием трагической гибели ее дочери (что подтверждается временем возникновения у испытуемой расстройств, отраженном в меддокументации и данными настоящего обследования). На интенсивность и глубину переживаний истицы могли повлиять присущие ей эмоциональная восприимчивость, особенно по отношению к неприятностям с близкими и ситуациям, затрагивающим ее основные ценности, сосредоточенные в сфере семьи, а также склонность фиксироваться на психотравмирующих моментах и связанных с ними субъективных переживаниях. Исходя из этого, постоянное контактирование с местом трагедии может сказываться на психическом состоянии испытуемой негативным образом. В интересах здоровья А. смена места жительства представляется целесообразной.

На основании проведенного исследования комиссия приходит к заключению, что несовершеннолетний А.А. выявляет признаки психического расстройства в форме фобического тревожного расстройства. Обнаруживается прямая причинно-следственная связь указанного нарушения с психотравмой, полученной при обстоятельствах несчастного случая с его сестрой и ее последующей смерти. Интенсификации и углублению переживаний испытуемого могли способствовать присущие ему индивидуальные особенности - слабость нервной системы, эмоциональная восприимчивость, привязчивость и повышенная эмоциональная зависимость от близких (в том числе от сестры). Ситуация постоянного контакта с местом трагедии, очевидцем которой он являлся, может негативным образом влиять на состояние А.А. в силу того, что гибель сестры является для него высоко эмоционально значимым жизненным событием, а указанное место служит неотъемлемой частью этого события, неразрывно связанной в восприятии с самой утратой. Учитывая особенности психики ребенка, смена места жительства, устранение из поля восприятия выраженных психотравмирующих элементов (каковым может быть не только место трагедии, но и комната, где испытуемый проживал вместе с сестрой и пр.) может стать существенным фактором его выздоровления.

Проведение экспертизы по установлению психологических признаков морального вреда у ребенка возможно и по делам, связанным с врачебными ошибками. В приведенном ниже примере рассмотрено заключение судебно-психологической экспертизы по иску матери малолетнего ребенка, ставшего инвалидом в результате неправильно несвоевременно поставленного диагноза и неправильного лечения (что было установлено судом). Однако одним из существенных факторов страдания ребенка оказалось неграмотное с психологической точки зрения общение врачей с ним.

Пример 44. В судебном заседании мать мальчика подробно описала, как развивалась болезнь ее сына, в какие лечебные учреждения они обращались в связи с этим и какая медицинская помощь им оказывалась. Отношение со стороны врачей поликлиники и районной больницы она характеризует как «небрежное», понимая под этим то, что «ребенка обижали, ему не дали достаточно лечения, хирург обозвал его калекой от рождения, сказала, что он притворяется, он мнительный, одна нога у него короче другой. Если взять детскую поликлинику № 8, то при моем ребенке было произнесено, когда поставили диагноз – скажите спасибо, что у ребенка не рак. В районной больнице, когда вышла та же хирург, сказала, я знаю этого мальчика, он притворяется, она подошла и поставила подпись, что ребенок здоров; при ребенке говорили, что он тяжело болен и что будет чудо, если он выживет, в результате чего ребенок мне (*матери*) задавал вопрос – мама я буду жить?...Когда мы были в больнице ЦГБ, собирали консилиум, на ребенка показывали указкой и говорили, что ребенок умирает...В районной больнице (когда говорили, что лечение не принесло результата) заведующая сказала, что ребенок мнительный, что склонен придумывать»...

В процессе экспертного исследования А. контактен, подробно рассказывает о себе. В ходе беседы и при выполнении заданий лежит. Быстро истощаем. Фон настроения снижен, только изредка оживает, когда вспоминает о друзьях, о том, как он раньше играл с ними, катался на велосипеде. Фиксирован на состоянии своего здоровья, воспоминаниях о

лечении и перенесенной операции (при рассказе об этом фон настроения существенно снижается), пессимистически оценивает свое будущее...

...Заболел «наверное, в 10 лет». Помнит, что начал болеть бок, долго болел. Пошли к врачу, направили в районную больницу на обследование. Болел «то правый бок, то левый, потом паховая область, потом – нога правая, потом – спина». В районной больнице не понравилось – «все плохие – плохо относятся к людям, как будто это вещь. Никто не хочет принимать: один пощупает, другой. В приемной нас продержали семь часов. Плохо относились: говорили, что я – калека по жизни, с детства. Говорили на осмотре, когда я с мамой ходил. Самый неприятный момент – когда меня называли калекой, с детства инвалидом и заставили в школу ходить на обезболивающих. Раньше я всегда носился, бегал, а так – сидел, все болело; никакие обезболивающие не действовали».

В период нахождения в ЦГБ врачи при нем говорили, что он умирает, приводили студентов, «чтобы учились». Это обижало – «ходили, ощупывали, говорили вставать, наклоняться. Было больно это выполнять»...

...В Питере студентов не было, там – профессиональные врачи, хорошие. На вопрос эксперта поясняет, что хороший врач – «внимательный, умный, добрый, лечит, имеет подход, признает свои ошибки; главное – что лечит хорошо».

Самое приятное воспоминание – «ко мне приходили одноклассники, человек семь, после операции. И сейчас иногда приходят, но очень-очень редко. Разговариваем, рассказывают о школе, классе».

Оценивая свой характер, начинает перечислять негативные черты: «нервный, ветреный (в смысле невнимательный), слабоморальный, меня легко обидеть словами или поступками. Физическая боль – это так, а вот больше обижает, когда говорят о плохих качествах, меня это обижает». Когда испытуемого спрашивают о сильных его чертах, он удивляется, потом говорит, что «добрый и все». В людях ценит доброту («другое не знаю»).

Следует отметить, что А. дает много пояснений при выполнении опросных методов, требующих кратких ответов. Это свидетельствует о потребности общения, потребности выговориться, быть понятым. В частности, отвечая на вопрос, касающийся его контактов с другими детьми и подростками, он говорит: «Я вообще необщительный человек, люблю быть один. Сам могу фантазировать, играть в это. Иногда очень хочется, чтобы с кем-нибудь поиграть в какую-либо игру. Неважно, в какую, важно, чтобы внимание уделили, поиграли. Люблю, чтобы кто-нибудь во мне нуждался... С ребятами лучше, но друзья меня обижают, задирают, унижают».

«Ночью я не сплю, но мысли, кроме Питера, не лезут. Мне очень страшно туда ехать: операция, боли, уколы, детки, какие там. Два года прошло. Я очень боюсь ехать».

Самая неприятная ситуация, которую вспомнил (при выполнении опросника копинг-стратегий): «Когда я лежал в Питере, я очень не любил одного мальчика. Он подготавливал кого-то все время, чтобы сделать мне плохо. Самое неприятное было, когда кидались чем-нибудь. Или когда родители выйдут, все время сто-то плохое начинается в комнате, издеваются. Давали какие-то препараты, что дети неуправляемыми становились. Я тоже злился. В Питере злишься, т.к. настолько чувствительный, что сделаешь то, что никогда здесь не сделаешь. Даже не задумываясь. Я помню мало из всего этого, я стараюсь это забыть. Там стены были изрисованы. Там были наброски, как сердца летают. Мальчик нарисован, у него позвоночник. Он кричит, мучается. Я не люблю драться, но там такая обстановка, что дрался с обидчиком. Если рассуждать по жизни, вообще, стерпеть можно, когда говорят. А когда кидаются, ты становишься как бы никем, как будто ты очень плохой. Когда у него обнаружили рак, мне было жалко этого мальчика».

Оценивая, как его изменила болезнь, испытуемый отмечает, что, прежде всего, ограничила в движении (раньше катался на велосипеде, роликах); изменила характер («всегда был веселый»); ограничила в возможностях пополнять свои знания, поскольку в основном вынужден заниматься лежа, сидеть не может; сейчас основным источником ин-

формации является телевизор (интересуется культурой, спортом, экономикой, наукой), однако считает это недостаточным.

При выполнении задания «Я через 10 лет», тяжело вздыхает, долго думает, потом говорит, что поступит в институт по окончании учебы в школе. «Если буду умный, профессий много, не надо физически трудиться». Хотел бы быть программистом («сейчас пятерки по информатике»). Раньше никогда не задумывался, кем хотел бы быть («шел по течению жизни»), но «мечта была – выделиться, быть не как все. Сейчас уже «выделился» – только знаниями».

Результаты психодиагностического исследования.

...А. выявляет такие особенности, как замкнутость, малообщительность, высокий уровень тревожности, тенденцию к фиксации на проблемах и трудностях, отрицательных эмоциональных переживаниях, связанных с ними. Выявляется дефицит стеничности, внешненаправленной активности, спонтанности, упорства и наступательности в отстаивании своей позиции (ИТДО).

По данным опросника Айзенка (детский вариант) А. интровертирован, выявляет высокий уровень эмоциональной нестабильности, что обуславливает темперамент по меланхолическому типу и такие особенности, как застенчивость, скромность, неуверенность в себе, склонность к рассуждениям, глубину и интенсивность эмоциональных переживаний, готовность к контактам близкого круга. В неблагоприятных условиях насторожен и подозрителен.

Результаты МПВ Л.Сонди свидетельствуют, что А. свойственны такие качества, как нерешительность, мягкость, зависимость, склонность к идеализации объекта привязанности, конформность, высокий уровень мотивации избегания неуспеха. Стиль межличностного поведения – зависимо-пассивный. Неуверенность в себе, повышенная мнительность и тревожность, сдержанность в проявлении чувств, застенчивость, стремление к избеганию конфликтов, ориентация на нормы поведения своего круга общения, повышенное чувство вины, пассивно-страдательная позиция, пессимистичность. Стремление к эмоциональной вовлеченности, впечатлительность, боязливость, стремление к сотрудничеству, стремление к сопричастности к групповым интересам, эмоциональная лабильность.

Самооценка низкая в отношении таких качеств, как здоровье, сила, активность, красота, веселость (оптимизм); снижена – по общительности; высокая – в отношении таких качеств, как спокойствие и ум (Дембо-Рубинштейн).

Результаты метода незаконченных предложений свидетельствуют, что А. выявляет выраженную потребность обрести здоровье («Я всегда хотел *быть здоровым*», «Я отдал бы все, чтобы забыть то время, когда я *болел*», «Моя тайная мечта в жизни *выздороветь*»), при этом негативные переживания связаны с процессом лечения, больницами («Большинство моих друзей не знают, что я боюсь *попасть обратно в больницу*», при этом поясняет: «Все горе, которое связано с моей семьей – это больницы, уже не могу с ними»)...

Рассказы, составленные по неопределенным сюжетам из ТАТ, достаточно краткие, адекватные, описывают персонажей, их действия и переживания. Отмечается шоковая реакция на сюжет, изображающий хирургическую операцию (длительное время реакции; напряженная мимика; «не знаю, не хочу придумывать рассказ на эту картинку... как будто он хочет живот вспороть этому человеку»). Значимыми для него являются проблема одиночества, а также дефицита общения с отцом, интересы и стиль поведения которого он хотел бы усвоить...

Эмоциональное состояние. В ходе экспертного исследования А. выявляет пассивность позиции, высокую чувствительность к внешним воздействиям, тревожность, неуверенность в себе, тонкую нюансированность чувств во взаимоотношениях и в оценке явлений и событий. Отмечаются: фиксация на состоянии своего здоровья. Незрелость позиции, ранимость, сниженный эмоциональный фон настроения. Нешаблонность мышления. Эмоциональное и физическое перенапряжение. Тенденция к самоуничтожению, низкая самооценка. Потребность в помощи. Сложность ситуации влияет на непосредственность

чувств, подменяя их интеллектуальной переработкой, тенденцией к раздумьям. Воспринимает себя жертвой, доверие которой обманули.

По данным суммарного отклонения от аутогенной нормы А. выявляет выраженную непродуктивную нервно-психическую напряженность, что влечет повышенную утомляемость, застревание на эмоциональных переживаниях, преимущественно, негативных (тревога, мрачные предчувствия, бессилие), подверженность резким колебаниям настроения. Показатели вегетативного коэффициента свидетельствуют об истощенности, хронической переутомленности, пассивном реагировании на трудности, неготовности к напряжению, низкий уровень стрессоустойчивости.

По данным опросника субъективного дистресса (М.Горовца) А. выявляет признаки навязчивых воспроизведений психотравмирующих событий. Для навязчивых воспроизведений характерны повторяющиеся неожиданные видения и реакции страха с чувственными или ассоциативными напоминаниями о событии, что приводит к чувству отчаяния, снижения продуктивности деятельности, общения. Это находит отражение и в беседе с испытуемым – говорит о том, что у него возникают частые спонтанные воспоминания о болезни, операции, вспоминает время, проведенное в больницах, обиды, нанесенные ему врачами («калека», «умирающий»), а также некоторыми детьми, с которыми он лежал в больнице; страх перед предстоящими обследованиями и операцией.

А. выявляет признаки депрессивного состояния (преобладание показателей по когнитивно-аффективной шкале, Бек).

Исследование совладающего потенциала. Исследование способов совладания со стрессовой ситуацией показало, что у А. выявляются такие стратегии, как телесный контакт, потребность в привязанности; эмоциональное отреагирование через горе и страдание; обращение к Богу как к Высшей инстанции с просьбой о помощи; исповедь, признание вины; осмысление ситуации; а также – подавление и вытеснение неприятной ситуации. Наиболее часто используемые – телесный контакт («обнимаю и прижимаю к себе кого-то близкого, любимую вещь» - в данном случае – собаку, таксу), молитва, стремление забыть. При этом отмечается и такая стратегия, как обдумывание с целью поиска путей выхода из ситуации («лежу и думаю, как это исправить»). Необходимо отметить, что указанные стратегии совладания наиболее характерны для детей 8 – 12 лет. Чаше такие стратегии встречаются у детей тревожных, чувствительных, неуверенных в себе, послушных (что соответствует результатам обследования А.). При этом они свойственны детям с двигательными нарушениями (опросник коппинг-стратегий Н.А.Сироты и В.М.Ялтонского).

Анализ исследуемой ситуации.

А). Прежде чем провести анализ ситуации, необходимо остановиться на некоторых теоретических положениях.

Для того чтобы определить, имеет ли место моральный вред у конкретного человека, необходимо, *во-первых*, выделить психологические признаки «морального вреда»...

Во-вторых, для понимания личностной значимости произошедшего, необходимо, учитывая возраст А., выделить психологические особенности данного возраста, определить специфику психологических «новообразований», характерных для данного возрастного периода.

В-третьих, необходимо с учетом индивидуально-психологических особенностей А., оценить изменения в психической деятельности на динамическом и качественном уровнях.

В-четвертых, проанализировать особенности ситуации, в которой развивалась болезнь А. и его взаимодействие с медицинскими работниками.

Результаты анализа материалов дела и данных психологического исследования показали следующее. Возрастной период, в котором заболел А., лежит на стыке младшего школьного и подросткового возрастов. Этот этап характеризуется интенсивным развитием самосознания. В возрасте 7 – 11 лет ребенок в целом осознает, что представляет собой

некую индивидуальность. Он знает, что обязан учиться и изменять себя в процессе обучения, усваивать коллективные знания и соответствовать системе социальных ожиданий в отношении его поведения и ценностных ориентаций. В то же время в этом возрасте дети начинают понимать, что отличаются от других, и начинают переживать свою уникальность, свою «самость», стремясь утвердить себя среди взрослых и сверстников. В этот период у ребенка постепенно складывается образ своего тела и формируется двигательный стиль. Как показывают исследования, изоляция ребенка в связи с различными физическими недостатками влечет за собой негативные изменения в самооценке. Такие дети могут легко терять уверенность и уйти в себя, недооценивают свои силы и преувеличивают трудности жизненных задач, что влечет за собой неэффективные стратегии решения проблем. Моторно неловкий ребенок (вследствие задержки моторного развития или болезни, инвалидизации) исключается сверстниками из общения, что имеет отдаленные последствия – такой ребенок в дальнейшем обнаруживает робость, мнительность, нерешительность. Следует отметить связь низкой самооценки и депрессии: в ряде случаев депрессия предвещает низкую самооценку и, напротив, может быть следствием ее.

В подростковом возрасте меняется ведущая деятельность ребенка – на смену учебе приходит общение со сверстниками. В процессе общения со сверстниками происходит дальнейшее формирование личности ребенка, его системы ценностей и навыков автономного (от родителей) развития и существования.

Кроме того, в подростковом возрасте актуальным является жизненное самоопределение. В образ Я подростка самоопределение входит как единая смысловая система обобщенных представлений о мире и о себе. Эти представления формируются у подростка на основе его предшествующего опыта, его возможностей, а также исходя из того, какое положение он занимает в жизни и какое положение он хочет занимать. Эта внутренняя позиция обуславливает отношение подростка к действительности, окружающим, самому себе и формирует его будущее место в обществе в виде жизненного плана, жизненной программы.

Как следует из материалов дела, А. заболел в возрасте 10 лет. До этого он был активным, подвижным, достаточно общительным ребенком. ...Вследствие прогрессирования заболевания, сопровождавшегося интенсивным болевым синдромом, нарушением осанки, периодическим повышением температуры, повышенной истощаемостью А. утратил возможность посещать школу, способность к привычной двигательной активности. За полгода он с небольшими перерывами находился на стационарном лечении в четырех больницах..., в перерывах лечился амбулаторно в детской поликлинике. Относительно непродолжительный период его возвращения в школу (в течение месяца, учитывая школьные каникулы) сопровождался щадящим режимом (из-за более трех раз в день пил обезболивающие средства), исключал возможность заниматься физкультурой (несмотря на отсутствие освобождения по медицинским показаниям), а также - прежний стиль поведения (активность, подвижные игры и т.п.). Через восемь месяцев после того, как он заболел, ему была сделана операция по реконструкции позвоночника. Спустя два месяца в связи с наличием стойких нарушений статодинамических функций, обусловленных перенесенным заболеванием, приведшим к ограничению жизнедеятельности в виде способности к передвижению (1 степени) и к обучению (1 степени) А. установлена инвалидность группы «ребенок-инвалид». То есть в течение 10 месяцев статус А. резко изменился – от обычного подвижного ребенка до ребенка-инвалида.

Вследствие указанных ограничений он оказался изолирован от обычной среды обучения и досуга: обучается на дому, лишен возможности длительно передвигаться, сидеть, стоять, активно проводить досуг. Это привело его и к изоляции от сверстников – круг его общения резко сузился, замкнулся на значимых взрослых (прежде всего, родителях, а также учителях). При этом он выявляет обостренную потребность в общении со сверстниками, которая фрустрирована сложившейся ситуацией вследствие его болезни. В отноше-

ниях с родителями проявляется чувство вины, поскольку видит себя причиной трудностей, переживаемых семьей. Потребность в большем общении с отцом фрустрирована занятостью последнего (отец является единственным кормильцем в семье).

В настоящее время А. выявляет низкую самооценку (низко и крайне низко оценивает наиболее значимые для его возраста качества – здоровье, силу, активность, красоту, веселость (оптимизм), общительность); переживает чувство вины (характеризует себя преимущественно отрицательно). Фиксирован на здоровье, на необходимости повторной операции со всеми вытекающими последствиями – боль, медицинские процедуры, специфическая социально-психологическая (больничная) атмосфера.

Свое будущее (жизненные перспективы) рассматривает через призму успеха будущей операции, а также с позиции своих ограниченных физических возможностей и уровня получаемого на дому образования, а не с характерной для этого возраста ориентацией на интересы, привлекательность тех или иных видов деятельности, исходя из их социального престижа и т.д.

Таким образом, болезнь А. негативно повлияла на психическое состояние, его образ Я, самооценку, социальные контакты, жизненные перспективы.

Б). Определение возможности и быстроты изживания негативных последствий болезни зависит от быстроты выздоровления, уровня негативных психологических изменений, вызванных болезнью, а также от имеющихся психологических ресурсов (индивидуально-психологических особенностей, коппинг-стратегий, психического эмоционального состояния).

Оценка скорости выздоровления не относится к компетенции эксперта-психолога. Единственное, что может быть использовано при анализе сложившейся ситуации, это – длительность болезни (страдает ею около 2,5 лет), тяжесть заболевания (является инвалидом), неопределенные перспективы лечения и его результатов. Из этого следует, что выздоровление (если оно только возможно) потребует значительного времени, внутренних и внешних ресурсов, а потому маловероятна быстрота изживания негативных последствий болезни для психической деятельности и личности А.

Как уже было отмечено выше, неблагоприятные изменения в психической деятельности и личностном развитии А. проявились:

- на уровне учебной деятельности (обучение на дому не позволяет использовать все необходимые методические средства, необходимые для овладения предметом в полном объеме, учитывая также ограниченные физические и психологические особенности А. – физическая утомляемость и истощаемость психических процессов);

- на уровне самосознания – негативный образ Я, низкая самооценка относительно наиболее значимых для данного возраста качеств, преобладание чувства вины в отношении с окружающими;

- на уровне социальных контактов – у А. фрустрирована потребность в общении со сверстниками, поскольку у него практически отсутствуют друзья, он выключен из общения со сверстниками (что негативно сказывается на процессе социализации, учитывая возраст А. и ведущий вид деятельности, характерный для данного возраста);

- на уровне семейных отношений, несмотря на относительную гармоничность отношений, у А. отмечается преобладание чувства вины по отношению к родителям. Кроме того, учитывая подростковый возраст, выявляется выраженный дефицит общения А. с отцом, ввиду большой занятости последнего (он – единственный член семьи, обеспечивающий материальное ее благополучие, в том числе лечение А.);

- на уровне жизненных перспектив.

Следует отметить, что А. в течение длительного времени находится в состоянии хронической психической напряженности (стресса) в той его степени, что влечет повышенную утомляемость, застревание на эмоциональных переживаниях, преимущественно, негативных (тревога, мрачные предчувствия, бессилие), подверженность резким колеба-

ниям настроения, истощенность, хроническое переутомление, пассивное реагирование на трудности, неготовность к напряжению, низкий уровень стрессоустойчивости.

А. выявляет индивидуально-психологические особенности, которые не способствуют быстрой изживанию негативных последствий, такие как высокий уровень тревожности, фиксация на проблемах и трудностях, отрицательных эмоциональных переживаниях, связанных с ними, дефицит стеничности, внешненаправленной активности, спонтанности, упорства и наступательности в отстаивании своей позиции, замкнутость, эмоциональная нестабильность, неуверенность в себе, мотивация избегания неудачи, низкая самооценка.

Следует отметить, что в настоящее время невозможно установить, какие индивидуально-психологические особенности проявлялись у А. до болезни, а какие являются ее результатом. Однако большинство из приведенных выше особенностей могут формироваться в результате длительного соматического заболевания, проявившегося внезапно, имевшего тяжелое течение и обусловившего инвалидизацию.

Стратегии совладания А. характерны для детей, обладающих перечисленными особенностями, отражают невысокий уровень активности, отсутствие мотивации достижения успеха, что также затрудняет быстроту изживания неблагоприятных изменений в психической деятельности.

Таким образом, степень негативных последствий болезни для психической деятельности и личности А. характеризуются значительным объемом и глубиной; перспективы, равно как и скорость их изживания на данном этапе неопределенны.

В). Тяжелое соматическое заболевание, сопровождающееся болевым синдромом, резко меняющее жизнь человека и требующее болезненного медицинского лечения всегда негативно влияет на психическую деятельность человека, его психическое (эмоциональное) состояние. У человека формируется внутренняя картина болезни — «...все то, что испытывает и переживает больной, вся масса его ощущений... его общее самочувствие, самонаблюдение, его представления о своей болезни, о ее причинах — весь тот огромный мир больного, который состоит из весьма сложных сочетаний восприятия и ощущения, эмоций, аффектов, конфликтов, психических переживаний и травм».

Как сложное структурированное образование внутренняя картина болезни включает в себя четыре уровня отражения болезни в психике больного. Первый, *сенситивный*, — это уровень ощущения (все болезненные или другие неприятные ощущения, которые или исходят из какого-то конкретного местного заболевания или вызваны общим изменением самочувствия). Второй уровень, *эмоциональный*, связан с различными видами реагирования на болезнь, такими, как депрессивный, тревожный, ипохондрический или эйфорический. Третий уровень, *интеллектуальный*, отражает представления, знания и оценку человеком своей болезни. Он является результатом размышлений больного о своем состоянии, конкретном заболевании, о его причинах и возможных последствиях («боюсь, что умру»). Четвертый уровень, *мотивационный*, или *волевой*, содержит более или менее осознанное отношение больного к своему заболеванию, к изменению своего поведения и образа жизни в условиях болезни, а также разную степень желания действовать, чтобы вернуть или сохранить свое здоровье («мне надоело быть больным и беспомощным»). Отношение ребенка к своей болезни (госпитализации, лечению, врачам) характеризуется выраженными отрицательными эмоциональными реакциями и состояниями страха, тревоги, гнева, вины, одиночества и беспомощности, а также многочисленными неприятными и болезненными ощущениями. В целом больница и все, что с ней связано, воспринимается детьми как психотравмирующее препятствие, с которым очень трудно бороться.

В значительной степени внутренняя картина болезни и задействование защитных механизмов, позволяющих смягчить негативное влияние болезни на психику, зависит от врачей, которые занимаются лечением пациента, от характера лечения и степени его «психотравматичности». При этом необходимо отметить, что дети более уязвимы, по-

скольку еще не обладают навыками изживания проблем, к тому же привыкли верить авторитетным взрослым (в данном случае врачам). Поэтому ребенок рассчитывает, что врач – «добр и умен, избавляет от боли».

Из материалов дела известно, что, несмотря на физические страдания, связанные с операцией по реконструкции позвоночника, а также сложную психологическую атмосферу пребывания в стационаре, у А. не имеется негативного отношения к медицинским работникам клиники в Санкт-Петербурге. В то же время внутренняя картина болезни А. была усугублена отношением ряда врачей в его родном городе, которые при нем говорили его матери, а также студентам о тяжести его случая, формировали представления о неизлечимости его заболевания (что порождало вопросы о смерти), его ущербности («калека»), а также – о негативных чертах характера (мнительности, лживости – «все придумывает»). Указанное отношение медицинских работников усугубляло депрессивность состояния А., негативно влияло на его самооценку, а также – на дальнейшие жизненные перспективы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующему заключению. А. выявляет признаки негативных изменений в психической деятельности на психическом уровне – в виде формирования негативного (ущербного) образа Я, низкой самооценки относительно наиболее значимых для данного возраста качеств, преобладание чувства вины в отношении с окружающими, а также хронической психической напряженности уровня дистресса, о чем свидетельствуют повышенная утомляемость, застревание на эмоциональных переживаниях, преимущественно, негативных (тревога, мрачные предчувствия, бессилие), подверженность резким колебаниям настроения, истощенность, хроническое переутомление, пассивное реагирование на трудности, неготовность к напряжению, низкий уровень стрессоустойчивости. На поведенческом уровне негативные изменения проявляются в виде: *проблем учебной деятельности* в связи с надомным характером обучения и ограниченными физическими и психологическими возможностями (физическая утомляемость и истощаемость психических процессов); *в сфере общения* – фрустрирована потребность в общении со сверстниками, поскольку у него практически отсутствуют друзья, он выключен из общения со сверстниками (что негативно сказывается на процессе социализации, учитывая возраст А. и ведущий вид деятельности, характерный для данного возраста); *в семье* – формирование чувства вины в отношениях с родителями; фрустрированность потребности в общении с отцом (ввиду его занятости вследствие того, что он является единственным кормильцем в семье); *в сфере самоопределения (жизненных перспектив)* – в виде планирования будущего с позиции своих ограниченных физических возможностей и уровня получаемого на дому образования, а не с характерной для этого возраста ориентацией на интересы, привлекательность тех или иных видов деятельности, исходя из их социального престижа и т.д. Указанные признаки свидетельствуют о значительных глубине и объеме негативных изменений психической деятельности А. в связи с имеющимся у него заболеванием и ходом его лечения. Относительно длительности негативных изменений в психической деятельности А. следует отметить, что психологическое обследование выявило указанные изменения спустя более чем два года с момента возникновения болезни. При этом необходимо учитывать тот факт, что А. вынужден адаптироваться к своему состоянию и сложившейся ситуации, тем не менее глубина и объем негативных изменений в психической деятельности значительны. Это характеризует негативные изменения с динамической точки как длительные. Обратимость указанных изменений на данный момент неочевидна. Она будет зависеть от дальнейшего хода лечения А., возможностей его адаптации к сложившейся ситуации и развития у него стратегий совладания, обеспечивающих формирование активной позиции в преодолении негативных последствий болезни, что потребует специальных реабилитационных (в том числе психокоррекционных, ресоциализирующих) мероприятий.

А. выявляет индивидуально-психологические особенности, которые, с одной стороны, могли усугубить глубину и длительность негативных изменений психической дея-

тельности (в том числе эмоциональных переживаний) в связи с болезнью, а с другой стороны, могли являться следствием, результатом негативного влияния болезни на психику. К ним относятся высокий уровень тревожности, фиксация на проблемах и трудностях, отрицательных эмоциональных переживаниях, связанных с ними, дефицит стеничности, внешненаправленной активности, спонтанности, упорства и наступательности в отстаивании своей позиции, замкнутость, эмоциональная нестабильность, неуверенность в себе, мотивация избегания неудачи, низкая самооценка.

IV. «ТЕХНОЛОГИЯ» ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

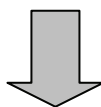
В первой части мы рассмотрели процессуальные и методические основы проведения судебно-психологической экспертизы сквозь призму процессуальных требований к составлению заключения эксперта. Однако, как мы понимаем, составление заключения – завершающий этап производства экспертизы. Проанализируем, какие этапы включает в себя производство экспертизы, иными словами, рассмотрим «технология» проведения судебно-психологической экспертизы (для удобства представлены в виде блоков).

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП

А. Определение экспертных задач

*(например, для экспертизы юридически значимых
эмоциональных состояний):*

1. Диагностика юридически значимого эмоционального состояния подэкспертного (аффект, иные состояния, способные существенно повлиять на способность к осознанно-волевой регуляции)
2. Исследование индивидуально-психологических особенностей подэкспертного (когнитивная сфера, типологические особенности, свойства личности, система ценностей и отношений)
3. Психологический анализ исследуемой ситуации с точки зрения ее аффектогенности.
4. Установление влияния эмоционального состояния и индивидуально-психологических особенностей на способность и возможность подэкспертного осуществлять осознанно-волевою регуляцию своих действий и поведения в юридически значимой ситуации.

Б. Определение объектов исследования:**1. Материалы уголовного дела:**

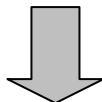
- информация о личности подэкспертного;
- информация о личности потерпевшего лица;
- информация о ситуации, предшествовавшей инкриминируемому деянию;
- информация о ситуации совершения инкриминируемого деяния.

2. Иная информация о личности подэкспертного (медицинская документация, продукты психической деятельности – письма, дневники, рисунки и др.), имеющая отношение к предмету экспертного исследования.

3. Подэкспертный как носитель индивидуальных психологических и личностных особенностей; особенности его психической деятельности, как в момент проведения экспертизы, так и в ситуации совершения инкриминируемого ему деяния.

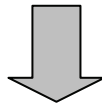
4. Материализованные источники информации об особенностях психических процессов, психическом состоянии, индивидуально-психологических и личностных особенностях, в виде протоколов (бланков) интервью (беседы), проведенных психодиагностических методов (патопсихологических, тестов, опросных, проективных, экспериментальных и др.).

5. Юридически значимая ситуация как фактор, обуславливавший специфику психического состояния и психической деятельности подэкспертного, с одной стороны, и как результат действий и поведения подэкспертного, с другой стороны (т.е. как динамичная система взаимодействия внешних условий и личности подэкспертного в определенных, имеющих значение для дела, временной период).

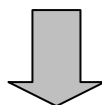

В. Разработка программы исследования:

1. Выбор методов, адекватных экспертным задачам.
2. Изучение необходимой научной и справочной литературы.
3. Планирование этапов исследования:
 - изучения представленных материалов;
 - проведения психологического обследования подэкспертного;
 - обработки и интерпретации результатов психодиагностического исследования;
 - составление и оформление заключения эксперта.

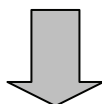
ИССЛЕДОВАНИЕ**I стадия:**

1. Изучение материалов уголовного (гражданского) дела, иных представленных на исследование объектов (документов) в соответствии с экспертными задачами.
2. Выделение информации, относящейся к предмету экспертизы, из материалов дела, иных представленных на исследование объектов (документов).
3. Определение вопросов, которые необходимо разрешить в ходе беседы (интервью) с подэкспертным.

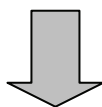

II стадия:**4. Проведение обследования подэкспертного:**

- установление психологического контакта;
- проведение беседы об истории жизни (анамнезе) подэкспертного;
- проведение беседы о юридически значимом событии, составляющем суть уголовного (гражданского) дела;
- проведение психодиагностического исследования (в соответствии с составленной программой).

III стадия:**5. Обработка и интерпретация полученных результатов:**

- анализ информации (из материалов дела и других представленных на исследование документов), относящейся к предмету экспертизы, в плане решения экспертных задач;
- обработка и интерпретация результатов психодиагностического исследования в отношении подэкспертного;
- анализ полученных результатов исследования;
- обобщение (синтез) результатов исследования сквозь призму поставленных на разрешение эксперту вопросов;
- формулирование выводов (ответов) на вопросы.

СОСТАВЛЕНИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Рассмотрим технологию проведения психологической экспертизы на конкретном примере.

Известно, что процессуальным основанием проведения судебной экспертизы является потребность следователя (иного лица, проводящего дознание либо следствие), а также суда (судьи) в специальных знаниях (в случае судебно-психологической экспертизы – в области психологии) и вынесение данным процессуальным лицом постановления (определения) о назначении судебной экспертизы.

В рассматриваемом нами случае следователем было вынесено постановление о назначении судебно-психологической экспертизы обвиняемого К.А. в убийстве своей сожительницы Т.М. Вместе с постановлением в распоряжение эксперта были предоставлены материалы уголовного дела, а также возможность психологического исследования обвиняемого К.А.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП.

В рамках подготовительного этапа эксперт ознакомился с **постановлением**, из которого следовало, что 2 октября, в вечернее время, К.А. в процессе выяснения отношений со своей бывшей сожительницей Т.М. и настаивая на ее возвращении к нему, обманным путем завел Т.М. на кухню, где кухонным ножом нанес ей несколько ранений грудной клетки, от которых потерпевшая скончалась на месте происшествия. В момент убийства в квартире находились родители Т.М. и ее родственница С-ко.

На разрешение экспертизы поставлены вопросы:

- 1. Учитывая обстоятельства дела, не находился ли К.А. в состоянии аффекта в момент совершения инкриминируемого ему деяния?*
- 2. Учитывая обстоятельства дела, не находился ли К.А. в эмоциональном состоянии в исследуемый период, которое могло существенно повлиять на его сознание и психическую деятельность?*

3. Какие индивидуально-психологические особенности К.А. могли повлиять на его поведение в исследуемой ситуации?

Из вышеперечисленных вопросов становится очевидным, что экспертиза относится к судебно-психологической экспертизе юридически значимых состояний, предметом которой является способность субъекта, с учетом его психического (эмоционального) состояния, к осознанно-волевой регуляции своих действий и поведения в юридически значимой ситуации.

Вопросы, сформулированные следователем, с одной стороны, определяют объекты исследования, а с другой – задают конкретные экспертные задачи, подлежащие разрешению в ходе исследования. Если мы обратимся к вопросам следователя, то увидим, что в них содержатся **следующие задачи**:

1. Диагностика эмоционального состояния подэкспертного К.А. (аффект либо иное состояние, способное существенно повлиять на его способность к осознанно-волевой регуляции) в момент совершения убийства Т.М.

2. Исследование индивидуально-психологических особенностей подэкспертного К.А.:

- особенностей когнитивной сферы;
- устойчивых типологических особенностей, свойств личности, а также системы ценностей и отношений.

3. Проведение анализ исследуемой ситуации с точки зрения ее аффертогенности для К.А.

4. Установление влияния выявленного эмоционального состояния и индивидуально-психологических особенностей К.А. на его способность к осознанно-волевой регуляции его действий и поведения и возможность реализации этой способности в юридически значимой ситуации.

Как следует из вопросов и представленных на исследование материалов, **объектами экспертизы** являются:

1. Материалы уголовного дела в 1 томе, на 363 листах. К предмету настоящей экспертизы будет относиться следующая информация:

- о личности подэкспертного К.А. - его история развития, характеризующий материал, получаемый из разных источников: от родителей, других близких ему людей – друзей, сослуживцев и др., других свидетелей по делу, а также – от него самого (зафиксированных в протоколах допросов); характеристик с места учебы, работы и т.д.;

- информация о личности потерпевшей Т.М. (получаемый из аналогичных источников, за исключением самоотчета (ввиду ее смерти);

- информация о ситуации, предшествовавшей убийству;

- информация об обстоятельствах совершения убийства;

- заключения судебных экспертиз, актов исследования специалистов и т.д.

2. К.А. как носитель индивидуальных психологических и личностных особенностей; особенности его психики (психической деятельности), как в ходе проведения экспертизы, так и в ситуации совершения инкриминируемого ему деяния.

3. Исследуемая ситуация как взаимодействие внешних условий, предшествовавших убийству Т.М. и непосредственно убийства, и подэкспертного К.А. в момент совершения инкриминируемого ему деяния.

4. Протоколы (бланки) беседы с К.А., наблюдения за его поведением и состоянием в процессе экспертизы, проведенных психодиагностических методов (патопсихологических, тестов, опросных, проективных, экспериментальных и др.).

Определение экспертных задач и объектов исследования позволили эксперту разработать следующую **программу исследования**.

1. Выбор методов исследования, адекватных экспертным задачам.

Для исследования когнитивной сферы, учитывая, что, согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, К.А. психическим расстройством не страдал, было решено использовать: метод 10 слов, метод пикто-

грамм, серии задач нарастающей сложности (культурно-свободный тест Кэттелла, CF-2A), ассоциативный тест, краткий ориентировочный тест (КОТ).

Для исследования устойчивых типологических особенностей и свойств личности были отобраны: опросники – Айзенка, Леонгарда-Шмишека, ММРІ, 16-PF Кэттелла, УСК; шкала самооценки Дембо-Рубинштейн (оценка «Я», «Идеального человека», «Т.М.»); шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина.

С целью изучения особенностей реагирования К.А. в конфликтных и затруднительных ситуациях были подготовлены фрустрационный тест Розенцвейга, опросники Басса-Дарки²⁸ и РТС (решения трудных ситуаций) Боухала.

Систему ценностей и отношений предполагалось изучить с помощью метода незаконченных предложений, цветового теста отношений (ЦТО).

Для ретроспективного анализа психического состояния К.А. были подобраны: самоотчет, шкала состояний Н.Курганского и кол., СУПОС-8, метод опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния (ОРДПС), МВЦ М.Люшера.

В качестве *факультативных методов* планировалось использование проективных методов «Нарисуй несуществующее животное», «Дом. Дерево. Человек».

2. Выбор специальной литературы, подлежащей изучению и использованию при проведении экспертизы:

- Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды – М., 2010;
- Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. – М., 1998;
- Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. – М., 2003;

²⁸ Экспертиза проводилась до разработки и апробации русского варианта шкалы Басса-Перри.

- Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. – М., 2000;
- Ситковская О.Д. Аффект. Криминально-психологическое исследование.- М. 2001 г.;
- Судебно-психологические экспертные диагностики аффекта у обвиняемого.- М. 2004;
- Шипшин С.С. Метод опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния (Методические рекомендации для психологов, экспертов, преподавателей, студентов) – М., 2009.

ИССЛЕДОВАНИЕ

І. Стадия. *Изучение и анализ материалов дела, выявление информации, относящейся к предмету экспертизы.* Планировалось провести в течение 3 рабочих дней.

Изучение материалов уголовного дела показало следующее.

Информация о личности потерпевшей. Т.М. познакомилась с К.А. в марте, а с 4 июня по 26 августа сожительствовала с ним. В период с 29 июня по 17 июля Т.М. находилась в больнице по поводу лечения гепатита. В конце августа Т.М., сняв со сберкнижки все свои сбережения (несколько тысяч рублей), уехала из города к родственникам в другую область, скрываясь от своего сожителя. Пока были деньги, жила у родственников. После того, как деньги закончились, посчитала себя не вправе обременять родственников и вернулась в город, к родителям. Встреч с К.А. она избегала. Родственникам и знакомым она говорила об издевательствах сожителя, что и заставило ее уехать от него.

Т.М. изложила причины прекращения своих отношений с К.А. в 2 заявлениях на имя начальника районного отдела внутренних дел. В них она указала, что К.А. издевался над ней, бил, связывал, заставлял ее пить алкогольные напитки в больших количествах, подводил к животу электрический

ток, пытаясь предотвратить, таким образом, беременность, запрещал Т.М. общаться с родителями, подругами, а также настоял на том, чтобы она оставила работу. При этом К.А. угрожал убийством Т.М., ее родителей и сестры.

По мнению людей, знавших Т.М., как по совместной работе, так и по неформальному общению, она была «скромной, тихой, очень наивной, спокойной, доброжелательной и очень порядочной девушкой. Всегда говорила правду, даже в ущерб своим интересам» (протоколы допросов свидетелей Арт., О., Д.; л.д.).

И-ч сообщила, что Т.М. росла и развивалась нормально. Из-за своей скромности не могла устроить свою судьбу. Серьезно с мужчинами не встречалась (протокол допроса, л.д.).

С-ко характеризует Т.М. как очень доброго, порядочного, честного, легкоранимого человека. В августе (когда жила с К.А.) во время встречи с ней Т.М. была угнетенной, испытывала страх перед сожителем (протокол допроса, л.д.).

Подруга Т.М., Ан., считает, что Т.М. была честной, скромной, очень тихой и мечтательной, трудно сходилась с людьми. Очень хотела создать семью. До К.А. ни с кем не встречалась. Он ей очень нравился, но в то же время отмечала у него некоторые странности: ему доставляло удовольствие причинять боль другому; он мог, по его словам, надеть на голову матери сковороду с макаронами из-за того, что они были недостаточно подогреты. После того, как Т.М. стала жить с К.А., она изменилась: односложно говорила по телефону, просила больше ей не звонить. При встрече была изможденной, испуганной, рассказывала, что К.А. пытал ее, связывал и заливал ей в рот спиртное, «в постели просто издевался над ней», говорил Т.М., что он связан с мафией и если она уйдет от него, то «не жить ни ей, ни ее родителям» (л.д.).

Со слов Д-на, Т.М. говорила ему, что К.А. указывал ей, с кем общаться. Когда свидетель был в отпуске, он узнал, что Т.М. искала его, чтобы взять диктофон (л.д.).

По месту работы Т.М. также характеризуется как обязательная, искренняя, тактичная, отзывчивая и доброжелательная (л.д.).

К.А. категорически отрицает факты издевательства над Т.М., так и свою причастность к ее убийству, утверждая, что удары ножом наносил ее отец. Кроме этого, он отрицательно характеризует свою сожительницу, говоря, что ей часто звонили мужчины, не являвшиеся коллегами по работе, а также сообщая, что Т.М., якобы, сама говорила ему, что у нее «не очень хорошее прошлое». Досаждали также ее родители. Сама Т.М. была «не очень хозяйственной». За несколько дней до исчезновения «поведение Т.М. было странным – то возбужденная, то заторможенная» (л.д.).

Согласно акту комплексного исследования специалистов (почерковеда и психолога), почерки, которыми исполнены тексты исследуемых заявлений, характеризуются высокой степенью выработанности, простым строением, правым наклоном. Размер и разгон почерков – неравномерные (от малого до среднего), связность – большая. Форма линии строк – выпукло-дуговая, направление – опускающееся. Расстояния между строками и словами неравномерные (соответственно, от 3 до 9 мм и от 2 до 12 мм), имеют место исправления, зачеркивания, дорисовки. Особенно это заметно в заявлении от 1 октября (21 исправление). Отдельные буквы и элементы выполнены повторяющимися движениями. В текстах наблюдаются немотивированные остановки (замедление темпа, неадекватные размещения точек), характерные для моментов сбоя согласованности мыслительного и письменного процессов, которые могут быть обусловлены необычным психофизиологическим состоянием писавшего (в частности, сильным душевным волнением). Такие признаки чаще проявляются в тех фрагментах текстов, где их эмоциональная окраска наиболее интенсивна (описание конкретных ситуаций, действий, чувств). Таким образом, описанный комплекс признаков свидетельствует о влиянии на процесс письма в момент выполнения текстов «сбивающих факторов», каким могло быть необычное состояние писавшего (сильное душевное волнение). Ведущими чертами характера Т.М. являлись эмотивность,

альтруизм, исполнительность, развитое чувство долга, крайне высокий уровень эмоциональной чувствительности к внешним воздействиям, пассивность в конфликтных и экстремальных ситуациях. Также ей были свойственны тревожность, дружелюбие, самокритичность, пассивность в конфликте. При этом отмечались энергичность, стремление к деятельности, широкий круг интересов (в том числе эстетических).

Информация об обстоятельствах убийства. Рассказывая об обстоятельствах убийства, К.А. пояснил, что отец Т.М. схватил нож. Я отклонился, и он ударил Т.М. в грудь. Я очень испугался и спрятался за Т.М.». Все помнит смутно, т.к. был «сильно напуган, ситуация дикая» (л.д.).

С-ко, находившаяся в квартире Т.М. и ее родителей, сообщила, что К.А. «был нервный, все время вскакивал, вел себя неуважительно. Перед убийством Т.М. он был как бы весь в себе, т.е. увлечен каким-то своим замыслом, а после убийства – в состоянии агрессивности» (л.д.).

Б-в, приехавший в городскую больницу, куда прибыл после убийства К.А., показал, что К.А. был очень возбужден, весь в крови... Попросил врача не звонить в милицию, т.к. та, якобы, в курсе... Об убийстве Т.М. он ничего не говорил (л.д.).

М.А., врач травмпункта, оказывавшая помощь К.А., отметила, что он «был возбужден, испуган, в стрессовом состоянии» (л.д.).

Г.М., также прибывшая в больницу после поступления туда К.А., показала, что о нанесенных Т.М. ранениях К.А. не говорил, жаловался, что ему больно, и он плохо себя чувствует (л.д.).

Информация о личности К.А. Со слов матери, К.А. рос и развивался нормально. Учился «без троек». Его учебу контролировал отец. Психических отклонений у К.А. не замечалось. Он жил или старался жить самостоятельно. С матерью всегда был откровенен, делился всеми своими делами и переживаниями. После службы в армии стал вспыльчив, но отходчив. К.А. был недоволен тем, что Т.М. ему лгала, что у нее было много мужчин. Такого слу-

чая, чтобы сын одевал матери на голову сковороду, со слов матери К.А., не было (л.д.).

Н-на, преподаватель К.А., сообщила, что он «учился хорошо («3-4»), Физически был слаб, ему часто доставалось от более сильных. Однако он никогда не жаловался на обидчиков, стойко терпел неудачи, переживал их сам. Обидчикам противодействовал, не давая им списывать. Среди девочек класса успехом он не пользовался» (л.д.).

Люди, знавшие К.А., характеризуют его по-разному. Так, Белов Ю.Ю. отмечает, что К.А. не совсем контактен, трудно сходится с людьми. Всегда пытался избежать конфликтов (л.д.). По мнению Г.М., К.А. - «очень эгоистичный думает о себе, не очень контактен, любит преувеличения (л.д.). М-ский, что К.А. «придерживается довольно старомодных взглядов на отношения между мужчинами и женщинами. Он смел, хорошо физически развит, может постоять за себя» (л.д.). Л-на считает, что К.А. - «тихий, скромный, исполнительный, вежливый человек, теряющийся перед грубостью» (л.д.). На «спокойствие, начитанность и любовь в рассказе приукрасить» К.А. указывает И-на (л.д.). М-к характеризует К.А. как «трепача», «тщеславного, наглого, лживого и циничного». У свидетеля сложилось впечатление, что у К.А. «не все в порядке в сексуальной сфере – он часто употреблял какие-то выражения сомнительного свойства на эту тему» (л.д.). О-ва считает, что положительными чертами К.А. являются «заботливость, внимание, ум, склонность к романтизму», отрицательными – «эгоизм, обидчивость, легкая ранимость на чисто бытовой почве» (л.д.). По мнению Ан-ной, К.А. – «самолюбивый и жестокий человек» (л.д.). Ож. показала, что «за внешней, кажущейся интеллигентностью было видно, что К.А. – очень скользкий человек» (л.д.).

Э., первая жена К.А., отмечает, что среди положительных его качеств были внимательность, заботливость, отсутствие жадности. К отрицательным отнесла – трусость, леность, лживость («лгун невероятный»), склонность к альфонсизму. Однако «с ним было весело» (л.д.).

Характеристика из института, где учился К.А., положительна (л.д.).

По месту работы К.А. характеризовался как инициативный, хороший работник. Трудолюбив, настойчив, принципиален, честен, корректен, пунктуален. По характеру спокоен, уравновешен, обладает высоким интеллектом, требователен к себе (л.д.).

На учете у психиатра К.А. не состоит (л.д.).

II Стадия. Исследование психологических особенностей К.А. планировалось провести в течение 2 дней (ориентировочно до 4 часов в день).

В ходе работы планы были скорректированы – только беседа с К.А. заняла 6 часов (К.А. стремился взять инициативу в свои руки, очень странно рассуждал как по теме, предлагаемой экспертом, так и по «навязывавшимся» им самим темам). Выполнение опросных методов представляло собой монологи К.А. по существу практически каждого вопроса (если учесть, что только в ММРІ их 566...). В результате непосредственно работа с К.А. заняла 5 дней (каждый день - от 3 до 6 часов).

В процессе экспертного исследования К.А. контактен, подробно рассказывает о себе. Многословен, демонстративен, манерен. Держится настороженно, несколько высокомерно, театрально, отказывается отвечать на некоторые вопросы, демонстрируя наигранное возмущение. Не всегда соблюдает дистанцию, пытается оказывать давление на собеседника. Умело использует полученную информацию для улучшения своей позиции.

Краткое изложение беседы с К.А. О себе сообщил, что ему 26 лет. Является единственным ребенком в семье. Отец умер, когда испытуемый учился в институте. Со слов К.А., он был высококвалифицированным рабочим на крупном заводе. С увлечением говорит об отце: «тот самосовершенствовался, читал Рериха, Солженицына; был умнейшим человеком – комнатным философом». Испытуемый упоминает, что отец был также крупным цеховиком в городе, «но эта тема – табу». Мать работала в редакции газеты военной газеты, а в последнее время – секретарем в строительном управлении.

К.А. предъявляет жалобы на колющие боли в области сердца. Считает, что это «наследственное, как у отца». Когда обращался к «крутым врачам», те сказали, что у испытуемого «здоровое сердце, но чуткая психика». Травмы головы отрицает.

В школу пошел с 6 лет, окончил 10 классов. Учился «нормально» («4-5»). После школы поступил в институт сельхозмашиностроения, хотя собирался в мединститут (участвовал в биологической олимпиаде), но «передумал за две недели до поступления после посещения морга». Учился на факультете технологии машиностроения. С 4 курса «занимался коммерцией, на лекциях бывал редко, крутился вовсю». После института самостоятельно, по лекциям, изучил бухгалтерский учет, читал много книг («авторов забыл») по вопросам экономики, бизнеса. Открепился от распределения на работу на завод и начал работать в частной фирме. Был брокером на бирже, затем директором брокерской конторы, коммерческим директором. «Общался с очень солидными людьми». После первого ареста создал собственную фирму, стал ее директором.

В свободное время увлекался философской и психологической литературой, много читал классической литературы. Интересовался живописью. Нравилась стрельба из пневматического пистолета.

По характеру оценивает себя как «не эгоиста, но много требующего от окружающих», расточительного, дающего людям «больше, чем они заслуживают», «большого фантазера» (что помогает в работе). Очень чувствителен («чувствую на порядок выше окружающих»).

О потерпевшей Т.М. К.А. дает противоречивую информацию. С одной стороны, она была «утонченной, чутко реагиовавшей, нежной, умной, понимающей, способной на самопожертвование, гармонию, но закомплексованной». С другой, она была «холодна, разумно бесчувственна, даже жестокая, властолюбивая, когда имела превалирующее положение». Готовить не умела, стирать не любила, но ей нравилось убирать в квартире. В целом же она была «человеком слабым до безволия, моментами похожей на флюгер».

Когда впервые увидел ее, Т.М. сразу же ему понравилась; К.А. ей тоже. Ходили с ней в театр, рестораны. После 3,5-4 месяцев встреч решили жить вместе. Проблема оформления отношений перед ними, со слов испытуемого, не стояла. Родители Т.М. крайне негативно отреагировали на ее переезд к нему. Отношения между К.А. и Т.М. «развивались по нарастающей»: делились практически всем, не было никаких ссор. В июле она заболела «желтухой», попробовав, несмотря на его протесты, много ликеров. Врач сказала, что от алкоголя этого не произошло бы. «Просто у Т.М. уже был холецистит, вызванный, жареной пищей, либо алкоголем или наркотиками». Это, по словам К.А., «заставило его задуматься». То, что он, якобы, спаивал Т.М. – «гнусная ложь» ее родителей, на которых К.А. «смотрит как на препарированных лягушек», т.к. у них и у него «разный уровень интеллектуального развития». После возвращения Т.М. из больницы К.А. много делал по дому, а «она книжки читала». Т.М. хотела иметь от испытуемого ребенка. К.А. сообщает, что Т.М. рассказывала ему о своем прошлом, о мужчинах, которые были в ее жизни, о том, что «она спала с ними за деньги». При этом испытуемый говорит, что она была «из тех людей, к которым грязь не пристает». В то же время дополнительно сообщает, что видел у Т.М. много бумаг с работы, содержащих информацию коммерческого характера и могущих представлять «коммерческую тайну». Утверждает, что Т.М. занималась финансовыми махинациями, за что, «по-видимому, получала деньги», т.к. они у нее регулярно появлялись. Закрывал на это глаза. В конце августа уехал на работу, ключи были у нее. Вернувшись, не застал ее дома, дверь была заперта. Думал, «где она лазит?» Ждал у соседей. Затем испугался, начал ее искать, выломал двери, но Т.М. нигде не было. Сильно переживал, не спал «4-5 ночей», боялся, что ее убили, обращался к экстрасенсу. Родители Т.М. обвиняли его «во всех смертных грехах». После исчезновения Т.М. он обнаружил пропажу крупной суммы денег (около 170 тыс. рублей), «кое-каких ценностей (орденов), документов. Часть документов она уничтожила, в том числе и ряд досье на высокопоставленных чиновников и крупных бизнесменов города и области», ко-

торые К.А. собирал в последнее время и которые хранил дома в доступном месте, о чем знала Т.М. Также в ее бумагах обнаружил телеграмму из США с приглашением на свидание в Москву, несколько писем на эсперанто. Заявил об исчезновении Т.М. в милицию, а также сообщил о пропаже денег. Когда Т.М. нашли, со слов дознавателя знал, что она была «как зомбированная». Т.М. отказалась возвращаться к К.А. Он был «разбит морально и физически», т.к. «подлость и предательство хуже смерти». Отец Т.М. в милиции передал ему ключи, а потом, в коридоре, сунул две бумаги компрометирующего характера на крупных деятелей, якобы взятые Т.М. (которые К.А. потом уничтожил, т.к. «это же бомба») и орден. В течение всего времени были «странные звонки, молчание в телефонной трубке». Был случай, когда родители Т.М. пригласили его к себе домой для решения вопроса о деньгах, а сами перед носом закрыли дверь, спровоцировав инцидент.

Информация о криминальном событии. Рассказывая о криминальном событии, К.А. нервничает, выявляет признаки вегетативного сдвига (покраснение шеи и груди, тремор рук). Сообщил, что в день убийства позвонила мать Т.М. и «подленьким голоском» попросила приехать. Не стал с ней разговаривать. Она вновь позвонила. Предложила поговорить о деньгах. Затем трубку взяла Т.М. и попросила приехать. Спрашивал ее, «как же она могла так поступить?» Затем согласился, проявил «козлячье благородство», приехал один. Считает это «грубейшим промахом». Вопрос о том, делился ли испытуемый со своими друзьями тем, что Т.М. похитила деньги и ценности, вызвал у испытуемого растерянность: он сказал, что не помнит, хотя «наверняка говорил знакомым, но кому, точно сказать не может, наверное, даже хозяйке квартиры, очевидно, конечно же». Приехав к дому бывшей сожительницы, не захотел заходить в квартиру, т.к. «боялся». Отец Т.М. не выпускал ее из комнаты. Обстановка была «угнетающей» - «эта атмосфера, обороты, плебейство». Т.М. плакала, говорила, что деньги она потратила, что «она ничтожество, не стоит его любви», умоляла простить и разрешить ей вернуться, обнимала испытуемого, садилась к нему на колени. «Родители и тетка меша-

ли говорить, постоянно вставали в разговор». Т.М. просила их не мешать, выйти. Затем она ушла на кухню и «затащила туда» К.А.. Там говорила, что отец заставил ее написать заявление, бил ее. Т.М. просила, чтобы К.А. забрал из милиции свое заявление. Сам же испытуемый не просил, чтобы она забрала свое заявление. Во время пребывания на кухне Т.М. дала К.А. воды и «тоненькую скибку арбуза, именно такую, какую он любит». К.А. придерживал Т.М. за талию. Когда зашел ее отец, К.А. сказал, чтобы он «вышел вон», что он - «сволочь и подонок» и что «посадит его в тюрьму и Т.М. даст показания». Отец Т.М. оттолкнул его, К.А. – бывшую сожительницу. Тогда отец Т.М. «с безумными глазами» схватил нож и кинулся на испытуемого. Тот «испугался, оцепенел, почувствовал слабость в коленях». В это время Т.М. «кинулась» к отцу, и тот ударил ее ножом. Это вызвало у испытуемого «шок, еще большую слабость», «буквально выключился, обалдел». Отец продолжал бить Т.М. ножом (К.А. демонстрирует, как это было). Испытуемый пытался схватить нападавшего через Т.М., но почувствовал, что тот сильнее и «это - все». Затем отец Т.М. ударил К.А. в лицо ножом, наносил удары ножом, целясь в горло, в грудь. Мать Т.М. «притерла» К.А. к стене, а отец «вторым ножом вновь пытался ударить» его. Далее была «потасовка в зале». Увидев «расчетливо-прицельный взгляд отца Т.М.», К.А. побежал на кухню, т.к. ранее видел там сковороду, надеясь защищаться ею («от него мокрого места не осталось бы»). Услышав сзади «топот», понял, что не успевает, а поэтому «не думая, что это - второй этаж, прыгнул с разбега, выбив стекла». Отец Т.М. пытался схватить его за ногу, но ему это не удалось. Перевернувшись в воздухе (нога зацепилась за виноград), К.А. приземлился на ноги и «из последних сил побежал». На улице остановил машину, на которой приехал к товарищу. Плохо себя чувствовал из-за потери крови, была тошнота, терял сознание, смутно помнит все, что с ним происходило. К.А. настаивает на своей версии происшедшего. По его оценке, с момента выхода на кухню и до гибели Т.М. прошло «около одной минуты».

Виновным себя не считает, заявляет, что в суде докажет свою невиновность. Вместе с тем, интересуется судебной практикой по данной категории дел, возможным наказанием. Говорит, что если будет осужден, долго сидеть не будет, отомстит виновным и будет прав.

III Стадия. *Обработка и интерпретация результатов исследования* – 3 рабочих дня.

В процессе экспериментально - психологического исследования были использованы следующие методы: 10 слов, пиктограмм, CF-2А Кэттелла, Краткий Ориентировочный Тест, опросники ЕРІ, ММРІ, Леонгарда-Шмишека, УСК, Басса-Дарки, РТС Боухала, фрустрационный тест Розенцвейга, шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, шкала самооценки Дембо-Рубинштейн, Люшер-тест, Цветовой тест отношений, проективный метод «несуществующее животное», метод ретроспективной диагностики психического состояния. *16-PF Кэттелла К.А. отказался выполнять, сославшись на усталость и на то, что «ему все уже надоело».*

Результаты исследования когнитивной сферы. Установлено, что память у К.А. развита достаточно. Динамика запоминания словесного материала – 6-9-10; отсроченное воспроизведение – 7 слов. Опосредованное запоминание (с помощью пиктограмм, отсроченно) – соответственно верхним значениям нормативного диапазона. Пиктограммы адекватные, атрибутивные (встречаются графические и символические), преимущественно формальные. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне интеллектуального развития испытуемого. Пространственно-графический анализ пиктограмм свидетельствует о некоторой неуверенности испытуемого, стремлении сознательно контролировать свои эмоции и действия, некоторой инертности, недостатке спонтанности в деятельности.

Решение серий графических задач нарастающей сложности, а также вербальных задач (КОТ) – соответственно среднему уровню интеллектуаль-

ного развития (IQ=103, Кэттелл). На это также указывает качество речевых реакций при выполнении ассоциативного теста.

Индивидуально-типологические и личностные особенности. Результаты опросника ЕРІ свидетельствуют о скрытности К.А., его злопамятности, мелочности, педантичности. В отношении окружающих он жестко требователен, честолюбив, целеустремлен, но несколько инертен. По данным ММРІ, испытуемый чувствителен, склонен к волнениям, сентиментален и общителен. Вместе с тем отмечаются признаки «нарциссического типа личности»: самовлюбленность, холодный индивидуализм, завышенная самооценка, бесцеремонность, снисходительное отношение к своим недостаткам и промахам, склонность к демагогии, избыточная общительность, порой назойливость. К.А. обидчив, вспыльчив, раздражителен; выявляет недостаточно высокий уровень сформированности морально-нравственных установок, завышенный уровень притязаний. В стрессовых ситуациях может проявлять избыточную, не всегда целенаправленную активность, тягу к доминированию. При дезадаптации отмечается усиление гиперстенических характеристик, что может обусловить асоциальные черты поведения.

Результаты опросника Леонгарда-Шмишека указывают на наличие таких особенностей, как демонстративность, контраст самооценки с оценкой его окружающими, активность, богатство фантазии, снисходительность к своим промахам, высокий уровень эмоциональной чувствительности, инициативность, склонность к риску, некоторая легкомысленность, переоценка собственной значимости и недооценка окружения, ситуации и т.п. При этом, испытуемый педантичен, несколько инертен.

К.А. склонен переоценивать степень своего влияния на события, происходящие с ним (как в области достижений и неудач, так и сфере производственных и семейных отношений). Это может обуславливать недостаток спонтанности, попытки сверхконтроля над своими действиями, снижение гибкости поведения (УСК).

По данным шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн, К.А. высоко оценивает себя по таким качествам, как добродушие, властность, смелость, уверенность в себе, самостоятельность, независимость, решительность, хладнокровие, уравновешенность, бескорыстие, честность, деликатность и незлопаметность. Эти же качества он выделяет и у «идеального человека». При этом, такие особенности, как деликатность, добродушие, уравновешенность и доверчивость, по мнению испытуемого, у него выражены предельно приближенно у «идеальному уровню». Вместе с тем следует отметить, что на уровне глубинных эмоциональных отношений (по ЦТО), К.А. воспринимает себя как эгоистичного (0.33), подчиняемого (0.31), лишённого доверчивости (-0.38), мягкосердечности (-0.36), энергичности (-0.60) и силы характера (-0.40).

Результаты проективного метода «несуществующее животное» свидетельствуют о неуверенности К.А., его демонстративности, эгоистичности, скрытности, стремлении подчеркнуть свою мужественность, выраженной потребности в одобрении со стороны окружающих.

Особенности реагирования в конфликтных и затруднительных ситуациях. К.А. выявляет тенденции к фиксации на проблемах и неприятностях, а также ориентации на собственные силы в их решении. Уровень социальной адаптации – в пределах нормативного диапазона (53.6, Розенцвейг). Выраженные агрессивные тенденции К.А. не свойственны (Басс-Дарки). Трудные ситуации стремится разрешать, резко увеличивая свои усилия. Чувствителен к широкому спектру неприятностей, в частности, к неудачам в работе, оскорблениям и унижениям, неприятностям с близкими людьми, препятствиям на пути к цели, обману (Боухал).

Система отношений. Анализ результатов метода «незаконченных предложений» показал, что испытуемый выявляет неудовлетворенность своим отцом. Отмечается потребность в опеке со стороны матери, а также чувство вины перед ней. Самооценка К.А. завышена, он стремится к влиянию на людей и на события, претендует на лидерство, хотя испытывает опасения

оказаться несостоятельным. Проявляется поверхностность в контактах, расплывчатость представлений о своих потенциальных возможностях (пи высоких привязанностях). В отношении к женщинам испытуемый выявляет неуверенность, скрываемую за демонстративными попытками поставить их «ниже себя», показать свое пренебрежение. Это проявляется также и в отношении к сексу. Испытуемый неудовлетворен сложившейся ситуацией, питает слабые надежды на изменение своего положения. В отношении своего прошлого К.А. проявляет защитную реакцию в виде полного закрытия, демонстративного отрицания каких-либо конфликтов и комплексов. Это относится и к сфере страхов и опасений, а также чувству вины.

Испытуемый стремится представить Т.М. (по Дембо-Рубинштейн) как эгоистичную, обидчивую, неоткровенную, беспокойную, неуравновешенную, вспыльчивую. Ей также, по мнению К.А., присущи расчетливость, хладнокровие, недоверчивость, корыстность. Т.М., при этом, несамостоятельна и несмела. Вместе с тем, на уровне глубинных эмоциональных отношений Т.М. ассоциируется у К.А. с интеллигентностью (0.79), красотой (0.76), честностью (0.71), талантом (0.60), интеллектом (0.57), но не с эгоистичностью (-0.57) (ЦТО).

По данным ЦТО, К.А. выявляет положительно эмоционально окрашенные отношения к Т.М. (0.67), своей матери (0.40). С положительными эмоциями у него связаны период обучения в институте (0.36), период жизни с Т.М. (0.98), занятия бизнесом (0.36). Понятия «отчий дом», «деньги» также вызывают у испытуемого положительные эмоции (0.69 и 0.31 . соответственно). Отрицательные эмоции связаны со школой (-0.48), отцом Т.М. (-0.55), своим нынешним положением (-0.33).

«Идеальному» человеку (по ЦТО), в понимании К.А., присущи интеллект (0.98), интеллигентность (0.93), мягкосердечность (0.76), красота (0.74), честность (0.57), сильный характер (0.33). Своего отца испытуемый воспринимает как подчиняемого (0.43) человека, не обладающего сильным характером (-0.33). Мать К.А. оценивается как красивая (0.83), интеллигентная

(0.45) с развитым интеллектом (0.38). Крайне негативно оценивается отец Т.М. (эгоистичен, лжив, жесток, властен).

Ретроспективный анализ психического состояния К.А. в исследуемой ситуации (по его версии) (в динамике, на 14 этапах ее развития, по 39 параметрам, проективно, с помощью метода опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния (ОРДПС) и МВЦ М.Люшер) показал следующее.

NB! Предваряя описание результатов экспериментального исследования ретроспективного состояния К.А., необходимо остановиться на нескольких важных моментах. Как следует из материалов дела, результатов беседы с К.А., существовало две версии развития событий. Первая – версия следствия, основанная на показаниях свидетелей, согласно которой К.А. в очередной раз пришел в дом Т.М., настойчиво требовал впустить его, долго звонил, затем стучал в дверь, кричал, а потому, чтобы избежать публичного скандала, был впущен в квартиру. Там он пытался наедине переговорить с Т.М., чему она сопротивлялась. На попытки родителей убедить К.А. в неправильности его поведения, их просьбы оставить дочь, К.А. не реагировал. В какой-то момент (когда ему было предложено покинуть квартиру, а С-ко пошла собираться, что отвлекло внимание родителей) ему удалось завести Т.М. на кухню, где он начал требовать, чтобы она забрала заявления из милиции, вернулась к нему, угрожая убить или ее, или себя. Отец Т.М., забежав на кухню, бросился к К.А., оттолкнул К.А. от его дочери. В этот момент К.А. схватил с кухонного стола нож и из-под руки отца, ударил Т.М. в грудь, причинив ей смертельное ранение. Вторая версия, самого К.А., изложена им в беседе, описанной в исследовании. В таком случае, когда подэкспертный настаивает на собственной версии, категорически отрицая возможность иного варианта развития событий, притом, что две версии полностью противоречат друг другу, при экспериментальном ретроспективном исследовании необходимо изучать изменение состояния испытуемого, согласно тем обстоятельствам, на которых он настаивает. В противном случае работа будет терять смысл: мы

не может дать задание испытуемому описать свое состояние, например, в момент, когда он ножом нанес удар потерпевшей, потому, что он утверждает, что удар нанес другой человек. При этом, как показывает практика, результаты ОРДПС позволяют во многих случаях выявить несоответствие между декларируемыми подэкспертными особенностями состояния на ключевых стадиях развития криминальной ситуации и следами его эмоциональной памяти.

Непосредственно результаты ретроспективного исследования состояния К.А. показали следующее.

В период совместной жизни с Т.М. цветоассоциативный образ психического состояния К.А. не выявлял значимых корреляций с отрицательными переживаниями. Эмоциональный фон настроения положителен, хотя отмечались переживания неопределенности (0.43) и неуверенности (0.33). Испытуемый стремился добиться влияния и особого признания. Контролировал и корректировал свое поведение в соответствии с реакцией окружающих. Был активен, деятелен, однако чувствовал, что результаты уступают затраченным усилиям. Нуждался в поддержке. Пытаясь застраховать себя от разочарований и неудач, предъявлял высокие требования к партнеру. Чувствовал эмоциональную неудовлетворенность из-за недостатка признания. Стремился утвердиться, следуя только своим собственным убеждениям.

После ухода Т.М. цветоассоциативный образ психического состояния К.А. коррелировал с чувством стыда (0.86), волнением (0.81), неуверенностью (0.74), переживанием неопределенности (0.86), возмущением (0.43). Проявлял бурную негативную реакцию в связи со сложившимися обстоятельствами, оскорблявшими, по его мнению, его достоинство. В тот период был возбужден, чувствовал неспособность влиять на ход событий. Негодовал, переживал обиду. Стремился обрести покой, ощущал бессилие продолжать активную деятельность.

Когда непосредственно в день убийства испытуемый пришел в квартиру Т.М. (в исследуемой ситуации), у него отмечались волнение (0.81), страх

(0.50), неопределенность (0.43). Стремился влиять на ситуацию, действовал настороженно, корректируя свое поведение с реакцией окружающих. Был перевозбужден, чувствовал недостаток признания. Испытывал сомнения, одновременно желая сохранить разочаровавшую его эмоциональную связь и освободиться от нее.

Во время разговора с Т.М. в квартире цветоассоциативный образ психического состояния К.А. обнаруживал значимую корреляцию с раздражением (0.77), недовольством (0.77), обидой (0.77), презрением (0.75), ощущением опасности (0.75), чувством вины (0.65), возбуждением (0.63) и унижением (0.63). Упрямо настаивал на своем, сказывая резкое сопротивление любым ограничениям. Испытывал тревогу, возбуждение, бессилие повлиять на ход событий, что вызывало растерянность. Ощущал враждебность окружения. Неспособность укрепить свою волю заставляла во всем винить окружающих и идти на крайности.

На кухне, где Т.М., по словам К.А., дала ему воды, угостила арбузом, у испытуемого отмечались активность (0.74), ощущение успеха (0.74), положительный эмоциональный настрой (0.81), и в то же время чувство неопределенности (0.43). Отмечалось стремление К.А. доминировать, контролировать ситуацию. Эмоциональная неудовлетворенность породил нетерпеливое желание независимости, беспокойство и тревогу. Активно сопротивлялся любым попыткам оказать на него давление.

Когда, по словам К.А., его оттолкнул отец Т.М., цветоассоциативный образ психического состояния испытуемого обнаруживал тесную связь с чувством вины (0.69), страхом (0.57), решительностью (0.45), готовностью действовать (0.36). Перевозбуждение, неумение найти необходимое решение обуславливали его готовность идти на крайности.

Когда отец Т.М., со слов К.А., ударил ножом дочь, у испытуемого отмечались растерянность (0.69), слабость (0.48), недовольство (0.40), обида (0.40), унижение (0.38). Ситуацию расценивал как неприятную. Не желал менять свои убеждения, выявлял готовность идти на крайности.

На этапе, когда отец Т.М. якобы продолжал наносить удары Т.М. (по версии К.А.), цветоассоциативный образ психического состояния последнего коррелировал с противоречивым комплексом переживаний: с унижением (1.00), презрением (0.90), раздражением (0.88), ощущением опасности (0.74), обидой (0.71), недовольством (0.71), подавленностью (0.71), бдительностью (0.98), готовностью действовать (0.40), мобилизацией (0.52), при отсутствии возмущения (0.05).

Когда отец Т.М. ударил К.А. ножом, у последнего отмечались страх (0.67), чувство вины (0.52), отвращение (0.45), ненависть (0.43), напряженность (0.45), возмущение (0.69), ощущение неудачи (0.50), мрачные предчувствия (0.45). Ситуацию воспринимал как безнадежную, враждебную; оказывал резкое сопротивление всему неприятному, стремясь освободиться от источника тревоги.

В период, когда К.А. «метался» по квартире в поисках выхода, цветоассоциативный образ его психического состояния коррелировал с неуверенностью (0.88), мобилизацией (0.62), неопределенностью (0.64), чувством стыда (0.48), волнением (0.45). Ощущал бессилие перед угрозой, проявлял нетерпеливость, раздражительность, неспособность принять адекватное решение. Был перенапряжен.

Когда К.А. разбил окно, у него отмечались переживания успеха (0.86), стыда (0.62), волнение (0.60), неуверенность (0.60), потребность в устранении препятствия (0.57), мобилизация (0.55). Если возбужден, чувствовал себя жертвой, активен в стремлении сохранить свои позиции, независимость.

Когда убегал, цветоассоциативный образ психического состояния К.А. коррелировал с неопределенностью (1.00), волнением (0.83), неуверенностью (0.760), мобилизацией (0.55). Испытывал потребность уйти от конфликта, обрести безопасную обстановку.

В больнице у него отмечались переживания неопределенности (0.57), успеха (0.50), стыда (0.45), волнение (0.43), чувство вины (0.38). Стремился влиять на ситуацию, контролировать ее, избегать напряжения. Тревогу и бес-

покойство маскировал напускным спокойствием и безразличием. Пытался утвердить свою позицию.

После задержания сотрудниками милиции цветоассоциативный образ психического состояния К.А. коррелировал с переживанием неопределенности (0.93), волнением (0.67), мобилизацией (0.52). Отмечалась потребность контролировать ситуацию. Был напряжен, тревожен, пытался уменьшить их влияние. Стремился утвердить свои позиции, производить благоприятное впечатление, отрицал наличие проблем, обвинял окружающих в возникновении сложившейся ситуации.

Анализ полученных результатов и их синтез сквозь призму поставленных вопросов.

Анализ ситуации, предшествовавшей криминальной, свидетельствует, что:

- после непродолжительного периода совместной жизни Т.М. ушла от К.А.;
- вплоть до случившегося Т.М. избегала встреч с К.А., скрываясь у родственников и друзей;
- в начале октября Т.М. написала 2 заявления в милицию, в которых обвиняла К.А. в издевательствах над ней, просила оградить от его преследований;
- были неоднократные случаи, когда К.А. приходил к родителям Т.М., стучал в дверь, громко выражал недовольство тем, что ему не открывали (потерпевшие и К.А. по-разному объясняют и описывают эти факты);
- К.А. заявил, что Т.М. совершила у него кражу крупной суммы денег, ценностей и документов.

Таким образом, данная ситуация являлась для К.А. лично значимой, наносившей удар по его самолюбию, престижу, образу «Я», а после подачи Т.М. заявлений в милицию с обвинением в издевательствах и просьбой оградить ее от преследований К.А. – угрожавшей его безопасности, даль-

нейшим жизненным перспективам. Это обуславливало высокий уровень психической напряженности у К.А. Невозможность встречи с Т.М. углубляло указанное состояние, усиливало ощущение безвыходности и, с учетом его индивидуально-психологических особенностей, существенно повышало его активность в направлении достижения своих целей.

Анализ криминальной ситуации (по версии К.А.) показал, что:

- по просьбе родителей Т.М. испытуемый один приехал к ним домой для решения вопроса о заявлениях в милицию;
- в квартире между К.А. и Т.М. состоялся разговор, в ходе которого она признала свою вину в краже денег и упросила испытуемого принять ее обратно;
- родители Т.М. и ее родственница С-ко постоянно мешали К.А. и Т.М. разговаривать;
- Т.М. увела К.А. на кухню, где угостила арбузом, объясняла свое поведение и просила прощения;
- между К.А. и отцом Т.М. возник конфликт (в ходе которого К.А. заявил, что «посадит» его), переросший в рукоприкладство;
- отец Т.М. схватил нож и попытался ударить им К.А., но Т.М. встала между ними и ее отец стал бить ножом дочь;
- попытки К.А. оттолкнуть Т.М. были безуспешными;
- испытуемый метался по квартире, стремясь избежать получения ударов;
- К.А. разбил окно и выпрыгнул со второго этажа.

Таким образом, криминальная ситуация являлась остроконфликтной, динамичной, имела тенденцию к стремительному обострению на последних этапах ее развития. Ее следует рассматривать как психотравмирующую для К.А., представлявшую угрозу его самолюбию, здоровью, возможно, жизни, что придавало ей аффектогенный характер.

Анализ криминальной ситуации (по версии следствия) свидетельствует, что:

- К.А. приехал к Т.М. и ее родителям для решения вопросов о заявлении в милицию;
- он пытался убедить Т.М. вернуться к нему и забрать заявления из милиции, оказывая на нее психическое давление;
- вел себя довольно жестко, неуважительно по отношению к присутствовавшим в квартире;
- ему не удалось убедить Т.М. в том, о чем он просил, и ее родители попросили его уйти, проводив при этом и С-ко;
- в то время, пока С-ко собиралась, К.А. затащил на кухню Т.М.;
- продолжал настаивать на своем (спрашивал: «Да?»), после чего раздался крик Т.М. и ее отец, вбежав в кухню, увидел окровавленную дочь;
- после этого К.А. метался по квартире, а Т.М. ножом наносил ему удары;
- К.А., выбив стекла, выпрыгнул в окно со второго этажа.

Таим образом, по данной версии, криминальная ситуация также являлась остроконфликтной, динамичной и стремительно обострявшейся. Действия Т.М. (отказ забрать заявления и вернуться к К.А.), ее родителей (предложивших покинуть их дом) делали ситуацию в восприятии К.А. безвыходной, блокировавшей дальнейшие жизненные перспективы и наносившей удар по самолюбию испытуемого.

Следует отметить, что независимо от версии развития криминальных событий, исследуемая ситуация носила признаки безвыходной (для К.А.). При этом по версии испытуемого, источником фрустрации (безвыходности) являлся отец Т.М. и его действия (удары ножом, наносившиеся как дочери, так и самому К.А.). По версии следствия, фрустратором явился отказ Т.М. забрать заявление, что препятствовало реализации ведущих потребностей, основных мотивов деятельности К.А.

Анализ эмоционального состояния:

Несмотря на наличие двух противоположных версий в изложении криминальных событий (следствия и К.А.), анализ эмоционального состояния

испытуемого позволяет прийти к следующему заключению. Ни в том, ни в другом случае, у К.А. не выявляется признаков, характерных для физиологического аффекта. Так, отсутствуют:

- внезапность возникновения эмоционального состояния;
- «взрывной» характер состояния, выраженная трехфазность в динамике состояния (не выявляются фазы «эмоционального взрыва» и истощения в посткриминальный период);
- характерные для аффекта изменения в психической деятельности (сужение сознания, фрагментарность восприятия, признаки частичной амнезии, нарушение опосредованности психической деятельности).

Наличие безвыходной (в восприятии К.А.) ситуации позволяет квалифицировать его состояние как фрустрацию. Подобное состояние вызывает ощущение безвыходности, выраженное переживание отрицательных эмоций, значительное повышение уровня активации, появление труднопреодолимой потребности в устранении препятствия, усиление агрессивных тенденций, нарастание импульсивности в действиях, снижение волевого контроля над ними. Указанные признаки отмечаются у К.А. в исследуемый период. Следует отметить, что выявлявшиеся у К.А. особенности психической деятельности не оказали существенного влияния на его способность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими в период совершения инкриминируемого ему деяния.

На поведение К.А. в исследуемой ситуации могли повлиять такие индивидуально-психологические особенности, как повышенный уровень эмоциональной чувствительности к широкому спектру житейских проблем и трудностей, завышенная самооценка, обидчивость, раздражительность, некоторая инертность в принятии решений, переоценка своих возможностей, гиперактивность с тенденцией к доминированию в стрессовых ситуациях. Указанные особенности в состоянии фрустрации могли обусловить избыточную активность К.А., направленную на достижение своих целей, нетерпимость к проявлениям иного мнения, внешне направленную агрессию.

Формулирование выводов.

1. В момент совершения инкриминируемого ему деяния К.А. в состоянии аффекта не находился.

2. К.А. в исследуемый период находился в состоянии фрустрации, которое не оказало существенного влияния на его способность к осознанно-волевой регуляции своего поведения (способность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими).

3. На поведение К.А. в исследуемой ситуации могли повлиять свойственные ему повышенный уровень эмоциональной чувствительности к широкому спектру житейских проблем и трудностей, завышенная самооценка, обидчивость, раздражительность, некоторая инертность в принятии решений, переоценка своих возможностей, тенденция к гиперактивности и доминированию в стрессовых ситуациях. Указанные особенности могли обусловить восприятие ситуации в качестве безвыходной, избыточную активность К.А., направленную на достижение своих целей, нетерпимость к проявлениям иного мнения, внешне направленную агрессию.

СОСТАВЛЕНИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Этап составления заключения. Этот этап, как и было изначально запланировано, составил 5 рабочих дней. *Этап оформления заключения (печата-ние, подготовка всех документов к отправке) – 2 рабочих дня.*

Таким образом, затраты «чистого» времени на проведение данной экспертизы составили 126 часов. При этом, учитывая, например, факт работы с испытуемым в течение 5 дней, время на удовлетворение ходатайств эксперта о предоставлении дополнительных материалов о личности обвиняемого и потерпевшей, об организации работы с подэкспертным и т.д., срок производства экспертизы составил более одного месяца (43 календарных дня).

Заключение

Завершив работу над дополненным и переработанным вариантом практикума, мы убедились, что невозможно вместить в небольшую книгу все возможные варианты решения экспертных задач, которые могут встречаться в практике производства психологических экспертиз. Потому что судебно-психологическая экспертиза – постоянно развивающийся организм, обогащающийся новыми теоретическими и методическими подходами, новыми методами исследования, разработанными как в других направлениях психологии, но имеющих прикладное значение в судебной экспертизе, так и непосредственно созданными для производства психологической экспертизы. Следственная и судебная практика, обновляющееся законодательство задает новые рамки деятельности экспертов, что, в свою очередь, ставит перед экспертами новые задачи, способствует развитию новых направлений судебно-психологической экспертизы. В данном издании мы постарались учесть это и ставили главной целью – ознакомить начинающих экспертов с теоретическими и методическими вопросами проведения судебных экспертиз, с технологией (или, иными словами, методикой) проведения психологической экспертизы, логикой исследования и формирования выводов в ответ на поставленные вопросы. Надеемся, что практикум оказался полезен и для опытных экспертов, поскольку отражает наше видение вопроса организации и производства экспертиз, подходы к решению сложных экспертных задач, что способствует обмену опытом.

Список использованной литературы

1. Васильева Н.В., Горьковая И.А. Судебная экспертиза и ее клинико-психологические основания: Практическое руководство. СПб, 1997. — 170 с.
2. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза: методическое руководство. – Изд-е 2-е испр. и доп. – Калуга–Обнинск–Москва: Калужская областная прокуратура —1997. — 190 с.
3. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Психодиагностические методы исследования в судебно-психологической экспертизе: Учебно-методическое пособие для экспертов, учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2009. — 355 с.
4. Енгальчев В.Ф., Кисляков В.П., Юнда А.В.. Основы судебно-психологической экспертизы. / Учебно-методическое пособие для студентов факультетов психологии. – Волгоград. — 2006. — 270 с.
5. Енгальчев В.Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза // Прикладная юридическая психология: Учебное пособие для вузов. (Монография) – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2001. – 639 с. 52/1,8 п.л.
6. Енгальчев В.Ф., Чижова Д.С. Психодиагностический инструментальный судебного психолога-эксперта: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Кн. 1. Изучение психических свойств и состояний личности. – М.: РУСАКИ. — 2003. — 152 с.
7. Енгальчев В.Ф., Чижова Д.С. Психодиагностический инструментальный судебного психолога-эксперта: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Кн. 2. Изучение сенсомоторной, познавательной сфер и внимания личности. – М.: РУСАКИ. — 2003. — 216 с.
8. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. - М.: Генезис, 2010 – 352 с.
9. Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибичова И.А., Терехина С.А., Ошевский Д.С., Сыровквашина К.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних: Методические рекомендации. -.: ФГУ «ГНЦССП им.В.П.Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. – 28 с.

10. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие. – М.: Генезис, 2004.
11. Романов В.В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном и гражданском процессах. – М.: МПСИ. — 48 с.
12. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарики-Смысл. — 1998. — 192 с.
13. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С. Методологические основы производства заочных и посмертных судебных психологических экспертиз в гражданском процессе. – М.: ГНЦССП им. В.П.Сербского, 2011; РФЦСЭ при Минюсте России, 2011 – 61 с.
14. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., О.А.Русаковская Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. – М.: Генезис, 2011 – 192 с.
15. Сафуанов Ф.С. Актуальные теоретические и методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. / журнал «Психология и право», №2, 2011. – www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196
16. Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого. Пособие сотрудников Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского: Ф.С. Сафуанова, Е.Г. Дозорцевой, Т.П. Печерниковой, С.Н. Шишкова, Е.И. Сулимовской / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушкина. – М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского. — 2004 — 43 с.
17. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. Справочное пособие. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ». — 2000. – 160с.
18. Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А. Экспертная оценка делкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. – М.: ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2005 – 30 с.
19. Шипшин С.С. Метод опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния человека. – М.: РФЦСЭ при Минюста России, 2009 – 21с.

20. Шипшин С.С. Ретроспективная диагностика психического состояния в судебно-психологической экспертизе / Методическое пособие — Ростов — на — Дону, 2000. — 51 с.

21. Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза в ювенальной юстиции // Пособие специалиста по ювенальной юстиции. — М., 2009 — с. 171 - 288

22. Шипшин С.С., Бердников Д.В., Калинина А.Н. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда: Методические рекомендации. — РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. — 89 с.

23. Шипшин С.С., Шипшина О.С. Технология сбора информации о несовершеннолетнем преступнике. Структурированная оценка рисков и потребностей несовершеннолетнего, оказавшегося в конфликте с законом // Технология сбора и анализа юридически значимой информации о несовершеннолетнем подсудимом и судебной защите прав несовершеннолетних в соответствие с ч.4 ст.29 и ст.421 УПК РФ. Методические рекомендации. Под научной ред. В.Н. Ткачева.

24. Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе. Судебно-психологическая экспертиза по делам о компенсации морального вреда. Часть 1. — Саратов. — 2000. — 80 с.

25. Экспертная оценка сделкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. . Пособие сотрудников Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского: Ф.С. Сафуанова, Е.Г. Дозорцевой, Т.П. Печерниковой, С.Н. Шишкова, Е.И. Сулимовской / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Е.В. Макушина ГНЦСиСП им. В.П. Сербского. — 2004 — 43 с.

Сведения об авторах

Енгальчев Вали Фатехович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, директор Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики КГУ им. К.Э. Циолковского (НИЦСЭиК). Экспертный стаж – 34 года. Автор более 180 научных публикаций по юридической психологии, педагогической психологии, судебно-психологической экспертизе, психолингвистике и др.

Шипшин Сергей Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника ФБУ Южный региональный центр судебной экспертизы Минюста России, заведующий отделом судебно-психологической экспертизы. Экспертный стаж – 32 года. Автор более 100 научных публикаций по теоретическим и практическим вопросам судебно-психологической экспертизы. Разработал и внедрил в практику ряд экспертных методик: ретроспективной диагностики психического состояния, производства судебных экспертиз по делам о возмещении морального вреда (в соавт.); адаптировал и переработал метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений несовершеннолетними (в соавт.) и др. Первым внедрил в практику производство судебно-психологических экспертиз в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России.

В.Ф. Енгалычев, С.С. Шипшин

ПРАКТИКУМ
ПО СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Учебно-методическое пособие для экспертов,
учебное пособие для студентов факультетов психологии
высших учебных заведений

Подписано в печать 05.10.2013.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 18. Тираж 200 экз. Зак № 429

Отпечатано «Наша Полиграфия»,
г.Калуга, Грабцевское шоссе, 126.
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99
т. (4842) 77-00-75